

СЕРГЕЙ ЖАРОВ

Дмитрий
Кузнецов
Андрей
Дьяконов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Созданный в 1920 году Донской казачий хор под управлением С. А. Жарова был уникальным явлением русской культуры. Его популярность в межвоенной и послевоенной Европе была огромной, поистине оглушительный успех сопровождал гастроли прославленного коллектива в США и Японии. Количество пластинок с записями хора перевалило за 12 миллионов экземпляров. И при всем этом история, репертуар и даже название самого коллектива, созданного и долгие десятилетия выступавшего только за границами России, до недавнего времени были практически неизвестны в нашей стране. Книга А. Дьяконова и Д. Кузнецова закрывает этот досадный пробел, рассказывая историю создателя, регента и руководителя самого известного в мире русского хора.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал mefysto

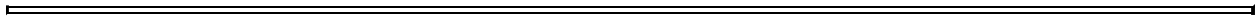
-
- [Дмитрий Кузнецов](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Детство](#)
 - [Московское синодальное училище](#)
 - [Александр Кастаньский](#)
 - [Годы учения](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Регент-пулемётчик](#)
 - [Полуостров Крым](#)
 - [На пути в Константинополь](#)
 - [Донские казаки](#)

- [Чилингир — лагерь смерти](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Остров Лемнос](#)
 - [Болгария](#)
 - [София — Белград](#)
 - [Вена](#)
 - [Первые шаги](#)
 - [Великая княгиня Елизавета Фёдоровна](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Земля Джузеппе Гарибальди](#)
 - [Германия в 1924 году](#)
 - [Встречи с Рахманиновым](#)
 - [Снова Австрия](#)
 - [Продолжение гастролей](#)
 - [Лондон](#)
 - [Первые пластинки](#)
 - [Турне по Австралии и Новой Зеландии](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Царь русского баса](#)
 - [Административный аппарат хора](#)
 - [Прага](#)
 - [В бывшей Российской империи](#)
 - [Царские особы](#)
 - [1000-й концерт хора](#)
 - [Детище Сталина](#)
 - [У короля Сербии](#)
- [Глава 6](#)
 -
 - [Первая поездка в Америку](#)
 - [Берлин](#)
 - [День ветеранов и День благодарения](#)
 - [Знакомство с Тито Скипа](#)
 - [Северная Африка](#)
- [Глава 7](#)
 -
 - [США и Мексика](#)

- [Хор собирает стадионы](#)
- [Скандал](#)
- [Автокатастрофа](#)
- [Глава 8](#)
 -
 - [Когда говорили пушки...](#)
 - [После войны](#)
 - [Донцы-певцы](#)
 - [Япония](#)
 - [Токио — Фукуока](#)
 - [Снова Австралия и Новая Зеландия](#)
- [Глава 9](#)
 -
 - [«...откуда Дон течёт»](#)
 - [«Подмосковные вечера»](#)
 - [Торжественный приём в Чикаго](#)
 - [Жарик](#)
 - [Николай Кострюков и его хор](#)
- [Глава 10](#)
 -
 - [Генерал Фёдор Абрамов](#)
 - [Гений хорового пения Александр Гречанинов](#)
 - [Композитор Константин Шведов](#)
 - [Сол Юрок](#)
 - [Скорь без нытья](#)
 - [Иван Гарднер](#)
- [Глава 11](#)
 -
 - [Георгий Маргитич](#)
 - [Михаил Минский](#)
 - [Николай Гедда](#)
 - [Иван Хлибка](#)
 - [Судьба архива](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
-
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2057

(1857)

Дмитрий Кузнецов
Андрей Дьяконов

СЕРГЕЙ ЖАРОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Кузнецов Д. И., Дьяконов А. Г., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня трудно представить, какой огромной популярностью в довоенной и послевоенной Европе пользовался Донской казачий хор под управлением Сергея Жарова, какой поистине оглушительный успех сопровождал гастроль прославленного коллектива в США и Японии. История, репертуар и, увы, даже название самого известного русского хора, созданного и долгие десятилетия выступавшего только за границами России, до недавнего времени были практически неизвестны соотечественникам.

Между тем хор, основанный в декабре 1920 года в лагере для интернированных белогвардейцев в турецкой деревушке Чилинбир, недалеко от Константинополя, в своё время, по словам одного из современников, «сводил с ума весь мир»... Однако советская цензура — главный страж тоталитарного государства — на много десятилетий запретила упоминать выдающийся музыкальный коллектив в любом контексте, как положительном, так и отрицательном. В Советском Союзе жаровцев-белогвардейцев не должно было существовать! Что же стало причиной искусственно организованного забвения?

Пик популярности за границей Донского казачьего хора пришёлся на 20—30-е годы прошлого века. Это был период ожесточённой борьбы советской власти с церковью, с традиционной хоровой культурой, значительную часть которой составляла духовная музыка. Бывших певцов церковных хоров, как и священнослужителей, отправляли в лагеря, вернуться откуда суждено было немногим...

Репертуар хора Сергея Жарова включал большое число церковных песнопений: они, как правило, исполнялись в первом отделении концертов. Тем самым Жаров подчёркивал духовную суть национальной песенной традиции. В его обширном архиве сохранилась одна карикатура. На ней изображён И. В. Сталин, заткнувший уши, чтобы не слышать пение казаков. Хотя в действительности всё было совсем не так! Сам обладавший в юности красивым голосом и выделявшийся среди семинаристов в церковном хоре отменным пением псалмов, Сталин любил хоровое пение, прекрасно разбирался в церковной музыке и даже имел в своей коллекции несколько пластинок жаровцев. Но Донской хор состоял из казаков, а их советская власть ненавидела. Не случайно Лев Троцкий однажды пронизательно заметил: «В России есть только один народ, способный к

самоорганизации, — это казаки». Атакой самоорганизации власти предрержащие побаивались, поэтому делали всё возможное, чтобы ослабить духовное и национальное единство казачества.

Только во второй половине 1990-х годов началось постепенное возвращение хора Сергея Жарова в Россию. Большую роль в этом сыграл протоиерей Андрей Дьяконов, настоятель храма Благовещения Божией Матери на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, собравший за долгие годы уникальную коллекцию грампластинок с записями хора, концертных афиш, фотографий и документов из личного архива Жарова.

Однажды он обратился ко мне с просьбой — принять в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого легендарного солиста Донского казачьего хора Ивана Ассур, впервые приехавшего в Санкт-Петербург и выразившего желание посетить наш университет. Дело в том, что до революции здесь преподавал его дядя — профессор Леонид Владимирович Ассур, знаменитый русский и советский механик и машиновед. Его труды по кинематике и динамике механизмов заложили основы советской школы теории механизмов и машин.

После этой встречи я понял, что о Донском казачьем хоре должны знать не только любители хорового пения. Почему в нашей стране, да и за рубежом, до сих пор не издано ни одной книги об этом ансамбле — я объяснить не смог. Поэтому познакомил протоиерея Андрея Дьяконова со своим другом, профессором, доктором философских наук, писателем Дмитрием Кузнецовым. Так возник творческий союз, благодаря которому и появилась эта книга, вернувшая в Россию Сергея Алексеевича Жарова.

Рождение хора совпало с русским лихолетьем начала XX века — революцией и Гражданской войной. В одной своей книге известный русский публицист и политический деятель, депутат II, III и IV Государственных дум, лично принявший отречение из рук Николая II, идеолог и организатор Белого движения, сторонник единой, великой и неделимой России В. В. Шульгин писал: «Мы, участники войны мировой и войны гражданской, прекрасно знаем: мировая война велась в грандиозных масштабах, но ее ужасы суть *Kinderspiel*^[1] в сравнении с прелестями войны гражданской. Жестокость и мерзость последней вне всякого сравнения: она сразу отодвинула нас на несколько веков назад».

Регресс затронул и духовную православную музыку. Начиная с 1917 года в России подвергалось жесточайшим гонениям всё, что принадлежало её тысячелетней православной истории и культуре. Однако несколько белоэмигрантских хоров, и в первую очередь Донской казачий хор, сохранили и приумножили православные русские певческие традиции. Хор

Жарова всегда строго соблюдал православный канон и никогда не пользовался никакими музыкальными инструментами в своём вокальном творчестве, осуществляя теснейшую связь слова и звука, плавность, «поступенность» мелодического движения и строчное строение целого — подчинение музыкальной композиции смысловой структуре текста, в оригинале, как правило, стихотворного.

Русская хоровая духовная музыка достигла наивысшего расцвета как раз в преддверии революции, а затем в России резко пошла на спад, но, благодаря нескольким регентам, и прежде всего Николаю Сергеевичу Голованову (1891–1953), замечательному хормейстеру и дирижеру, всё-таки не перестала существовать. В Западной Европе и в США, наоборот, она если и не расцветала, то всё же развивалась и не умирала, неся людям подлинное наслаждение и знакомя весь мир с русской православной музыкальной традицией. Донской казачий хор существовал под управлением Сергея Жарова без малого 60 лет — с 1920 по 1979 год. В общей сложности коллектив дал более 10 тысяч концертов во многих странах мира и записал около 250 пластинок, выпущенных общим тиражом 12 миллионов экземпляров.

В старой, довоенной Европе не было практически ни одного Королевского двора, где бы не выступил хор. Пели перед английским королём Георгом V, румынской королевой Марией, сербским королём Александром и многими другими.

Музыка Жарова всегда была лаконична и убедительна. Его песнопения — это музыкальные картины о Боге, рассуждения о любимой Родине, жизни и мире. Можно сказать, что благодаря творчеству Жарова Россия выстрадала новую художественную идею. Поэтому он по праву вошёл в историю русского песенного искусства, а в Америке его имя навечно вписано в Русско-американскую палату славы. Во время гастролей хора в Лондоне английские газеты писали: «Если вы хотите услышать, как нужно петь «Боже, спаси королеву», — обязательно сходите на концерт хора Сергея Жарова».

Донской казачий хор Сергея Жарова — неотъемлемая часть русского культурного наследия, наполненная собственным, неповторимым глубоким смыслом. Вокальное мастерство исполнителей заставляет душу звучать по-новому, а грядущее озаряется невиданной радостью и верой в величие России. Думаю, что эту книгу должен прочесть каждый истинный гражданин нашей страны.

Андрей Иванович Рудской,

*академик РАН, ректор Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого*

Глава 1

В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В пятницу 20 марта 1896 года популярная газета «Новое время» опубликовала объявление о том, что через месяц в Санкт-Петербурге, на Невском проспекте, в доме 46, начнет работу синематограф братьев Люмьер с движущимися фотографиями. Это означало рождение в России новой эпохи — эпохи кинематографа.

В тот же день в маленьком провинциальном городке Макарьеве на реке Унже, в семье купца Алексея Жарова, родился первенец, названный в честь преподобного Сергия Радонежского.

Старинный русский город Макарьев первоначально был слободой при знаменитом Макариево-Унженском монастыре, основанном в начале XV века нижегородским монахом Макарием. Со временем скромная обитель превратилась в крупный монастырь — часто его называли «Лаврой преподобного Макария».

Еще в XVIII веке, в память о чудесном явлении в Тихвине преподобного Макария, в городке на Унже была построена деревянная Тихвинская церковь, к сожалению, сгоревшая в 1758 году. Город стали отстраивать по новому плану, утверждённому в 1802 году императором Александром I. Однако храм на центральной площади решили поставить только в конце XIX века. Величественный каменный Тихвинский собор был заложен в середине 1890-х годов. Это случилось как раз в год рождения Сергея Жарова.

В XIX веке Макарьев также славился торговыми ярмарками, которые проводились зимой (Крещенская), весной (Благовещенская) и летом (Ильинская).

К моменту появления на свет Сергея Жарова в Макарьеве насчитывалось 150 магазинов и торговых лавок, в том числе 66 каменных. Несколько десятков из них торговали хлебом и бакалейными товарами. Десять лавок — рыбой и мясом, семнадцать — мануфактурой и галантереей. Было три магазина скобяных товаров, два — обувных. Естественно, работали «казёнки» — казенные винные лавки. Семья Жаровых тоже занималась торговлей. Их лавка находилась неподалёку от деревянного гостиного двора, в простонародье прозванного «Обжоркой». Здесь продавали всякую снедь. Как правило, хлеб и пироги пекли из

ржаной муки, а по праздникам, особенно большим церковным, из пшеничной. Начинки были самые разные: лук, капуста, ягоды, грибы, яблоки и, конечно же, рыба. Позднее Жаров вспоминал, что более вкусных рыбных пирогов он не пробовал никогда в жизни. Каши варили из разных круп — всеми любимой была гороховая. Овсяный кисель поливали солодом. Печеный лук и пареная репа считались самыми вкусными во всей Центральной России. А жирный, густой студень был просто объедение! Обычно его подавали с горчицей или хреном.

Неудивительно, что гостиный двор прозвали «Обжоркой». Маленький Сережа обожал заглядывать сюда не только в праздники. Зимой здесь можно было купить мочёную бруснику, осенью — свежие или сушёные грибы, летом — всевозможные ягоды. В берестяных туесах они долго не портились даже в самую сильную жару. (Как известно, береста обладает мощными бактерицидными свойствами, и это препятствует размножению, например, молочнокислых бактерий, поэтому в бураках из бересты издавна хранили молоко.)

Почти все дети по дороге в школу проходили мимо «Обжорки». Не был исключением и Сережа. У лоточниц же существовало неписаное правило — обсчитать школяра хоть на копейчку. Если потерпевший обнаруживал обман, то знал: его ждёт вознаграждение от «обидчицы». Если же хитрая торговка дала сдачу намеренно верно, а школяр настаивал, что его обманули, она поднимала крик, и все торговые ряды слышали, что ее честное имя опорочено. Такой ежедневный экзамен «Обжорка» устраивала своим маленьким покупателям для того, чтобы они с детства запомнили: копейка рубль бережет. Этот урок Сережа Жаров усвоил на всю жизнь.

Вот что он рассказывал о своем детстве писателю Емельяну Клинскому в начале 1930 года: «Материнскую ласку помню смутно... Мать моя умерла рано... Отец, всегда занятой, уделял моему воспитанию мало внимания. Я был одинок...»

Действительно, воспитанием Сергея почти никто не занимался. Мальчик с раннего детства был предоставлен самому себе, и эта привычка к независимости сохранилась на всю жизнь. Любимым занятием Сергея было лазить по крышам. Однажды он даже забрался на крышу Благовещенской церкви Макариево-Унженского монастыря. Больше всего он любил пробираться на крышу соседского дома, где, закутавшись в теплое лоскутное одеяло, сшитое бабушкой, часами смотрел на звездное небо. Мечтал. Ему особенно нравилось созвездие Кассиопеи, но тогда он ещё не знал, как оно называется. Однажды влез на крышу низкого

соседского дома и под деревянным резным коньком увидел гнездо с только что вылупившимися птенцами. Так испугался их страшного вида, приняв за лягушат, что, сорвавшись, упал на землю и так больно ушиб ногу, что едва дошел до дому. Однако про своё падение никому не сказал. Поборол боль. Самолюбивым и гордым он остался на всю жизнь.

Однажды, когда ему было семь лет, его несправедливо, как он считал, наказала бабушка, и в холодный зимний вечер он, в одной рубашке, забрался на крышу. Решил умереть. Все родственники и соседи, как безумные, бегали по темной улице с фонарями, разыскивая Сережу, но нигде не могли найти. Услышав сверху, как бабушка жалобно причитает, мальчик не выдержал, расплакался и подал голос. Замерзшего, полуживого, его с большим трудом сняли с крыши и на руках отнесли домой.

Детство

Среди детей от второго брака отца Сергей был старшим. Первая жена Алексея Жарова умерла рано, оставив ему дочь Варвару, которая была старше Сергея на 14 лет. Потом у Сергея появились ещё четыре брата: Павел, Михаил, Василий, Геннадий — и сестра Мария. После смерти второй жены Алексей Жаров женился в третий раз. Дети навсегда запомнили красочную свадебную вереницу из десятка тарантасов... Однако привезенная в Макарьев из села Усть-Нейское мачеха не принесла счастья в новую семью. Отец, и до того любивший выпить, теперь стал пить ещё больше. С ранних лет Сергею пришлось заботиться о братьях и сестре. Помогала ему в этом сводная старшая сестра Варвара, вышедшая замуж за подрядчика по сплаву леса, макарьевского мещанина Ивана Егоровича Гречухина. Отчасти она заменила детям мать, подкармливая и обшивая всех.

Когда Алексей Жаров умер, дети остались совсем без призора, и Гречухин обратился к городскому голове Шаронову с просьбой не дать пропасть «детям купца 2-й гильдии» и определить их в какое-нибудь заведение за казённый счет. Сначала Сергея хотели отдать в коммерческое училище, но, так как мальчик обладал замечательными музыкальными способностями и удивительным голосом и уже несколько лет пел на клиросе в местном соборе, решено было отправить его в Москву, в Синодальное училище церковного пения. Позднее туда же будут определены и младшие братья Павел и Василий.

По другой версии, записанной со слов Жарова и опубликованной Емельяном Клинским в 1930 году, когда Сергею исполнилось 10 лет, в 1906 году, отец решил отдать его в коммерческое училище в Нижнем Новгороде и сделать из него торгового человека. Снарядили подводу с шерстью, чтобы продать ее на Нижегородской ярмарке, и по почтовому тракту двинулись в Нижний. Это было первое настоящее путешествие Сергея. До этого он никогда не покидал Макарьев. Прощаясь с домочадцами, в отличие от бабушки, он не плакал, а, наоборот, с большим любопытством и трепетом всматривался в своё будущее. Дорога и неизвестность манили его, хотя он не понимал, куда и зачем его везут. Последнее, что он увидел в родном городе, было кладбище с густо разбросанными среди сосен и берез белыми крестами — место последнего упокоения его матери. Потом, уже далеко от дома, на прощанье, их догнал знакомый колокольный звон Макариево-

Унженского монастыря. Вот и всё, что осталось в памяти от любимого города.

На следующий день за равниной, перехваченной сетью лесных холмов, остановились у Юрьевца, где отец встретил знакомых — изрядно выпивших костромских купцов. За рюмкой водки он изменил свои планы, решив отправиться с купцами в Москву. Так был сделан выбор: отдать Сергея не в торговое училище, а в Синодальное. К тому же принятое решение позволяло отцу оправдать поездку в Москву. Возможно, свою роль сыграло и то, что крёстный отец Сергея, регент церковного хора, давно советовал направить его по этому пути. Еще два года назад он разглядел в мальчике талант и упрашивал отца раздуть в нём искру Божью. В церковном хоре из двадцати певчих разного возраста Жаров выделялся абсолютным слухом и чистотой голоса. Регент часто одаривал его конфетами, а иногда и алтыном.

Продав в Нижнем шерсть, отец запил с костромскими купцами, оставив Сергея без надзора. Мальчик оказался предоставлен самому себе. Бродя по городу, он впервые в жизни увидел электрический трамвай, но не испугался. Сноровисто забрался по ступенькам на площадку и поехал. Сколько времени путешествовал — не помнил. Однако, вернувшись на нижегородскую пристань, где отец кутил со знакомыми купцами, получил несколько увесистых подзатыльников за долгое отсутствие. Но это не раздосадовало его. Слишком всё было захватывающе интересно!

В трехосном пассажирском вагоне класса «микст» сине-желтого цвета, следовавшем из Нижнего Новгорода в Москву, отец с купцами продолжал пить. В Москве остановились на Тверской улице, в гостинице «Бристоль». В ближайшем ресторане, после нескольких кружек пива, пьяная компания начала экзаменовывать Сергея, заспорив, примут его на учебу в Синодальное училище или нет. Потом костромичи вместе с отцом куда-то исчезли, оставив девятилетнего мальчика одного в номере и предупредив, что ночью они не вернутся.

— Если будет страшно — звони половому, — посоветовал один из купцов. — Он тебе чаю принесет.

Ночью действительно было страшно. Сережа несколько раз звонил половому, но, когда тот появлялся, всякий раз отказывался от чая.

Московское синодальное училище

Экзамены в Московском синодальном училище церковного пения, находившемся в управлении Святейшего Синода и расположенном на Большой Никитской, в доме 11, начинались утром. Отец, плохо знавший Москву, да к тому же с похмелья, потащил сына из гостиницы «Бристоль» в противоположную сторону. Потом еще несколько раз сбивался с дороги, но, слава Богу, пришли вовремя. Просторный зал, где проходили вступительные испытания, мог вместить без малого 800 человек. Жаров испуганно озирался. Чувствовалось, что в помещении прекрасная акустика: голос экзаменатора звучал непривычно громко.

— Читай «Отче наш»! — ласково обратился к мальчику протоиерей Кедров, принимавший в тот день экзамен.

— Не могу читать, — смущенно ответил Сергей. — Можно, я спою?

И, не дожидаясь ответа, запел. Больше его вопросами не мучили. Приняли безоговорочно, но, как оказалось, на свою голову. Учился он отвратительно. Способностей никаких не проявлял. И хотя был маленького роста и хлипким, слыл страшным драчуном и задирой. Был чрезвычайно обидчив и лез в драку при малейшем оскорблении или насмешке. В свободное время в гордом одиночестве лазил по московским крышам. Особенно любил крыши Синодального училища и Московской консерватории. Там, сидя на водосточной трубе, смотрел на звездное небо и мечтал о будущем, но, как оказалось, предугадать его не смог.

Московское синодальное училище представляло собой духовно-музыкальное учебное заведение, готовившее певчих для Синодального хора — одного из старейших русских профессиональных хоров духовно-религиозного песнопения. Хор был основан в 1710 году, а с 1767 года при нем стали обучаться малолетние певчие, принятые в состав хора. В 1830 году на Большой Никитской, в доме Колычевых (возведенном в стиле московского классицизма XVIII века), было открыто Синодальное училище.

В 1857 году было введено новое штатное расписание, согласно которому училище представляло собой низшее четырехклассное учебное заведение по типу духовных училищ епархиального ведомства с прибавлением к общеобразовательным предметам некоторых музыкально-певческих занятий. В 1886 году училище было отделено от Синодального хора и преобразовано в восьмиклассное среднее учебное заведение с тремя

отделениями: низшее — для обучения малолетних певчих, среднее (5-е и 6-е классы) — для подготовки регентских помощников и высшее (7-е и 8-е классы), готовившее регентов и учителей церковного пения.

В это же время при хоре и училище был учреждён Наблюдательный совет, в состав которого, кроме директора, инспектора, регента и его помощников, вошли известные русские музыканты: П. И. Чайковский, Д. В. Разумовский, Н. А. Губерт, а позднее В. И. Сафонов, А. С. Аренский, С. И. Танеев, С. Н. Василенко и др. По рекомендации Чайковского к преподаванию были привлечены В. С. Орлов и А. Д. Кастальский, сыгравший важнейшую роль в музыкальном образовании Сергея Жарова. Позднее круг музыкальных предметов, преподаваемых в Московском синодальном училище, был расширен, добавлен 9-й класс. Кроме элементарной теории музыки и пения, были введены гармония, игра на скрипке и фортепиано. Всем этим предметам обучался и Сергей Жаров.

Начало новому этапу в истории училища положил С. В. Смоленский (директор с 1889 по 1901 год). Он провел ряд мероприятий по углублению учебных программ, была значительно пополнена музыкальная библиотека, организован цикл исторических хоровых концертов и, самое главное, в училище стали преподавать народную музыку в различных её формах. В разное время в училище работали такие выдающиеся педагоги, как А. Н. Корещенко, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. С. Кленовский, С. Н. Кругликов (музыкальные формы, свободное сочинение), В. С. Калинин (гармония), В. М. Металлов, А. В. Преображенский (дидактика и методика церковного пения), Н. Н. Соколовский, Д. С. Крейн, К. С. Сараджев (скрипка) и др.

После Смоленского во главе училища стояли В. С. Орлов (1901–1907), С. Н. Кругликов (1907–1910), А. Д. Кастальский (1910–1918). В 1910 году были утверждены новые программы музыкальных предметов в объёме курса высшего музыкального учебного заведения. В Московском синодальном училище получили музыкальное образование такие талантливые дирижёры и композиторы, как Н. С. Голованов, Н. М. Данилин, П. А. Ипполитов, М. Г. Климов, А. В. Никольский, П. Г. Чесноков, К. Н. Шведов и многие другие.

Сергей Жаров вспоминал: «Однажды, когда мне было 16 лет, я был задет одним из профессоров. На это я, в припадке внезапной злобы, назвал его жабой. За этот поступок я был советом профессоров уволен из училища. Только благодаря заступничеству директора Синодального училища А. Д. Кастальского был потом вновь принят, но должен был пойти к профессору и просить извинения. Долго я боролся с собой, пока решился на это. Пошел к профессору на квартиру и встретил там его сестру.

Разговорился с ней. А когда профессор вошёл, тогда заговорило во мне мое «мужское» самолюбие, не позволило мне в присутствии женщины просить извинения.

— Что вас привело сюда, Жаров?

— Меня прислал к вам директор Кастальский.

— Зачем прислал вас ко мне директор?

— Не знаю.

Инцидент был, казалось, исчерпан, но до моего выпуска профессор гармонии со мной не разговаривал.

Родители мои умерли, не увидев меня регентом. Тогда началось для меня тяжелое время. Я поддерживал всю семью. Переписывал ноты. Дирижировал семинарским хором. Учил семинаристов. Потом даже в старших классах сделался регентом в церкви.

Никогда не любил учиться. Любил сам учить, руководить, воспитывать.

С синодальным хором, в котором я пел до 14-летнего возраста, я побывал в Вене, Дрездене и на Выставке искусства в Риме. Часто стоял на эстраде тех же концертных залов, в которых мне впоследствии суждено было управлять своим собственным хором.

Пребывание в Синодальном училище обязывало учеников младших классов петь в знаменитом синодальном хоре. Ярko стоит в моей памяти один из его концертов.

С. В. Рахманинов только что полностью написал свою Божественную литургию, что тогда взволновало весь музыкальный мир. Исполнение литургии синодальным хором произвело потрясающее впечатление не только на публику, но и на самого композитора.

Сергей Васильевич был предметом бесконечных оваций со стороны присутствующих. Растроганный композитор горячо поблагодарил хор, а меня, случайно подвернувшегося мальчика, потрепал по бритой голове. Это выражение ласки было довольно чувствительно. Рука великого пианиста была обратно пропорциональна моей маленькой голове, но все же приятное чувство от этой ласки осталось у меня до сегодняшнего дня.

Из-за маленького роста меня все звали только по имени. Фамилию свою я в первый раз услышал, когда в марте 1917 года окончил школу.

Выпуск... Экзамены я сдал каким-то чудом. Возможно, что и здесь сыграл свою роль мой детский вид.

Вспоминаю главный экзамен: первое публичное управление оркестром.

Стою за пюпитром перед оркестром. Дирижирую сюиту Аренского.

Увлекаюсь... Порывисто взмахиваю правой рукой и чувствую, что манжетка не прикреплена к рубашке, соскальзывает мне на руку. Задержать её не могу — держу в руках дирижерскую палочку. Ещё мгновение — и я вижу, как она, соскользнув по палочке, дугой летит в оркестр... Смущение среди музыкантов — моих коллег, среди учеников школы — заглушенный смех.

У меня темнеет в глазах, я хочу все бросить и выбежать из зала. Стараюсь найти потерянное место сюиты, нервно перелистываю партитуру. Не нахожу... И вот меня охватывает решимость отчаяния. Безграничным усилием беру себя в руки и дирижирую наизусть, в эту минуту поставив всё на карту. Моя воля побеждает. Оркестр — в моих руках, и я веду его с увлечением, для меня до этого дня незнакомым.

Рукоплесканья наполнили зал. Экзамен был сдан блестяще. Меня похвалили. Во мне открыли новый талант.

Этот момент никогда не изгладится из моей памяти. Он был для меня символическим. Моя жизнь и впоследствии изобиловала трагикомическими моментами, но я их научился побеждать. Самым страшным для меня было всегда — быть смешным».

Александр Кастальский

Из всех учителей Сергея Жарова особенно хочется выделить директора училища Александра Дмитриевича Кастальского (1856–1926). Сделать это необходимо, чтобы лучше понять масштабность и глубину музыкального образования в Московском синодальном училище.

Александр Дмитриевич учился в Московской консерватории у великих русских композиторов. В течение года теорию музыки изучал под руководством П. И. Чайковского. Затем учился у Н. А. Губерта и С. И. Танеева. Однако полный курс Кастальский не закончил: в мае 1881 года был призван в армию и служил артиллеристом.

О себе Кастальский писал: «Я родился в Москве 16 ноября 1856 года. Мой отец, известный в Москве протоиерей Дм. Ив. Кастальский, не замечая за мной особого влечения к музыке, поместил меня во 2-ю Московскую гимназию, где я и учился с грехом пополам. Но моя мать, бойко игравшая на фортепиано, а в юности певшая и регентствовавшая в институтском церковном хоре, вероятно, заметила во мне некоторое музыкальное дарование, так как пробовала учить меня на фортепиано и заставляла петь варламовские и гурилёвские романсы и песни. Один из моих многочисленных дядей, большой любитель народных песен, просвещал и меня по этой части. Если прибавить посещение служб с певчими (помню начало одного пасхального концерта, где басы начинали: «Днесь всяка тварь веселится и радуется...») да колокольный звон, то этим, кажется, и исчерпывались мои музыкальные впечатления и художественное образование в период 8-18 лет. Помню, я что-то пилил на двухрублевой скрипке, дудел в какие-то дудки; любил играть на гребенке, натягивая на нее бумажку (под руководством вышеупомянутого дяди), а также неизменно таперствовал по слуху на семейных вечеринках».

В 1875 году, во время одного из домашних концертов, на Кастальского обратил внимание преподаватель Московской консерватории П. Т. Конев и уговорил его поступать в высшее музыкальное учебное заведение, хотя Александр Дмитриевич собирался учиться в Петербургской сельскохозяйственной академии. Из воспоминаний Кастальского: «Мои дарования никем, кроме Конева, особенно замечены не были, да и сам я проходил курс не борзо, одолевая науку не без труда; не прочь был при случае и увильнуть от уроков (ходить в консерваторию приходилось пешком и далеко, иногда по два раза в день). Фортепианными

упражнениями надоедал домашним. Помню, в одно лето перенесли мою рояль в садовую беседку; погода стояла жаркая, и я упражнялся, наливая себе за ворот воды для прохлады. Теорию музыки я проходил в консерватории под руководством П. И. Чайковского (1 год), Н. А. Губерта и С. И. Танеева. В ученическом оркестре играл на литаврах, причем однажды, за невнимательный счет пауз, мне порядочно попало от горячего Н. Г. Рубинштейна. Мое музыкальное развитие заключалось, главным образом, в слушании симфонических концертов и репетиций к ним; помогал в оркестре, играя в группе ударных. Зарабатываемые уроками небольшие деньжонки я нередко тратил на покупку партитур исполняемых сочинений. Изучал «Руслана», симфонии Бородина, оркестровое «Садко» Римского-Корсакова, сборники песен Балакирева, Мельгунова. Думаю, что этим путем развил себя больше, чем консерваторскими задачами. К классикам особого тяготения не имел. <...> Вообще, в церковной музыке был полным профаном, хотя и чувствовал эффекты хоровой звучности. <...> Поступив в 1887 году в Синодальное училище преподавателем на фортепиано, я впервые познакомился с работой над специально церковным хором; им руководил знаменитый впоследствии В. С. Орлов, с которым мы были хорошо знакомы еще по консерваторской скамье и благодаря которому я и поступил в «Синодалку», как называли иногда училище. <...> Церковным композитором и даже «родоначальником» целого направления сделался я совершенно неожиданно как для себя, так и для других; так же случайно, как попал в консерваторию, готовясь к сельскому хозяйству. Рассматривая и выбирая как-то (1896 год) с В. С. Орловым различные пьесы для репертуара Синодального хора, я попробовал сличить мелодию одного «Достойно» сербского напева с подлинными мелодиями его в сербском обиходе и заметил, что автор, видимо, не умел справиться ни с одной из них. Василий Сергеевич предложил мне гармонизировать одну из этих мелодий».

Вскоре Кастальский гармонизировал и аранжировал несколько церковных песнопений, в том числе и «Милость мира». Но его произведения были настолько новаторскими, что во многих храмах их просто отказывались исполнять. К тому же в то время в моде была концепция, предложенная С. И. Танеевым: церковные мелодии следует не гармонизировать, а контрапунктировать по примеру западноевропейских мастеров XV–XVI веков. А композитор Кастальский в этом вопросе придерживался иного мнения. В 1898 году он создает музыкальную композицию «Сам Един еси Без-смертный», которая приводит в восторг тогда ещё молодого Сергея Рахманинова. После этого к Кастальскому

приходит настоящая слава.

Первые годы XX века Александр Дмитриевич посвятил работе над песнопениями Всенощного бдения. При этом он поставил перед собой трудную задачу — отрешиться от шаблона (сплошного четырехголосия). В каждом произведении, считал Кастальский, обязательно должна быть своя оригинальная музыкальная мысль, чтобы слушатель сразу мог узнать знакомую мелодию. Этому впоследствии он будет учить и Жарова, своего любимца, поняв, что мальчик (отчаянный шалопай и непоседа) обладает уникальным музыкальным чутьем.

У Жарова было много учителей, но именно Кастальский оставил самый глубокий след — он обучал основам и приемам хорового письма. Он же в своё время познакомил юношу с древнерусскими певческими рукописями, привезенными в Московское синодальное училище со всей России. Жаров видел, как Кастальский работал с ними и как рождалась современная интерпретация лежащих в их основе древних распевов. Пресса отмечала, что Кастальский нашел новый путь развития православной церковной музыки. О нем с восхищением писали такие влиятельные издания России, как «Русская музыкальная газета», «Музыкальный труженик», «Музыка и пение», «Баян», «Музыка и жизнь»...

«Идеолог нового русского стиля», знаменитый петербургский критик и создатель духовной музыки Николай Иванович Компанейский (1848–1910) отзывался об Александре Дмитриевиче как о композиторе, «разгадавшем русский церковный стиль, ту симфонию голосов, которая, быть может, смутно витала в воображении наших предков». Эту свою способность проникать в глубинную, потаенную суть произведений искусства, ощущать их историческую преемственность Кастальский впоследствии передаст Жарову.

По словам известного современного искусствоведа, знатока русской духовной музыки Светланы Георгиевны Зверевой, «родившееся из церковных недр, искусство Кастальского отличалось сугубо певческим, а не инструментальным характером звуковедения и сопряжения партий; развивалось по законам храма, а не сцены. От распевщиков древности он наследовал мелодику, тематику и дух их творчества, творческие принципы, основанные на нерасторжимости составных элементов храмового действия и определяющиеся задачами богослужения и церковным календарём».

Главная задача музыканта, считал Кастальский, привлечение слушателя к Богу. Любая музыка, по его мнению, ведет к Всевышнему, но церковная — это самый правильный и короткий путь. Александр

Дмитриевич придерживался достаточно смелой по тем временам концепции демократической, просвещенной церкви, согласно которой в основе церковно-певческого искусства лежит народная музыка, формирующая народное самосознание. И здесь он был не одинок. Некоторые преподаватели разделяли его убежденность в том, что необходимо внедрять народную музыку в профессиональную среду, добиваясь слияния светской и церковной традиций для образования особого орнамента «русского контрапункта». Именно духовная музыка составила большую и самую яркую часть его творческого наследия. Александр Дмитриевич выступал за «русские начала» в духовной музыке, ставя во главу угла критерий самобытности и художественности. Этому он учил и своих учеников — искать новые пути развития музыкального языка и создавать новые музыкальные формы. Не случайно великий Н. А. Римский-Корсаков написал о нем: «Пока жив Александр Дмитриевич, жива русская музыка: он владеет русским голосоведением и доведет свое умение до высшего мастерства».

Кастальский научил Жарова одному из главных предназначений регента — передавать религиозный подъем всем собравшимся в зале, а этого можно достичь, только когда музыка становится духовно-связующей. Именно он раскрыл ученику тайну, как при помощи простейших музыкальных средств согласовать настроение текста с его музыкальным сопровождением.

Годы учения

Несмотря на то что Жаров учился отвратительно, время, проведенное в Московском синодальном училище, стало для него самым счастливым. В первые годы его учебы управляющим Синодальным училищем и хором был статский советник Филипп Петрович Степанов, значительно расширивший программы музыкально-теоретических и регентских предметов.

В 1909 году по заказу Александра Ивановича Успенского, первого директора Московского археологического института, Кастальский осуществил реконструкцию старинного церковного чина «Пещное действо». Сюжет был взят из третьей главы Книги пророка Даниила. Именно там содержится «Песнь трех отроков», ставшая основой гимнографии чина. В XVII веке чин можно было увидеть только в крупных городах, где была архиерейская кафедра: в Москве, Новгороде, Владимире, Суздале, Холмогорах... Поскольку он мог быть представлен только в присутствии архиерея, то с годами это древнерусское богослужение было забыто.

И вот по просьбе Успенского Кастальский восстановил его. «Пещное действо» поставили в Большом зале Московского синодального училища. В нем приняли участие практически все певчие Синодального хора — от мала до велика. Не остался в стороне и Сергей Жаров. Произведение представляло собой вид средневековой литургической драмы, персонажами которой являлись три отрока, халдеи, протодьякон, хор. В том числе и хор мальчиков, где пел Сережа. Он стоял рядом со священниками, исполнявшими так называемые росные стихи. Маленький Сережа ещё не понимал всей глубины происходящего, но уже смутно улавливал некую сценическую новизну: впервые он видел, как статичная картина церковного песнопения принимает совершенно новую для него форму театрального действия.

В 1910 году состоялась поездка хора Московского синодального училища в Санкт-Петербург. Столица приняла москвичей довольно холодно. Причиной тому был извечный спор между московскими «синодалами» и церковно-музыкальными деятелями Петербурга по различным вопросам — от основополагающих принципов духовной музыки до композиторского и исполнительского мастерства. Например, характерной особенностью столичных хоров была более сдержанная

манера простого пения. Петербургская церковно-музыкальная школа тяготела к более светскому, европейскому стилю, московская же уходила корнями в русскую историю. К 1910 году противостояние между двумя «лагерями» достигло апогея.

В 1911 году Московское синодальное училище отметило своё 25-летие. К этому событию Кастальский написал кантату «Стих о церковном русском пении» для хора в сопровождении ученического оркестра. Уже при первом исполнении произведение имело шумный успех. По своему содержанию кантата уникальна — это единственное в русской музыке произведение, повествующее языком былинного сказа об истории церковного пения. Пятнадцатилетний Жаров был в числе исполнителей и, несмотря на свой возраст, продолжал петь дискантом. В это же время он совершил с хором первое путешествие по Европе: Австро-Венгрия, Италия, Германия... Концерты проходили в Риме, Флоренции, Вене и Дрездене.

Учился Сергей в Синодальном училище весьма посредственно. По музыкальным предметам имел «тройки». «Четверки» были редкостью. Интерес проявлял только к гражданской истории и имел по этому предмету «пятерку». В 7-м классе (1913/14 учебный год) получил три «двойки» — по чтению хоровой партитуры, контрапункту строгого стиля и формам музыкальных сочинений. Был оставлен на второй год и лишён казенного содержания. С этого времени он был вынужден платить за своё обучение 60 рублей в год. Деньги зарабатывал переписыванием нот и старался как можно чаще петь в разных церковных хорах.

Глава 2

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ

В двадцатилетнем возрасте Жаров окончил Московское синодальное училище и получил звание регента. В это время в Петрограде произошла Февральская революция. К власти пришло Временное правительство, выпустившее на свободу всех преступников, и политических, и уголовных. В стране воцарился хаос. И Жаров на следующий день после выпуска подал документы в Александровское военное училище, готовившее младших офицеров пехоты. Обычно сюда принимали только детей дворян, но, в связи с огромными людскими потерями во время войны, от этого правила отступили. Однако окончить Александровское училище вовремя, вместе со своими товарищами, Жарову не довелось. Позднее он сам объяснил почему: «В это время Корнилов собирал добровольцев в свой ударный батальон. Уязвленный своим портупей-юнкером, поляком, я записался добровольцем на фронт. «Только инородцы идут спасать Россию, записываясь в ударные полки, — сказал он мне как-то. — Русские почему-то не идут. Вот такой музыкант, как вы, подавно». Моё самолюбие было задето: «Я запишусь на фронт, а вот вы останетесь в училище». Я тотчас исполнил свое обещание и вскоре в составе ударной роты Александровского военного училища уехал на фронт. Училище мне суждено было окончить позже на месяц».

Так он стал младшим офицером пехоты — прапорщиком в 25-м пехотном запасном полку. Но к ноябрю 1917 года фронт развалился. Сотни тысяч солдат бросили винтовки и вернулись домой. Офицерам стало нечем командовать. В Москве Жарова тоже никто не ждал, поэтому он отправился в родной Макарьев, где остались его братья и сестры, которым он постоянно помогал деньгами во время учёбы в Московском синодальном училище.

В Макарьеве он служил регентом в Тихвинском соборе. (Местные жители чаще называли его не Тихвинским, а Александро-Невским — по приделу во имя святого благоверного князя Александра Невского.) Солист хора донских казаков Иван Ассур через много лет вспоминал: «Сергей Алексеевич в Макарьеве работал регентом в Тихвинском соборе, а параллельно преподавал пение в женской гимназии. Именно в Макарьеве в феврале 1919 года Жарова и его братьев призвали в Красную армию. Но

воевал он за красных недолго. Отряд красноармейцев порубили казаки. Жаров чудом остался жив. Спас его от смерти очень маленький рост и хрупкое телосложение. Белые решили, что перед ними мальчишка, и взяли к себе пулеметчиком. Жаров позднее хвастался, что он из своего пулемета «даже аэроплан сбил».

Иван Ассур объясняет переход Жарова на сторону белых случайностью. В действительности все было не совсем так. Жаров был очень религиозным человеком, истинно верующим. Он видел, что творили большевики с православными святынями. В такой вакханалии он участвовать не мог и для себя решил, что должен противостоять злу. Поэтому к концу 1918 года сделал сознательный и окончательный выбор — оказался в стане белых. В Белой армии он стал не просто пулемётчиком, а пулемётчиком-инструктором.

Родные же братья его, Павел (1900–1967) и Василий (1903–1970?), продолжали воевать на стороне красных. Павел Алексеевич сражался в Гражданскую войну в рядах 10-го пехотного полка, расквартированного в Костроме. Впоследствии стал профессиональным военным, закончил Высшую военную электротехническую школу комсостава РККА в Ленинграде. Как кадровый офицер, геройски проявил себя во время Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями, стал полковником. Братья Василий и Михаил, а также сестра Мария стали учителями, жили и работали в Новосибирске.

Регент-пулемётчик

В годы Гражданской войны Жаров служил в Донском пулеметном полку. Вот как вспоминал о нем в своих «Записках» бывший полковой священник протоиерей Михаил Васильев:

«Много уплыло из памяти с того времени, как Сергей Алексеевич Жаров впервые появился среди офицеров Донской армии.

Пытаюсь записать уже уходящее из памяти и то небольшое, что мне, как священнику того полка, в котором служил Жаров, известно о нём. Был он искусным пулемётчиком и в то же время аккуратен и талантливо исполнял обязанности полкового регента и, таким образом, был и моим ближайшим сотрудником.

Великая война захватила Жарова, и он вступил в ряды действующей армии. Окончил затем курсы по специальности «пулемётчик». Впоследствии, когда прибыл на «непокорный» Дон, был зачислен в пулеметный полк инструктором. В этот полк был зачислен и я.

Впервые познакомились мы с Жаровым далеко от родного города, на Кубани. Из приказов по полку я узнал, что он был назначен моим ближайшим сотрудником — регентом. Не теряя времени, прямо из штаба, по пути к своей квартире, зашёл я к нему. Инструктор Жаров вел урок со своим взводом. На столе были разложены части пулемета. Говорить тогда со мной он долго не мог.

Через несколько дней после этого я отправился к нему на спевку. Готовились к Великому посту. Жаров собрал певцов, но спевки закончить не смог: прибежали из штаба с приказом выступить в поход. Военные действия начались...

Полковник наш был человек религиозный. При нём служба совершалась даже в походе. И если полк располагался на стоянках в селах, где имелись храмы, я служил в них литургии, и неизменно при богослужениях пел полковой хор под управлением хорунжего Жарова.

Часто, когда сотня, где находился Жаров, несла дежурство на позициях, я слышал особое распоряжение полковника: «Жаров на дежурстве? Вызвать к церковной службе». И скоро мы с регентом держали совет, где и что петь. К началу богослужения регент мой уже был на месте. Аккуратности Жарова учить было не нужно. Он был всегда исполнительен и правил свою обязанность при богослужениях не в силу приказаний, а в силу своего сердечного влечения.

Во время пения чувствовалось, что в участниках хора поет душа. Помню отдых около разбитой снарядами железнодорожной станции. Была суббота, и нужно было совершать Всенощное бдение. Солнце уже зашло, но темно не было. Светила луна. В небольшом садике около станции установили где-то добытый престол для святого Креста и Евангелия. Приступили к служению. Собралось много молящихся. Кроме нашего полка, здесь расположились ещё другие части.

Слышно было, как вдали рокотали орудия. А мы неспешно, чинно творили вечернюю молитву. Тихо, стройно пели наши певцы со своим регентом. Слышны были вздохи молящихся. А когда запели «Хвалите имя Господне», все разом опустились на колени. Какая это была возвышенная молитва! Как пение хора хватало за душу! Как Жаров уже тогда умел овладевать сердцами молящихся! В чём было его искусство?

Хористы у регента тогда были случайные: офицеры из музыкальной команды, полковые писаря. Сегодня одни, завтра другие. Но Жаров, почти без спевок и приготовлений, умел заставить свой хор петь стройно, проникновенно.

Жарову удавалось объединить в единое целое всех этих новичков, и их голоса сливались в общую гармонию. Тогда уже в малом чувствовался большой художник, который из ничего создавал умиляющую красоту, что согревала молящихся, примиряла со всеми невзгодами, заставляла забывать близость опасности...

В один из воскресных дней среди единственной улицы какой-то немецкой колонии мы, по обычаю, установили столик и приступили к богослужению. После прочтения Евангелия неожиданно по всему расположению полка противник открыл артиллерийский огонь. Снаряды неслись над головами собравшихся на молитву.

Ни на мгновение не прекратилась служба, Жаров спокойно продолжал пение «Символа веры» и до окончания службы не ускорил темпа. Исполнил все, что нужно. А через четверть часа, назначенный приказом дежурным части полка, выступил на указанные позиции. Уже в другой роли, Жаров, выравнивая свой взвод пулеметчиков, направился к своему месту. <...>

Если квартиры офицеров были разбросаны не очень далеко, любители пения один за другим тянулись к своему регенту «Сереже», как почти все называли тогда Жарова. Душой этих собраний всегда был он. Но не так уж много выпадало таких тихих вечеров, когда в дружной полковой семье офицеры коротали свой досуг. Кругом царили смерть и разруха.

Однажды наш полк был окружен со всех сторон дивизией противника. Как он вырвался из этого ада — совершенно не понятно. Чудом выбралась

часть, охранявшая полковое знамя. В составе охраны оказалась и подвода с пулеметом, на которой сидел Жаров, случайно вынесенный из боя. Таким образом он попал в линию стрелков, отступающих со знаменем.

Несмотря на почти безвыходную ситуацию, Жаров продолжал выпускать ленту за лентой. Конница противника упорно наседала, хотя три наших орудия осыпали врага картечью с близкого расстояния. Положение отступавших было критическим. Вдруг пулемет Жарова замолчал. Но искусный дирижер оказался не менее талантливым пулемётчиком. На подводе, несшейся вскачь за отступающими остатками полка, он сумел устранить неполадку и снова направил пулемёт против преследователей.

Так Жаров, чудом спасшийся сам, спас и знамя полка, около которого оставалось не более 12 стрелков. В колонне отступающих был и я. Может быть, маленький регент, по своей скромности, не помнит этого эпизода, считая его незначительным. Но если кто-то из участников того боя остался жив, тот, я уверен, навсегда сохранил в памяти эти героические минуты».

Полуостров Крым

Осенью 1920 года в Крыму остатки Белой армии вели последние ожесточенные бои на разрозненных участках фронта. Жаров в это время служил пулемётчиком в третьей Донской дивизии Донского корпуса. Его отряд был сильно потрепан, многие однополчане погибли. Любимый конь — высокий, поджарый донец с белой вывездью на лбу — убит. А сам Жаров попал в плен в крохотной крымской деревушке. Выжить ему помогли маленький рост и детская внешность.

Красные приказали пленным раздеться до нижнего белья и выстроили их вдоль оврага. Бледный, исхудавший, с бритой после болезни головой, Жаров упал на землю, закрыв затылок руками, и стал ждать смерти. Он был так напуган, что даже молиться не мог. Казаков не расстреливали — рубили шашками: то ли жалели патроны, то ли так мстили за своих погибших товарищей. Когда очередь дошла до Жарова и над его головой ярко блеснула на солнце занесённая шашка, кто-то залившимся басом остановил поднятую руку: «Пожалей мальчишку! Совсем мозглявый! Пусть живёт!» Красноармеец, занесший шашку над Сергеем, остановился. Жаров был последним уцелевшим из пленных казаков...

Конник, пощадивший его, поймал ногой стремя, крепко вцепился в луку и молниеносно вскочил в седло. Конь, пеня и гоня во рту мундштук, словно играючись, заходил вокруг Жарова, стараясь не наступать на трупы. Ещё несколько секунд конармеец раздумывал, что делать с пленным мальчишкой. А потом резко развернул коня и поскакал в степь. Остальные красноармейцы последовали за ним, пустив коней сначала переменным аллюром, а затем машистой рысью.

Жаров остался один среди порубленных казаков-товарищей, пока его не подобрала старушка из местных жительниц. Она отвела его в хату и долго причитала, как такого маленького взяли на войну. Ей было невдомёк, что она гладила по головке казачьего офицера, положившего своими меткими пулеметными очередями не один десяток красных.

На следующее утро, в лохмотьях, в грязном нижнем белье, Жаров отправился на поиски своей части, но её не оказалось на прежнем месте. В степи его остановил казачий разъезд. Казаки долго не хотели верить, что перед ними не простой казак, а казачий офицер. Однако отвели в часть, где вскоре выяснилось, что Сергей Алексеевич Жаров — хорунжий и знаменитый регент Гундоровского Георгиевского полка 3-й Донской

дивизии генерала Адриана Гусельщикова. Так он снова оказался в строю и продолжил борьбу с советской властью. К этому времени Жаров владел почти всеми пулеметными системами: Шоша, Бертъе, Мадсена, Максима, Гочкиса, Бергмана, Виккерса, Льюиса, Шварцлозе... Он никогда не любил учиться, но обожал учить других. И уж если сам что-то освоил, то мастерски мог передать свои навыки и умения другим.

Между тем дела у командующего Русской армией генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля шли все хуже и хуже. Непрерывного фронта не существовало. Донские казаки рассредоточились между двумя выходами из Крыма — Перекопским перешейком на западе и вдающимся в Сиваш Чонгарским полуостровом на востоке. Донской казачий корпус медленно, но непрерывно отступал к Черноморскому побережью, личный состав был сильно деморализован. Поэтому на Жарова возложили ещё одну, особую миссию — казачьими песнями поддерживать боевой дух донцов. Но сделать это было почти невозможно: красные превосходили белых в численности не менее чем в 5–6 раз. Ввиду явного превосходства план красного командования сводился к следующему: окружить основные части противника в Северной Таврии и не дать им уйти в Крым.

Красные начали массированное наступление 28 октября 1920 года, их цель была полностью окружить и уничтожить противника. В результате многодневных ожесточённых боёв белые начали отходить к портам, где уже были приготовлены и распределены между частями пароходы для погрузки и отправки в Константинополь.

Донцы отступали в полном порядке: с оружием в руках, не теряя связи между частями и штабами. Частям Донского корпуса генерала Ф. Ф. Абрамова была назначена для погрузки Керчь. По казачьим полкам был разослан приказ, где точно указывалось, когда, в каком порядке и на какие пароходы грузиться. 3-я Донская казачья дивизия должна была занять транспорт «Екатеринодар» и разместить на нем более 7 тысяч человек, в том числе большое количество раненых.

С рассветом 15 ноября началась погрузка. Ещё за городом квартирыеры и офицеры керченского гарнизона, собранные в батальон, специально предназначенный для поддержания порядка при посадке, встречали подходившие части и указывали им дорогу к пристани; тут же сообщали правила погрузки. В порту играл военный духовой оркестр, но, кроме Жарова, на бравурные марши никто не обращал внимания — люди были сосредоточены и молчаливы. В ночь на 17 ноября все части были погружены на суда и караван тронулся в путь.

Покинувший крымский берег вместе с Сергеем Жаровым подьесаул

Николай Турочков посвятил этому событию стихи:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

На пути в Константинополь

Во время посадки на пароходы многие казаки считали, что началась войсковая операция — десант. Выходили в море под прикрытием военных кораблей. И только на борту, когда прочитали последний приказ правителя Юга России и главнокомандующего Русской армией генерала барона П. Н. Врангеля, опубликованный ещё 13 ноября, поняли, что покидают Родину навсегда. Приказ гласил: «Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведёт неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией её крестный путь: семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для её эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлёт Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье».

Одновременно с приказом было опубликовано и уведомление правительства о возможных будущих лишениях: «Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров и их семейств, других служащих, Правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведёт к большой скученности на пароходах, причём неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, — остаться в Крыму».

Однако желающих оказалось немного. Все хорошо понимали, что ждет в рабоче-крестьянской России участников Белого движения. Правда, некоторые казаки шёпотом на борту обсуждали разрешение остаться в Крыму на милость победителей. Но те, кому были известны ужасы большевистской неволи, не колебались. «Лучше в море броситься, чем опять к красным попасть», — говорили многочисленные свидетели унижений и жестокости. Почти все предпочли уйти в изгнание, чем остаться в красном отечестве, за исключением небольшого числа бывших пленных красноармейцев, жителей Крыма, санитаров и врачей. Впрочем, никто из отъезжающих не думал, что покидает родину навсегда, — царила уверенность, что весной начнётся новый поход против большевиков.

После выхода в открытое море казаки поняли, что такое настоящая качка. Некоторым приходила в голову мысль, что лучше уж было сдаться на милость большевикам, чем оказаться на дне Чёрного моря. Шторм был действительно ужасающий. Пароход бросало из стороны в сторону. А многие из казаков вообще первый раз в жизни плыли на пароходе. Кроме того, «Екатеринодар» тащил за собой на тросах еще восемь барж, которые то и дело угрожали столкнуться друг с другом. Во избежание аварии на носу каждой из барж непрерывно и неистово звонили в колокола. И от этой адской музыки некуда было спрятаться.

Через два дня всех стали мучить нестерпимый голод и жажда. Но ни хлеба, ни воды никто никому не давал. Казаки ютились в тесных, грязных трюмах или сидели на открытых скользких палубах, продуваемых ветром с холодным дождем. Иногда их обдавали солёные брызги. А огромная машина под названием «Екатеринодар» стонала от усталости и непосильной ноши. И хотя в борьбе с ветром и морем пароход выстоял, но никто не сомневался, что это его последний рейс.

На третий день пути в какой-то воинской части нашли муку, и Жаров со своими однополчанами стали печь «пышки»: муку смешивали с морской водой, а затем подогревали на пароходных трубах. Голод был такой, что никто не доводил смесь до готовности. Как только она слегка затвердевала, её тут же съедали. Потом мучились животами. Всё время подташнивало. У многих начался понос...

На четвертый день узнали, что судно идёт в Константинополь. Восемь дней казаки ничего не видели, кроме волн да бегущих серых облаков, сквозь которые лишь изредка проступало то мутное солнце, то бледная луна. Дождь лил не переставая, то усиливаясь, то ненадолго ослабевая. Когда русский караван подходил к Босфору, французы приказали командующему флотилией адмиралу М. А. Кедрову спустить русские

военно-морские флаги и поднять на фор-стенях флаг Франции как знак того, что беженцы находятся под ее покровительством. Адмирал наотрез отказался подчиниться и спустить Андреевский флаг, объяснив, что крест Святого Андрея Первозванного признаётся всеми странами, кроме большевистской России.

Однако в конце концов ему пришлось пойти на компромисс. Суда и военные корабли русской флотилии входили в Босфор под двумя флагами: рядом с русским развевался французский. Все поняли, что французы взяли под свою защиту покинувших родину союзников. 126 российских судов военного и торгового флота со 150 тысячами человек на борту шли по Босфору. Жаров стоял на палубе в толпе соотечественников и, затаив дыхание, с жадностью вглядывался в берега пролива: по обе стороны проступали очертания Константинополя — священного для каждого русского города. С замершим сердцем смотрел он на Святую Софию, превращенную турками в мечеть.

«Екатеринодар», как и остальные суда, долго стоял на рейде. Все пароходы разгружали очень медленно. Однако возле каждого из них уже сновали лодки с турецкими продавцами, которые бойко продавали изголодавшимся казакам и русским морякам хлеб, воду, булочки... Измученные люди расплачивались за немудреную снедь золотом и драгоценностями. 3-я Донская дивизия сходила на сушу на набережной района Сиркеджи. Некоторые казаки, не выдержав давки, прыгали с высокого борта прямо в ледяную воду и со своим нехитрым скарбом добирались до берега вплавь. Там всех строили в колонны и отправляли на железнодорожную станцию.

Русские на турецкой территории поступали под патронаж Французской республики. За это французы взяли в качестве залога товары, вывезенные русской флотилией из Крыма, стоимостью 110 миллионов франков. Шестидесяти тысячам русских офицеров и казаков оставили оружие и отправили их в особые военные лагеря: более 25 тысяч, под командованием генерала от инфантерии А. П. Кутепова, — в Галлиполи; 15 тысяч кубанских казаков, под началом генерал-лейтенанта М. А. Фостикова, — на остров Лемнос; наконец, донские казаки, под руководством генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, отбыли из Константинополя на станцию Хадем-Киой, в 50 километрах от Стамбула, откуда им было приказано двигаться походным порядком по горным тропам в лагерь для интернированных лиц под названием Чилингир.

А пока они добираются до пункта назначения, обратимся к истории донских казаков. Когда они появились на Руси? Какую роль сыграли в

становлении Российского государства? И какая миссия была возложена на них?

Донские казаки

Китайский дипломат XIX века Фен Ты Мин писал: «Граница России лежит на арчаке казачьего седла». И это действительно так. В то время все южные границы, от Австро-Венгерской империи до Маньчжурии, охранялись казаками.

Казачество зародилось на окраинных землях Русского и Польского государств в XV–XVII веках. Первоначально казаки проживали в степях и лесостепях восточной Европы, впоследствии расселились на территории Среднего и Нижнего Поволжья, Предуралья, Южного Урала, Сибири и Дальнего Востока. Их история изобилует драматическими событиями и великими боевыми свершениями. Благодаря службе Российскому государству казачество сформировалось как мощное военное сообщество, принимавшее участие во всех войнах, которые вела Россия. Основу философии казаков составляли принципы: «свобода и порядок», «воля, а не своеволие». Это было кредо людей, знавших, что такое добровольный долг и служение Отечеству. Первоначально казаки служили России по договору с русским государем, затем — по присяге, еще позже — в составе русской армии. При этом за несколько столетий они создали самобытную культуру, которая соответствовала их образу жизни. Не случайно в русском языке фразеологизм «вольный казак» имеет значение: «свободный, ни от кого не зависящий человек». Это ли не идеал жизни?

Однако в начале XX столетия начался путь казачества на свою Голгофу, и Сергей Жаров, по рождению не имевший никакого отношения к военно-служилому сословию, оказался среди несущих крест. Развернутый в 1918 году геноцид против казачества был ужасен. Большевики считали казаков опасной социально-экономической группой, особым субэтносом русского народа, обладающим мощной пассионарностью, угрожающей советской власти. Поэтому ещё в 1919 году, являясь главой Советского государства и партийного аппарата, Яков Свердлов подписал Циркулярное письмо ЦК РКП(б) об отношении к казакам. Уцелевшим казакам и их детям надлежало забыть о своих традициях и культуре, приобщение к которым начиналось с колыбельных песен.

Волею судеб во время Гражданской войны Сергей Жаров оказался в пулеметном полку Донской армии, сформированном весной 1918 года, в разгар восстания донского казачества против большевиков. Так он навсегда связал свою жизнь с казачеством, а именно с донскими казаками, с их

обычаями и культурой.

Откуда же появились казаки на Дону? Издревле в донских степях обитали персоязычные племена, которые и дали название реке Дон (в переводе с персидского — «вода»). В греческих источниках река называлась Танаис, а Геродот обозначил её как «восьмая скифская река». В VII веке до н. э. скифы — персоязычный кочевой народ — расселились по правому берегу Дона, на левом жили родственные скифам по языку савроматы. Кочевавшие в степях между Днепром и Доном «царские скифы» были самыми воинственными среди скифских племен, однако в III веке до н. э. савромато-сарматские племена оттеснили скифов на запад. Сарматское господство продолжалось на берегах Дона более шестисот лет, пока сарматы не распались на несколько племенных союзов. В 211–217 годах к этим местам подошли готы — древнегерманский союз племен — и вытеснили потомков сарматов. Своего могущества готы достигли при короле Эрманарихе из рода Амалов. Их владения простирались от Балтийского до Азовского моря, от Дона на востоке до реки Тисы на западе.

Однако во второй половине IV века полчища гуннов — союз тюркоязычных племен во главе с Атиллой — разбили армию Эрманариха и устремились в Европу, где, захватив огромную территорию от Волги до Рейна, создали мощное государство. Со смертью Атиллы в его стане начались междоусобные войны. Часть гуннов вернулась на правобережье Дона, где и была разбита впоследствии предками нынешних болгар, утвердившими своё господство над причерноморскими степями.

В VI веке Дон становится пограничной рекой между Аварским каганатом, в состав которого входили современные территории Венгрии, Австрии, Швейцарии (частично), Словакии, Хорватии, Сербии, Румынии, Польши, Украины, Литвы (частично), Македонии, Белоруссии, и Великим Тюркским каганатом (территория от Дона до северных границ Китая). В 603 году Великий Тюркский каганат распался на Западно-Тюркский каганат и Восточно-Тюркский каганат. Интересующая нас территория остается под властью Западно-Тюркского каганата. В середине VII века Западно-Тюркский каганат также начинает распадаться, и из него выделяется Хазарский каганат. (Слово «каганат», производное от «каган», происходит от названия высшего титула суверена в средневековой кочевой иерархии: каган — «хан ханов» или «великий хан».)

В 965 году сын князя Игоря и княгини Ольги Святослав предпринял поход против Хазарского каганата. В «Повести временных лет» сказано: «В лето 6473 (965) пошёл Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли

навстречу ему со своим князем каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и град их и Белую Вежу взял». Таким образом, течение Дона от Большой излучины до Азовского моря стало подконтрольно русским. Под защитой крепости Белая Вежа (хазарское название Саркел), расположенной на левом берегу Дона, в Восточном Крыму и на Таманском полуострове было создано Тьмутараканское княжество, политическая элита которого была русской, а основную часть населения, кроме касогов, аланов, хазар, греков, армян, абазинцев, евреев и тавров, составлял черкесский народ — касаки. Выдающийся российский учёный Лев Николаевич Гумилев полагал, что казаками нужно считать обрусевший восточный народ (касогов, черкесов, хазар). Так начала формироваться уникальная этническая общность, объединившая пассионарных людей разных национальностей и различного происхождения, но сплотившихся во имя братства и взаимовыручки.

Существует и другая версия происхождения слова «казак». По-турецки и по-татарски «гозак» или «гузак» означает «легковооруженный воин без доспехов и кольчуги». В трудах украинского историка, общественного и политического деятеля Михаила Грушевского отмечено, что у турок название «казак» «издавна обозначало воина-наездника, легковооруженного и малоценного, так сказать, низшего сорта».

Итак, в Средние века казачество формировалось за пределами русских княжеств как сообщество свободлюбивых и воинственных людей, которые принимали в свои ряды выходцев из различных этнических и социальных групп. Главным фактором была не национальность или сословная принадлежность, а общее служение одной цели. Писатель Борис Алмазов отмечает, что, «находясь между тремя империями — польско-литовской, русской и турецкой, казаки умело лавировали в водоворотах политики, сохраняя свою независимость. С ними считались и поляки, и турки, а московские власти были вынуждены вступать с Доном в дипломатические отношения, хотя постоянно во всей внешней дипломатии подчеркивали, что Дон — Украина (окраина) Московского царства... Казакам приходилось платить страшную цену за свою независимость. Практически они жили либо на фронте, либо в прифронтной полосе, говоря языком современным. Но именно это положение позволяло им уцелеть и достаточно долго сохранить свои порядки».

Москва часто дистанцировалась от разбойных набегов казаков на турок или ногайские улусы, опасаясь ответственности за вооруженные нападения. Например, Иван Грозный писал недовольным соседям о казаках: «...Те наши холопы в нашей земле много лиха учинили. И мы их

велели добивати, а они бежали на поле...» По донесениям дипломатов того времени, казаки суть «беглые люди» и живут они «в дальних местах воровским обычаем...». Однако, по мнению писателя Александра Беззубцева-Кондакова, «по дипломатическим соображениям московское правительство не поддерживало предпринимаемые казаками набеги, но было очевидно, что в большинстве случаев внешнеполитические интересы Москвы и Дона полностью совпадают».

Официальной датой основания донского казачества считается 3 января 1570 года. Именно в этом году Иван Грозный пожаловал донских казаков «за верную службу землями по реке Дон с его притоками». Однако и без царского указа казаки считали эти земли своими. В том же году царь прислал донским казакам грамоту с просьбой сопроводить через Азов русского посла из боярского рода Новосильцевых к турецкому султану. Казаки просьбу царя выполнили — так началась их официальная служба при русском дворе. В 1571 году князь Михаил Воротынский составил «Устав сторожевой станичной службы», где разделил казаков на городских (или полковых), пожизненно служивших в городах, и на сторожевых (или станичных), обязанных нести пограничную службу. Таким образом стал формироваться особый класс воинов-земледельцев — казаков-однодворцев, живших на окраинах Московского государства и охранявших границы.

На Дону возникла своего рода военно-демократическая республика — Войско Донское во главе с выборным атаманом и со столицей (с 1644 года) в городе Черкасске. Высшим органом власти был войсковой круг, принимавший пришлых людей в казаки и решавший вопросы войны и мира. Круг избирал атамана и есаулов. Историк Войска Донского Василий Дмитриевич Сухоруков писал о казаке XVII века: «На казаке видали смесь оружия и уборов разных народов: ногайское и черкесское седло, крымская или турецкая попона, черкесская епанча, русская пищаль, оправленная по-турецки, и при ней рог и вязни, персидская сабля, на поясе булатный нож с черенком рыбьего зуба, турецкий сайдак (лук), ружье, рогатина составляли богатство и украшения тогдашних казаков».

Сильны были донские казаки и на воде. Они досконально знали географию Черного и Азовского морей, безошибочно прокладывали курс, учитывая направление ветра и скорость течения, и постоянно нападали на турок. Один польский историк того времени писал: «По словам самих турок, никого они не боятся больше казаков». А ведь в то время самым страшным врагом Турции была Венецианская республика. В арсенале казаков были западноевропейские морские инструменты: компас, песочные часы, подзорная труба... Всеми приборами казаки очень лихо умели

пользоваться. В морском бою они пускали в ход копья, сабли, сагайдаки, дротики, топоры и, конечно же, кремневые ружья и пистолеты. На некоторых казачьих судах были даже мушкеты. Высшего мастерства казаки достигли в искусстве абордажного боя, причем ночного. Здесь им не было равных.

Собравшись в морской поход, казак обязательно просил родительского благословения, ведь казачья мудрость гласила: «Родительское благословение со дна моря достанет, оно в огне не горит и в воде не тонет». Охранял же казаков Николай Чудотворец — у него перед морским походом они просили заступничества.

Успехом многих морских военных операций казаки были обязаны своим стругам — плоскодонным парусно-гребным судам, служившим для перевозки людей и грузов. В то время это были одни из самых совершенных военных кораблей. Струг имел одинаково острые нос и корму, длину от 20 до 45 метров, ширину от 4 до 10 метров и вёсла от 6 до 20 штук. По современной классификации их можно отнести к судам типа «река-море». Они легко обходили мелководье и были быстрее турецких галер. Казаки умело пользовались таким преимуществом в бою.

При Петре I казачья вольница закончилась. Служба царю стала обязательной. Дети казаков, достигнув семнадцатилетнего возраста, должны были отбывать станичные и земские повинности. Когда им исполнялось девятнадцать, семья за свои деньги приобретала им коня, сёдла и оружие. При этом государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь казачьей станицы и не контролировало порядок военной подготовки. Свою вольницу казаки не отдавали без боя: при Петре I по Дону прокатилось несколько казачьих восстаний. Самое знаменитое — под предводительством войскового атамана Кондратия Булавина.

При Екатерине II было завершено размежевание донских земель и составлена «Карта всей земли Войска Донского». 10 октября 1786 года царица начертала на карте: «Быть по сему». Законодательно закрепили, что казак является не собственником земли, а её держателем, пользователем и за землю обязан нести службу. И, где бы ни проходила служба, не только честно выполнять все возложенные на него государством обязанности, но и проявлять стойкость, отвагу и доблесть. Неудивительно, что 2 октября 1827 года Николай I провозгласил атаманом всех казачьих войск России своего старшего сына — цесаревича Александра, будущего императора Александра II. Так наследник престола был принят в казачье войско, а члены Царской семьи стали носить казачью форму. К тому времени казаки были уже хорошо известны всему миру.

«Дайте мне одних казаков, и я пройду с ними всю Европу», — кричал Наполеон в порыве гнева своим генералам. А уж затем, более спокойно, добавлял: «Не знаешь, как против них действовать, развернёшь линию — они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию, хочешь атаковать их колонной — они быстро развертываются и охватывают ее со всех сторон». Наполеону было невдомёк, что за казаками стояла многовековая евразийская военная выучка — уникальная тактика, передаваемая из поколения в поколение.

Почти ни один казак не помнил, когда его первый раз посадили в седло, так как это случалось задолго до того, как у ребенка начинает формироваться память. Или, например, хорошо известно: если казак останавливался, то его конь никогда не стоял на месте. Он обязательно гарцевал — тогда казака было намного сложнее взять на мушку и открыть по нему прицельную стрельбу. Такие маленькие военные хитрости складывались в целую систему воспитания защитника отечества, которому поручена охрана государственных рубежей.

В 1812 году на реке Неман казаки первыми встретили наступающие войска французского императора, и... они же первые через два года, в 1814-м, познакомили Европу со своим бивуаком на Елисейских полях в центре Парижа. (Оттуда, кстати, берёт своё начало и слово *Bistro* — небольшой ресторан-кафе, где подают простые блюда без кулинарных изысков. Казаки, подъезжая к таким кафе, кричали: «Быстро! Быстро!» Смекалистые французы поняли, как лучше наладить бизнес, и тут же переименовали свои маленькие кафе в бистро.)

В 1917 году донские казаки в массе своей не поддержали революцию. Войсковая администрация Дона приняла на себя всю полноту государственной власти и ввела на своей территории военное положение, хотя большинство казаков настаивали на нейтралитете. Однако к январю 1918 года в условиях Гражданской войны оставаться в таком положении стало невозможно. К этому времени Большим войсковым кругом Донского казачьего войска был избран первый выборный атаман Алексей Максимович Каледин. (В 1709 году Петр I упразднил выборность атаманов.) Каледин оказался ярим противником большевиков. Но донские казаки зимой 1918 года не поддержали Каледина в борьбе против советской власти. Алексей Максимович сложил с себя полномочия войскового атамана и покончил с собой выстрелом в сердце. В предсмертном письме он объяснил уход из жизни «отказом казачества следовать за своим атаманом». Отказ этот впоследствии дорого обошёлся донским казакам!

Когда казаки поняли, что произошло, и взялись за оружие, было

поздно. В 1919 году была принята директива о «расказачивании». В ней, в частности, говорилось: «Учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». По сути, речь шла об истреблении казачества как сословия, то есть о геноциде.

Однако в Турции донским казакам во главе с Федором Федоровичем Абрамовым жилось не лучше, чем оставшимся на Родине их товарищам.

Чилингир — лагерь смерти

В своих воспоминаниях Сергей Жаров не раз отмечал, что самым тяжелым периодом в его жизни было пребывание в турецком лагере для интернированных лиц в районе Чаталджа. Когда-то на этом месте было греческое поселение под названием Эргиске. После образования Османской империи население стало смешанным — греко-турецким. В середине XIX века, после Крымской войны, часть крымских татар переселилась в эти края. Во время Первой Балканской войны 1912–1913 годов здесь проходила Чаталджинская укрепленная линия, где 17–19 ноября 1912 года произошло знаменитое сражение между турками и болгарами. Последние сосредоточили в одном месте свои главные силы, готовясь взять Константинополь и преподнести его в качестве подарка России за помощь, оказанную им Александром II в XIX веке. Но наступление захлебнулось. Страшная эпидемия холеры унесла жизни более 30 тысяч болгар...

В эти гиблые места и привезли донских казаков генерала Федора Абрамова. Их поселили в десяти длинных, загаженных, полуразвалившихся овчарнях, куда ещё совсем недавно в дождливую или холодную погоду загоняли овец. Повсюду низкие, бесконечные, пустынные камыши. Рядом несколько глинобитных домиков местных жителей с плоскими крышами и воронкообразными трубами. Пасмурно. Сыро. Самый конец ноября.

В России никто из них и представить не мог, что когда-нибудь придется жить в таких условиях — в сараях для скота! В первый же день один из казаков застрелился. У всех отобрали огнестрельное оружие. А через три дня у некоторых и холодное. Правда, холодное пообещали вернуть. Но больше его никто так и не увидел. У многих казаков, особенно у офицеров, шашки и кинжалы были в серебре. И французы, отобравшие оружие, не пожелали с ними расстаться.

Однако казаки не пали духом, не сломались ни морально, ни физически. Они стали обживать. В землю вгрызлись лопаты и кирки. Застучали молотки. Топоров не было. Скоро появились первые землянки. Из овчарен выгребли навоз. Печей, конечно, не было никаких. Костер разводили прямо на земляном полу в бараке. Дым щипал глаза, дышать было трудно, но это всё же было лучше, чем погибнуть от холода. На крышах овчарен расширили вентиляционные отверстия, ранее

рассчитанные на содержание скота. За дровами ходили группами, и обязательно в сопровождении французских караульных. Сухие деревья рубили оставшимися шашками. Заготовливали дрова каждый день и в любую погоду. Тащили их порядочное расстояние на своих спинах — никаких подвод с лошадьми не было.

Первые дни спали прямо на грязном полу, чуть присыпанном соломой. Согрелись друг от друга. Шинелей и башлыков на всех не хватало. Одежд никто не выдавал. Когда нужно было ночью выйти во двор по нужде, пробирались в темноте по телам, наступая то на живот, то на голову спящего соседа. Лежали, прижавшись так тесно, что на другой бок не перевернешься.

Скоро в бараках появились самодельные печи: их мастерили из кирпичей и консервных банок. Грели они плохо, но всё же это было лучше, чем ничего. 10 казаков облюбовали дупло огромного дерева и поселились в нём. В землянках было теплее, чем в бараках, и многие мечтали перебраться туда. Но мест всем там не хватало. Вспыхивали ссоры. Но в целом казаки жили дружно, до драк дело не доходило.

Лев Николаевич Толстой в знаменитой повести «Казаки» писал о терских казаках: «Казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле. Он почти никогда не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила, и тогда он гуляет. Вино у казаков у всех своё, и пьянство есть не столько общая всем склонность, сколько обряд, неисполнение которого сочлось бы за отступничество». В Чилингире Жаров убедился, что донские казаки, в отличие от терских, отличные работники, умеющие всё делать своими руками, и они абсолютно не нуждались в спиртном. О вине и водке даже речи не заходило.

Первые две недели в Чилингире казаки жили, не понимая, что происходит: отходили от эвакуации и Гражданской войны. Что будет с ними дальше — никто не знал. В это время Сергей Жаров ещё теснее сблизился со своим полковым священником отцом Михаилом Васильевым. Оба понимали, что Бог послал им испытания не зря, и они должны выйти из них с честью. Они вместе ходили за дровами, разводили костры между бараками, садились в круг с другими казаками и вели душевные беседы на разные темы. Но, как правило, все разговоры сворачивали на еду: каждый вспоминал, что он ел на родине.

Продовольственный паек в лагере был ничтожный. Все жили впроголодь. Горячей воды не было. Нельзя было постирать белье. Стирали его в ручье, из которого строго-настрого было запрещено пить. Но пресной

воды тоже катастрофически не хватало, и запрет нарушали — сначала у некоторых казаков начался понос, а потом и другие болезни. Многие завшивели. Совершенно не было мыла. Точнее, выдавали один килограмм на 25 человек в месяц. Если интернированный промок под дождём, то сушить одежду ему было негде. Приходилось ходить в мокром и ждать, пока она сама просохнет на теле.

Жаров вспоминал: «Бездеятельность, голод и бесцельность такой жизни меня толкнули на крайнее. Как-то французы, бывшие хозяевами лагеря, открыли для желающих казаков запись в Иностраннный легион. Одним из немногих желающих оказался я. Мое решение вызвало большое смущение среди офицеров-однополчан. Меня всячески отговаривали от этого шага. Больше всего против моего решения был наш полковой священник.

«Зачем, — говорил он, — идти в Иностраннный легион, подвергать себя опасности... умереть, за что? Только за то, что тебя приоденут и, может быть, лучше накормят? Снабдят какой-нибудь ничтожной суммой денег? Нет!»

Но мне надоело валяться в грязи, надоело голодать. Этому жалкому, недостойному существованию я предпочёл легион. Я был глух ко всем просьбам друзей не покидать их. И я остался верен своему решению.

Наутро я добрался до железнодорожной станции, откуда нашу партию добровольцев должны были отправить в Константинополь, а оттуда дальше, к конечной цели — Марокко. Я ждал состава поезда, назначенного на этот день.

Но судьбе было угодно решить иначе: по неизвестным причинам состав подан не был... Предостережение? Я задумался. Значит, не судьба! На следующий день я уже не пошёл больше на станцию.

Опять потекла беспросветная лагерная жизнь, без всякой личной инициативы».

Ко всем бедам добавилась холера, и французы оцепили лагерь карантинными постами.

В это время русский главнокомандующий барон П. Н. Врангель и французское правительство продолжали вести ожесточенные переговоры. Французы угрожали русским, что снимут их даже с ничтожного довольствия. Кормить 150 тысяч человек они не могли и предложили русским три выхода: возвращение в Совдепию; эмиграцию в Бразилию или Перу; жизнь на собственные средства. Барон Врангель понимал затруднительное положение Франции, но хотел, чтобы французы помогли ему с размещением русского воинского контингента в Сербии, Черногории,

Румынии, Болгарии и Венгрии.

Пока шли переговоры, Жаров вставал каждый день в шесть часов утра и вместе с раздатчиками отправлялся за продуктами. В восемь часов начинался дележ еды по сотням — поровну, по справедливости.

Из воспоминаний Жарова:

«К разложенным в ряд порциям кто-нибудь из казаков становился спиной. Тогда другой казак по очереди дотрагивался до кучек.

«Кому?» — звучал вопрос.

«Давыдову, Шляхтину, Бажанову», — отвечал повернутый спиной казак.

«Кому? Кому?» — несло по всем баракам».

Появились первые трупы — жертвы холеры. Тут уж не обходилось без полкового священника и регента. Отпевание, как правило, было долгим и насколько возможно торжественным. И всегда заканчивалось казачьим гимном «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...».

Эпидемия с каждым днем расширялась. Вот что писал в полковом рапорте врач Донского войска в конце декабря 1920 года: «Доношу, что по сие время в лагере Чилингир было восемнадцать случаев заболеваний, подозрительных по холере, из них семь смертных. Для заразных больных отведен отдельный сарай, который приспособляется, и туда сегодня будут переведены все подозрительные.

Ввиду скученности населения лагеря, не было возможности правильно вести надзор над заболевающими и вовремя их выделять. Нет дезинфекционных средств. Кухонь в лагере недостаточно, и совершенно нет кипятильников. Нет дров и угля, почему запретить пользование сырой водой невозможно. Нет печей, почему люди при настоящей сырой погоде не высыхают, что предрасполагает к заболеваниям. Недостаточно материалов, чтобы заделать дыры в окнах и крышах. Если это останется в прежнем виде, эпидемия примет массовый характер».

Но дух казаков не ослабевал. Казалось бы, страх перед неизвестностью, голод, лишения, страдания и эпидемия холеры — всё это должно было отнять надежду на лучшее. Но чем казаки хуже жили, тем они становились ближе к Богу. Только любовь к Всевышнему могла их спасти, и они выстрадали эту любовь. В полках ощущался небывалый религиозный подъём. Приближался День святителя Николая Чудотворца.

Глава 3

РОЖДЕНИЕ ХОРА

Николай Чудотворец испокон веков считался одним из самых почитаемых святых в православном мире. Он был покровителем путешественников и мореплавателей. Святитель Николай, живший в III–IV веках, прославился как великий угодник Божий, поэтому в народе его обычно и называют Угодником. Он считался «всех предстателем и заступником, всех скорбных утешителем, всех сущих в бедах прибежищем, благочестия столпом, верных поборником». Христиане верят, что и сегодня он творит множество чудес, помогая молящимся ему людям. Однажды, совершая паломничество в Иерусалим, Николай Чудотворец, по просьбе отчаявшихся путников, молитвой успокоил разбушевавшееся море. Удержав меч палача, святой спас от смерти трех мужей, невинно осужденных корыстолюбивым градоначальником. Поэтому казаки с особым чувством ждали 19 декабря^[2] — Дня святителя Николая Чудотворца, своего заступника.

В преддверии праздника генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов отдал приказ: подготовиться к торжественному молебну. А для этого лучших певцов из всех полковых казачьих хоров свести в один, сводный, чтобы богослужением поднять дух воинства, приглушить горечь изгнания. Регентом хора назначили Жарова, которого генерал Абрамов хорошо знал лично. В маленькой, холодной и очень тесной землянке начались репетиции. Нот не было. Их писали по памяти на дешевой тонкой бумаге. Основной костяк певцов составили офицеры, но были и рядовые с очень хорошими голосами.

Жаров занялся аранжировками. Все певцы очень серьезно отнеслись к порученному делу. Генерал Абрамов каждый день интересовался жизнью хора, старался всячески помогать. По его приглашению хор часто пел в штабе, расположенном в селении Хадем-Киой, в десяти километрах от лагеря. После одного из выступлений хористы попали под сильный, холодный дождь. Многие промочили ноги и простудились. Но страсть к пению была уже настолько сильной, что все на удивление быстро поправились. Даже серьезно заболевшие пропустили всего лишь две репетиции. Спевки продолжались...

Наконец в день святителя Николая состоялся большой праздничный

молебен. Следующий день, 20 декабря 1920 года, считается днём рождения хора донских казаков. Возникший в тесной, сырой землянке, в лагере для интернированных, в Богом забытой турецкой деревушке Чилингир, хор через несколько лет станет одним из самых известных музыкальных коллективов XX столетия. Певцов услышат не только миллионы простых слушателей, но и монархи, президенты, премьер-министры. Хором будут восхищаться премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и английский король Георг V, президенты США Франклин Рузвельт, Дуайт Эйзенхауэр, Гарри Трумэн... А Сталин, прослушав одну из его первых пластинок, прикажет создать похожий хор (ныне это знаменитый Академический дважды краснознамённый, ордена Красной Звезды ансамбль песни и пляски Российской армии им. А. В. Александрова).

Остров Лемнос

В январе 1921 года по лагерю прокатился слух, что казаков переместят на греческий остров Лемнос, где уже расквартированы кубанские, терские и астраханские казачьи полки, а также небольшая часть донцов. Вскоре слухи подтвердились. С воззванием к соотечественникам обратился барон П. Н. Врангель. Смысл его заключался в следующем: казаки, как и год тому назад в Крыму, должны ещё сильнее сплотиться вокруг своих командиров, памятуя, что именно в единстве сила. Обращение к воинству было вызвано тем, что французская администрация официально объявила о роспуске Русской армии, а это означало, что её больше не существует. Следовательно, солдаты, матросы и офицеры могут больше не подчиняться своим начальникам.

Это известие только укрепило дух донских казаков и объединило их вокруг войскового атамана генерал-лейтенанта Африкана Петровича Богаевского. То был легендарный человек. Потомственный дворянин, родившийся в семье войскового старшины Войска Донского, Богаевский с отличием закончил Николаевское кавалерийское училище (первым был занесен на мраморную доску). С 1897 по 1900 год учился в Николаевской академии Генерального штаба, герой Первой мировой войны. 6 февраля 1919 года избран войсковым атаманом Всевеликого войска Донского, а в 1920 году на одном из последних пароходов вместе с Белой армией ушел из Крыма. Донские казаки обожали своего командира. И, несмотря на официальное заявление французов, продолжали ему подчиняться.

Правда, три тысячи интернированных в Турции белогвардейцев все-таки решили вернуться в советскую Россию. Среди них был и такой широко известный белый генерал Я. А. Слащёв-Крымский, один из героев пьесы Михаила Булгакова «Бег». Примерно столько же отправились в Бразилию. Несколько сотен записались во французский Иностраннный легион. Четыре тысячи получили статус беженцев. Остальные остались при своих командирах, ожидая реванша в новой схватке с советской властью.

Среди них был и Сергей Жаров. В боевом порядке казаки покидали ненавистный турецкий берег и отправлялись на остров Лемнос, название которого многие произносили на русский лад — «Ломонос». Но и там их ждала незавидная доля. Некоторые с самого начала хотели отказаться от перевода на Лемнос, зная, какие тяжелые условия их ждут на злополучном острове. Но французы, предвидя это, в специально изданном распоряжении

пообещали, что всем казакам «по прибытии на Лемнос и по устройству там в лагере будут выданы полученные запасы обуви, обмундирования, белья и одеял». В другом распоряжении говорилось, что «все назначенные к перевозке на Лемнос, но не погрузившиеся на корабли исключаются из довольствия, так как довольствие на них заготовлено на о. Лемнос. Поэтому всякий уклонившийся от погрузки лишается продовольствия в лагере». Делать было нечего. Пришлось подчиниться. 26 марта 1921 года штаб Донского корпуса с остатками частей, расквартированных в районе Константинополя, в составе 5075 человек на двух пароходах прибыл на остров Лемнос.

Казаки, ожидая трудностей, везли с собой всё, что только могли забрать, даже сосуды с пресной водой.

Этот греческий остров вулканического происхождения, возвышающийся посреди Эгейского моря, находился в то время в ведении французского и английского правительств. В греческой мифологии он известен как остров Гефеста, бога огня. По преданию, Гефест родился некрасивым и хромым, ребенком был сброшен своей матерью Герой с Олимпа на землю, а именно на остров Лемнос. Жители острова спасли его, и в благодарность за это он научил людей кузнечному делу.

Казаки здесь тоже овладели разными ремеслами. Например, шили обувь, причем казачья работа ценилась выше местной, и греки завалили их заказами. Из случайных кусков дерева вырезали ложки, из консервных банок мастерили котелки, сковородки, мангалки и другую домашнюю утварь. Делали массу полезных вещей: различные пряжки, подсвечники, письменные приборы, сундучки, чемоданы, походные кровати и прочие дорожные аксессуары, используя для этого куски брезента от старых палаток и фанеру, которую нетрудно было достать на острове.

Прибывшие донские части были размещены в палатках, выданных французами в ограниченном количестве, — по одной на 12–14 человек, причем многие из них были рваные, полуистлевшие, не защищавшие ни от дождя, ни от ветра. В одной из палаток по настоянию Жарова устроили храм. Иконостас, светильники и всю церковную утварь изготовили из подручных материалов: простыней, одеял, консервных ящиков, банок и жестянок.

В этой церкви-палатке Жаров каждый день репетировал с хором, а протоиерей Михаил Васильев совершал богослужения. Искони присущее казакам религиозное чувство теперь проявлялось в неустанной молитве. Походный храм всегда был полон усердно молящимися, и далеко за пределы лагеря разносились стройные звуки церковных песнопений. Мало

кто мог предугадать тогда будущую всемирную славу певцов, заброшенных волею судьбы на жалкий клочок суши посреди моря...

В городе Мудрое, втором по значимости на Лемносе, была греческая церковь. Однако посещать город разрешалось только по особым пропускам, выдаваемым каждый раз французской администрацией. Входить в греческую церковь позволяли только группами, причем французы внимательно следили за тем, чтобы русские не задерживались в городе.

Православная Пасха в 1921 году выпала на 1 мая, и решили, что сводный хор донских казаков будет петь в греческой церкви. Однако устроить это оказалось не просто: на острове объявили карантин. Если в Чилингире свирепствовала холера, то на Лемносе — брюшной тиф. Распространенность желудочных и кишечных заболеваний объяснялась низким качеством питьевой воды: ее хранили в позеленевших, грязных баках, а измученные люди не соблюдали никакие санитарные предосторожности. Следствием тяжелых жизненных условий стала и высокая смертность от туберкулеза. Из-за отсутствия топлива катастрофически не хватало кипяченой воды. Дров почти не было, топили в основном бурьяном.

В марте и начале апреля часто шли дожди и постоянно дул северо-восточный ветер. Временами он достигал такой силы, что переворачивал палатки и рвал старую, полуистлевшую ткань. От постоянных дождей уровень подпочвенных вод повышался — сырость в палатках превращалась в настоящую грязь: от нее не спасали топчаны из камней и земли, а жиденькая подстилка спавших на земле казаков промокала насквозь. Во время ливней потоки воды, устремляясь с гор, затапливали лагерь, несмотря на многочисленные канавы. Температура в палатках не сильно отличалась от температуры наружного воздуха. Казаки постоянно ходили одетыми, не раздевались даже на ночь, а намокшая одежда обыкновенно на них же и высыхала.

К концу апреля погода улучшилась, и сразу началось лето. Но к этому времени многие завшивели, а бороться с этой напастью было почти невозможно. На весь лагерь имелась одна-единственная баня, пользоваться которой было крайне затруднительно из-за отсутствия дров. Правда, имелись дезинфекционные камеры, но и они не могли нормально функционировать: у большинства обитателей лагеря гардероб состоял из одной смены белья. И сдавшие одежду для дезинфекции ожидали ее получения, завернувшись в одеяло. Казаки жили по привычке, без цели, не зная, что ждет впереди...

А хористы Жарова готовились к светлому празднику Пасхи. Каждый

день проводили многочасовые репетиции. Сережа (только так звали его все казаки) видел, как крепнет его хор, приобретая совсем иное звучание. Но регент не останавливался на достигнутом и требовал всё большей самоотдачи, постоянно совершенствовал репертуар и часто устраивал спевки. Хор стал целью его жизни. Он представлял, как будет выступать в самых больших православных храмах мира. Конечно, двадцатипятилетний регент понимал, что его требования превышают уровень мастерства хора. Но он был уверен, что сможет обучить певцов всему тому, чему сам научился в Синодальном училище, и сделать свой хор самым лучшим православным певческим коллективом мира! Такую задачу он ставил перед собой, дирижируя полуголодными казаками на острове Лемнос.

К Пасхе донцы готовились чинно и проникновенно: выскребали палатки, чистили незатейливую утварь и посуду, многие даже справляли обновы из «подручного материала» — перекрашивали и перешивали старье. Здесь, на чужбине, они особенно остро чувствовали свое одиночество, оторванность от семей, Родины. Это была их первая Пасха не на русской земле. И они с трепетом ждали святых дней, всеми силами стараясь соблюсти традиции предков, не утратить свои культурные корни и исконную православную веру.

С любовью и старанием украшали старую греческую церковь в Мудросе: сначала её вымыли и вычистили, подновили великолепный резной иконостас, вставили в зиявшие пустоты выпавшие или выбитые иконы. Затем изготовили транспаранты с надписями «Христос воскрес», фонарики, нарисовали новые иконы и купили бенгальские огни.

С каждым днем всё слаженнее звучали пасхальные песнопения в удивительной, оригинальной аранжировке Жарова. Изумленные греки толпами стекались в «русскую» церковь (так они стали теперь называть свою церковь в Мудросе). Такой прекрасной музыки они ещё никогда не слышали. И не могли сдержать восхищения стройным пением русского хора и красотой церковного богослужения. В праздничные дни зачастую в скромной «русской» церкви было куда больше местных жителей, чем в главном храме — в мудросском соборе. Особенно торжественно прошла служба в Великий четверг. Церковь не могла вместить всех молящихся, и русских, и греков. А когда после богослужения, возвращаясь в лагерь, казаки, по обычаю, несли по городу зажженные свечи, греки выскакивали из домов, качали головами и кричали: «Русс, Христос нет воскрес!» — очевидно, думая, что те уже празднуют Пасху.

К празднику, сверх обычного рациона, русское командование выдало по 200 граммов муки и 20 граммов сахара. Кроме того, были отпущены

особые денежные суммы из расчета полторы драхмы на человека. А представители американского Красного Креста привезли табак и папиросы.

Встречали Пасху на Лемносе светло и радостно. К разговению напекли куличей, ели крашеные яйца, к обеду в котлах варилась баранина. Не обошлось и без спиртного, которое казаки закупили на полученные к празднику драхмы. Целые дни в полковых церквях звонили в «колокола» — били железными палками по обрезкам чугуновых рельсов. Тогда ещё никто не знал, что совсем скоро на родине, в России, этот звук станет одним из главных символов ГУЛАГа. А пока захмелевшие казаки всю ночь слонялись по лагерю, распевая казачьи песни.

Первого мая, в Светлое Христово Воскресенье, в 12 часов все части корпуса выстроились на парад. Командир стал христосоваться с казаками, а затем поздравил всех с праздником. Не принимавшие участия в параде больные, служащие госпиталей и местные греки вышли посмотреть на невиданные торжества. На Пасху гуляли три дня. Широкая казачья натура, не мирившаяся с теснотой лагерной жизни, в праздник нашла себе выход. Город Мудрое и все окрестные деревни наводнили казаки, пробиравшиеся туда, несмотря на все запреты, оцепления и патрули. Не обошлось и без «международных» — греко-русских и русско-французских — конфликтов, возникавших на почве распития спиртных напитков.

На третий день, в восемь вечера, полки выстроились на поверку: в лучах заходящего солнца коротко блеснули тысячи шашек, как один взвились и замерли штыки. Трубачи заиграли «отбой». И вдруг напористо и протяжно разнесся по затихшему лагерю и далям, по горам и заливу гимн Всевеликого войска Донского «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...».

В День святителя Николая Чудотворца, 22 мая, в лагере ждали генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова и чествовали героев — кавалеров ордена Святого Николая Чудотворца. Боевую награду учредил в апреле 1920 года барон Врангель для награждения офицеров и нижних чинов Русской армии за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с большевиками. Девизом ордена стали слова: «Верой спасется Россия». Награда приравнивалась к ордену Святого Георгия, но ее знаки носили ниже. На Лемносе было несколько человек, удостоенных высокой награды. Среди них и генерал Абрамов, проявивший особое мужество в боях в Северной Таврии.

Утром 22 мая все части Донского корпуса со знаменами и штандартами, при оружии, построились покоем на берегу залива. Посредине, на песчаной отмели, поставили аналой. Возле него собралось

все корпусное духовенство с полковыми иконами и хоругвями. Певцы Жарова стояли рядом. Казаки были одеты в белые гимнастерки и такие же фуражки. Все застыли в безмолвном ожидании, пока не показался генерал-лейтенант. При его появлении ряды вздрогнули. Послышалась команда, трубачи заиграли «встречу», и в раздробленных лучах солнца заблестели тысячи шашек, вскинутых наголо.

Генерал Абрамов в сопровождении начальника штаба полковника П. К. Ясевича обошел ряды, здороваясь с казаками. Те отвечали бодро и радостно. Общее воодушевление и приподнятое настроение рождали искреннюю уверенность в силе русского оружия. Подойдя к Жарову, генерал не просто поздоровался с регентом, а обнял его, трижды похристосовался, а потом расспросил о хоре.

После молебна состоялся парад: полк за полком, сотня за сотней проходили мимо своего генерала. Трудно было поверить, глядя на стройные белые ряды казаков, что это изгнанники, влачащие жалкое, полуголодное существование на унылом греческом острове под опекой франко-сенегальских надзирателей и ещё вчера воровавшие кур у местных жителей.

В начале лета пришла весть, что славянские страны начнут принимать интернированных. Французы и англичане хотели как можно быстрее расформировать Русскую армию. С одной стороны, было накладно содержать более 75 тысяч взрослых мужчин, а с другой — союзники боялись обострения на Балканах: кто знает, куда может двинуться такая военная мощь? Жаров, мечтавший покинуть остров, оказался не готов к этому. Он вдруг отчетливо осознал, что на Большой земле потеряет хор, которому отдал так много сил и времени.

Когда объявили о погрузке на пароход «Решид-паша», конфискованный французскими оккупационными властями у Турции и отправлявшийся в Болгарию, Жаров, неожиданно для всех, отказался ехать. Он понимал, что его хор ещё «сырой» и в таком составе выступать рано. А значит, он не сможет заработать себе на жизнь, а больше он ничего делать не умел. Навыки пулемётчика в Европе никому не нужны! Однако хористы не послушались своего регента. Они скрутили его и на руках внесли на пароход. Жаров отбивался, но ничего не мог сделать с дюжиной крепких казаков. До прощального гудка его караулили на верхней палубе, чтобы не сбежал. Но всё обошлось! Пароход отчалил, взяв курс на Бургас. Над морем поплыло бесконечное и радостное «ура».

Болгария

Поздно вечером 23 мая 1921 года пароход с горящими огнями, после таможенного досмотра, пришвартовался в порту болгарского города Бургас. На пирсе очень плохо и очень громко играл военный духовой оркестр. Болгары организовали торжественную встречу «русских освободителей от турецкого ига», хотя во время Первой мировой войны воевали против России на стороне Австро-Венгрии, Германии и Турции. 1120 казакам во главе с генералом А. К. Гу-сел ычиковым поднесли хлеб-соль не в переносном, а в самом прямом смысле слова: каждому из прибывших вручили каравай теплого хлеба. Такой радости казаки не испытывали давно! Они не могли поверить, что у них в руках по целому караваю! Это было похоже на сказку! От радости они пустились в пляс! А хор Жарова запел казачью песню. Её подхватили. Несколько сотен голосов заглушили военный оркестр.

Когда их привели в столовую на обед, хлеба уже ни у кого не осталось: он был без остатка съеден. После предобеденной молитвы болгары снова выдали хлеб.

Санитарный карантин прошли быстро. Поселили русских за городом, в бывших казармах, специально побеленных к их приезду. Через два дня всех разделили на несколько бригад и отправили на работы: кто-то попал на фабрику или завод, кто-то — на шоссейную или железную дорогу. Заботы по трудоустройству взяла на себя принимающая сторона — Министерство общественных зданий, дорог и благоустройства. Жаров оказался на картонажной фабрике, откуда его через неделю уволили, так как он очень медленно клеил бумажные коробки. Даже инвалиды делали это значительно лучше и сноровистее. Потом он работал на пивоваренном заводе мойщиком пустых бутылок. Там продержался целых две недели. Но и здесь не справился — уволили.

Однажды хористы решили подработать в свободное время. Нашли в Бургасе подходящий зал, расставили по городу самодельные рекламные щиты, зазывавшие публику на вечернее представление. И хотя музыканты выручили всего 240 левов (то есть 8 германских марок или 2 доллара США), но успех был колоссальный. Их долго не отпускали со сцены и просили петь ещё и ещё.

Генерал-лейтенант Абрамов покровительствовал Жарову, считая хор своим детищем, поэтому вскоре предложил перебраться в Софию, где он

занимал один из руководящих постов в Русской армии и мог обеспечить кое-какое финансирование, но самое главное, имел связи в правительственных кругах Болгарии.

Жаров и многие солисты обрадовались переезду, но не все. В хоре возникли серьезные разногласия: певцы из разных воинских подразделений не хотели бросать своих однополчан. Над коллективом нависла угроза распада. Сергей горячо убеждал хористов, что их ждёт светлое будущее и они совсем скоро покорят всю Европу. Однако ему не верили. Поэтому не все переехали из Бургаса в Софию.

Но те, кто остался с Жаровым, не пожалели. В столице открылись новые возможности. Хору очень помогли последний командир 3-й Донской дивизии, а в изгнании командир Гундоровского полка в Болгарии генерал-лейтенант Адриан Константинович Гусельщиков и замечательный русский дипломат Александр Михайлович Петряев. Одной из обязанностей Александра Михайловича было устройство русских беженцев: обеспечение их продуктами питания, одеждой, жильем, улаживание формальностей, связанных с паспортами и визами, поиском работы и т. д.

Услышав в первый раз хор в маленькой церкви при русском посольстве, эти люди отнеслись к нему не формально, а с большим вниманием. Они сделали всё возможное, чтобы помочь жаровцам. Гусельщиков и Петряев организовали несколько выступлений сначала в православных храмах Софии, а затем в монастырях и других городах страны. Денег это приносило хористам немного, зато позволяло заниматься музыкой профессионально, хотя они не отказывались и от дополнительных заработков. Жаров, например, давал уроки пения в одной из гимназий. При этом в Болгарии существовало строгое правило: если эмигрант начинал работать, его снимали с довольствия. Для хористов Петряев сделал исключение.

Интерес к хору рос с каждым днем. Всё больше и больше людей посещали храм, где он пел. В один из летних дней 1922 года хористам предложили дать концерт в Софийском кафедральном соборе Святого Александра Невского, вмещавшем около пяти тысяч человек и построенном по проекту русского архитектора А. Н. Померанцева в память освобождения Болгарии от османского ига.

В день выступления храм оказался переполнен. Кого здесь только не было: бывшие сановники и профессора, военные в поношенных френчах, много казаков, изящные дамы, старухи, дети... Конечно, в основном собрались русские, волей судьбы оказавшиеся на чужбине. Почти все они плакали, когда хор исполнял православные песнопения. Среди них и

знаменитая русская балерина Тамара Карсавина...

Через несколько дней состоялось выступление в свободном театре. И снова с огромным успехом. В концерте приняли участие два известных русских певца, живших в Болгарии, — Капитон Запорожец и Борис Князев. Потом ещё несколько раз они пели с хором в посольской церкви. Постепенно Жаров сблизился с Тамарой Карсавиной, и она стала ему помогать: организовала несколько концертов в американском, испанском и французском посольствах. Карсавина в 1917 году вышла замуж за британского дипломата Генри Брюса, и у неё сложились прекрасные отношения со всем дипломатическим корпусом.

Хористы понемногу стали зарабатывать на жизнь и приобретать уверенность в собственных силах. Жаров, рассчитывая на помощь Карсавиной, даже подумывал о том, чтобы перебраться из Болгарии в более развитые страны Европы. Конечно, он не надеялся там сразу зарабатывать одним только пением, но втайне мечтал об этом. Хор уже насчитывал 32 человека и, по мнению Жарова, был вполне готов к концертной деятельности.

Случайно он узнал, что на севере Франции, в городке Монтаржи, завод, содержащий на свои средства духовой оркестр, хочет обзавестись ещё и хором. Жена директора завода была русской, и ей кто-то рассказал о казачьем хоре. Она заинтересовалась и пригласила хор к себе. Начались переговоры. Проблема возникла с деньгами и визами. У хористов не было никаких сбережений, чтобы оплатить переезд из Болгарии во Францию. Однако, благодаря содействию представителя Лиги Наций барона ван дер Ховена и Тамары Карсавиной, очень скоро все певцы получили французские визы.

Нужно ли было ехать во Францию? Жаров нисколько не сомневался, понимая, что необходимо как можно быстрее вырваться из Болгарии: к лету 1923 года отношения между болгарским правительством Александра Стамболийского и русской белой эмиграцией накалились до предела. Ещё осенью 1922 года болгары арестовали русский депонированный фонд (И миллионов левов) и конфисковали армейское имущество. В сентябре 1922 года выслали из страны некоторых русских военных, в том числе генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, покровителя хора. А в конце декабря 1923 года оставил Софию и перебрался в Сербию дипломат А. М. Петряев. Поэтому в переезде во Францию Жаров видел спасение хора и первый шаг к завоеванию Европы.

Когда французские визы были получены, встал второй вопрос: где взять деньги на дорогу? Помощь пришла от донского атамана, Лиги Наций

и Русской православной церкви. Однако денег на всех не хватило. Некоторых певцов пришлось оставить в Болгарии, пообещав, что, как только хор встанет на ноги, их сразу заберут во Францию.

Примерно в то же время Жаров получил из Праги письмо от знаменитого русского хорового дирижера и композитора Александра Андреевича Архангельского, приглашавшего его к себе помощником за весьма приличное вознаграждение. Архангельский заслужил признание в мире православной духовной музыки как автор оригинальных литургий, всенощной, замечательных Херувимских песен и десяти гимнов «Милость мира». Кроме того, он первым в России заменил в церковных хорах детские голоса мальчиков женскими. Александр Андреевич предчувствовал, что жить ему осталось недолго, и хотел, по-видимому, передать свой хор Жарову. Но Сергей Алексеевич отклонил лестное предложение. Он не только не мог бросить на произвол судьбы своих певцов, но уже не мыслил собственной жизни без хора донских казаков.

Прощались с Софией очень трогательно. В церкви при русском посольстве прошло богослужение. Народу собралось очень много, даже приехали казаки из провинции. Некоторые плакали, тяжело переживая расставание...

Слух об отъезде казаков заставил некоторых антрепренеров засуетиться и предложить хору ангажемент. Жаров не отказался и перед отъездом заработал ещё немного денег.

Обстановка в Болгарии становилась все тревожнее. 9 июня 1923 года в стране произошёл государственный переворот. Правящая партия Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) прекратила свое существование. В стране начались военные действия. 14 июня Стамболийский был убит.

А 23 июня хор Жарова покинул Софию. На вокзал пришло много провожающих. У всех щемило сердце. И вдруг над перроном, над городом, над всем Балканским миром мощно, неудержимо разлилось:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв свободы он.

Зеленеет степь донская,
Золотятся волны нив.
И с простора, слух лаская,

Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины,
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны.

София — Белград

В Монтаржи ехали с радостью. Ненадолго настроение испортил контролер, внимательно и явно недоброжелательно проверивший билеты у странных, на его взгляд, людей. Да еще сквозь зубы предупредил, что чужие вещи ни у кого из пассажиров брать нельзя. Хористов возмутило, что их могли заподозрить в воровстве, но скоро об инциденте забыли. Поезд мчал их среди зелёных травянистых холмов с разбросанными тут и там убогими, деревянными или глиняными, хижинами. Но ни овец, ни пастухов нигде не было видно.

На одном из перегонов спиралью взвилась алебастровая пыль, а когда рассеялась, все увидели сербскую границу. Здесь казаки встретились с русскими офицерами, служившими в сербской пограничной страже, и с русскими сестрами милосердия. Хористов напоили чаем из медного тульского самовара, от одного вида которого у Жарова заныло сердце: вспомнились родной Макарьев и бабушка, каждый день растапливавшая точно такой же самовар.

Тёплую встречу с соотечественниками жаровцы запомнили на всю жизнь. Те рассказали о русских беженцах в Сербии и подбодрили добрыми напутствиями. В порыве благодарности казаки встали на привокзальной площади полукругом и исполнили несколько песен. Сказать, что они завоевали симпатии сербских железнодорожников, — это ничего не сказать. Если бы не отправление поезда, казаки пели бы ещё несколько часов. И исполнители, и слушатели пережили небывалый общий духовный подъем. Жарова внесли в вагон на руках. Больше десятка бутылок красного вина и пакетов с едой дали им в дорогу. Настроение у всех было приподнятое. Время до Белграда пролетело незаметно. Все мечтали о том, как устроятся в Монтаржи: прошлое для них уже умерло, а будущее пока трудно было представить.

Вена

Добраться от Белграда до Вены поездом всем вместе не удалось — не хватило денег. Решили отправиться пароходом. Путешествовали налегке: вещей почти ни у кого не было. Многие хористы не имели даже пальто. Когда нестерпимо захотелось есть, казаки переломили гордость, поднялись на верхнюю палубу и, выстроившись в ряд, запели «Тебе, Бога, хвалим». Успех не заставил себя ждать. Благодарная публика, до этого скучавшая на пароходе, с энтузиазмом и восторгом наполнила пустую хоровую кассу. Импровизированный концерт прошёл на редкость торжественно.

В Вене их встречал заранее извещенный о прибытии хора и знакомый всем ещё в Болгарии представитель Лиги Наций барон ван дер Ховен. Всё в Вене было странно, и прежде всего то, что люди говорили на немецком языке. Почти все хористы, кроме Жарова и ещё двух-трех человек, воевали на полях сражений Первой мировой войны. А врагами были немцы и австрийцы. Образ неприятеля, говорящего по-немецки, за долгие годы войны так крепко засел в сознании, что быстро от него избавиться оказалось непросто.

Однако уже на следующий день пребывания в австрийской столице казаки поняли, что здесь ими никто не интересуется и им ничто не угрожает. Большой красивый город жил своей жизнью и, казалось, к войне никогда не имел никакого отношения. Гражданская война в России, Крым, Чилингр — все это было из другого мира...

Вена — это прекрасно вымощенные улицы и бульвары, залитые вечером электрическим светом, модные, дорогие магазины, манящие прохожих яркими витринами. Особое впечатление на казаков произвела великолепная Рингштрассе с величественными зданиями. Венская аристократия хотела жить в домах, похожих на дворцы. Лицом столицы были гостиницы «Бристоль», «Метрополь», «Захер», «Империял» и «Гранд-Отель». Во всем чувствовался имперский шик.

Жарову вдруг расхотелось ехать в провинциальный французский Монтаржи, однако в Вене его хор никто не ждал. И от одной мысли, что совсем скоро им всем снова придется жить в тесной, грязной казарме для иностранных рабочих, ему становилось не по себе. Целуя нательный крест, он долго просил Бога о помощи, и Господь услышал его. Представитель Лиги Наций барон ван дер Ховен, ставший страстным поклонником хора, порекомендовал его директору концертного бюро в Вене господину

Хеллеру, оказавшемуся очень простым, приветливым и милым стариком, совсем не похожим на одного из самых известных импресарио Австрии. Между тем сейчас именно от него зависела будущая судьба хора донских казаков.

Сергей Алексеевич почувствовал это сразу. Вопросы, заданные ему через переводчика, сразу показали, что перед регентом настоящий профессионал. Прослушивание хора решили организовать в тот же день. Для этого австрийцы предоставили в дирекции бюро (здесь обычно проходили концерты камерной музыки) небольшое помещение с изумительной акустикой.

Вот как вспоминал Жаров это событие: «Изодранные, в разнообразных военных формах, предстали мы перед вершителем нашей судьбы. Почтительно ступали грубыми сапогами по гладкому паркету и коврам элегантных помещений. Всё это было для нас неожиданно и ново. Покорно шли мы в зал концертной дирекции.

Сознание, что здесь, в этих помещениях, уже не раз открывались таланты и что здесь, именно здесь, за сценой, зарождались большие карьеры, увеличило моё волнение.

И вот перед представителями прессы и театрального мира я представил свой хор. Впечатление, произведенное хором, далеко превзошло все ожидания.

Французский фабричный город с замечательным именем Монтаржи так и остался несбывшимся сном. 4 июля в роскошном зале Гофбург должно было под моим управлением состояться впервые выступление хора...»

И оно состоялось. Хеллер сразу угадал, что у хора большое будущее. Первый же концерт он организовал не где-нибудь, а в концертном зале императорского дворца Хофбург — главного здания австрийской столицы, построенного в барочном стиле. Перед концертом Жаров не мог справиться с волнением, понимая, что венцы — самая образованная музыкальная публика в Европе, а значит, и в мире. У неё врождённый вкус и понимание музыки. Поэтому, если концерт пройдет удачно, хору обеспечен выгодный ангажемент. Если нет — потребуются годы, чтобы добиться успеха в Вене.

«Решающий момент приближался. Взволнованным кольцом окружили мы в артистической директора, принимая от него всевозможные советы. В эту минуту не нужен был переводчик. Понимали друг друга. С нашим первым выступлением волновался и он. Его жена, такая же внимательная и заботливая, приняла в нас близкое участие. Она угощала нас чаем с ромом, больше отдававшим ромом, чем чаем. Она беседовала с нами,

успокаивающе хлопала по плечу и всячески выражала к нам расположение.

Эти милые старики заменили нам, в новой, непривычной среде беспомощным детям, напутствующих, любящих родителей. Седой директор объяснил нам, что перед нами уже многие так же стояли перед этим опущенным занавесом, мучимые тем же жутким вопросом: удастся или не удастся? И, как бы повторяя этот вопрос, я спросил по-немецки, как мог:

— Удастся, господин директор, или нет?

— Несомненно, удастся, дорогой мой, будьте смелы и терпеливы.

Мы ещё не верили, что мечтам нашим суждено осуществиться, что через несколько минут мы должны стоять на первой большой европейской эстраде.

Я собрал хористов вокруг себя, отдавая им нужные инструкции. Как жалко они тогда выглядели в своих потёртых, заштопанных гимнастёрках различного цвета и покроя! Один в обмотках, другой — в сапогах...

Я выбрал самых опрятных из них, чтобы закрыть ими, насколько это разрешало разделение голосов, наиболее потрёпанных и рваных. Рваных... Да, мы всё ещё были оборванцами, выходцами из нищего, угрюмого чилингирского лагеря».

И вот настал день концерта. Медленно и торжественно хористы один за другим начали выходить на эстраду. Они шли с таким видом, как будто всю жизнь выступали только в таких залах. Сам Жаров на сцену выходить отказался: сердце его сжалось и, как ему показалось, остановилось. Он вдруг ясно осознал, что его ждёт даже не смерть, а полное уничтожение. Но сделать шаг навстречу судьбе не мог — впал в настоящее оцепенение. При этом отчетливо видел, что директор концертного бюро о чем-то просит его, возбуждённо жестикулируя и указывая на дверь, ведущую на сцену. Но Жаров ничего не слышал и тупо молчал, уставившись в одну точку. Ему вдруг захотелось убежать как можно дальше от этого места, забраться на одну из крыш австрийской столицы и спрятаться так, чтобы его никто никогда не нашёл. Он готов уже был это сделать, как вдруг один из певцов вернулся и выпихнул его на сцену.

Ослепленный ярким светом софитов, он поклонился, оказавшись в центре концертного действия. Совсем рядом, прямо перед ним, в первых рядах, сидела в дорогих нарядах очень солидная, избалованная и пресыщенная знаменитая венская публика, ожидая чего-то невиданного. Ещё никто никогда в Европе не слышал хора каких-то «диких» донских казаков. Все знали, что казаки искусные и неустрашимые воины на полях сражений, но что они умеют ещё и петь, для Европы было в диковинку.

Жаров поднял руки — и в зале наступила гробовая тишина...

Начали с песнопения: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Молитва сначала мягко и бережно, а потом плотно и властно окутала собравшихся. Вена ещё никогда не слышала ничего подобного. Перед богатой публикой стояли чуть ли не босые люди. На ботинке Жарова зияла большая дыра, напоминая о его недавнем прошлом. Но из зрительного зала этого никто не замечал. Происходящее на сцене словно погрузило всех в магический, завораживающий сон. Не понимая слов, венцы слушали песнопение, затаив дыхание, растворяясь в музыке и в то же время впитывая каждый звук.

Зрители очень быстро поняли, что в хоре есть самое главное — искренние певцы, выстрадавшие своё предназначение. Смысл песнопения был так глубок, что слушатели вдруг на какое-то мгновение осознали истинный, духовный смысл жизни. Каждый невольно заглянул внутрь самого себя.

Сергей Жаров вспоминал: «Хор звучал как орган. Вся горесть предыдущей страдальческой жизни трепетала в его аккордах. Так хор ещё никогда не пел. Так никогда ещё не переживал...

Последние звуки прекрасного церковного напева вдохновенной музыки Рахманинова ещё звучали в застывшем зале, когда я опустил руки. Нарастающий шум аплодисментов и криков одобрения разбудил меня к действительности.

А действительность предстала передо мною в лице моих хористов, стоявших на эстраде огромного европейского зала. В оглушительном шуме аплодисментов и в удовлетворенном сознании достигнутого, я повернулся.

Что-то сжало мне горло. В мутной пелене поплыл передо мной зал. Слезы радости и волнения окутали всё туманом.

Опять дирижировал. Опять заставлял замолкнуть всё... Опять слышал аплодисменты. Кланялся, благодарил. Программу концерта провёл как во сне...»

После концерта глоток дорогого французского шампанского обжёг горло. Все хористы, и Жаров в том числе, уже забыли вкус этого напитка. Счастью их не было предела! Все понимали, что настал конец скитаниям и тяжелому физическому труду. А дорога, ведущая в Монтаржи, резко повернула в другую сторону...

— Господин Жаров! Вы будете петь с вашим хором не один раз, а тысячу раз! — поднимая над головой хрустальный бокал, восклицал в восхищении Хеллер.

Гениальный импресарио ни на йоту не сомневался в успехе своих

новых питомцев с того момента, когда сам впервые услышал их. В его кармане уже лежал ангажемент на двухмесячное турне хора по нескольким городам Австрии и Чехословакии, включая Вену и Прагу. Напоследок импресарио пообещал, что скоро устроит гастрольную поездку и по городам Швейцарии.

...Утром Жаров проснулся в своей маленькой, убогой комнатке и обомлел: он не узнавал её. Вся она была заставлена цветами. Сидя на своей по-спартански жёсткой кровати, он заплакал. Перед ним промелькнули последние годы жизни: Крым, Гражданская война, первая репетиция в турецком лагере Чилингир, товарищи, умершие на греческом острове Лемнос... Но это были слёзы не горечи, а радости. Радости от сознания, что русская церковная музыка не умерла, а с новой силой возродилась и прославляет Святую Русь в Европе...

Уже через несколько дней казаки, оставленные в Болгарии по причине финансовых трудностей, присоединились к основному составу хора, у которого началась совсем другая жизнь.

Первые шаги

Тяжелый, мощный паровоз с прицепленными к нему вагонами стоял под парами на центральном вокзале Вены. Певцы во главе с регентом занимали места согласно купленным билетам. Импресарио Хеллер ехал в другом вагоне — 1-го класса. Жарову тоже предложили отправиться из Вены в Грац первым классом, но он отказался. Он и в дальнейшем всегда будет ездить на гастроли только со своими музыкантами и в точно таких же условиях.

Станционный служащий левой рукой резко и коротко дёрнул за шнур паровозного свистка, а правой махнул машинисту, который тут же открыл паровой кран инжектора, — локомотив окутало паром. Показалось, что паровоз сначала присел, потом крякнул, и состав, мелко задрожав всеми вагонами, медленно, с железным лязгом двинулся. Казаки дружно запели:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.
На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет,
Сам весёлый и хмельной.

Паровоз с каждой секундой усиливал тягу. Казалось, машинист всё больше открывает пар. Рессоры мягко покачивали состав. Жаров любил стоять у приоткрытого вагонного окна и смотреть на быстро меняющийся пейзаж: он чувствовал мистическое притяжение дороги, она всегда отодвигала от него страдание и приближала радость встречи с чем-то ещё не познанным, не освоенным и загадочным. После того как мимо промелькнули фермы железнодорожного моста с мощными заклёпками, к нему подошёл один из певцов и, обняв, сказал:

— А знаешь, Серёжа, я ведь не верил, что у нас что-то получится.

Жаров вопросительно посмотрел на собеседника и устало улыбнулся:

— Что красных победим — верил, а что хор создадим — не верил?

— Да, — признался тот. — Я в хор пошёл от безысходности. Всё равно

чем-то нужно было заняться. Но что мы пением начнем зарабатывать деньги — я никогда об этом и не мечтал. Когда однажды в Болгарии после богослужения мы шли с тобой вдоль железнодорожной насыпи, похожей на эту, ты остановился перед шлагбаумом, опустившимся перед нашим носом, и, глядя мне прямо в глаза, воскликнул: «С этим хором можно завоевать мир. Дайте мне его в руки! Хористы не верят, им нужно привить эту веру! Они поверят — и успех, и признание будут». В тот момент я подумал, что ты идиот! Но сейчас вижу, насколько глубоко ошибался.

Теплый летний ветер из открытого окна приятно обдувал лицо. Маленький Жаров, на две головы ниже собеседника, прижался спиной к боевому товарищу и тихо сказал:

— Мы прошли вместе огонь, воду и медные трубы. Так вот медные трубы пройти, оказывается, труднее, чем огонь и воду. Благополучие нас может разделить быстрее, чем горе и страдания. Но мы должны выстоять. Мы должны держаться друг друга. Без хора ни мне, ни вам — не выжить. Без хора мы — ничто. Запомни это!

Жаров знал, о чём говорил. Венские концерты его научили многому. Он окончательно понял, что избрал правильный путь, применив новые подходы к современному хоровому пению. Он построил свой хор на новых принципах: ввел, например, подражание струнному оркестру. В музыкальных кругах России к этому новшеству относились с явно выраженным сарказмом. Поэтому предшественников у него не оказалось. Тонко воспитанная в музыкальном отношении венская публика сразу уловила новизну.

Кроме того, столичная музыкальная жизнь Австрии имела одну особенность. Если что-то происходило за кулисами Венской оперы, то тут же все продавцы, официанты, таксисты и владельцы мелких мастерских начинали оживленно болтать о том, что там случилось. В 20-е годы XX столетия ни одно музыкальное событие в Вене не могло быть не замечено.

Не осталось незамеченным и выступление казачьего хора. Австрийцы из уст в уста передавали, что господин Хеллер вывез из красной России удивительный хор, приговорённый к расстрелу. Импресарио лично выкупил его у Льва Троцкого за баснословные деньги, и, по всей видимости, золотом. Сделано это было только по одной причине: хор оказался уникальным.

И хор подтвердил эту легенду! Донские казаки пели так, как ещё никто никогда до них не пел. За их голосами были слышны стоны родины: казни, лагеря, расстрелы, дым пожарниц, пляски смерти и кровь... Особого эффекта Жаров достигал, когда одну половину хора заставлял петь

открытым, а другую — закрытым ртом. Для особой окраски звука смело начал применять фальцет, тембрально отличающийся от грудного голоса и таким образом придававший хору необычно смелое звучание, при этом расширив его диапазон с обычных двух с половиной до трёх с половиной октав. Развивая партии первых теноров (фальцетистов) до предела второй октавы и опираясь на партии вторых басов (октавистов), певцы добились звучности смешанного хора: с одной стороны, звучали весёлые и переливчатые свежие голоса, с другой им вторили басы — ободряющие, солидные и спокойно-уверенные. Иногда казалось, что хор — это единое существо, дышащее одной грудью.

После Вены их ждал Грац, второй по величине и значимости город Австрии. И снова успех. Зал переполнен. Перед концертом билеты невозможно купить даже у спекулянтов. Выйдя на сцену, Жаров обомлел: все проходы вдоль стен плотно забиты народом: в первых рядах — австрийские генералы с жёнами, вверху — гул галерки. От испуга Жаров скупно, только одним кивком, приветствует собравшихся и поворачивается к ним спиной. Затем колочим взглядом смотрит на своих хористов, требуя от них сосредоточенности и полного внимания. Вид у певцов собранный и очень торжественный. Регент резко поднимает руки, они величественно замирают в воздухе — и вдруг нежным аккордом начинается пение. Сначала оно тихое, приглушённое, но уже через несколько секунд ширится, углубляется, неожиданно превращается в стихию и поглощает весь зал.

После первого номера на сцену не поднялся, а выбежал один из профессоров знаменитого университета Граца. Театрально воздев руки над головой, он закричал в зал:

— Австрийские жёны и матери! Что вы делаете? Вы слушаете этих людей, совсем недавно убивавших ваших братьев, отцов и детей! Опомнитесь! Это разорители нашей родины! Убийцы нашей великой империи! Давайте дружно покинем зал и не будем никогда в жизни их больше слушать.

Жаров, не знавший ни одного иностранного языка, обратился к одному из хористов:

— О чём он говорит?

— Нас хвалит, — ответил тот.

Жаров с благодарностью поклонился зрителям, потом отдельно австрийскому профессору и продолжил концерт, закончившийся оглушительным успехом.

А в Германии произошёл совершенно противоположный случай. Хор выступал в Штеттине (городе, где в 1729 году родилась русская

императрица Екатерина Великая). На концерт пришло много немецких офицеров — участников Первой мировой войны. Им очень хотелось увидеть вблизи «варваров» — донских казаков, доставивших им так много неприятностей на полях сражений. Из-за кулис Жаров заметил, как в зал, поддерживая свою даму за локоть, вошёл седой, с породистым лицом отставной генерал в форме лейб-гусарского полка и устроился в ближайшей ложе. Больше половины зрителей встали, приветствуя его. Позднее Жаров узнал, что это знаменитый германский генерал-фельдмаршал Август фон Макензен, герой боев на Восточном фронте. В конце ноября 1914 года он командовал армией во время Лодзинской операции, когда в какой-то момент поставил русские войска в очень тяжелую ситуацию. Боевые победы Макензена стяжали ему славу «пожарного» — его стали направлять на самые ответственные и тяжёлые участки фронта. С 16 апреля по 15 сентября 1915 года он командовал 11-й армией, совершившей Горлицкий прорыв, известный в Германии не меньше, чем Брусиловский в России. Именно здесь и воевали основные донские казачьи части. Впоследствии войска Макензена взяли крепость Брест-Литовск, где позже большевиками был подписан унижительный для России мирный договор, а затем прославился как покоритель Сербии и Румынии.

Август фон Макензен внимательно и сосредоточенно слушал все песнопения, а когда донские казаки исполнили «Коль славен наш Господь в Сионе» — гимн, написанный в 1794 году композитором Д. С. Бортнянским, генерал-фельдмаршал через своего помощника попросил его повторить. Регент выполнил просьбу, и снова торжественно прозвучал неофициальный гимн Российской империи.

После концерта генерал поднялся на сцену и обратился к присутствующим со словами: «Я приветствую своих главных противников в галицийских сражениях. Казаки, здесь, в мирном концертном зале, я выражаю вам своё восхищение вашим искусством. Вы, эмигранты-офицеры, можете открыто и гордо смотреть в лицо всем, всем, всему свету».

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна

Хотя во время Первой мировой войны Жаров ещё учился в Московском синодальном училище, ему не раз приходилось встречаться с пленными немцами. В самый разгар войны восемнадцатилетнего студента назначили регентом хора военных инвалидов, находившихся под опекой великой княгини Елизаветы Фёдоровны. «Жаровские солдатики» выступали не только в лазаретах — они пели и перед немецкими пленными. За это Елизавета Фёдоровна, гессенская принцесса по рождению и родная сестра императрицы Александры Фёдоровны, была обвинена в пособничестве врагу...

После первой же встречи Жаров по-юношески влюбился в эту женщину: она восхитила его, от нее исходил неизъяснимый свет. (Неудивительно, что позднее, в 1925 году, в 7-ю годовщину ее мученической смерти, архиепископ Анастасий посвятил ее светлой памяти проникновенные слова: «У неё на лице, особенно в глазах, проступала таинственная грусть — печаль высоких душ, томящихся в этом мире».) Он интуитивно почувствовал, что эта женщина станет его покровителем. Так и случилось, но, увы, ненадолго.

Их знакомство состоялось в 1915 году, через несколько недель после того, как по Москве прокатились антигерманские погромы. Во всем обвинили Царскую семью и великую княгиню Елизавету Фёдоровну!

Всё это в конце концов привело к взрыву общественного негодования. Один из московских приставов докладывал: «Я видел толпу в революционные годы, но не видел такой ярости». Действительно, народ, разбившись на многочисленные отряды, растекался по всему городу. Причиной погрома стало и то, что фабрика носила немецкое название. Попутно разъяренная толпа разграбила несколько квартир, владельцы которых, на свою беду, носили немецкие фамилии.

Вначале у беспорядков была хоть какая-то логика. Выявляли людей с немецкими и австрийскими именами. Затем начался хаос: громили не только немецких, но и русских предпринимателей. От бесчинств в Москве «пострадало 475 торговых и промышленных предприятий, 207 квартир и домов. Пострадавшими оказались: 113 подданных вражеских держав; 489 российских подданных с иностранными фамилиями и подданных союзных и нейтральных держав и даже 90 подданных России с русскими фамилиями. Убытки за три дня погрома исчислялись 40 миллионами

рублей», как писали газеты того времени. Такого ущерба не смогла бы нанести русским немецкая авиация за несколько дней бомбежек.

В начале 1915 года запретили на Рождество устанавливать и наряжать ёлки. Даже издали указ, вспомнив, что это немецкий обычай. Поспешно, ещё в сентябре 1914 года, Петербург переименовали в Петроград. В первые дни войны разгромили германское посольство, сбросив с крыши громадных бронзовых коней. Погромщики под снисходительными взорами полиции не только разграбили особняк, но и выбросили на улицу старинную мебель, содрали со стен обои и разбили мраморные статуи, орудя бронзовыми статуэтками эпохи Возрождения.

В 1916 году по Москве разнесся слух, что по поручению немецкого императора Вильгельма II в Россию прибыл великий герцог Гессенский и Прирейнский Эрнст Людвиг, чтобы склонить Николая II к заключению сепаратного мира, и скрывается незваный гость в Марфо-Мариинской обители, основательницей и настоятельницей которой является его родная сестра Елизавета Федоровна.

«Хорошо организованная толпа собралась у ворот и потребовала впустить внутрь — проверить, «здесь ли шпион». Под крики «Немку — долой» и «Выдайте шпиона!» толпа ринулась на приступ. Ворота оказались незапертыми. Прямо за ними стояла Елизавета Федоровна. Наступавшие опешили. Великая княгиня ровным голосом спросила, желают ли пришедшие говорить с ней. Вперед выступили зачинщики. На их вопросы относительно Эрнста Елизавета Федоровна ответила, что его не было и нет в обители и что они могут в этом убедиться, осмотрев все помещения. В эту минуту появился конный отряд полиции. Толпа рассеялась».

Через несколько дней Елизавета Федоровна встретила со знаменитой оперной певицей Марией Климентовой-Муромцевой, первой исполнительницей на сцене Мариинского театра в Петербурге роли Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Климентова-Муромцева была вдовой С. А. Муромцева, выдающегося русского правоведа, одного из основоположников конституционного права России и председателя I Государственной думы (1906). Во время Первой мировой войны обе женщины стали сестрами милосердия и помогали раненым, как русским, так и немецким. Они решили создать хор из православных солдат-инвалидов и организовать его выступления в военных госпиталях и лазаретах. Поэтому обратились к директору Московского синодального училища А. Д. Кастальскому.

К их затее Александр Дмитриевич отнесся весьма скептически, но отказать двум высокопоставленным дамам не посмел и решил отделаться

от них, порекомендовав в качестве регента одного из своих самых нерадивых учеников — Сергея Жарова, предупредив, что тот никакими выдающимися музыкальными способностями не обладает, характер имеет строптивый, но больше у него для хора никого нет. Когда Елизавета Федоровна и Мария Николаевна увидели кандидата, присланного Кастальским, обе не на шутку расстроились: перед ними стоял мальчик лет двенадцати. Однако Жаров очень серьезно отнесся к поручению. Уже через несколько недель, обойдя все крупные госпитали Москвы и Подмосковья, побывав вблизи линии фронта, он набрал хористов. В таком составе инвалиды выступали не только в госпиталях и лазаретах, но даже в храме Христа Спасителя — главном православном соборе Москвы.

И конечно же несколько раз пели в Марфо-Мариинской обители, где жила подвижнической жизнью Елизавета Фёдоровна. Здесь не было ни одного деревца, посаженного не по её распоряжению. Во внешнем облике обители соединилось искусство сразу нескольких гениев: архитектора А. В. Щусева, скульптора С. Т. Конёнкова, художников В. М. Васнецова, входившего в ближний круг великой княгини и её покойного мужа, и П. Д. Корина (в ту пору ученика Васнецова), женившегося впоследствии на одной из сестер обители.

Светская жизнь Елизаветы Федоровны оборвалась после смерти мужа — великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора: бомба социалиста-революционера Ивана Каляева разорвала его на части 4 февраля 1905 года при подъезде к Никольской башне Кремля. После этой трагедии Елизавета Федоровна навсегда отошла от прежней жизни и посвятила себя служению Богу: основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия, однако монашеский постриг не приняла.

Первую попытку заключить её под стражу как «урожденную немецкую принцессу», замешанную в пособничестве немцам, Временное правительство предприняло весной 1917 года, но арестовали её и вывезли из обители по приказу большевиков латышские стрелки на Пасхальной неделе 1918 года. Убили её зверски в том же году в Алапаевске, заштатном городишке в 140 километрах к северу от Екатеринбурга...

Об этом Жаров узнал из газет, когда после развала австрийского фронта вернулся в родной Макарьев, где в начале лета был мобилизован в Красную армию. Потом был плен, переход под знамёна генерала К. К. Мамонтова, вступление в Донскую армию генерала Ф. Ф. Абрамова... Но чувство благодарности к великой княгине Елизавете Федоровне Жаров пронес через всю жизнь. Она была первой, поверившей в его талант, отнёсшейся к нему с материнской лаской и заботой, которых он был лишен

после ранней смерти матери. И самое главное — она помогла ему создать первый хор (пусть и из солдат-инвалидов), первый настоящий музыкальный коллектив, давший ему бесценный художественный и организаторский опыт.

В 1992 году Архиерейский собор Русской православной церкви канонизировал великую княгиню Елизавету Федоровну и причислил её к лику святых, включив в Собор новомучеников и исповедников российских.

Глава 4

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГАСТРОЛИ

В январе 1924 года хор Жарова оказался в Швейцарии. Гастроли продолжались целый месяц. Пели в Лозанне, Женеве и в кантоне Невшатель. Выступления проходили успешно, однако в Берне их подстерегли неприятности. Дело в том, что у всех донцов были только транзитные визы, не позволявшие так долго находиться в стране. После проверки документов им предписали покинуть Швейцарию в течение 24 часов. А как раз на следующий день хор должен был выступить на берегу Невшательского озера, расположенного на высоте 429 метров над уровнем моря. После долгого совещания со швейцарским продюсером концерт решили не отменять.

Как только прозвучала последняя нота, музыканты впопыхах побросали в чемоданы и сумки вещи и, даже не заходя в гостиницу, помчались на вокзал, едва успев на отходящий во Францию поезд. Однако состав так и не пересек границу, а остановился в нескольких километрах от неё. Ждать другой поезд времени не было. Жаровцы решили добираться до границы на санях несмотря на то, что температура воздуха понизилась до минус 20 градусов, а никто из хористов не имел теплых вещей и перчаток. Но дальнейшее пребывание в Швейцарии грозило большими неприятностями и крупным денежным штрафом.

Саней на всех не хватило, поэтому в них побросали чемоданы и сумки, а сами встали на полозья. Такой живописной группой певцы со своим регентом, словно шайка разбойников, устремились к Понтарлье. Держась за жерди, некоторые отморозили пальцы и выпали из саней. Добираться до заветной границы им пришлось пешком. Но пограничную полосу пересекли все вовремя — со швейцарскими властями никому разбираться не пришлось.

Только на следующее утро в гостинице в Понтарлье все поняли, насколько устали. Многие простудились и потеряли голос. С персоналом гостиницы говорить по-французски было очень сложно — хористы только били себя по бокам и кукарекали. Никто из певцов не мог толком объяснить, что им нужны сырые куриные яйца для восстановления голоса. Наконец кто-то додумался нарисовать на салфетке курицу и яйцо и передать официанту. Через несколько минут появились две корзинки: одна

— с куриными яйцами, другая — с перепелиными.

К вечеру, отдохнув, все задумались: что делать дальше? В Швейцарию возвращаться нельзя. Во Франции их никто не ждет. Да и денег на проезд не хватит. Из Франции выехать тоже невозможно: виза у всех только французская. И вдруг вспомнили о призрачном городе Монтаржи. Казалось, это единственное место, где их кто-то может приютить. Но Жаров принял другое решение — ехать в Ниццу. Зачем, для чего, к кому? Этого никто не знал, и Жаров в том числе.

Город поразил казаков блеском и богатством, безумным и беспечным, не знающим границ и цели. Даже не верилось, что, когда они мучились в Чилингире, кто-то наслаждался такой жизнью. В Ницце жило много русских, и в первый же день удалось устроить концерт в городском казино. Он прошёл с большим успехом, хотя в какой-то момент был на грани срыва: во время выступления публика громко разговаривала, а официанты очень шумно подавали или убирала посуду. Регент резко оборвал концерт и отказался петь. Напуганная дирекция обратилась к публике с просьбой: «Тишины!» Все официанты и крупье замерли. И когда в зале шум на какое-то мгновение затих, началось не пение, а разговор с Творцом.

Жаров умел по-своему трактовать давно знакомую каждому музыку. Ему всегда удавалось открыть в ней потаенные смыслы. А задушевность и проникновенность рождали отклик в сердце каждого слушателя. Все собравшиеся в казино вдруг забыли, зачем они сюда пришли. Публика словно погрузилась в глубокий транс...

В Каннах удалось дать несколько концертов, но с коммерческой точки зрения они были не очень удачными. И все-таки многие влиятельные газеты Лазурного берега писали о казачьем хоре с восторгом, предрекая ему великое будущее.

После Канн сделали короткую остановку на юго-востоке Франции, в Провансе, в коммуне Антиб. Здесь через представителя Лиги Наций Жаров провёл переговоры о гастрольной поездке по Италии. Чудом снова удалось получить транзитные визы через Швейцарию и дать несколько концертов в Женеве. Дальнейший путь вёл через Турин в Милан.

Земля Джузеппе Гарибальди

Почему-то по приезде в Италию все заговорили о Джузеппе Гарибальди. Один из солистов хорошо знал историю пламенного борца за свободу родной страны и рассказывал всем, что революционный путь Гарибальди начался в Таганроге, где он, капитан торгового судна, встретился в 1833 году с итальянским эмигрантом Джованни Баттиста Кунео и стал участником движения «Молодая Италия». Через 27 лет борьбы под руководством Джузеппе Гарибальди Италия объединилась.

Казаки в поезде шутили, что, по милости знаменитого итальянского революционера, им сегодня не нужно получать визу для пересечения границы между Ломбардией и Пьемонтом. Хористы, изрядно выпив красного французского вина, благодарили Господа, Таганрог и Джузеппе Гарибальди за избавление от бюрократических проволочек.

По пути из Турина в Милан хор посетил множество итальянских городков. Всюду имел успех, но зарабатывать сущие гроши. Утешало одно: зрители приносили итальянское вино и угощали таким сыром, какого хористы никогда в жизни не пробовали: грана падано, фонтина, горгонцола, битто, таледжо, маскарпоне... После этой поездки Жаров стал знатоком сыра и в дальнейшем в ресторанах пугал официантов своими познаниями в сыроварении.

Поразила казаков и пьемонтская кухня, особенно удивительно вкусная смесь холодной жареной телятины с тунцом, под майонезом, с корнишонами и каперсами. Иногда их баловали рыбным супом с мидиями, осьминогом, креветками, кальмарами и другими морепродуктами. Почти все казаки пробовали такие блюда впервые в жизни. Однако подобное случалось редко. Обычно довольствовались холодной водой, свежим хлебом с лигурийским оливковым маслом и иногда ризотто.

В Ароне им повезло: их угостили пьемонтскими улитками с чесноком и сливочным маслом. Может быть, поэтому они выбрали именно этот городок постоянным местом пребывания в Италии. Отсюда выезжали в однодневные гастрольные поездки. Покровителем города, расположенного в южной части одного из красивейших озер мира — Лаго-Маджоре, был святой Грациан, память которого ежегодно отмечают 13 марта. Хор принял участие в городском празднике и заслужил искреннее признание властей и жителей. Однако его финансовое положение не улучшилось.

Денег катастрофически не хватало. Иногда питались только один раз в

день. На концерты в окрестные города отправлялись пешком. Бывало, за день проходили больше 20 километров. Но никто не унывал. Жили весело. После Чилингера все понимали, что такое счастье! Жаров любил повторять: «Счастье — это когда несчастья нет». Все хористы чувствовали, что с каждым днем их коллектив становится всё сильнее. С неподдельным энтузиазмом они продолжали верить в своего регента и знали, что их светлое будущее не за горами. Иногда, возвращаясь после концерта пешком, устраивали соревнования: кто быстрее дойдет до гостиницы. Трое первых получали призы — спагетти.

Местные итальянские газеты лестно отзывались об экзотическом хоре донских казаков. Но главное — о них не забыла и швейцарская пресса, начавшая самую настоящую борьбу против правительства из-за необоснованного выдворения из страны такого замечательного музыкального коллектива. Как это ни удивительно, но журналисты одержали победу. Визы на въезд в Швейцарию были получены, а последние концерты на Лигурийском побережье принесли и хороший доход.

Германия в 1924 году

В Швейцарии задержались ненадолго. Уже в мае хор оказался в Германии. Газеты писали, что в Париже открылись VHI Олимпийские игры, а на парламентских выборах во Франции убедительную победу одержал левый блок. В Германии же чувствовалось, что страна движется вправо. Много говорили о путче А. Гитлера и Э. Людендорфа, о чудовищной инфляции и обесценивании бумажной немецкой марки. Покупательная способность немцев оставалась невысокой, однако уже первые концерты в Штутгарте показали, как нуждались они в качественной музыке: все билеты были распроданы мгновенно. Это заставило Жарова и солистов изрядно понервничать. Они понимали, что значит выступать перед германской публикой, весьма образованной в музыкальном отношении, особенно в том, что касается хорового пения. Однако всё обошлось. Швабские газеты писали: «Состоящий из 35 человек хор явился сенсацией в мире хорового пения. Мы тоже располагаем прекрасными мужскими хорами, но их умение даже отдаленно не напоминает то, что нам вчера было преподнесено донским казачьим хором...»

Никакой враждебности к русским немцы не проявляли. Наоборот, чувствовался неподдельный интерес к русскому искусству, к казачьему хоровому пению.

Потом были гастролы во Франкфурте, Мюнхене и Бреслау. И повсюду аншлаг. Искушенная публика Германии, где жило много высокообразованных эмигрантов, хорошо понимала, что регент требовал от исполнителей прежде всего точной передачи текста песен и полного вживания в их образную структуру. Роль каждого певца продумывалась до мельчайших деталей, а каждый звук, каждое слово должны были быть пропущены через сознание. Добиться этого можно только при одном условии: на репетициях любое произведение пропевали несколько раз слово за словом, фразу за фразой, с необходимыми повторениями, пока не достигали совершенства.

При концертном исполнении демонстрировали широкий эмоциональный диапазон — от глубокого отчаяния до внезапно обжигающего счастья, что вообще характерно для души русского народа. Жаровцам для этого не требовалось усилий и искусственной наигранности: пройдя через ад Гражданской войны, они до дна выпили чашу человеческих эмоций — от муки до радости, что остались живы. Поэтому

любой текст исполняли эмоционально наполненно. И публика это ценила, одаривая музыкантов бурными аплодисментами.

Настоящий триумф ожидал казаков в Баварии. Вернувшись в Мюнхен, певцы видели, как перед концертом зал окружила конная полиция, стараясь сдержать публику, стремившуюся попасть внутрь без билетов: все до единого были раскуплены задолго до начала гастролей. Донской хор был уже хорошо известен во всей Германии.

Во время концерта в одну из лож в сопровождении важных особ проследовала высокая пожилая женщина. Как позже узнал Жаров, это была Мария София Баварская, в 1859 году вышедшая замуж за Франческо де Бурбона, в будущем последнего короля Обеих Сицилий.

Когда войска Гарибальди высадились на западном побережье Сицилии, один из его генералов осадил крепость Гаэту. Её защитница королева Мария София проявила чудеса храбрости: днем и ночью она обходила госпитали, принося необходимые медикаменты и еду раненым. При этом крепость постоянно обстреливали с моря. Некий швейцарский офицер, воевавший на стороне неаполитанского короля, предложил ей спрятаться в одном из казематов, но она лишь ответила: «Как немка и королева, я обязана сделать все, что от меня зависит, чтобы облегчить долю тех, кто страдает по нашей вине».

Об этом героическом поступке написали многие европейские газеты: «В калабрийской шляпе, закутанная в длинный плащ, она была прекрасна. Молодая, красивая и храбрая женщина была достойным представителем королевства, защищавшего свою последнюю цитадель. Однажды во время бомбежки королева находилась слишком близко к окну — осколок стекла поранил ее лицо, но она лишь усмехнулась: «Очень невежливо со стороны врага никогда не оставлять меня в покое».

Однако в конце концов защитникам крепости пришлось сдаться. Гарибальдийцы превратили Гаэту в дымящиеся руины. Русский царь Александр II, восхищенный красотой и храбростью королевы, наградил ее 26 февраля 1861 года за мужество орденом Святого Георгия 4-й степени. После смерти в 1894 году мужа, Франциска II, королева вела затворнический образ жизни в Германии. Больше времени предпочитала проводить со своими многочисленными собаками, чем с людьми. На публике появлялась редко, но при этом слыла очень тонким ценителем хоровой музыки.

Её присутствие на концерте казачьего хора в Мюнхене произвело настоящий фурор. Более того, после концерта она пригласила весь хор на следующий день к себе. Кто-то из советников подсказал ей, что регент

обожает чай. И 84-летняя женщина, с истинно королевским достоинством, даже сама ухаживала за Жаровым и следила, чтобы его стакан постоянно был наполнен до краев.

— Господину регенту ещё чая? — заботливо спрашивала она.

Регент смущался, но пил, проклиная про себя того, кто поведал королеве о его несуществующей слабости. Но очаровательная аристократка уходящей эпохи так элегантно предлагала «еще чашечку», что отказаться было невозможно. Жаров выпил больше семи стаканов.

Сообщение о «королевском чаепитии» попало в несколько немецких газет, и к Жарову навсегда пристала слава знатока и любителя чая.

Встречи с Рахманиновым

После небывалого успеха в Баварии хор оказался в Дрездене, где дал подряд 10 концертов. После одного из них в артистическую регента вошёл высокий мужчина, и Жаров сразу узнал великого русского композитора, пианиста и дирижера С. В. Рахманинова. Сергей Васильевич любил Дрезден. Ещё в 1906 году он провел там всю зиму и начал писать оперу по драме М. Метерлинка «Монна Ванна». После революции жил в Стокгольме, Лондоне, Париже... Потом в Америке. И вот в 1924 году снова в Дрездене.

Друзья настойчиво советовали ему посетить концерт хора донских казаков, считая его уникальным явлением русской культуры. Рахманинов долго отнекивался, ссылаясь на занятость, но его убедили, что он не пожалеет. «В этом хоре, — говорили знакомые, — как и у Римского-Корсакова, каждая нотка русская». Но оказалось, что не только каждая нотка русская. Рахманинову почудилось, будто эти люди принесли с собой на чужбину всю Россию...

Давно Сергей Васильевич не переживал столь сильного духовного подъема и гордости за свою Родину: его слух то с восхищением, то с настороженностью впивался в каждую ноту песнопений. В такие мгновения все другие хоры, по сравнению с казачьим, казались плоскими, без глубины и перспективы, а их музыка — легко исчерпаемой... В то время как исполнение жаровцев позволяло воспарить над обыденностью, погрузиться в глубинную стихию самой музыки, обратиться к изначальной ее природе, к первоистокам.

Однажды, встретившись с Жаровым после концерта, Рахманинов не выразил восхищения, расточая похвалы и комплименты. На вопрос Сергея Алексеевича, как ему понравился хор, Сергей Васильевич ответил: «И на солнце есть пятна. И у вас есть шероховатости. Надо работать, ещё много работать».

В Дрездене Жаров встречался с Рахманиновым несколько раз. Композитор убеждал регента, что ему не хватает веры в себя. Поначалу Жаров недоумевал: чего-чего, а уж веры в себя у него с избытком. Но речь шла о другом: нужно научиться умело себя и подавать, и продавать. «Возьмите, например, Вагнера, — рассуждал Рахманинов. — До этого немецкого композитора публика относилась к музыке очень потребительски: не уважала ни композитора, ни исполнителей. В

зрительный зал и на концерты входили когда заблагорассудится. Вагнер положил этому конец! Он заставил людей на свои оперы приходиться к точно назначенному часу. Запретил во время спектакля болтаться по зрительному залу. Вынудил аристократов и богачей сначала уважать композитора, оперных певцов и музыкантов, а потом и преклоняться перед ними. Вагнер совершил не только музыкальную революцию в опере, но и административную. У него надо учиться! Именно после вагнеровских постановок в опере началась новая театральная эпоха. Благодаря Вагнеру театр стали воспринимать как храм искусств».

Жаров с большим вниманием слушал поучения Сергея Васильевича. «А вот ещё один пример, — продолжал Рахманинов. — Антон Григорьевич Рубинштейн. Получив приглашение от английского короля, он явился во дворец. Но не был посажен в том зале, где обедал король. Приглашенный был оскорблен до глубины души. Поднявшись после обеда, он заплатил фунт и покинул зал».

Очень понравился Жарову и случай с Францем Листом, рассказанный великим композитором. Во время турне венгерского музыканта по России Николай I пригласил его ко двору. Когда наступило время исполнения, Лист сел за рояль и начал играть. Через мгновение император наклонился к своему соседу и стал ему что-то шептать на ухо. Лист прекратил игру и, повернувшись к императору, учтиво спросил: «Ваше Императорское Величество, я не мешаю вашему разговору?» — «Нет, — ответил Государь. — Продолжайте». После исполнения музыкант получил все причитающиеся ему деньги за не сыгранные ещё в России концерты и предписание покинуть страну в течение 48 часов.

Эти наставления пошли Жарову на пользу. Через несколько лет он будет выступать перед многими монаршими особами. Во время одной из встреч Рахманинов и Жаров долго вспоминали Московское синодальное училище церковного пения, его директора А. Д. Кастальского и других педагогов, а также то, как 25 ноября 1910 года, после первого исполнения литургии Святого Иоанна Златоуста (Божественной литургии), Рахманинов погладил по бритой головке маленького Сережу Жарова...

Общие воспоминания сближают — беседы регента и композитора становились все более душевными, но касались не только житейских тем. Рахманинов давал много полезных советов талантливому дирижеру. Один из них Жаров усвоил на всю жизнь.

— Не размахивайте руками, — как-то сказал Сергей Васильевич. — Чем короче движение, тем у вас больше возможностей усилить звук, увеличивая постепенно движение. Только короткие жесты производят

впечатление на хор.

Эти наставления Жаров успешно применял на практике. Не зря его позже прозвали «безруким дирижером». Движения его после встреч с великим композитором стали очень скупыми и отточенными. Ненавязчиво, за несколько встреч, Рахманинов научил его, как нужно уделять самое пристальное внимание любой детали, даже самой незначительной микропаузе. Объяснил, как публика должна слышать дыхание автора, как должны звучать те или иные музыкальные образы. И как этого добиться с математической точностью. А в заключение сказал: «Вы должны быть смелее в отношении аранжировки. Способности у вас есть. Делайте все сами. Специальных аранжировщиков для мужского хора нет».

В альбоме хора Сергей Рахманинов 25 сентября 1927 года оставил запись: «Много счастья и успеха великолепному хору». А 19 ноября 1935 года из Нью-Йорка писал Емельяну Клинскому: «С Жаровым я познакомился ещё в Москве, когда он был совсем маленьким мальчиком с чудесным голосом, певшим в нашем знаменитом Синодальном хоре. С Жаровым — регентом хора донских казаков — я встретился лет 10 назад в Дрездене. Сразу было видно, что регент хора прошёл прекрасную, быть может, лучшую в мире школу хорового пения — Московский синодальный хор и что его учителем был такой мастер и знаток своего дела, как регент Данилин.

Что особо ценно в этой организации — это её спаянность, её внутренняя дисциплина, основанная, с одной стороны, на товарищеских отношениях всех хористов друг к другу и к своему регенту, и в то же время подчинение хора единой воле и авторитету своего руководителя. Несколько лет тому назад, здесь, в Нью-Йорке, хор Жарова доставил мне истинное наслаждение, исполнив в закрытом концерте ряд моих любимых духовных песнопений. Хорошо поют они духовную музыку!»

Снова Австрия

Жаров чувствовал, что за год гастролей накопилась физическая и моральная усталость. Это ощущал не только он, но и весь коллектив. Денег теперь было достаточно, чтобы позволить себе паузу. Кроме того, регент понимал — хор набран не из профессиональных музыкантов, а из людей, просто научившихся петь. И с ними нужно ещё очень много работать. С кем-то позаниматься дикцией, научить более выразительно и эмоционально передавать словами чувства, кто-то ещё не владеет в полной мере певческим дыханием, не умеет его правильно переводить. Да и, несмотря на колоссальный успех у зрителей, практически все певцы хора не умели пока раскрывать психологическую глубину не то что церковного песнопения, но и простой русской песни так, как хотелось Жарову. Одним словом, нужно овладевать общей музыкальной культурой и прививать вокальные навыки, хотя некоторым хористам казалось, что они умеют всё.

Для отдыха выбрали деревушку Ренндорф, расположенную на равном удалении от Зальцбурга и Граца, на берегу чудесного австрийского озера. Стоял июль 1924 года. Ночью хор на лодках переправился через озеро и с казачьими песнями вошел в деревню. Напуганные жители боялись открыть ставни и в паническом страхе смотрели в оконные щели на то, что происходило на улице. А там по дороге, с чемоданами и сумками в руках, шагали казаки и пели:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям, эх,
Нынче здесь, а завтра там.

Проснувшись наутро, хористы увидели, что деревня будто вымерла. Кто-то распустил слух, что приехали русские казаки, которые начнут по ночам резать местных жителей. Последующие действия селян были вполне предсказуемы — ведь во время Первой мировой войны средства массовой пропаганды Австро-Венгерской империи представляли казаков самой свирепой силой русской армии. Первого обитателя деревни казаки увидели на улице только в полдень. Крестьянин, в куртке из вареной шерсти и коротких кожаных штанах, боязливо озираясь, прошел мимо дома, где

поселились хористы.

Лавки и магазины весь день были закрыты. Как ни мала казалась австрийская деревушка, но в ней имелись три ресторана, две пивные и две парикмахерские. И все жители с ужасом ожидали грабежей и погромов. Дети и девушки вообще несколько дней не появлялись на улице. Местные не отвечали даже на обычные приветствия: *Guten Tag* или *Guten Morgen*. Смешно и грустно было видеть, какое искаженное представление простые австрийцы имели о России.

Преодолеть отчуждение помогла музыка! Ежедневные репетиции разожгли любопытство крестьян. Жаров каждый день требовал от певцов и особенно солистов большей эмоциональной отзывчивости и выразительности в рисунке пения. Со слабыми хористами часто работал отдельно, следуя дидактическим принципам постепенности и последовательности усвоения материала. Ещё в Турции и Болгарии он обучил почти всех основным вокально-техническим приемам, но их требовалось постоянно совершенствовать. К каждому регент находил особый творческий подход и особое личное отношение.

Погода тем летом стояла чудесная. Купались каждый день. Подолгу валялись на пляже, и казалось, что никогда не было ни Гражданской войны, ни эвакуации из Крыма, ни лагеря для интернированных в Чилингире. Чуть ли не каждый день приезжали журналисты или музыкальные критики из Граца, Зальцбурга и даже из Вены. Региональная пресса писала о русском хоре через день.

Постепенно местные жители стали гордиться, что в их деревне проводит отпуск такой замечательный музыкальный коллектив. Уже все со всеми здоровались, по вечерам вместе пили пиво и шнапс, а потом разгоряченные казаки танцевали с ренндорфскими девушками австрийские и русские танцы, часто наступая тяжелыми сапогами на их белоснежные туфельки.

Однако всему приходит конец. Местные жители провожали русских с цветами. Многие плакали. У некоторых хористов завязались любовные романы, и они клялись вернуться, как только смогут, хотя впереди их ждала дальняя дорога и неизвестность.

Продолжение гастролей

Во второй половине августа 1924 года прибыли в Голландию. Только в Гааге дали 17 концертов. Выступили и на знаменитом морском курорте Схевенинген. Церковные песнопения произвели на голландцев огромное впечатление. Хор продемонстрировал такое бесподобное пианиссимо, такой изумительный речитатив, такую широту музыкального диапазона, каких даже музыкально образованные голландцы никогда не слышали. Пели «Блажен муж» киевского распева, «Благословен еси, Господи» и «В церкви» (П. И. Чайковского), «Спаси, Боже» и «Господи, сохрани» (П. Г. Чеснокова).

В Гааге выступали во Дворце Мира. Идея создания этого монументального здания родилась во время I мирной конференции по разоружению, созванной по инициативе Николая II в 1898 году. Дворец был построен под патронажем русского царя и королевы Нидерландов Вильгельмины на деньги американского железнодорожного магната и мецената Эндрю Карнеги.

Сильнейшее эмоциональное впечатление на слушателей произвело исполнение «Господи, сохрани», где на основе, созданной тенорами, басы вели мелодию в стиле древних песнопений. Всё это было ново в вокально-хоровом искусстве. Особую торжественность песнопение приобрело, когда звук стал постепенно, ступенчато нарастать, а последняя фраза «Господи, сохрани их на многая лета» была пропета в форте-фортиссимо всем хором. По отзывам голландской прессы, это было изумительно.

В Берлин хор прибыл 17 сентября. Несмотря на сложное для немцев время и проигранную Первую мировую войну, город оставался европейской столицей и, кроме того, литературной столицей русской эмиграции. Однако поначалу он принял певцов холодно: лица берлинцев дружелюбия не выражали, все были заняты только своими делами. С утра на улицах можно было увидеть множество красных знамен, потом неожиданно появлялись люди с факелами в руках, а еще позже элегантные мужчины и дамы в нарядных платьях. С правительственных аэропланов то и дело разбрасывали какие-то листовки, но из хористов по-немецки тогда почти никто не говорил и не мог прочитать, что в них написано. А кто говорил, читать не хотел: певцы так устали от революционных потрясений, что даже самый худой мир казался им счастьем.

На концертах в Берлине многие русские эмигранты плакали навзрыд,

как дети. А один бывший купец 2-й гильдии, по всей видимости пьяный, бросился в ноги регенту и стал целовать его сапоги. Первый концерт дали перед представителями прессы. Зал был небольшой, приблизительно на 400 человек. Однако успех превзошел все ожидания. Отзывы немецких журналистов во многих столичных газетах и журналах были столь восторженными, что это позволило в ближайшие дни выступить в грандиозном Спорт-Паласе, построенном в берлинском районе Шёнеберг на Потсдамер-штрассе в 1910 году для хоккейных состязаний и бокса и вместившем на концерте казачьего хора около 7 тысяч зрителей.

Жаров вспоминал: «Программа прошла с исключительным успехом. Так нас никогда не встречали! 7000 человек кричали и требовали бесчисленных повторений. Мы бисировали 10 раз. Администрация театра должна была со сцены официально заявить, что концерт окончен. Потушили огни. Мы давно покинули театр, а там всё ещё волновалась и кричала наиболее настойчивая часть публики».

После концерта музыкантов всегда ждали в ресторане хорошо прожаренный шницель с картофелем и кружка отличного баварского пива. На каждом ужине обязательно присутствовал кто-то из русских эмигрантов. Часто бывали немецкие журналисты и деятели культуры. Разговоры вели не столько содержательные и интеллектуально насыщенные, сколько радушные и ностальгически трогательные.

Сентиментальные немки мечтали завести роман с былинными русскими воинами, последними ушедшими с боями из советской России, и, как вспоминал впоследствии солист хора Иван Ассур, отказа им не было...

Многие русские писатели побывали на концертах жаровцев: Андрей Белый, Алексей Ремизов, Николай Минский, Лев Шестов, Алексей Толстой, Борис Зайцев, Илья Эренбург, Николай Бердяев, Игорь Северянин, Федор Степун, Марк Алданов... Всех не перечислить!

По приглашению писателей-соотечественников Жаров с несколькими солистами посетил в Берлине ресторан «Тары-Бары», где каждый вечер стонали балалайки, гитары и домры, а гости пытались постичь загадочную русскую душу, так глубоко исследованную Федором Достоевским. Но немцы, сидевшие и пьющие пиво, ровным счетом ничего не чувствовали. Для них всё вокруг было веселой азиатчиной, Востоком: музыканты в красных сапожках и бархатных шароварах, в вышитых голубыми цветами рубахах с ярко-красными кушаками. Настоящий лубок! Да и само заведение соответствовало своему названию: буквальное значение слова «тары-бары» — «пустые разговоры, болтовня».

Каждый из приглашенных сюда солистов вдруг отчетливо осознал, как ему повезло. Ведь если бы не Сергей Алексеевич, его судьба обязательно сложилась иначе. Газеты писали, что едва не каждую неделю из Шпрее вытаскивали тело какого-нибудь русского эмигранта, покончившего жизнь самоубийством. И оставшиеся в живых понимали, что страшна не сама смерть, а унижительное, нищенское прозябание за границей. А хор делал и

свою жизнь, и жизнь многих русских эмигрантов более осмысленной.

После Берлина концерты прошли в Дрездене, Лейпциге, Кёльне, Дюссельдорфе и других городах Германии. Такими насыщенными гастролями стали потому, что Жаров заключил первый полноценный контракт с немецкой фирмой, профессионально занимающейся концертной деятельностью. Эта же фирма организовала выступления хора сначала в Бельгии, а затем в Англии.

Лондон

Во второй половине 1925 года хор прибыл на железнодорожный вокзал Виктория, названный так в честь королевы Великобритании, в правление которой он был открыт. Англия встретила музыкантов классическим лондонским дождем и матовым туманом. Лондон был самым населенным городом мира до 1925 года, когда его опередил Нью-Йорк. Музыканты это почувствовали сразу, еще при переходе с перрона на вокзальную площадь, где их ждал автобус. Такого потока транспорта они не видели ни в одной столице мира: фургоны, автобусы, кареты, кебы, трамваи, лошади, люди... В воздухе висели свинцовые круги выхлопных газов. На площадях всё двигалось по кругу, а потом растекалось по улицам-лучам. По дороге в гостиницу слева от автобуса неожиданно зазвучал духовой оркестр, а метров через двести салон наполнили звуки волынки. В этом городе всё гудело и грохотало.

Разместившись в отеле, казаки, прошедшие Первую мировую и Гражданскую, боялись выйти на улицу: им было страшно просто сойти с тротуара. Казалось, что их вот-вот собьёт или автомобиль, или двухэтажный омнибус, или королевский почтовый фургон ярко-красного цвета... Но через несколько дней они освоились, и Лондон даже стал им нравиться: Вестминстерское аббатство, Риджентс-парк, Тауэр, собор Святого Павла, площадь Пиккадилли-сёркус... Они уже дали несколько концертов и почувствовали притягательный шарм этого города, одновременно чопорного и экстравагантного, подавляющего и завораживающего, внушающего робость, но и дарящего ощущение свободы...

Пожалуй, это было второе нашествие донских казаков в английскую столицу после знаменитого посещения Лондона Александром Григорьевичем Землянухиным (станичное прозвище Витиченков). В 1813 году, после взятия Гамбурга, русское командование решило сообщить об этом событии своим союзникам-англичанам и направило в Лондон небольшую миссию из представителей русской армии, в числе которых оказался и простой донской казак Землянухин. Этот 54-летний воин находился 15 лет в отставке, но, когда началась война с Наполеоном, вслед за двумя своими сыновьями простым добровольцем-ополченцем отправился на театр военных действий. Его командиром был подполковник Н. С. Сулин 9-й, который в сентябре 1812 года привел свой полк под

Тарутино.

Землянухин активно участвовал в преследовании отступающей французской армии. Побывал в жарких боях под Вязьмой и Вильной и не раз сталкивался лицом к лицу с неприятелем, который при ближайшем рассмотрении оказывался не французом, а баварцем, саксонцем, датчанином, испанцем, итальянцем, голландцем или, в большинстве случаев, поляком. Именно донской казак А. Г. Землянухин стал центром маленькой русской миссии в Лондоне.

По английской столице поползли слухи, что донские казаки сыграли решающую роль в выдворении Наполеона из России. И Землянухин их не рассеивал, а, наоборот, только подогревал. Крепкий, сильный, высокий, мускулистый, бородатый казак почтенного возраста производил впечатление полудикого азиата. А его вооружение вызывало ошеломляющий интерес у английской публики, боготворившей его. Многие аристократические дамы мечтали заполучить хотя бы волосок из его бороды.

Вот как описывала Александра Григорьевича лондонская газета «Морнинг кроникл»: «Рост казака около шести футов; он сильного и коренастого телосложения, и хотя у него суровая, воинственная наружность, но лицо довольно выразительное и доброе... Борода у казака длинная, кудрявая и седая; волосы на голове менее седые, зачесаны назад, на шее около шести дюймов длины; а на лбу острижены коротко и ровно. Одежда его состоит из синего кафтана и шаровар, сшитых из толстого сукна, и широких сапог с круглыми носами. Руки казака необыкновенной ширины и с короткими пальцами, но он с большим искусством владеет оружием, состоящим из пистолета, ружья, сабли и длинной пики, и, по-видимому, вовсе не чувствует их тяжести».

Принимал Землянухина даже лорд-мэр Лондона, давший по этому случаю торжественный обед. Что уж говорить об английской аристократии и лондонских купцах, непрерывно зазывавших донского казака на всевозможные обеды и увеселительные мероприятия. Когда он появлялся верхом на коне в Гайд-парке, встречные прохожие приветствовали его боевым русским кличем при атаке: «Ура! Ура! Ура, казак!» Точно так же сто лет спустя приветствовала английская публика и певцов казачьего хора, встретив их где-нибудь на Флит-стрит или Даунинг-стрит.

Донского казака Землянухина принял английский принц-регент Георг, а теперь хор донских казаков с огромным успехом выступил перед королем Георгом V в Виндзорском замке — резиденции британских монархов в графстве Беркшир, родовом имении Королевской фамилии. В конце Первой

мировой войны, в июле 1917 года, Георг V отказался от всех личных и семейных германских титулов и изменил название царствующей династии с Саксен-Кобург-Готской на Виндзорскую. В марте 1917 года он официально отказался принять при своем Дворе отрекшегося российского императора Николая II и его семью, фактически закрыл ему въезд на территорию Великобритании (после чего Временное правительство отправило царя вглубь России, обрекая его на верную гибель).

Хористов при личной встрече поразило внешнее сходство убиенного русского царя и Георга V. Матери английского короля и Николая II были родными сёстрами, дочерьми короля Дании Кристиана IX и королевы Луизы, урождённой принцессы Гессен-Кассельской. Однако никто не ожидал, что двоюродные братья могут быть так похожи.

Концерт в английской королевской резиденции состоял из двух отделений: духовного и светского. Гофмейстер предупредил регента, что Его Величество не очень хорошо себя чувствует, но, несмотря на недомогание, король с королевой пришли на концерт. И, судя по всему, не пожалели. В этих залах никогда ещё не звучала такая музыка — проникнутая верой, скорбью, болью, любовью и одновременно протестом. Каждое песнопение было реквиемом по утраченной родине, исполненным нежности и сострадания.

Уже с первых нот в концерте Д. С. Бортнянского «Тебе, Бога, хвалим» слушатели ощутили, что эти простые казаки привезли в Англию не только себя, но и пол-России. России не А. Н. Скрябина и И. Ф. Стравинского, а страны истинно православной веры. Веры, воспринятой из византийской культуры! Баритоны по легкости и красоте тона напоминали звучанием виолончель. Басы обозначали ещё не раскрывшуюся молодецкую удаль. Тенора — мягкость и кротость, однако, приближаясь к фальцету, подчёркивали, что эти мягкость и кротость не подлинные, не истинные. При этом все басы, тенора и баритоны при каждом скупом, легком жесте Жарова свободно переходили от низкого регистра к высокому и наоборот. Альты, намеренно лишённые регентом силы и металла в голосе, зазвучали в Виндзорском замке более мягко, чем обычно, что, при замечательной акустике, послужило прекрасным дополнением к тембру фальцетистов.

Сергей Алексеевич понимал, что если английскому королю понравится выступление, то судьба хора будет устроена на долгие годы. И не ошибся. После концерта король направился к сцене, а Жаров, увидев это, не задумываясь, спрыгнул с почти двухметровой высоты. Смелая выходка привела в восторг не только Георга V, но и всю свиту. Король и королева пожали регенту руку и принялись расспрашивать об истории хора.

Переводчиком неожиданно для всех выступила великая княгиня Ксения Александровна, дочь царя Александра III и сестра Николая II. Жаров был знаком с «переводчицей». Во время Первой мировой войны, когда он с хором инвалидов выступал в госпиталях и больницах Центральной России, Ксения Александровна, посвятившая себя милосердию, сформировала санитарный поезд, с которым не раз выезжала в районы боевых действий. В 1919 году она вместе с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, и другими родственниками эмигрировала в Европу. Первые годы жила в Дании, в Копенгагене, а затем, после смерти матери, переселилась в Великобританию. Английский король предоставил ей и ее детям в безвозмездное пользование коттедж Фрогмор-хаус — загородную резиденцию членов британской Королевской семьи, расположенную в километре от Виндзорского замка. При этом мужу её, великому князю Александру Михайловичу, жить там запретили на том основании, что он ещё до Первой мировой войны изменял супруге. Однако, скорее всего, это было связано с тем, что великий князь, внук Николая I, однажды заикнулся о том, что английская корона должна вернуть семье Романовых хотя бы часть денег и золота, которые Николай II хранил в английских банках...

Выслушав рассказ о создании хора и его мытарствах, королевская чета поблагодарила регента и удалилась, а хористов пригласили на экскурсию по парадным залам Виндзорского замка. В резиденции британских монархов им показали государственные палаты, нижний двор, интерьер средневековой часовни Святого Георгия, где восхищение казаков вызвала превосходная коллекция рыцарских доспехов и оружия, и, наконец, комнату, где некогда останавливался последний русский император Николай II.

Потом состоялся торжественный обед в одном из рыцарских залов, стены которого были увешаны рапирами и геральдическими щитами. Каждому хористу прислуживал особый лакей, одетый в гвардейскую форму. Не зная английского придворного этикета, казаки пили воду из хрустальных чаш, предназначенных для омовения рук. А гвардейцы-лакеи, будто не замечая этого, щедро и молча подливали в чаши воду. Обед был скромным, но изысканным. Сначала, в качестве аперитива, предложили джин. Затем был луковый суп с фуа-гра. Далее — жаренное с добавлением виски говяжье филе, так называемый кельтский стейк, а на десерт — шоколад и белые персики из оранжереи Виндзорского замка. Напоследок принесли чёрный чай с молоком и сахаром в чашечках из костяного фарфора с гербом Королевской семьи. Завершилась обеденная церемония бокалом шампанского.

Не обошлось без курьезов. Один из лакеев, стоя позади правофлангового баса, по-видимому, принял его за главного в хоре и подал ему три раза подряд говяжье филе. Солист же, думая, что так полагается по этикету, не задумываясь, проглотил все три порции, довольно внушительных размеров каждая.

Уже через несколько часов вечерние газеты Лондона сообщили о небывалом успехе казачьего хора в Виндзорском замке. Цитировались отзывы короля и ещё нескольких членов королевской семьи о выступлении русских артистов. На следующий день информация о концерте попала во все разделы светской хроники большинства ведущих английских газет. Успех хору на Туманном Альбионе был обеспечен. Предложения по организации концертов посыпались со всех сторон. Британская пресса регулярно освещала то или иное их выступление, так что о донских казаках, несомненно, знал весь образованный Лондон.

Однако 18 марта 1925 года отчеты о триумфальных гастролях русских артистов потеснила в буквальном смысле слова горячая новость: на Мэрилебон-роуд, в знаменитом Музее мадам Тюссо, случился пожар, и сотни восковых фигур, которые хористы мечтали увидеть, но пока не успели, сгорели. Огонь уничтожил большинство экспонатов. Вот что по поводу происшествия писала английская пресса:

«Знаменитый Музей восковых фигур Мадам Тюссо сильно пострадал прошлой ночью в результате пожара. Пожар начался в 10.30 вечера. В 11.30 верхний этаж напоминал бушующую печь. Кровля обрушилась, за исключением купола в западной части музея. Десятки пожарных машин прибыли на место, и около 10 000 человек собралось в районе музея. Пожар потушили к полуночи. Все наполеоновские реликвии уничтожены. Общую сумму ущерба пока невозможно подсчитать. Крыша и верхний этаж главного здания полностью разрушены...

Очевидец, живущий напротив Музея мадам Тюссо, рассказал в интервью, что пожар был чудовищный. Красно-золотые языки пламени взметнулись на высоту 50 футов над крышей здания. Было отчетливо слышно шипение плавящихся восковых фигур».

Среди зевак, толпившихся на пожаре, были и хористы. Потом они долго обсуждали случившееся, споря, какие экспонаты музея сгорели, а какие уцелели.

В Лондоне казаков поразило, что никто из мужчин никогда не ходил с непокрытой головой. Люди из светского общества обязательно носили цилиндр. Котелки выдавали представителей более низкого сословия, а кепи указывало на принадлежность к социальным низам. Жаров распорядился

для всех певцов сшить новые папахи донского войска. Вскоре, переполненные детской радостью, хористы горделиво фланировали по улицам английской столицы в щегольских обновках. Ведь папаху для казака — не просто головной убор. Это стиль жизни, предмет особой гордости. Папаху нельзя обронить, а тем более потерять, то и другое считается позором.

Еще в давние времена на Дону говаривали: «Папаху носят не для тепла, а для чести». У папахы есть одна особенность: она не позволяет ходить с опущенной головой. Поэтому казак всегда должен держать голову прямо. Серьезным оскорблением считалось сбить папаху с головы. Такой поступок означал позорное унижение противника. Потерять папаху можно было только вместе с головой. Поэтому в папахах носили деньги, важные документы и даже ценные вещи.

Неудивительно, что жаровцы гордились новыми каракулевыми папахами. Почти у всех такие дорогие головные уборы появились впервые в жизни! Певцы не могли налюбоваться и собой, и папахами. Особенно их восхищал красный верх и вышитый на нем крест — символ православной веры.

Многие вспоминали Дон... Когда папаху погибшего на войне казака привозили в его дом и клали рядом с иконами, это означало, что семья находится под защитой Бога и общины. В такой дом никто не мог войти без приглашения старшей в доме вдовы. А если вдова выходила замуж, то казак, женившийся на вдове, приносил к Дону папаху погибшего и пускал ее по воде со словами: «Прости, товарищ, не гневайся. Не грехом смертным, но честью беру твою жену за себя, а детей твоих под свою защиту. Да будет тебе земля пухом, адуше райский покой».

Жаровцы отслужили панихиду и возложили венок к могиле неизвестного воина, убитого на европейских полях сражений во время Первой мировой войны. Его похоронили в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве, 11 ноября 1920 года, одновременно с погребением французского неизвестного солдата под Триумфальной аркой в Париже. Две эти могилы первыми увековечили память солдат, павших в Первой мировой войне. Почти все певцы хора были участниками тех кровавых событий и разделяли боль и скорбь по безвременно ушедшим. Поэтому их песнопение произвело неизгладимое впечатление на английских слушателей.

Через несколько дней состоялся концерт в Оксфорде, где хористы с нескрываемым удивлением узнали, что первым русским, кому присвоили звание почётного доктора знаменитого университета, был донской атаман Матвей Иванович Платов. В 1814 году, после заключения Парижского

мира, он сопровождал в Англию императора Александра I. Общее собрание всех сословий Лондона решило преподнести сабли особо отличившимся полководцам антинаполеоновской коалиции. К тому времени слава о бравом казаке докатилась и до Туманного Альбиона, и в почетный список, наряду с российским генерал-фельдмаршалом князем М. Б. Барклаем-де-Толли, прусским генерал-фельдмаршалом князем Г. Л. Блюхером фон Вальштаттом и австрийским фельдмаршалом князем К. Ф. цу Шварценбергом, был включен и генерал от кавалерии Матвей Платов.

На клинке сабли, изготовленной лучшими оружейниками, был вытравлен текст: «Атаману Платову в знак уважения к глубоким познаниям его, блистательным дарованиям, высокому духу, непоколебимому мужеству». По просьбе Лондонского магистрата подарок Платову вручал сам герцог Веллингтон.

Узнав об этом, казаки во дворике колледжа Магдалины встали в круг и исполнили одну из своих любимых песен — «Славим Платова-героя»:

Славим Платова-героя,
Победитель был врагам.
Победитель был врагам.
Слава казакам-донцам!

Первые пластинки

К 1965 году хор донских казаков Сергея Жарова записал 250 пластинок общим тиражом более 12 миллионов экземпляров. Первые пластинки на 78 оборотов были изготовлены в Германии ещё в 1924–1925 годах на звукозаписывающей граммофонной фирме *Columbia*. В дальнейшем пластинки хора выпускали такие ведущие фирмы, как DECCA, *Concert Hall*, POLYDOR, *Deutsche Grammophon* и многие другие. Поэтому приведённое выше число (12 миллионов) является довольно условным: невозможно подсчитать, сколько точно пластинок на 78 оборотов было выпущено на тонком, более хрупком, бьющемся и на более прочном, толстом шеллаке. Такие пластинки производили до 1950 года.

Среди первых произведений, записанных на шеллаке, казачья песня «Славим Платова-героя», романс «Вечерний звон» на стихи И. И. Козлова и музыку А. А. Алябьева, «Песня Алёши Поповича» из оперы А. Т. Гречанинова «Добрыня Никитич», романс «Колокольчик» («Однозвучно гремит колокольчик...») на слова крепостного крестьянина И. И. Макарова и музыку А. Л. Гурилёва (обработан в начале XX века композитором-любителем К. Сидорчуком).

Потом появились граммофонные записи таких произведений, как «Вдоль по Питерской», «Красный сарафан», «Барыня», «Хоровод», «Вдоль по улице метелица метет...» и «Очи чёрные» — одного из самых известных в мире романсов на русском языке на слова украинского поэта и писателя Е. П. Гребёнки и музыку Ф. Германа и А. Феррарис.

Пластинки в аранжировке Жарова пользовались невероятной популярностью не только у русских эмигрантов, но и у любителей музыки всех европейских стран. Небывалый коммерческий успех вынудил звукозаписывающую фирму *Columbia* обратить внимание и на церковную музыку. Так появились пластинки с записями песнопений: «Благослови, душе моя, Господа», «Блаженны», «Верую», «Херувимская песнь» (в обработке А. Д. Кастальского), «Достойно есть» (греческого распева).

Несмотря на огромные тиражи пластинок, до нас дошли считанные экземпляры. Во многом это объясняется тем, что звукосниматель в то время весил более 100 граммов и быстро изнашивал дорожку. После проигрывания одной стороны диска стальную иглу требовалось менять на новую, чем часто пренебрегали, так как владельцы граммофонов не хотели нести дополнительных расходов. В результате пластинка быстро приходила

в негодность.

В конце 1920-х годов произошла революция в мире грамзаписи: вместо записи через рупор стали пользоваться электроакустическим методом — записью через микрофон. За счёт уменьшения искажений частотный диапазон расширился со 150—4000 до 50—10 000 Гц. Это значительно улучшило качество выпускаемой продукции. Изменился и размер диска, теперь он стал 10 дюймов, или 250 мм. На таких пластинках помещалось в полтора раза больше материала, чем на стандартных 7-дюймовых.

К 1940 году этот размер стал самым популярным. Скорость обычной пластинки в то время была 78 об./мин, а дорожка представляла собой Архимедову спираль. Все пластинки вращались по часовой стрелке. Часто в 1930-х годах граммофонные пластинки выпускались с одной композицией на одной стороне, и один концерт одного исполнителя продавался в комплекте из нескольких пластинок, обычно в картонных или, реже, кожаных коробках.

С 1953 года хор начал активно сотрудничать со звукозаписывающей фирмой *Deutsche Grammophon* и к 1965 году выпустил 2,5 миллиона пластинок. Её основал легендарный американский изобретатель немецкого происхождения Эмиль Берлинер. Он же первым в мире запатентовал в 1887 году новое устройство под названием «граммофон». А в 1895 году открыл первую компанию, занимавшуюся продажей граммофонных записей, — *Berliner Gramophone*. Через два года заработал её филиал в Великобритании — *Gramophone Company* (в настоящее время EMI — одна из крупнейших звукозаписывающих компаний мира), а ещё через год, в 1898-м, в Германии, в его родном городе Ганновере, появилась фирма с хорошо сегодня известным названием — *Deutsche Grammophon*. С ней Жаров сотрудничал на протяжении многих лет.

13 сентября 1965 года состоялась торжественная церемония присуждения высшей музыкальной награды Германии — «Золотого граммофона». Её вручил Жарову директор фирмы *Deutsche Grammophon* Ганс Вернер Штейнхаузен. Конечно, сегодня тираж 11 миллионов пластинок за 12 лет сотрудничества мало кого удивит. Но не будем забывать, что речь идёт о 50-х и 60-х годах прошлого века, а для того времени это — гигантское число, тем более что изготовление виниловых пластинок было дорогостоящим процессом.

В 1948 году компания *Columbia* (США) представила новый стандарт скорости воспроизведения — 33 1/3 об./мин. Пластинки, записанные с такой скоростью, получили название *long playing records* или сокращенно

LP. Эта скорость осталась основным стандартом при производстве виниловых пластинок и в наше время. Новая технология позволила уплотнить звуковые дорожки и добиться продолжительности звучания сначала до 15 минут на одной стороне диска, а затем до 25–30 минут. Кроме долгоиграющих виниловых пластинок, хор выпустил ещё огромное количество синглов — одно-или двухпесенных пластинок на 45 об./мин.

В 1958 году по инициативе Свято-Никольского фонда, возглавляемого князем Алексеем Друцким, были изданы три знаменитые фонограммы, занявшие почетное место во всей дискографии хора: «Литургия», «Панихида» и «Песнопения Великого поста». Произведения были записаны специально, чтобы русские эмигранты, разбросанные по всему миру и не имеющие возможности посещать православные храмы, могли хотя бы в записи услышать православное богослужение и насладиться им...

Однако вернёмся в 20-е годы прошлого столетия.

Турне по Австралии и Новой Зеландии

До первых дней весны 1926 года, как в калейдоскопе, мелькали один за другим города Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Чехословакии и Франции. 11 марта выступили на Лазурном берегу, у подножия знаменитой горы Фарон. На этом европейские гастролы закончились. Предстояло длительное путешествие в Австралию.

Отправлялись на пароходе из Тулона в ночь на 13 марта. В ожидании прощального гудка казаки собрались на верхней палубе и, не сговариваясь, вспомнили, как покидали Крым. Кто-то, как Жаров, уходил из Керчи, кто-то — из Севастополя, кто-то — из Ялты... Но всем выпала одна судьба! И теперь, глядя, как в ночной темноте медленно растворяются огни Тулонского порта, каждый ощутил щемящую, пронзительную боль и тоску. Жаров заметил, что у многих на глаза навернулись слезы. После окончания Гражданской войны прошло всего пять лет, и раны были ещё свежие... Но, несмотря ни на что, все продолжали верить, что скоро обязательно вернуться на родину!

Первая остановка была в Неаполе. Среди пассажиров преобладали англичане. Казаки, вооружившись словарями, пытались во время путешествия выучить английский язык. Жаров тоже предпринял такую попытку, но из этого ничего не вышло. До конца дней он по-настоящему ни один иностранный язык так и не осилил. Но на пароходе многие певцы во главе с регентом старались запоминать как можно больше иностранных слов. Некоторые даже отправились с англичанами в Помпеи на экскурсию, которую проводили местные гиды на английском языке.

— Неужели вы ни разу не видели руины Помпей? — спрашивали удивленно британские попутчики.

— Нет, — отвечал Сергей Алексеевич.

— Каждый культурный человек хотя бы раз в жизни должен обязательно побывать в Помпеях, — назидательно разъясняли ему.

В то же время те же самые люди считали, что Москва находится в центре Сибири, а о таких городах, как Смоленск или Архангельск, они вообще никогда не слышали. Но скоро Жарова перестали раздражать даже британцы. Он и его хористы вошли во вкус морского путешествия: ходили по палубе в белоснежных костюмах и пробковых шлемах и внешне ничем не отличались от остальных пассажиров-европейцев.

На подходе к Суэцкому каналу пароход стал на якорь в Порт-Саиде.

Второй помощник капитана рассказал казакам, что статую Свободы, символ США, первоначально планировали установить как раз в Порт-Саиде, дав ей имя *Свет Азии*, но тогдашнее правительство Египта, опасаясь, что перевозка из Франции и установка окажутся слишком дорогими, отказалось от этой затеи. После чего статуя под новым именем — «Свобода, озаряющая мир» отправилась в США.

Высадившись из лодок на берег, хористы осмотрели город, отдаленно напомнивший им кварталы Стамбула, и выпили очень горячего сладкого зеленого чая, который виртуозно разливали в специальные стаканы с метровой высоты. К их удивлению, в Порт-Саиде они встретили очень много соотечественников, перебравшихся сюда из Туниса или Турции.

Большую часть Суэцкого канала прошли ранним утром. Потом одноименный залив и Красное море. Следующая остановка была в Коломбо, на Цейлоне. Каждый день Жаров проводил на палубе репетиции и спевки. Одни и те же произведения пропевали в разном темпе и в разной тональности, при этом то уменьшая, то увеличивая звучность хора. То усиливая динамику, то ослабляя. То вдруг лавинообразно срывая хор с тончайшего пианиссимо на фальцет, достигая при этом колоссального эффекта и внутренней взволнованности, передающейся от исполнителей слушателям. Как правило, в те годы Жаров никогда не держал перед собой партитуру. Она была у него в голове. Точнее, она там жила и изменялась в зависимости от его настроения. А оно могло стать другим в любую секунду, и хористы это отлично знали. Никогда не перечили ему, потому что понимали: регент не тиранствует, а ищет высший музыкальный смысл.

В Коломбо русские столкнулись с совершенно им неведомым миром. Впервые узнали, что такое муссонные дожди. Когда влажность воздуха доходила до 90 %, дышать и то было трудно, не говоря уже о пении. Всё было непривычно: и природа, и люди, и слоны на улицах. На каждом шагу предлагали свои услуги рикши, некоторые чересчур навязчиво...

Цейлон был британской колонией, и хористы встретили здесь двоих земляков с Дона, которые служили в английском таможенном ведомстве. На Цейлоне ещё помнили, как в 1891 году остров посетил молодой цесаревич, будущий император Николай II, — портрет его можно было купить в любой лавчонке.

В 1890 году, возвращаясь с Дальнего Востока, в одном из своих писем Антон Павлович Чехов написал: «Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне». А в другом его письме можно прочитать следующее: «Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное

очень хорошая штука».

Жаров на этот раз мог бы не согласиться с Чеховым. Его совершенно не привлекала местная экзотика: ни пальмы, ни бронзовые женщины... Наоборот, раздражала! Он вспоминал Москву, Макарьев на Унже, русские монастыри и церкви. Там ему было спокойно и уютно. Хотелось забиться куда-нибудь в русскую глушь, например в скит, и не уезжать оттуда никогда... Но это было невозможно!

Корабль странствий нёс его уже из Коломбо в Аделаиду. В своей книге Емельян Клинский так описал это плавание, основываясь на воспоминаниях самого Жарова: «Буря. Волны, огромные, как горы, пенясь, разбивались о борт парохода. Они подползали под него, поднимая его высоко на свой хребет. Они расступались под ним, повергая его в глубокую пропасть. Ночь выла и бесновалась. Мы лежали пластом на своих койках без сна, боясь сдвинуться с места. Вдруг что-то ударило, громко и раскатисто... Колокол. Огромный колокол. Мы всполошились. Неужели это было сигналом?

— Ребята, — раздался вдруг голос хорового танцора. — Тревога! Готовиться акулам на ужин! Не слышите колокол?

А оторвавшийся колокол с глухим звоном катался по палубе, наводя панику на пассажиров...»

Наконец прибыли в Аделаиду — самый крупный город штата Южная Австралия, расположенный на берегу живописного залива Сент-Винсент. От пассажиров хористы узнали, что город был основан в 1836 году и назван в честь королевы Аделаиды, супруги правившего с 1830 по 1836 год британского монарха Вильгельма IV.

В австралийском порту казаков встретили со всеми подобающими почестями. Представители местной концертной администрации вручили Жарову огромный букет цветов и провели импровизированный митинг по случаю прибытия хора. После торжественных речей музыкантов рассадили в 15 автомобилей и повезли в город. По пути сделали несколько остановок — повсюду их ждали люди. Жаров и хористы со всеми раскланивались, пожимали руки, изредка обнимались. Иногда собиралось так много народа, что приходилось на время перекрывать уличное движение. Казаки были поражены таким сердечным приёмом!

Тем не менее уже на первом концерте русские певцы столкнулись с трудностями. Австралийцы совершенно не воспринимали духовно-православную музыку. Она была чужда им. Но в то же время приходили в неописуемый восторг от народных песен и танцев. Пришлось спешно изменить репертуар, отказавшись от многих песнопений в первой части

программы и расширив остальные.

После нескольких концертов в Аделаиде их ждал оглушительный успех в главном городе Австралии того времени — Мельбурне. Затем гастроли прошли в городах штата Квинсленд — Тувумбе, Брисбене и Ипсуиче. И наконец, последней точкой маршрута стал Сидней — промышленный и финансовый центр Австралии. Здесь они дали 22 концерта.

По прибытии в Сидней в порту их встретили хлебом-солью представители русской диаспоры. Встреча прошла очень трогательно. Австралийские гастроли продолжались семь недель. Хор участвовал в записи радиопередачи на сиднейском радио, что способствовало росту его популярности в англоязычной части Южного полушария. Несколько раз пели в русском православном храме. Между русской общиной в Австралии и казаками сложилось полное духовное взаимопонимание.

Тем не менее, как это обычно бывает, неприятности не заставили себя ждать и застали Жарова врасплох: 10 хористов во главе с «верным» помощником Петром Ивановичем Голиевым и Тихоном Семеновичем Аскочинским (его Сергей Алексеевич подобрал в Болгарии чуть ли не умирающим от голода) заявили, что остаются на пятом континенте. Для регента это был удар ниже пояса. Из 38 певцов хор покидали 10. Некоторые из них отправились на гастроли с семьями, и Жаров понимал, что уговаривать их остаться в хоре — бесполезно. Однако не удержался и высказал все, что думает о таком предательстве.

В конце концов пришли к компромиссу: «ренегаты» всё-таки поедут с хором в Новую Зеландию, а затем возвратятся в Австралию. Сергей Алексеевич понимал, что казаков тянет к земле. Настраниковались они по миру... Но потерять 10 человек в разгар гастролей было катастрофой!

Но и она показалась пустяком в сравнении с бурей, настигшей казаков по дороге из Сиднея в Крайстчерч. Такого шторма они не видели никогда в жизни! Океан гудел и содрогался с такой силой, что все изображенное на знаменитой картине Айвазовского «Девятый вал» казалось детской забавой! Люди в трюмах стояли на коленях и молились, Несколько человек даже подумывали о самоубийстве. Чудовищная вакханалия продолжалась ровно сутки, пока Господь не смилостивился, вняв православной молитве.

На следующий день, в 7 утра, стюард как ни в чём не бывало разнёс по всем каютам завтрак — чашку чая и печёное яблоко. Ступив на новозеландский берег с опозданием ровно на сутки, музыканты вдруг отчётливо осознали, что до начала концерта осталось всего три часа. Подкреплялись на ходу кто как мог: одни — грецкими орехами, другие —

вином... Кто-то перочинным ножиком счищал застывшую рвоту с рубашки и опрыскивал это место одеколоном. Концерт, конечно же, спели кое-как. Жаров, никогда не прощавший небрежности и всегда требовавший высокого исполнительского мастерства, на этот раз был снисходителен. На руку певцам сыграло и то, что публика осталась довольна.

В Новой Зеландии хор принимали так же хорошо, как и в Австралии. Сергея Алексеевича познакомили с самыми видными представителями маори — коренного народа страны. Местной европейской публике больше понравились казачьи песни с плясками, а коренным жителям — православное песнопение в обработке А. А. Архангельского «Воскресение Христово видеvше» и ария из оперы А. Т. Гречанинова «Добрыня Никитич», где жаровцы достигли подлинного совершенства в психологически точной передаче разгула природной стихии, особенно в припеве «Ветры буйные, морозные...».

С этой же программой выступали в Крайстчерче, Окленде и Веллингтоне, пока не настало время прощания с теми, с кем провели семь труднейших лет жизни. Расставание было тяжелым и очень трогательным. Все плакали, кроме Жарова. Он думал, где найти замену покинувшим хор певцам, ясно осознавая, что тонкая эмоциональная и духовная ткань коллектива серьезно повреждена. А как быстро её залатать — пока не знал. Для него хор был смыслом жизни, для оставшихся в Австралии — эпизодом протяженностью всего лишь в несколько лет.

Пароход направлялся от берегов Новой Зеландии в английский Саутгемптон через Панамский канал. Оставшиеся на твёрдой земле «предатели» долго махали белыми платочками вслед кораблю, пока он не скрылся из виду...

На следующее утро жаровцы, освоившись в каютах и на палубах, окунулись в морскую повседневность: кто-то отправился читать журналы в кают-компанию, кто-то — играть в шахматы в курительном отделении, кто-то — смотреть американский фильм с Чарли Чаплином, а кто-то — дремать в шезлонге на верхней палубе... После обеда стюарды заботливо развезли на тележках горячий кофе с пирожками.

На второй день капитан провел учения на случай катастрофы: пассажиры были разбиты на группы по количеству мест в шлюпках. Каждый получил спасательный жилет, с 98 которым в первые минуты не знал, что делать. Но все быстро во всем разобрались. Теперь пассажиры знали, как следует поступать, если судну будет угрожать опасность.

После двух дней отдыха начались репетиции. Одновременно жаровцы оккупировали кухню. Они научили английских поваров готовить борщ и

котлеты. Русская еда понравилась многим пассажирам, и на третий день все путешественники стали одной большой дружной семьей.

Канал, соединяющий Панамский залив Тихого океана с Карибским морем, проходили днём. Все высыпали на палубу и с любопытством смотрели во все стороны: пассажиры были потрясены грандиозным гидротехническим сооружением, состоящим из двух искусственных озёр, соединённых каналами и углубленными руслами рек, а также двумя группами шлюзов. Испанский король Карл V ещё в 1534 году мечтал о таком канале, чтобы золото инков легче было доставлять с побережья Тихого океана на побережье Атлантического.

Однако запустить канал удалось только в 1920 году. На его строительстве были заняты более 75 тысяч рабочих, 20 тысяч из них погибли под завалами и от тропических болезней. Пароход, на котором плыли хористы, вдоль шлюза передвигал особый электрический локомотив, так называемый электромул. Проводка судна по каналу через шлюзы заняла приблизительно 7 часов. Певцы с удовольствием фотографировались на фоне чуда гидротехнической мысли.

К вечеру вышли в Карибское море и взяли курс на остров Кюрасао, входящий в группу Малых Антильских островов. Название острова происходит от испанского слова *curation*, что значит «исцеление». Остров был открыт в 1499 году испанским мореплавателем Алонсо де Охедой, высадившим здесь, по пути на материк, нескольких членов экипажа, умирающих от цинги. Каково же было его удивление, когда на обратном пути в Испанию он нашёл на острове всех своих моряков живыми и здоровыми. Люди исцелились благодаря тому, что питались фруктами, богатыми витаминами, а они на благодатной земле росли в изобилии. Сначала эта территория принадлежала испанцам, но затем перешла под голландское управление. Если первых привлекало золото, то вторых — богатый урожай фруктов, орехов и кукурузы. Защищаясь от карибских пиратов, остров быстро оброс фортами и другими оборонительными сооружениями. Центром его стал город Виллемстад, куда и пришвартовался пароход с казаками.

Смотреть в городе было, в общем-то, нечего, поэтому хористы дружно отправились в винодельни — попробовать знаменитый ликер «Кюрасао». История напитка уходит в далекое прошлое, точнее, в то время, когда на острове только начало развиваться сельское хозяйство. Первые поселенцы обнаружили здесь обширные плантации апельсиновых деревьев, но плоды их имели очень горький вкус. (Такой сорт апельсинов в Испании называют «Валенсия».) Однако через некоторое время выяснилось, что их кожура,

высушенная на солнце, содержит эфирные масла с очень приятным ароматом. Так на острове был изобретён ликер «Кюрасао» с неповторимой вкусовой гаммой. Все хористы отведали изысканный напиток, но знатоки «винных дел», пригубив стаканчик с ликёром, многозначительно заявили: «Слишком мудрено. Нам попроще бы...» На том и порешили.

Через несколько дней хор благополучно пересек Атлантический океан и прибыл в Саутгемптон. С нескрываемым нетерпением спускались певцы по трапу. Некоторые даже отказались от такси и отправились в отель пешком, чтобы чувствовать наконец под ногами твердую почву.

Глава 5

ФЕНОМЕН ХОРА ЖАРОВА

Весть о феноменальном хоре Сергея Жарова распространилась по всей Западной Европе. И когда донские казаки приехали в Париж, о них уже знали. Русская эмиграция ждала их с особым нетерпением. Первая встреча Жарова с французской столицей состоялась 26 августа 1926 года.

Город поразил неряшливостью и нечистоплотностью: на тротуарах из больших железных ящиков вываливался вонючий мусор, а канализационные люки были забиты грязными тряпками. Даже на Елисейских полях из общественных уборных по мостовой текли зловонные ручьи. Полчища алжирцев предлагали орешки, лоточники — фрукты, мясники в перепачканных кровью передниках — мясо. Кто-то играл на шарманке, кто-то пел песни, а кто-то, прямо на Елисейских полях, с помощью овчарки пас овец. Таким предстал Париж перед нашими музыкантами!

В гостиницу заселились только поздно вечером. Около двух часов пришлось ждать, пока убирали неготовые номера. Правда, вид из окон с лихвой окупил все неудобства — он был прямо на Сене, по которой шли баржи, груженные диким камнем, а вдоль берега стояли многочисленные рыбаки, издали казавшиеся манекенами.

Конкуренция среди русских хоровых исполнителей в Париже ещё не была жесткой. Знаменитый позже на весь мир Митрополичий хор под руководством Николая Петровича Афонского, певший в парижском соборе Святого Александра Невского, был основан лишь год назад, в 1925 году, и пока не завоевал популярности: она придет к нему в 30-е годы...

Биография Н. П. Афонского напоминает биографию С. А. Жарова. Родился в 1892 году в местечке Богуслав Каневского уезда Киевской губернии в семье преподавателя духовного училища. Потом семья переехала в Киев, где Афонский в 1914 году окончил духовную семинарию. Обладая прекрасным тенором и мечтая об оперной карьере, он брал уроки вокала у итальянского оперного певца и преподавателя Киевского музыкального училища Г. П. Гандольфи, а теорию музыки изучал у хорового дирижера и композитора А. А. Кошица. Однако пройти полный курс не удалось: началась Первая мировая война.

Афонский поступил в 1-е Киевское военное училище, где впервые

попробовал себя в роли регента церковного хора. Затем был 129-й пехотный Бессарабский полк, где он руководил полковым хором. Во время Гражданской войны оказался в лагере для беженцев в Бюндорфе, под Берлином. Благодаря управляющему русскими приходами Московской патриархии в Западной Европе митрополиту Евлогию (Георгиевскому) в 1923 году назначен регентом русской церкви в Висбадене, а в 1925 году — собора Святого Александра Невского в Париже.

После этого начинается стремительное восхождение Н. П. Афонского на музыкальный Олимп Русского зарубежья. Парижский Митрополичий хор под его управлением принимает участие почти во всех значимых событиях в жизни русской диаспоры и во всех богослужениях, совершаемых владыкой Евлогием в Париже. Любимые духовные авторы Афонского — А. А. Архангельский, А. Т. Гречанинов, П. Г. Чесноков... Иногда в программу включали произведения И. Ф. Стравинского, Н. Н. Черепнина, К. Н. Шведова... На концертах хора пели знаменитые русские исполнители — Г. К. Павленко, К. Д. Запорожец, А. Александрович, А. И. Мозжухин... Правда, они же впоследствии не раз будут петь и на концертах казачьего хора Жарова.

В 1932 году Ф. И. Шаляпин предложил Афонскому записать несколько граммофонных дисков: в 1933–1937 годах хор выступал на нескольких концертах великого певца. В 1930-е годы хор Афонского считался лучшим русским заграничным смешанным хоровым коллективом. Триумфально прошли его гастроли в 1935 и 1936 годах в Америке.

В своей знаменитой книге «Я унес Россию» русский писатель-эмигрант Роман Гуль писал: «И этот хор успешно объездил весь мир. Но если хоры русской народной песни в Париже успешно делали ставку на «русскую грусть» и «русскую удаль» с залихватскими плясками, то знаменитый (так вполне можно сказать) парижский церковный хор Н. Афонского был хором тонкой и сложной художественности исполнения как церковных песнопений, так (иногда) и светских произведений. Хор Афонского выступал (в концертах) вместе с Ф. И. Шаляпиным. Н. Афонский был не только выдающимся регентом, но и композитором церковных богослужебных песнопений. Говорят, что Шаляпин считал хор Афонского «лучшим в мире». Похвально и лестно отзывались о хоре Афонского Гречанинов, Черепнин, Рахманинов».

Однако в августе 1926 года об этом хоре ещё мало кто знал. Белые эмигранты в Париже ходили на цыган: Настю Полякову, Ньюру Массальскую, Ганну Мархаленко... В это же время во французской столице, сначала в «Тройке», а затем в «Кавказе» и «Эрмитаже», пел

знаменитый исполнитель цыганских романсов Юрий Морфесси, «правнук греческого пирата», как он любил себя называть. Пожалуй, самой яркой звездой Парижа была непревзойдённая Н. В. Плевицкая, еще до революции получившая от царя Николая II лестное прозвище «курский соловей».

А. Н. Вертинский тоже тогда обосновался в столице Франции, о чем с восторгом писал: «...Моя Франция — это один Париж, зато один Париж — это вся Франция! Я любил Францию искренне, как всякий, кто долго жил в ней. Париж нельзя было не любить, как нельзя было его забыть или предпочесть ему другой город. Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно. Это был город, где свобода человеческой личности уважается... Да, Париж... это родина моего духа!»

Особой популярностью пользовался в Париже мужской квартет Николая Николаевича Кедрова (старшего), оперного певца и музыкального педагога, до революции известного всей музыкальной России. Этот одаренный человек был самобытным композитором духовной музыки. Большую часть репертуара квартета составляли его собственные сочинения, из которых наиболее известно песнопение «Отче наш», написанное в 1922 году и до сих пор исполняемое в православных храмах не только за рубежом, но и по всей России.

Кроме того, в Париже жили такие видные русские композиторы, как А. К. Глазунов — директор Петербургской консерватории, И. Ф. Стравинский, С. С. Прокофьев. А. Т. Гречанинов, Н. К. Метнер, Ф. А. Гартман — автор оперы «Эстер» и балета «Аленький цветочек», шедшего в свое время в Мариинском театре, И. А. Вышнеградский — из плеяды русских модернистов, автор произведения «День Бытия», Н. Н. Черепнин — профессор Санкт-Петербургской консерватории и дирижер Мариинского театра, Л. Л. Сабанеев — ученик Н. А. Римского-Корсакова и музыкальный критик, только что выпустивший книгу «Психология музыкально-творческого процесса» и тесно сотрудничавший с очень популярной в среде русской эмиграции газетой «Последние новости».

Ещё до приезда жаровцев в Париж интерес к хору был огромным. Сразу по прибытии, в тот же день, состоялась встреча с донским атаманом Ф. Ф. Абрамовым и представителями казачьего союза. Приём прошёл в тёплой, сердечной обстановке. Последний раз атаман Абрамов видел жаровцев в Болгарии, в поношенной, рваной одежде, голодными и измученными. А теперь перед ним предстали прекрасно одетые, уверенные в себе и окрыленные успехом певцы. Радости всех не было предела.

Между тем французские газеты отнеслись к хору Жарова скептически. Некоторые из них писали, что донской хор не является на самом деле

казачьим, что это якобы ряженые русские музыканты, выдающие себя за казаков, а сам Жаров никогда на Дону не был. Но когда французские журналисты и критики услышали хор, домыслам пришел конец: на концертах звучал голос подлинной России, голос именно Дона. Если некоторые из певцов и не были по рождению казаками, то, пройдя с донским войском по дорогам Гражданской войны, пережив ужасы турецкого лагеря Чилингир, все давно превратились в казаков. Только их форпост сегодня был вдали от Родины...

Первый концерт, данный в пользу казаков-инвалидов, прошёл в одном из самых престижных залов французской столицы — *Salle Gaveau*. Полиция едва сдерживала напор желающих прорваться без билетов: все были давно распроданы. Газеты писали, что французская публика ещё никогда не слышала, чтобы в религиозных произведениях происходило такое опевание каждой ноты. Музыка Жарова была мрачной, гордой и серьезной одновременно. Собравшиеся в зале чувствовали, что хор «познал и воплотил в своём исполнении не только сладость, но и трагизм бытия, не только небесную красоту, но и кровавое насилие, не только одиночество и отчаяние человека, но и его радость и триумф общего правого дела».

Настоящим триумфом закончились и парижские гастроли хора.

Царь русского баса

После Франции снова был Лондон. На концерте, состоявшемся во дворце недавно оставившего пост вице-короля Индии Руфуса Айзекса 1-го маркиза Редингского, Жаров встретился с Федором Шаляпиным. Не раз Сергей Алексеевич слышал его на московской сцене, но лично знакомы они не были. В России он для Жарова был недостижимой величиной. Даже великий итальянский актёр так называемой школы переживания Томмазо Сальвини завидовал русскому певцу. Именно Шаляпин в значительной степени повлиял на молодого регента, доказывая своим искусством, что нужно петь не ноты, а слова. Еще в Синодальном училище Сережа Жаров ясно и отчетливо понимал, что Шаляпин не просто певец, а вокальный художник. Поэтому в Москве при каждом удобном случае он стремился попасть в оперу или на концерт с его участием.

К большому удивлению Жарова, некоторые артисты хора не одобряли его желания встретиться с Шаляпиным в Лондоне. Дело в том, что в эмигрантских кругах великого певца, первого народного артиста Республики кое-кто причислял к тайным агентам ОГПУ. Тем не менее, узнав, что Федор Иванович уже прибыл во дворец, Жаров сразу бросился его искать, не дожидаясь начала концерта. Несмотря на то что певец любил перед выступлением побыть один, чтобы сосредоточиться, он с радостью принял предложение Сергея Алексеевича познакомиться с участниками хора. Федор Иванович, будучи на три с половиной головы выше Жарова, проследовал за ним в комнату, отведенную казакам под артистическую уборную.

Встреча превзошла все ожидания. Шаляпин шутил, смеялся, обнимал некоторых солистов.

— Этот казак поет басом, — указывая пальцем то на одного, то на другого певца, говорил он. — Этот тоже.

Таким образом он безошибочно перечислил всех басов хора.

Одет Федор Иванович был безукоризненно: элегантный черный фрак, в петлице красная ленточка Почетного легиона — высшей награды Французской Республики. В руке, как всегда, трость, менее всего напоминавшая ортопедический инструмент, а скорее посох — древнейший магический символ силы и власти. А может быть, она выполняла чисто декоративную функцию — изящного аксессуара, подчеркивая артистическую сущность личности.

Пообщаться вдоволь не успели: казаков пригласили на сцену. Жаровцы открывали концерт. Выстроившись в два ряда, сначала вскинули голоса до металлического звона, а затем снизили до шёпота. Прислушав две песни, Шаляпин сразу оценил работу над голосом в этом коллективе — она была поставлена во главу угла. Выравниванием и шлифовкой регент добился, что певцы делали все, чему их научили, почти бессознательно. Сергей Алексеевич знал, что, когда певец должен следить за темпом, ему не остается времени думать о сценическом рисунке. Поэтому на репетициях заставлял артистов оттачивать и доводить исполнение до автоматизма. И, как ни парадоксально, именно Гражданская война и суровые испытания открыли Жарову высший уровень бытия. Проницательный и очень тонко чувствующий, Шаляпин понял это и оценил. «Сколько невзгод и страданий пришлось пережить маленькому регенту, чтобы через голосовое пение суметь так пронзительно передать всю скорбь по утерянной Родине», — подумал он...

Затем наступила очередь Федора Ивановича. Он редко пел на концертах отрывки из опер и здесь не сделал исключения. Он спел старинную бурлацкую песню «Эй, ухнем». Потом «Вниз по матушке, по Волге», «Лучинушку», «Легенду о двенадцати разбойниках»... Когда же очередь дошла до знаменитых стихов В. А. Жуковского, положенных на музыку М. И. Глинкой: «В двенадцать часов по ночам из гроба встает барабанщик...» — его голос сделался предельно тихим, перешедшим едва ли не в шёпот. Но этот шёпот был слышен даже в самых отдаленных уголках огромного дворцового зала. Незъяснимая мощь русского народного духа, непревзойденно воплощенная гением, повергла чопорных английских аристократов в состояние благоговейного оцепенения.

Жаров не слышал Шаляпина больше десяти лет и был потрясен тембральными решениями каждой песни, тщательной разработкой интонации каждой фразы, душевным богатством в передаче каждого слова, эмоциональной вибрацией каждой буквы. Слушая в его исполнении знаменитую революционную песню «Дубинушка», контрреволюционеры — певцы казачьего хора — рыдали. Каждого тронула тема извечного человеческого неравенства, тема обделенных жизнью.

Последние аккорды Шаляпина встречали аплодисментами. Зал встал и долго не отпускал его со сцены. Федор Иванович кланялся, но не так, как обычно делают это басы, а как тенора. После концерта Шаляпин обратился к Сергею Алексеевичу:

— Хорошо бы выпить теперь в маленьком трактире. Надоели хоромы и отели. Истосковалась душа по русской застольной песне.

Где-то в Германии.

С. А. Жаров во втором ряду третий слева. 1924–1925 гг.

С. А. Жаров и полковник А. Горбов.

Коломбо, Цейлон, 27 марта 1926 г.

Административный аппарат хора

К середине 20-х годов Жаров успешно наладил работу управленческого аппарата хора. Каждый певец выполнял какую-нибудь административную функцию на общественных началах, не получая за это никакого денежного вознаграждения. При этом все певцы и танцоры без исключения имели одинаковую зарплату, а регент — ровно в два раза больше каждого из них. Бухгалтерия была абсолютно прозрачна.

Ещё в 1924 году в Австрии общее собрание коллектива избрало администратора — посредника между музыкантами и хормейстером. Так у хора появился защитник его интересов и человек, уполномоченный коллективом вести переговоры с концертными антрепренерами и государственными учреждениями. Затем, вследствие необходимости и для помощи администратору, добавились казначей, бухгалтер и библиотекарь, отвечающий за состояние нот и текстов, оставленных в гостевой книге хора. Для лучшей координации финансовой и экономической деятельности была создана ревизионная комиссия и приглашён юрисконсульт. В хоре появился и еще один специалист — «министр путей сообщения». В его обязанности входили своевременное приобретение билетов по минимальной цене, а также проработка логистики маршрутов и, в случае необходимости, заказ багажного купе. Три человека стали квартирными — в их обязанности входило бронирование отелей и размещение артистов в номерах после прибытия в пункт назначения.

При этом с каждым месяцем переписка с многочисленными антрепренерами и импресарио разрасталась. Поэтому в 1926 году потребовался уже второй администратор. Всевозможные проблемы усложнялись ещё и тем, что почти все певцы являлись людьми без гражданства и получение виз требовало повышенного напряжения.

Вот что по этому поводу в своей книге писал Емельян Клинский: «Устройство» визы принадлежит к самым трудным и ответственным пунктам хоровой администрации. Нередко случалось, что приходилось менять целое концертное расписание из-за невозможности получить визу в то или иное государство. Однажды, получив принципиальное согласие на въезд в одну страну, хор спокойно продолжал работу, надеясь к моменту въезда в эту страну получить визу. Но случалось так, что в последний момент получал отказ и впущен в страну не был. Возникали большие материальные убытки. Залы, в которых должен был выступать хор, должны

были быть оплачены, расходы на рекламу должны были быть возмещены, и хор был вынужден на скорую руку составить новое турне, давая концерты в городах, расположенных крайне неудобно. Однажды даже случилось, что одна половина хора была пропущена через границу, а другая застряла в пути. Выгодный концерт должен был быть отменен».

Административной работой на общественных началах в хоре занимались более 20 человек. Среди них был даже свой пресс-секретарь, осуществлявший контакты с представителями прессы и с только что начавшими появляться радиостанциями. В функции пресс-секретаря входили также подготовка пресс-релизов, рекламных листовок и сбор статей о хоре, появлявшихся в различных газетах и журналах.

Такая структура позволяла Жарову не уходить с головой в административную работу, а только контролировать её, основное время посвящая творчеству и поиску новых форм исполнения. При этом все хористы понимали свою ответственность, зная жесткую волю регента. Несоблюдение «уставных обязанностей» сурово каралось. В хоре царила почти воинская дисциплина. Только такой порядок позволял коллективу неустанно двигаться вперед, к мировому успеху. Хор давал примерно 26–27 концертов в месяц. Нетрудно догадаться, что большую часть времени он проводил в пути. Как правило, это были поездки по железной дороге. Е. Клинский подробно описал обычный гастрольный день хористов:

«Дневная работа хора тяжелая и изнурительная. Во время большой паузы на концертах администратор объявляет, в котором часу завтра отбывает поезд. В 7 часов утра хористов будят. Подается завтрак, пакуются чемоданы. За 10 минут до отхода хор на вокзале. В 3 часа дня, иногда с несколькими пересадками, хор достигает места, к четырем часам размещается по квартирам. В большинстве случаев весь состав живет в одном отеле.

Являясь к обеду массою, хористы обыкновенно подолгу ждут своей очереди — проходит ещё час или полтора. Обед окончен.

Чтобы переодетыми и побритыми явиться на концерт, члены хора в 6 1/2 начинают приготовления. Таким образом, на отдых остается всего лишь какой-нибудь час-другой.

За четверть часа перед началом хор находится в зале. Концерт. В 10 1/2 конец. Хористы возвращаются в отель. Время идёт. В 12 часов встают из-за стола, ложатся спать. А утром в 7–8 часов отход поезда. Подъём в 5 1/2. День начинается снова».

Прага

В конце 1926 года хор колесил по Чехии и Швейцарии. Особенно теплый прием артистам устроили русские эмигранты в Праге. На перроне главного вокзала, носившего тогда имя американского президента Вудро Вильсона, их встретили сотни восторженных почитателей с иконами и цветами. В то время в Чехословакии проживало более 35 тысяч беженцев из России, и многие из них не только уже посещали концерты хора, но и имели пластинки с его записями.

Прага в те годы была одним из самых крупных европейских центров русской эмиграции. Здесь на долгие годы нашли пристанище многие знаменитые русские писатели, публицисты, философы и ученые. Среди них: А. Т. Аверченко, С. Н. Чириков, Д. М. Ратгауз, Вас. И. Немирович-Данченко, М. И. Цветаева, В. Ф. Булгаков, Питирим Сорокин, А. Л. Бем, П. М. Бицилли, П. Г. Богатырев, С. Н. Булгаков, С. И. Варшавский, Г. В. Вернадский, В. В. Зеньковский, А. А. Кизеветтер, Г. А. Острогорский, П. А. Остроухов, П. И. Новгородцев, П. Н. Савицкий и многие другие.

Большими событиями в жизни русских эмигрантов были лекции и выступления в Праге генерала А. И. Деникина, историка П. Н. Милюкова, писателей И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, поэта К. Д. Бальмонта, философа Ф. А. Степуна и многих других. С восторгом встречали в Праге Анну Павлову, Тамару Карсавину, Ольгу Гзовскую, Русский балет С. П. Дягилева. С неизменными аншлагами шли спектакли оказавшейся в Праге группы артистов МХТ, из них большой популярностью в середине 20-х годов пользовалась Мария Германова.

И вот настал черед донского хора. Пожалуй, это была первая страна, где на концертах богослужebное пение для публики было гораздо важнее, чем русские народные песни с плясками. В Праге Жаров ни разу не смог собрать хор для репетиции. Публика не давала прохода. В фойе гостиницы всегда было полно поклонников и поклонниц, настойчиво требовавших от певцов фотографии с автографами. Сам Жаров не мог сделать и шагу, чтобы его кто-нибудь не сфотографировал. Все русскоязычные газеты Чехословакии взахлб перевозносили казачьего регента. Его называли и великим русским музыкантом, и отважным борцом с советской властью, хотя в это время Жаров держался подальше от любых партий и лагерей. И такая мудрая политика стала азбукой выживания для хора в преддверии Второй мировой войны...

В основе же творческой политики по-прежнему лежал поиск звуковой формы русского слова, его фонетических и просодических характеристик. Каждое слово при исполнении должно было стать уникальным музыкальным звуком. И если сегодня в мире идет борьба цифры с буквой, то тогда крепла дружба ноты с буквой.

Гостеприимная Прага устроила жаровцам незабываемое прощание — весь вагон с певцами буквально засыпали цветами.

В бывшей Российской империи

В 1927 года Рождество уже по традиции встречали в Дрездене. Потом отправились на север Германии и в Восточную Пруссию, а оттуда... в Ригу. В Латвию! На территорию бывшей Российской империи. В поезде хористы испытывали сходные ощущения: всем казалось, что они едут на родину. Как только пересекли границу, неожиданно почувствовали тайную связь с родной землей! С Россией! И хотя это была не Россия, а независимое государство — Латвийская республика, во всем чувствовалась русскость: в снегопаде за вагонным окном, в маленьких заснеженных станциях с такими знакомыми вокзальчиками и непременноми водокачками, в паровозных депо веерного типа — такие были только в России...

Все прильнули к окнам, и каждый ощутил щемящую боль в сердце. Кто-то запел: «Замело тебя снегом, Россия». Другой подхватил: «Запуржило седою пургой...». Песня мгновенно охватила весь вагон. Некоторые хористы плакали: пели не голосом, а измученной в разлуке с родиной кровоточащей душой. Плакали и случайные попутчики. Плакали проводники и уборщица, застывшая с веником в тамбуре. Все понимали и говорили по-русски и, как никто, сочувствовали исторической трагедии русского народа в XX веке. Наверное, о такой, сокровенной России и писал когда-то великий русский поэт Н. А. Клюев: «Познал я, что невидимый народный Иерусалим не сказка, а близкая, родимая подлинность, познал я, что, кроме видимого устройства жизни русского народа как государства и вообще человеческого общества, существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая — Святая Русь...»

На главном вокзале Риги их встречали ещё торжественнее, чем в Праге. Здесь были не десятки, а сотни людей с цветами, иконами, даже хоругвями...

— Где казаки? Где казаки? — слышалось на перроне со всех сторон. Наконец толпа встречающих выяснила, в каком вагоне хор, и рванула туда. Артистов выносили из поезда по одному, на руках. Некоторым на лацкан прикрепляли бело-сине-красную ленточку — флаг Российской империи, а Сергею Алексеевичу вместо трехцветной полоски в нагрудный карман запахнули букетик альпийских фиалок. Когда регента с чемоданами вынесли из поезда, по перрону прокатилось раскатистое «ура!...». Всех до одного хористов, с вещами, восторженные почитатели на руках пронесли по вокзальной площади. Только Жаров сидел у кого-то на плечах и по-

дирижёрски размахивал руками. Наконец прибывших усадили в такси и отправили в отель, но и там их поджидали восторженные слушатели... Все билеты на все концерты казачьего хора были давно распроданы.

Жаров горячо пожимал десятки рук, не обращая внимания на магнелиевые вспышки снующих в толпе фотографов. Пробраться в отель оказалось непросто — толпа перегородила входные двери. При этом приходилось отвечать на вопросы журналистов. Особенно радовало то, что все вокруг говорили по-русски! Нигде не слышалась иностранная речь. У хористов создалось полное ощущение, что они вернулись в Россию. Весь штат гостиницы тоже прекрасно говорил по-русски, а в буфете стояли накрытые столы с русской водкой и закусками.

На следующий день состоялись обзорная экскурсия по городу и встреча с архиепископом Рижским и всея Латвии Иоанном, в миру Иваном Андреевичем Поммером. В независимой Латвии он был поистине исторической личностью. Родился будущий архиепископ Иоанн в 1876 году в семье латышских крестьян, его прадед одним из первых латышей принял православную веру.

В 1903 году, за год до окончания Киевской духовной академии, по совету протоиерея Иоанна Кронштадтского, он принял монашество. Затем служил инспектором Вологодской духовной семинарии, позже, в сане архимандрита, — ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. В 1912 году стал епископом Слуцким, викарием Минской епархии, в следующем году был переведен в Екатеринославскую епархию викарием и епископом Таганрогским и Приазовским, а в 1917-м — в Тверскую епархию епископом Старицким. В апреле 1918 года хиротонизирован в епископы Пензенские и Саранские, в сентябре и октябре находился под арестом. С октября 1919-го по февраль 1920-го вновь задержан за ожесточенную борьбу с обновленцами, прежде всего с монахом Владимиром, в миру Всеволодом Владимировичем Путятой, который в 1918 году Русской православной церковью был лишён сана епископа и основал в Пензе «Свободную народную церковь», слившуюся в 1922 году с обновленчеством.

В августе 1920 года отец Иоанн был избран на кафедру архиепископа Рижского и всея Латвии. После долгих мытарств и проволочек советская власть всё же дает ему разрешение на выезд из страны. В дальнейшем по ходатайству архиепископа Иоанна Латвийская церковь получила автономию в составе Русской православной церкви. Решение было утверждено 21 июня 1921 года патриархом Тихоном, Священным синодом и Высшим церковным советом.

Прибыв в Ригу, архиепископ Иоанн нашёл латвийскую православную церковь в удручающем состоянии: огромное число приходов — без священников, храмы заброшены, в некоторых даже заколочены двери, церковное имущество растащено, да и само положение Русской православной церкви в новоиспеченном государстве не имело никакого юридического статуса. В 1923 году по инициативе владыки Иоанна состоялся первый Собор латвийской православной церкви, принявший «Устав православной церкви в Латвии», упорядочивший церковную жизнь как административно, так и экономически.

В первые годы пребывания в Латвии архиепископ Иоанн жил в подвале кафедрального собора — в знак протеста против передачи прежней архиерейской резиденции католикам. Однако ничуть не смущался аскетичным видом жилища, а на выражение сочувствия к своему незавидному положению только отшучивался, любовно называя подвал «моя пещера». Здесь и произошла первая встреча архиепископа с регентом.

Вот как о ней вспоминал Жаров: «Огромного роста, стоял перед нами этот популярный защитник русских прав. Его появление произвело на нас большое впечатление. О необычайной силе архиепископа рассказывали разные интересные истории. Говорили, что он один вытащил завязший в грязи автомобиль, который два вола не были в состоянии сдвинуть с места, что в какой-то станице он сам поднял колокол на колокольню, совершив работу, которая была не под силу трем здоровым казакам».

Помимо этого, архиепископ Иоанн слыл тонким знатоком церковного хорового пения. Он рассматривал музыку, не только церковную, но и светскую, как одну из форм, а скорее, как главную форму самосознания нации. Поэтому Жаров был для него знаковой фигурой, представляющей русское национальное самосознание не только в Европе, но и во всем мире.

В 1927 году архиепископ Иоанн активно добивался принятия закона о юридическом статусе православной церкви в Латвии, где закреплялось бы ее право «свободно и открыто проводить в жизнь» православное вероучение, открывать православные школы и организации, действующие в правовом поле и защищенные на государственном уровне, а также создавать православные общества и союзы. При этом владыка Иоанн настаивал, что храмам и православным организациям должны принадлежать права юридических лиц, а также гарантироваться имущественные права. Переговоры с властями шли трудно, однако в конце концов Иоанн добился своего. В этом ему в определенной степени помогла гастрольная поездка Сергея Жарова. Представители власти посетили концерт хора донских казаков и приобщились к русской культуре.

Погиб архиепископ Иоанн в ночь на 12 октября 1934 года при весьма загадочных обстоятельствах: убийство произошло на архиерейской даче на берегу Киш-озера, под Ригой, куда он переехал ввиду ухудшения состояния здоровья. Увы, здесь и суждено было ему принять мученическую кончину — раненый, он сгорел заживо...

По данным следствия, перед убийством священника жестоко пытали, потом смертельно ранили выстрелом в упор и подожгли дом, где тело очень сильно обгорело. Согласно русским эмигрантским газетам, владыка Иоанн стал «одной из жертв безбожного красного интернационала, выбирающего одного за другим из антибольшевистского стана самых опасных своих врагов».

Отпевание состоялось в кафедральном соборе Риги, и на панихиду пришло не менее ста тысяч человек. Стоит отметить, что до приезда отца Иоанна в Латвию в 1922 году православных там насчитывалось 140 тысяч, а в 1935 году их уже было 175 тысяч.

Существует три основные версии гибели священника. Согласно первой, он был убит сторонниками латвийского диктатора Карлиса Ульманиса за то, что выступал за сохранение канонических связей с Московской патриархией. После гибели владыки Иоанна Латвийская церковь перешла под омофор Константинопольского патриархата.

Вторая связана с конфликтами внутри Латвийской церкви, в частности с разногласиями между владыкой Иоанном и молодежной организацией Русское православное студенческое единение. В ходе следствия некоторые члены этой организации были на время задержаны и арестованы по обвинению в разжигании русского шовинизма, а деятельность самого движения в Латвии прекращена. Однако в ходе дальнейшей работы следственной комиссии причастность членов этой организации к убийству подтверждения не получила.

Третья версия оказалась самой выгодной для зарубежной историографии: она связана с деятельностью Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Здесь особый акцент делался на то, что руководитель Латвийской церкви по своим каналам тесно общался с православными верующими в Советском Союзе и получал от них сведения не только о гонениях на религию, но и секретные материалы военного и политического характера.

Известно, что владыку накануне гибели посетил находившийся с визитом в Риге знаменитый советский оперный певец Леонид Собинов, через день скоропостижно скончавшийся в номере одной из гостиниц литовской столицы. При этом советское полпредство категорически

запретило местным патологоанатомам производить вскрытие умершего, а причиной смерти объявило инфаркт. Труп поспешно перевезли из гостиницы в здание полпредства, а затем траурным поездом отправили в Москву.

Какова бы ни была истинная причина смерти выдающего православного церковного деятеля, он заслуженно причислен к лику святых^[4].

Кроме трех запланированных концертов в Латвии хор дал ещё три дополнительных. И, конечно же, по просьбе владыки Иоанна спел в рижском кафедральном соборе. Наплыв людей в храм был такой, что полиции пришлось его сдерживать. Начались стихийные уличные манифестации в честь хора. К сожалению, огромный кафедральный собор не смог вместить даже трети верующих, пришедших на воскресное богослужение.

После Божественной литургии архиепископ Иоанн благословил хор иконой, сказав: «Пойте же всему миру». На службе присутствовал и епископ Печерский Иоанн (Булин), настоятель Псково-Печерского монастыря. Он поприветствовал участников хора от имени братии и благословил каждого, отметив, что выступление таких певцов — «это поистине великий взлёт веры и любви».

Вернувшись после Божественной литургии в гостиницу, казаки не успели отдохнуть. Срочно нужно было собираться на очередной вечерний концерт. А в это время здание отеля было окружено публикой, скандирующей имя регента и требующей, чтобы Жаров со своими хористами вышел на балкон и поприветствовал их.

Все выступления проходили при неизменных аншлагах, и после каждого концерта казакам приходилось покидать здание через черный ход, так как у парадного их поджидала ликующая толпа, не дающая проходу. Те же, кто все-таки попадал в руки поклонников, не могли вернуться в отель раньше утра: их кормили, поили и никуда не отпускали. На улице, перед гостиницей, певцов тоже караулили почитатели. Полиция была бессильна. Со всех сторон слышались «ура» и имя Сергея Жарова. Успех был ошеломляющий!

— А что было бы, если бы мы сегодня приехали в Москву или Петроград? — спросил восторженно один из певцов.

И тут же получил ответ:

— Нас бы расстреляли!

С. А. Жаров. Берлин, конец 1920-х гг.

Царские особы

В 1927 году состоялась гастрольная поездка по Скандинавии. Первый пункт назначения — Дания. Хор давно мечтал побывать в этой сказочной стране, связанной с именами писателя Ханса Кристиана Андерсена и скульптора Бертеля Торвальдсена. Согласно плану, коллектив должен был дать здесь несколько концертов. После одного из выступлений в Копенгагене Жаров получил приглашение посетить вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну — супругу Александра III и мать Николая II. Ей было почти 80 лет и оставалось жить лишь один год.

Все помнили её по открыткам и газетным фотографиям очень красивой и статной женщиной, а увидели уставшую и осунувшуюся старушку, пытавшуюся держаться бодро. Императрице было приятно узнать, что именно Жаров во время Первой мировой войны руководил хором инвалидов. Об этом хоре ей рассказывала Елизавета Федоровна, с которой она поддерживала не только родственные, но и дружеские связи. Кроме того, тогда же Мария Федоровна осуществляла попечительство над Женским патриотическим обществом, Обществом спасения на водах, возглавляла Ведомство учреждений императрицы Марии (учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных и незащищенных детей, богадельни) и, самое главное, непосредственно контролировала работу Российского общества Красного Креста.

Благодаря её инициативе в бюджет Российского общества Красного Креста поступали пошлины за оформление загранпаспортов, железнодорожные сборы с пассажиров первого класса, а во время войны — «подпешный сбор» (10 копеек с каждой телеграммы), что положительно сказалось на финансовом благополучии всемирно известной благотворительной организации. В 1916 году вдовствующая императрица переехала из Петрограда в Киев и активно занялась организацией госпиталей, санитарных поездов и санаториев, где размещались тысячи раненых. Эта деятельность ещё больше сблизила её с патронессой Жарова Елизаветой Федоровной.

При входе во дворец Видёре, купленный Марией Федоровной и её старшей сестрой, английской королевой Александрой, в 1907 году, после смерти их отца, датского короля, жаровцев встретили два бородатых казака в повседневной форме из синего сукна, отделанной золотым галуном с орлами. Один из них оказался камер-казаким Тимофеем Ящиком, другой —

Кириллом Поляковым. О подвиге первого некоторые хористы были наслышаны, но большинство ничего не знали, а такую странную казачью форму вообще видели первый раз в жизни.

Камер-казаки были телохранителями царских особ. Впервые они появились в 1830 году при Николае I после подавления Польского восстания, но важную роль при царском дворе стали играть только после убийства 1 марта 1881 года Александра II. Главной обязанностью камер-казаков являлись круглосуточная охрана царских особ, сопровождение их во время пеших прогулок, официальных выездов или вояжей. Во время официальных выездов камер-казак помещался позади императрицы, будь то открытый экипаж или закрытая карета. Попадали в камер-казаки самые отборные, безупречно прослужившие несколько лет в гвардейских казачьих частях или, как правило, в Собственном Его Величества конвое, и только по личному выбору царя.

Одним из таких счастливых оказался Тимофей Ящик. В 1918 году, во время Гражданской войны, он с большими опасностями доставил в свою станицу Новоминскую Ейского отдела Кубанской области великую княгиню Ольгу Александровну, дочь Александра III и императрицы Марии Федоровны. В его простом хуторском доме сестра русского царя родила своего второго сына.

В 1919 году на борту британского военного корабля «Мальборо» Тимофей Ящик вместе с вдовствующей императрицей отправился из России в Великобританию, откуда они перебрались в Данию, на историческую родину Марии Федоровны, урождённой принцессы Дагмары — дочери датского короля Кристиана IX. Однако в самом начале 1920 года по ее поручению он вернулся в охваченную пожаром Гражданской войны Россию и провел поистине блестящую спецоперацию по эвакуации из казачьей станицы семьи великой княгини Ольги Александровны.

В памятный для жаровцев день во дворце Видёре на незабываемом концерте присутствовали обе великие княгини — Ольга Александровна и ее старшая сестра Ксения Александровна. Для казаков, сражавшихся на полях Гражданской войны не за царя или демократию, а за православную Русь, встреча с царскими особами была наполнена глубоким религиозным смыслом.

Все знали, что Мария Федоровна очень набожный человек и любит церковные песнопения. Самым главным в жизни для неё были слово Божие и музыка. Поэтому программу концерта составили исключительно духовные произведения. Начали с «Херувимской песни Царской» и «Да воскреснет Бог» Бортнянского. Затем исполнили «Благослови, душе моя,

Господа», «Блаженны», «Святы́й Бо́же», «Верую», «Тебе поём», «Милость мира» и фрагмент Божественной литургии — «Многолетие», специально в честь Марии Федоровны.

Перед началом концерта хористы предложили регенту исполнить «Покой, Господи, души усопших раб Твоих» и «Со святыми упокой», в память убиенного русского царя Николая II и его семьи. Однако Жаров наотрез отказался. Получая приглашение на прием к вдовствующей императрице, он был предупрежден, что Мария Федоровна до сих пор не верит в расстрел Царской семьи и считает, что её сын с женой и детьми скрывается где-то в Сибири.

После концерта было чаепитие, запомнившееся хористам на всю жизнь. Во время Первой мировой войны газеты вылили на Марию Федоровну ушаты грязи: её называли и немецкой шпионкой, и любовницей министра путей сообщения А. Ф. Трепова, именно поэтому якобы получившего пост председателя Совета министров. И ещё Бог знает кем!

А перед хористами предстала искренне верующая женщина, любящая Христа и православную Русь больше всего на свете. Такого сладостного единения душ они не испытывали давно! Особенно теплые воспоминания у певцов оставили великие княгини Ксения и Ольга Александровны. Каждому хористу вручили недорогой, но памятный подарок.

Из Копенгагена путь лежал сначала в Стокгольм, а затем в Осло. В норвежской столице во время концерта неожиданно для всех зазвучали фанфары, и в ложе появился племянник Марии Федоровны — король Норвегии Хокон VII. Зрители встали и аплодировали своему монарху. Аплодисменты были обращены и к хору, так как в этот момент на сцену вынесли подарок Его Величества — огромный венок, украшенный гирляндами из живых цветов. Без сомнения, именно вдовствующая императрица сообщила племяннику о замечательном русском ансамбле.

В том же году хор выступил перед румынской королевой Марией, урождённой британской принцессой. По отцу, герцогу Эдинбургскому, она была внучкой английской королевы Виктории, по матери — русского царя Александра II. Среди приглашённых на концерте были греческая королевская чета и королева Сербии с наследником. Выступление проходило в недавно построенном королевском дворце в Бухаресте. Как только все заняли места, регент начал концерт. После первых же тактов на лице румынской королевы выразилось радостное удивление: она ожидала услышать хор, а не хоровой оркестр. Певцы превзошли все её ожидания. А ведь она слыла в Европе тонким знатоком духовной музыки! Пели отрывки из Божественной литургии: «Мирную ектению», «Единородный Сыне»,

«Блаженны», «Приидите, поклонимся»...

Сколько бы раз Жаров ни исполнял эти произведения, слушатели всегда и везде с душевным трепетом постигали глубину русской православной культуры. Зритель словно ощущал дыхание подлинной, византийской Руси. Что же подкупало европейцев в хоре? Прежде всего искренность, высокая духовность исконных русских людей... Когда все это пришло к Жарову — выпускнику Московского синодального училища церковного пения? В Чилингире! Именно там он остро почувствовал себя человеком, стоящим на краю бездонной пропасти и смотрящим в темную бездну. Именно там у него, отверженного, родилась не озлобленность на судьбу, а надмирность... Именно там он почувствовал себя ближе всего к Богу.

В королевском дворце в Бухаресте хор с каждым тактом всё больше восхищал слушателей, однако двум мальчикам церковная музыка была явно скучна — четырехлетнему сербскому королевичу Петру и только что вступившему на престол королю Румынии шестилетнему Михаю I (правил в 1927–1930 и повторно в 1940–1947 годах). Дети встали за спиной Жарова и, кривляясь, подражали его движениям. Регент то и дело слышал детские голоса и приглушенный смех. Однако всю вторую часть концерта мальчишки, притихшие, внимательно слушали, а лихой казачий свист при исполнении песни «Жили двенадцать разбойников» привёл их в полный восторг.

Во время песнопения хористы издавали еще не слышанный в Румынии колокольно-набатный гул. Потом два казака пустились вприсядку, а третий колесом прошелся по сцене. Это вызвало восторг не только детей, но и всей королевской семьи.

Во время Второй мировой войны король Михай I выведет Румынию из гитлеровской коалиции (1944) и станет кавалером высшего советского военного ордена «Победа». С августа 1944-го по май 1945-го его войска будут сражаться рука об руку с советскими солдатами против фашистской Германии и Венгрии. В истории он останется как «король-комсомолец».

Концерт Сергея Жарова Михай I запомнил на всю жизнь, впоследствии он ещё не раз встретится с замечательным регентом в США и Швейцарии.

1000-й концерт хора

Тысячный концерт хора состоялся через четыре года после первого, триумфального выступления в Вене. Провести его решили в том же самом зале императорского дворца Хофбург. Перед выступлением не только Жаров, но и все хористы волновались, как перед тем, первым, незабываемым концертом. Нахлынули воспоминания о том, как несколько лет назад они стояли на этой сцене в истлевшей одежонке и рваной обуви. От того, первого публичного исполнения зависела вся их дальнейшая судьба. Но и от нынешнего концерта зависело многое. Хор должен был подняться на качественно новую ступень в европейской музыкальной табели о рангах. Для Жарова сегодняшний концерт означал подведение итогов и начало новой эпохи: он четко знал, каких результатов должен добиться от своих «белых воинов в черных гимнастёрках».

К этому времени у Жарова сложилось ясное понимание собственной миссии: если он не сохранит русскую духовную музыку, то она может погибнуть. Сама история возложила на него ответственность за судьбу русского церковного пения. Поэтому он очень внимательно и со все нарастающей тревогой наблюдал (насколько это было возможно из Европы) за религиозной жизнью в Советском Союзе. А она была трагической: тысячи священников расстреляны, сотни храмов и монастырей закрыты или уничтожены.

С годами к этой трагедии Жаров стал относиться как к великому испытанию, выпавшему на долю России. И знал, что должен продолжать идти по собственному пути, чтобы не только сохранить, но и облечь в новые формы истинно православную музыку.

Благодаря Жарову сбывалась мечта евразийцев князя Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого: Европа увидела другую Россию. Не Россию П. И. Чайковского и И. Ф. Стравинского, а страну Восточно-Римской империи, не утратившую исконной связи с Византией, страну славянской вязи и казачьей удали, знаменного распева и православной культуры. В точности исполнились предсказания австрийского импресарио Гуго Хеллера о том, что хор казаков будет выступать не один, а тысячу раз и завоюет сердца огромного числа людей во многих странах мира.

В чём же заключалась неповторимость исполнительской манеры жаровцев? В новаторстве, искренности, во внутренней силе мужских голосов, проникнутых болью и страданием по утраченной стране —

России, но в то же время и светлой верой в её возрождение. В хоре не было ни одного певца, когда-либо готовившего себя к профессиональной музыкальной карьере. Все они, по сути, оказались людьми случайными. И какое чудо с ними сумел сотворить маленький регент! Он досконально знал возможности каждого, работал по много часов индивидуально то с тем, то с другим. Учил, объяснял и в конце концов пришёл к убеждению, что петь можно научить почти любого человека. Благодаря ему публика впервые смогла услышать, как звучит басовый запев, словно исторгнутый из преисподней, изящно рассекаемый стальным речитативом теноров и возносящийся ввысь в нежном молитвенно-хвалебном «Аллилуйя».

После исполнения жизнеутверждающего гимна Д. С. Бортнянского «Тебе, Бога, хвалим» даже искушенные европейские слушатели осознали, что самый совершенной инструмент — это человеческий голос. В иные мгновения казалось, что такого звучания достичь невозможно! Зритель настолько растворялся в музыке, что искренне полагал: перед ним не хор, а целый симфонический оркестр, хотя хор не использовал ни одного музыкального инструмента! В песнопении Страстной недели «Чертог Твой вижду, Спасе мой...» вступительное фортиссимо так стремительно вонзалось в сердце, что слушатель словно отрывался от земли и возносился в недостижимую высь.

Такой же мощью русской души, взывающей к Богу, пронизан весь «Покаянный Великий Канон святого Андрея Критского». Чудится, будто музыкальная ткань произведения и есть лестница для восхождения к вершинам святости. Слушая аранжировки Жарова, многие убеждались в правоте слов блаженного Августина в «Исповеди»: «До тех пор пребудет в смятении сердце мое, пока не успокоится в Тебе, Боже».

Однако сколь бы ни был совершенен человеческий голос, но и у него есть предел. Подобрать и воспитать хороших басов Жарову было трудно, но с этой задачей он справился: создал группу с очень низкими мужскими голосами — бас-профундо, научив певцов управлять грудными и головными резонаторами. Намного сложнее оказалось работать с тенорами. Сначала никто из них не мог взять ноту «ля» выше первой октавы. Тогда регент, от безысходности, принял нетривиальное решение — ввел обязательную партию фальцетов, как известно, бедных обертонами и тембрально проще основного грудного голоса исполнителя. А что оставалось делать? Другого выхода не было!

Но нет худа без добра! Так Жаров расширил диапазон хора с обычных двух с половиной до трех с половиной октав. Как ни странно, это решение поддержал и одобрил С. В. Рахманинов. Отныне, кроме широкой гармонии,

у хора появилась возможность передавать всевозможные тонкости и нюансы, контрасты и оттенки. Например, начинали пение в верхнем регистре, а затем резко спускались в нижний, вызывая неизменное восхищение слушателей. Новаторские приемы Жаров смело вводил во все свои аранжировки и добивался успеха. Публика по достоинству оценивала такую новизну.

Как и многие дирижеры до него, Сергей Алексеевич активно использовал силовые контрасты, доводя их до новых, если не сказать крайних, пределов. Представитель первой волны эмиграции, известный собиратель русских военных песен, издавший «Песенник русского воина», Валентин Николаевич Мантулин (1921–2017) писал о Жарове: «Фортиссимо и пианиссимо у него чередуются с такой последовательностью, что даже слушатели, не понимающие по-русски, остро ощущают нарастающий драматизм; прекрасным образцом тут может послужить «В церкви» Чайковского».

В то же время многие считали, что основной заслугой Жарова являются популяризация и узнаваемость на западе простых русских песен, таких как «Вечерний звон», «Славим Платова-героя», «Белая акация», «Двенадцать разбойников», «Улица широкая», «Однозвучно гремит колокольчик...», «Стенька Разин»... Довольно простые в музыкальном отношении, они зазвучали под его управлением гордым, победоносным гимном России. Особое место в репертуаре заняли такие произведения, как «Замело тебя снегом, Россия...» и «Молись, кунак», благодаря необыкновенно проникновенному, душевному исполнению.

Главными отличительными особенностями жаровского хора оставались уникальная голосовая стилистика и органная звучность, изначально положенные в основу всего русского хорового искусства. По словам современников, «хор обладал божественным дыханием, а сам маэстро был посвящен в магическую тайну голосоведения».

На тысячном концерте в Вене собравшиеся за один вечер смогли насладиться церковной, народной, классической, казачьей плясовой и военной песней. Публика долго не отпускала посланцев русского народа со сцены, да и артисты, наслаждаясь триумфом, уходить не спешили.

Детище Сталина

Слава о хоре Жарова разнеслась по всему миру. После Тысячного концерта она не могла обойти Московский Кремль. Летом 1928 года, через несколько месяцев после провозглашенного на XV съезде ВКП(б) курса на коллективизацию, из Народного комиссариата иностранных дел И. В. Сталину доставили несколько пластинок хора Сергея Жарова. Он их внимательно прослушал, а затем, собрав нескольких соратников, в числе которых были нарком по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилов и «всесоюзный староста» М. И. Калинин, сказал:

— Я вот тут слушал несколько песен наших заклятых врагов — белых эмигрантов, донских казаков. Хочу узнать и ваше мнение. Что вы об этих мерзавцах думаете?

Сталин бережно протер звуковые дорожки пластинки бархатной тряпочкой и поставил её на граммофон. Потом поменял иглу и опустил на диск. После короткого шипения пластинка задышала, и помещение наполнили казачьи голоса. Хор исполнил «Славим Платова-героя», «Вечерний звон» и православное песнопение на музыку П. И. Чайковского «Благословен еси, Господи».

— Ну как? — набивая трубку, спросил Сталин, повернувшись к Ворошилову.

— Да никак, Иосиф Виссарионович! — с безразличием в голосе ответил Климент Ефремович. — Скажу честно, никакого впечатления на меня эти отщепенцы не произвели. Жалко, что мы их вместе с Врангелем в Крыму не добились. Теперь бы они за границей не выли.

— И на меня никакого впечатления не произвели, — добавил Калинин.

Сталин внимательно посмотрел на товарищей и медленно, растягивая каждый слог, произнес:

— А на меня произвели. Правда, не столько в музыкальном, сколько в идеологическом отношении. Разъезжают эти казаки по миру, пропагандируют ушедшую Русь и восхваляют Белое движение. А мы что? Почему у нас нет такого хора? С красноармейцами, например! Что думаешь по этому поводу, Клим?! — обратился Сталин к наркому по военным и морским делам.

— Я, товарищ Сталин, не готов к скорому ответу, — обескураженно пробормотал Ворошилов.

— А жаль, — Сталин строго посмотрел на него. — Хорошая идея в

воздухе носится, а мы её опять проморгали. Почему не взять двенадцать красноармейцев, не надеть на них буденовки и не сделать из них хор красноармейской песни, например, при Центральном доме Красной армии.

— А почему именно двенадцать? — спросил Калинин. — Для красноармейского хора маловато.

— Число апостолов! Просто нужно начать с чего-то. А дальше посмотрим. Что об этом думаешь, Клим?

— Идея хорошая, товарищ Сталин! — согласился тот. — Да где мы быстро в Красной армии голоса найдем?

— А их в Красной армии искать и не надо. Отберите среди церковных певчих лучшие голоса. Наденьте на них буденовки — и будет лучший хор всех времен. Он должен затмить не только хор казаков, но и всех белоэмигрантов. Красноармейский хор станет лучшим военным хором мира. Но руководителем нужно поставить грамотного товарища, лучше не с консерваторским, а с синодальным образованием. А ещё лучше и с тем, и с другим, — заключил Сталин и интригуяюще добавил: — А чтобы отличаться от казаков, включить музыкальные инструменты — домру и балалайку. И пускай будут танцоры. Два для начала.

Ворошилов на следующий день сформировал комиссию, куда вошли культработник Ф. Н. Данилович и режиссер П. И. Ильин, а они в свою очередь пригласили выпускника регентского класса Санкт-Петербургской придворной певческой капеллы и Московской консерватории Александра Васильевича Александрова, преподававшего в Московской консерватории и служившего регентом в храме Христа Спасителя, а также работавшего хормейстером-консультантом в театре Таирова и Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

В первый момент Александров был обескуражен таким предложением. Ему даже в голову не могло прийти, что он, сугубо гражданский человек, когда-нибудь сможет управлять военным ансамблем, да ещё песни и пляски. Однако возражать наркому по военным и морским делам не осмелился, понимая, чем всё может кончиться. В одной из комнат его огромной квартиры, расположенной неподалеку от храма Христа Спасителя, была устроена часовня, где накануне своего согласия Александров молился всю ночь.

На следующий день его зачислили на работу в Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии. А к 1 декабря был организован ансамбль из двенадцати человек: восьми певцов, двух танцоров и двух музыкантов (балалайка и домра), получивший название Ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной армии им.

М. В. Фрунзе. Нарком Ворошилов приказал во всех гарнизонах отыскать самых талантливых исполнителей. (О таких возможностях Жаров и не мечтал!) Пользуясь полученными привилегиями, Александров объехал части Московского и Ленинградского военных округов, где отобрал несколько десятков человек, а из них сформировал необходимую дюжину.

Первая музыкальная программа была посвящена 1-й Конной армии и состояла из народных песен и танцев. Затем добавили такие песни, как «Гулял по Уралу Чапаев-герой», «Гей, по дороге», «Наш паровоз», «Там, вдали за рекой», «Слушай, рабочий» и, конечно же, «По долинам и по взгорьям». Кроме того, А. В. Александров и сам писал музыку. Его песни «Волжская бурлацкая» и «Эшелонная» на долгие годы войдут в репертуар. К 1935 году в ансамбле появился полноценный оркестр, число участников выросло до 135 человек. А благодаря строгому конкурсному отбору все его члены были профессиональными музыкантами.

К этому времени ансамбль с гастролями объехал почти всю страну. Советские газеты писали, что «Александров создал ансамбль как совершенно новый творческий жанр, аналогов которому не было нигде в мире». То же самое писали западные газеты, только... о донском казачьем хоре Сергея Жарова. Оба коллектива были полюсами насильственно разделенной единой русской культуры; в 30-е годы XX века ничего друг о друге не слышали, но находились в общем энергетическом поле. До Александра доходили слабые отголоски вестей об успехе донского хора, а до Жарова — смутные сведения о том, что в Советской России появился уникальный ансамбль Красной армии.

В 1935 году А. В. Александров занял должность начальника, художественного руководителя и главного дирижера ансамбля. А как бы сложилась судьба Жарова, если бы он не примкнул к Белому движению? Вопрос риторический! В 1937 году ансамбль Александра заслуженно получил Гран-при на Всемирной выставке в Париже, проходившей под девизом «Искусство и техника в современной жизни». Участниками стали 47 стран, но основное соперничество вели павильоны Германии и Советского Союза. Павильон СССР (архитектор Б. М. Иофан), облицованный самаркандским мрамором, украшал герб СССР и одиннадцати союзных республик. Поражал воображение центральный элемент в композиции советского павильона — 24-метровая, выполненная из нержавеющей стали скульптурная группа В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница», олицетворяющая молодое социалистическое государство.

Кульминацией стало выступление Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР под руководством А. В.

Александрова в составе 274 человек. Это был настоящий триумф! Ни один хор белых эмигрантов не мог конкурировать с коллективом, за которым стояла огромная страна. При этом никто не знал, что Александров скупал или выпрашивал все пластинки хора Жарова, появлявшиеся в Европе.

Во Франции ансамбль Александрова дал 15 концертов, а знаменитые фирмы грамзаписи *Columbia* и *Polydor* выпустили 14 его дисков. Все они пополнили и коллекцию Сергея Жарова. Несмотря на географические границы, идеологические табу и политические преграды, в основе своей русская культура оставалась единым и неделимым целым и продолжала развиваться в сходном направлении в одновременно существующих родственных музыкальных коллективах независимо от внешних влияний, словно следуя закону параллельной эволюции.

После Франции ансамбль Александрова ждал оглушительный успех в Чехословакии, Польше, Монголии и Финляндии. О городах Советского Союза говорить не приходится! Сталин лично следил за успехами своего детища, а Ворошилов постоянно докладывал ему о деятельности музыкального коллектива.

Вот что писали об ансамбле Александрова в те годы: «А. В. Александров, сочетая в своём ансамбле традиции российского церковного, бытового, камерного, оперного и солдатского пения, вывел отечественное хоровое искусство на международную профессиональную сцену. Главной заслугой Александра Васильевича Александрова, конечно, остается создание высокопрофессионального мужского хора, опиравшегося на традиции замечательных русских церковных хоров с замечательными голосами: тенорами, баритонами, басами и даже уникальными басами-профундо».

То же самое можно сказать и о казачьем хоре Жарова, только возможности подбора голосов были у него намного скромнее, а значит, Сергей Алексеевич доводил до совершенства любой более или менее подходящий голос.

Когда в начале тридцатых Сталин увидел ансамбль Александрова, он состоял лишь из 18 человек. Прослушав несколько песен, вождь остался не очень доволен. Он сам когда-то пел в церковном хоре и прекрасно разбирался в тонкостях православного песнопения. По дороге в Кремль он приказал Ворошилову увеличить хор до 175 человек, а через несколько лет распорядился выделить ансамблю специальный поезд для гастролей по стране. Жаровцам такое и не снилось!

Советской власти важно было продемонстрировать повышенное внимание к ансамблю красноармейской песни. Сталин часто приглашал к

себе Александрова для личных бесед. Говорили в основном о музыке, иногда о хоре Жарова. Сталин внимательно следил не только за политической, но и за культурной жизнью белой эмиграции, где донцы играли далеко не последнюю роль. Отец народов понимал, какое первостепенное значение культура имеет не только в идеологической, но и в повседневной жизни любого народа.

Символично, но именно в разгар репрессий 1937 года последнему регенту храма Христа Спасителя А. В. Александрову было присвоено звание народного артиста СССР. Вот какую запись о том времени оставил внук композитора: «Александр Васильевич напрямую общался со Сталиным. Даже когда у Иосифа Виссарионовича сидели в кабинете генералы, Александров запросто входил без доклада. Он был один из немногих, имевших такое право».

Сам Александров вспоминал: «В репертуаре ансамбля и даже в подборе отдельных песен большое участие принимали товарищ Сталин и Ворошилов... Им ансамбль обязан и появлением ряда народных песен, а также классических произведений. Так, например, ансамбль ввел в свой репертуар песни «Калинушка», «Закувала та сива зозуля», «Распрягайте, хлопцы, коней» по личному указанию товарища Сталина и товарища Ворошилова, причем лично товарищ Сталин посоветовал ввести для народных песен в аккомпанирующую группу хорового состава народные инструменты. Любимая товарищей Сталина и Ворошилова и всех наших слушателей песня «Волжская бурлацкая» — отличная песня, но концовки в ней нет. «Вы, как композитор, — сказал товарищ Сталин, — должны подумать и сделать ей надлежащую концовку»... Очень много коррективов внесли товарищи Сталин и Ворошилов в наши танцы, отмечая в них все ненужное, псевдонародное и псевдокрасно-армейское...»

Успехи Александрова вызывали вполне понятную зависть и недоброжелательство партийной верхушки. Член Политбюро ЦК и нарком иностранных дел В. М. Молотов восклицал: «Вот Александров палочкой машет, а ему присваивают генеральское звание. Разве так можно? Это ни к чему!» Но Сталин знал, что делал. На свой вопрос композитору, как ему нравится хор белоэмигрантских донских казаков, он получил прямой ответ.

— Товарищ Сталин, должен признать, что казачий хор Жарова — крупное явление русской культуры. И пускай оно сегодня чуждо советскому народу и наши люди ничего об этом творческом коллективе не знают, но с музыкальной точки зрения хор заслуживает самого пристального внимания.

— Я так же думаю, — после продолжительной паузы сказал Сталин, а

потом, подмигнув Александрову, заметил: — А вот Климент Ефремович нашу с вами точку зрения не разделяет. А жаль!

Через два дня после начала Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 года, одновременно в газетах «Известия» и «Красная звезда» было опубликовано стихотворение поэта В. И. Лебедева-Кумача, а через сутки появилась песня «Священная война» на музыку Александрова, известная многим по первой строчке: «Вставай, страна огромная!» Песня была написана за 4 часа и впервые исполнена хором Александрова 26 июня на Белорусском вокзале в Москве.

Когда пение закончилось, на перроне стояла гробовая тишина. Композитор испугался, подумав, что народу песня не понравилась. Но он ошибался! Люди были потрясены до глубины души и растерялись, впервые услышав гениальное произведение, сочетавшее церковную и военно-патриотические музыкальные традиции. Было видно, как на суровых лицах солдат выступили слезы, а потом они потребовали повторить песню. В тот день ее исполнили пять раз подряд!

Много лет пластинка со «Священной войной» хранилась в личной фонотеке Жарова, пока его сын-алкоголик не выбросил её на помойку. Бывший регент-пулеметчик очень высоко ценил это произведение: строгостью, стройностью, чеканным стилем оно напоминало «Отче наш». Таковую музыку мог написать только последний регент храма Христа Спасителя.

Услышав песню по радио в 1941 году, все жаровцы искренне уверовали: у Германии победы не будет! Народ такой духовной мощи победить невозможно. Кто-то из солистов заметил, что Россия закрылась песенным щитом и в страну снова вернулась святость. Песня «Священная война» была больше чем песня — это была молитва.

Следующий шедевр, написанный Александровым по поручению Сталина и вызвавший восхищение Жарова, был гимн Советского Союза. До 1943 года гимном СССР был «Интернационал». После распада Коминтерна (Коммунистический интернационал — международная организация, объединявшая компартии различных стран в 1919–1943 годах) Сталин поручил Александрову написать новый гимн, который, по его замыслу, должен был звучать как хоральная служба в церкви, только с новым, советским акцентом. Задача воистину непосильная, но Александров с ней блестяще справился!

Он наполнил гимн не только церковным, но и народным духом. «Интернационал» — песня восставшей Парижской коммуны. В нем нет ничего русского! В новом же гимне Советского Союза, впервые

прозвучавшем по радио в ночь на 1 января 1944 года, слышится в первую очередь торжество славы русского оружия, величие и могущество страны.

Россия возвращалась к своим истокам. Это первыми поняли белые эмигранты. В хоре Жарова велись ожесточенные споры о дальнейшей судьбе Родины. В начале пятидесятых годов в руки Сергея Алексеевича попала запись гимна Советского Союза в исполнении патриаршего хора Богоявленского собора под управлением регента А. В. Комарова. Она произвела на Жарова удручающее впечатление. «Так исполнять священную музыку нельзя», — сказал он.

Сергей Алексеевич только за несколько лет до своей смерти узнал, что дважды Краснознаменный, ордена Красной Звезды ансамбль песни и пляски Советской армии имени А. В. Александрова был создан в 1928 году именно благодаря существованию и огромному успеху в Западной Европе хора донских казаков.

У короля Сербии

Очень теплый приём в холодную зиму 1928/29 года состоялся у Александра I Карагеоргиевича, короля сербов, хорватов и словенцев, принявшего 6 января 1929-го титул короля Югославии. Это была легендарная личность первой трети XX столетия. Выпускник Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге, во время двух Балканских войн командовал 1-й сербской армией, в сентябре 1914 года российский император Николай II наградил его орденом Святого Георгия 4-й, а в 1915 году — 3-й степени. С августа 1921 года он — король сербов, хорватов и словенцев. В январе 1929 года, опираясь на армию, он совершил государственный переворот и установил военную диктатуру. Во внешней политике ориентировался на Францию. Покровительствовал русской белой эмиграции, был женат на принцессе Марии Румынской, правнучке императора Александра II. Королева обладала тонким вкусом, играла на музыкальных инструментах и занималась живописью, а также патронировала Мариинский донской институт в городе Белая Церковь.

То, что сделал Александр I Карагеоргиевич для русской диаспоры за границей, не сделал ни один правитель, обязанный своей победой в Первой мировой войне России. В Сербии находились штаб главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля и Высшее церковное управление, позднее — Архиерейский синод Русской православной церкви за границей, действовали русские учебные заведения, издательства, театры, библиотеки и три кадетских корпуса.

В 1929 году король дал согласие на строительство в Белграде Русского дома — духовного очага русской науки, искусства и просвещения. Жаров также потратил часть заработанных в королевстве средств на обустройство Дома. В дальнейшем Русский дом сыграл в жизни эмиграции важную роль как культурный, организационный, общественный центр.

Накануне его открытия Александр I Карагеоргиевич сказал председателю Комитета русской культуры и члену-корреспонденту Петербургской академии наук Александру Беличу: «Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они приехали со своими семьями. Каждая семья — это народ в миниатюре, это проначало каждого народа. Поверьте, русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа — начальная и средняя — должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без

которой их семья — оторванный от могучего дерева листок. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей. Помните это всегда. Приютить, накормить, вылечить — хорошо, необходимо и очень полезно. Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере — вы ничего для него не сделали... Помните всегда, что есть в мире народ, который пожертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр — также кусок хлеба. Это — наши русские».

Что касается музыки, то ее Александр I понимал не как обособленный вид искусства, а как составную часть общей духовной жизни народа.

Концерт состоялся 21 января в 5 часов вечера в приемном зале королевского дворца в Белграде. Кроме Королевской семьи, присутствовали члены правительства, одетые в чёрные фраки и парадные сюртуки, высокопоставленные военные в блестящих генеральских мундирах, представители дипломатического корпуса и, конечно же, много русских эмигрантов. В первом ряду, с необычайным достоинством, в малиновой сутане, восседал папский нунций. Тогда ещё никто не знал, что через три недели Бенито Муссолини подпишет Латеранские соглашения (система договоров между итальянским государством и Святым Престолом) и на карте мира официально появится новое государство — Ватикан. Роль папы Римского на мировой арене возрастёт многократно. А женщины, по-видимому, уже прослышали обо всем, и вокруг нунция увивались самые красивые дамы в брильянтовых колье и роскошных туалетах.

Когда появился король, все встали: мужчины застыли в глубоком поклоне, женщины — в реверансе. Королевская семья заняла места в первом ряду, и король оказался совсем рядом со сценой. Лишь на какое-то мгновение Жарову показалось неловким стоять, повернувшись спиной к королю... но он быстро поднял ладони на уровень груди и строго обвел хористов блестящими, «волчьими» глазами, требуя полного внимания. Вид у регента в этот момент был торжественный и очень суровый. Он стал похож на пулемётчика перед очередным боем с красноармейцами на полуострове Крым.

Концерт начался. Сквозь радостные гимны полноте бытия пробивалась пунктирно намеченная тема ужасов и страданий. И это невозможно было не почувствовать. В музыкальной ткани постоянно присутствовала мучительная внутренняя борьба добра со злом, то возносившая слушателей к небу — обители Бога, то низвергавшая их в зияющие провалы, во тьму.

Все еще раз убедились в мудрости простой истины: музыка начинается там, где слова теряют силу.

После первого отделения придворный церемониймейстер попросил регента подойти к королю. Сергей Алексеевич не успел отереть пот со лба, как оказался возле царской особы. Король смотрел на него одновременно ласковым и восхищённым взглядом.

— Я много слышал о вашем хоре, — произнес Александр I Карагеоргиевич на чистейшем русском языке. — Вытрите лицо. Вы очень устали. Ваша работа очень трудная... Пение хора произвело на меня и на королеву сильное впечатление. Королева уже однажды слышала вас во дворце своей матери в Бухаресте.

Жаров поблагодарил монарха за внимание к русской национальной культуре, за помощь соотечественникам в изгнании и вкратце рассказал историю хора, поразившую короля. Во время беседы выяснилось, что Александр I Карагеоргиевич был в близких, дружеских отношениях с Елизаветой Федоровной, первой покровительницей хора.

После второго отделения все певцы с регентом были приглашены к столу с русскими закусками. Придворный струнный оркестр исполнял произведения русских композиторов. Король в соседнем зале принимал высокопоставленных гостей во главе с папским нунцием. Через несколько минут после начала ужина в зал, где находились хористы, вошёл маршал и от имени короля объявил о награждении всех участников ансамбля сербскими государственными знаками отличия: на чёрных казачьих гимнастерках засверкали золотые медали, а регенту вручили орден Святого Саввы 4-й степени, присуждаемый за достижения в области культуры, науки, богословия, образования, а также за услуги, оказываемые королю, государству и народу.

— Ваше Высокопревосходительство, — обратился Сергей Алексеевич к маршалу, — хор хочет поблагодарить Его Величество.

Маршал многозначительно кивнул и прошёл в соседний зал. Через несколько минут появились король с королевой.

— Ваше Королевское Величество, — чётко, по-военному отрапортовал Жаров, — донской казачий хор приносит Вам свою глубокую, сердечную благодарность. И просит разрешения спеть Вам и Её Королевскому Величеству «Многая лета».

Александр I не успел дать согласие, как один из хористов сольным речитативом, торжественным басом вывел: «Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение и во всем благое поспешение подаждь, Господи, рабу твоему, ныне тезоименитому Александру Карагеоргиевичу, и

сохрани его на многая и благая лета!»

Однако торжественное провозглашение «Многая лета», даже в столь блистательном исполнении, не спасло короля. 9 октября 1934 года вместе с французским министром иностранных дел Луи Барту он будет застрелен в Марселе македонским террористом.

Глава 6

НАЧАЛО БУРНЫХ ТРИДЦАТЫХ

Летом 1930 года после тяжелых, изнурительных гастролей хористы позволили себе два месяца отдыха, точнее, июль каждый проводил как ему вздумается, а в августе все должны были собраться в маленьком курортном городке в Чехии для репетиций. В начале следующего года их ждало первое турне в США, и готовиться к нему начали заблаговременно.

«Поймёт ли нас Америка? — рассуждал про себя Жаров. — Стоит ли туда ехать? Это страна с совершенно другой культурой».

Опытные немецкие импресарио его отговаривали, ссылаясь на многочисленные провалы в Америке других русских хоров. Некоторые советовали на американскую сцену не выходить, а выезжать на боевых конях, в полном вооружении — с казацкой пикой и шашкой. Только так, считали они, можно привлечь внимание американской публики! Однако Жаров верил в свою звезду и продолжал репетиции. Он был не только строгим и требовательным дирижером, но и очень внимательным человеком, прекрасно понимающим, насколько сложен уникальный и хрупкий инструмент — голос. Не раз он говорил: «Струны можно перетянуть, клавиши настроить, духовой инструмент продуть или прочистить. В крайнем случае все эти инструменты просто можно купить заново! С голосовыми связками, если они вышли из строя, сделать ничего нельзя».

По этому поводу русский композитор-эмигрант К. Н. Шведов однажды очень точно заметил: «...Голосовые связки — орган чрезвычайно чувствительный, и малейшие изменения в организме певца (как в физическом, так и психическом отношениях) неуклонно отражаются в звуке. И вот организуется хор. Это значит, что некая более или менее значительная группа людей с различными голосами, с различной музыкальной и вокальной культурой, с различным темпераментом, взглядами и вкусами готовится соединиться в коллектив, который будет демонстрировать перед слушателями свои художественные достижения. Дело регента — спаять всех разнородных людей в одно художественное целое, создать из них один художественный организм, который бы чутко реагировал на тончайшие художественные требования. Но, конечно, прежде всего регент должен добиться стройности пения. Фальшивое

хоровое пение никому не нужно. Фальшиво петь — это то же, что играть на расстроенном инструменте, — явление недопустимое. «Выстроить» же хор, который, как мы видели, составлен из многих различных индивидуальностей, — задача очень большая. Ещё хорошо, если хор поёт под аккомпанемент какого-нибудь инструмента; в этом случае у хора есть на что «опереться». Если же хор поёт *a capella*, т. е. без всякого инструментального сопровождения, то вся интонация хора зависит исключительно от певцов, а это — вещь очень шаткая и ненадёжная. Представим себе, что в одной и той же хоровой партии один певец чуть-чуть повышает, другой — чуть-чуть понижает, третий поёт верно... Что получится в результате? Да только то, что слушатель слышит какую-то неопределенную, нечистую ноту, каковой не может быть места в художественном пении. Но вот регенту в конце концов удаётся добиться того, что хор поёт чисто. Однако настоящей стройности пения всё же не получается; хор, что называется, «не звучит». Это значит, что регент не обратил должного внимания на тембры голосов и на соотношение голосовых красок в хоре. У одного певца тембр блестящий, у другого — матовый, третий поёт чуть-чуть в нос, четвёртый «голит». Регент должен всё это учесть и там, где требуется ровная звучность, добиться абсолютной слитности тембров, при которой все голоса звучат, как на одном инструменте. Огромное значение при этом имеет «динамическая» сторона звука: при ровной хоровой звучности все голоса должны звучать с одинаковым оттенком, будет ли то фортиссимо, форте или пиано и пианиссимо: усиление или ослабление звука в какой-либо хоровой партии нарушает слитность звучания».

В зале ничем не примечательной гостиницы на окраине маленького провинциального курортного городка, на берегу озера, шли постоянные спевки. Каждый день репетировали по 7–8 часов. Тридцать шесть хористов, подчиняясь железной воле регента, превращались в единый инструмент. При делении хора на четыре партии именно такое количество певцов было необходимо и достаточно для полноценной и равновесной звучности. Хор в составе 13–32 певцов считался оптимальным, хотя часто число участников варьировалось — от 22 до 40 человек. Такого музыкального построения хора Жаров придерживался на протяжении многих лет.

К 1930 году его репертуар насчитывал около трехсот произведений, и каждое было доведено до совершенства. Большое внимание уделялось сценическому костюму, представлявшему собой модификацию общей формы нижних чинов Войска Донского — гимнастёрку черного цвета, синие шаровары с красными лампасами и обязательно папаху. Казаки

всегда помнили, что, «если голова цела, на ней должна быть папаха». Правда, сам регент управлял хором, как правило, без папахи.

В Чехии репетировать приходилось больше, чем обычно. Лето выдалось на редкость дождливым, и музыканты часто вынуждены были сидеть дома, изнывая от скуки. Неудивительно, что все с радостью приняли приглашение властей курортного городка дать концерт. Жарову представился удобный случай опробовать программу, подготовленную для гастролей в Америке. Вот как он сам вспоминает об этом событии: «Концерт прошёл на шаткой импровизационной сцене, пахнувшей смолой и свежей краской. Места на сцене было так мало, что мы еле разместились. Дирижируя, я стоял на ящике из-под яиц и в душе переживал то старое доброе время, когда 7 лет тому назад мы за несколько марок пели в болгарском порту Бургас. Маленький зал, увешанный гирляндами из свежей зелени, был так переполнен, что, казалось, тонкие дощатые стены должны были каждую минуту поддаться напору собравшейся толпы. Паузу между первым и вторым отделением мы провели где-то на задворках между курами и гусями, а потом опять пели, сотрясая стены «концертного зала», никогда не видевшего такого скопления народа...

После концерта ко мне подошёл старый господин, быть может, всю свою жизнь не видавший другого города, кроме своего заброшенного курорта. Он был сильно взволнован.

— У нас есть тоже свой городской хор, но он, я должен сознаться, гораздо слабее вашего. Вы можете смело попытаться выступить где-нибудь в другом месте, в каком-нибудь другом городе, побольше нашего.

— Как вы думаете? — спросил его я. — Можем ли мы попытаться счастья, скажем, в Нью-Йорке?

Спрошенный задумался.

— Так далеко я бы вам не советовал, а вот в Габлонце^[5], там несколько тысяч населения, это недалеко отсюда, там бы я вам рекомендовал добиться концерта».

Первая поездка в Америку

Осенью 1930 года, после долгого, но вовсе не утомительного путешествия из Саутгемптона через Атлантический океан пароход вошёл в широкий Гудзон, разветвляющийся на два рукава, образуя продолговатый остров — Манхэттен, медленно плывущий навстречу океанскому лайнеру. Издалека он напоминал гигантского окаменевшего ежа, оцетинившегося иглами небоскребов.

На границе хористам раздали американские иммиграционные анкеты, включавшие почти сто вопросов. Являетесь ли вы лицом, высказывающимся за свержение насильственным путём власти, существующей в США? Находились ли в сумасшедшем доме? Не многоженец ли вы? Особый восторг у казаков вызвал вопрос: являетесь ли вы коммунистом? Все ради смеха дружно решили в этом квадратике поставить крест или галочку, но Жаров строго-настрого приказал отбросить шутки, предупредив, что это может привести к срыву гастрольной поездки.

Таможенный досмотр длился очень долго — несколько часов. Наконец, когда из терминала вышел последний певец, все расселись в автобусе, напомиравшем рекламный киоск. По дороге в гостиницу музыканты со страхом оглядывались. Такого города они ещё никогда не видели. Им казалось, что они попали в гигантский цех автомобильной корпорации, — так остро повсюду чувствовался запах переработанных нефтепродуктов.

Автобус, не встречая на своём пути перекрестков, несся по закопченной скоростной магистрали — четыре полосы в одну сторону и четыре в другую. С левой стороны дороги на рыжем мустанге скакал огромных размеров ковбой — рекламный щит сигарет. Из открытого рта бравого пастуха выходили белые клубы табачного дыма. Надпись призывала покупать только сигареты *Marlboro*. На другой стороне возвышался гигантский щит с рекламой шампуня, выпускавшего из своих недр внушительных размеров мыльные пузыри. Хотя ещё не стемнело, все световые табло работали на полную мощность.

Встречавшие хор импресарио и представители русской колонии в Нью-Йорке привезли певцов в двадцатипятиэтажный отель, расположенный в верхней части Манхэттена. Музыканты ни в одном городе мира не чувствовали себя такими ничтожными и подавленными. Они готовы были

подчиниться любому желанию импресарио. Страх нарастал с каждой минутой. Может ли их музыка здесь хоть кому-нибудь понравиться? Складывалось впечатление, что американцы увлечены только гигиенической жевательной резинкой и прохладительным напитком «кока-кола». Но первое впечатление оказалось ошибочным.

За шесть недель пребывания в США и Канаде хор посетил 32 города и дал при неизменных аншлагах 41 концерт. Успех был фантастический! Однако 14 ночных переездов здорово измотали артистов. Огромные расстояния, такие же, как в России, давно стали им непривычны. Ведь в старушке Европе всё, казалось, находится поблизости.

Шестого ноября хор дал концерт на одной из самых престижных в мире площадок для исполнителей классической музыки — в Карнеги-холле. Приехав на представление заранее, еще в вестибюле певцы заметили огромное скопление народа, несмотря на ненастную погоду: весь день шёл сильный дождь. Концертный зал вместил более 2500 человек! Это был тот самый знаменитый зал, на открытии которого 5 мая 1891 года прозвучало произведение П. И. Чайковского, написанное специально для церемонии коронации российского императора Александра III в 1883 году. Дирижировал Нью-Йоркским симфоническим оркестром в тот знаменательный день сам великий русский композитор.

Узнав об этом от американского импресарио, жаровцы испытали чувство не только необыкновенной гордости за русское искусство, но и повышенной ответственности: именно сейчас национальную певческую школу необходимо было представить в лучшем свете.

И вот подошло время выступления! Хор на сцене. Яркий свет неприятно режет глаза регенту, мешая сосредоточиться. Жаров чувствует, как по телу пробежали мурашки. За спиной две с половиной тысячи зрителей! Да каких?! Весь цвет знатоков музыки! Преждевременные аплодисменты подбодрили его и вдохнули уверенность. Концерт начали с одного из трех самых священных и старинных произведений, написанных еще при возникновении христианства, — молитвы «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя» (другое название «Символ веры»), положенной на музыку Александром Кастальским. Когда хор затих, публика отблагодарила его бурным рукоплесканием. Затем пропели «Благослови, душе моя, Господа», «Святой Боже» на музыку Петра Чайковского, «Единородный Сыне», «Во царствии твоём», «Тебе поём» на музыку Сергея Рахманинова...

Все произведения исполнялись в едином порыве вдохновения. Пожалуй, такого хора в Карнеги-холле никогда не слышали. Пораженные

силой музыки, американские зрители хотели слушать ещё и ещё. Ведь каждый концерт казаков отличался от другого. Сегодня в Нью-Йорке это была стихия, но не та, избавляющая человека от страданий житейских... А стихия как трагедия. Но что такое трагедия для Жарова? Сама жизнь, ее повседневность — вот что с раннего детства было для регента трагедией. Он вспоминал, как, стоя на краю крыши Московского синодального училища, готов был прыгнуть вниз и покончить жизнь самоубийством, узнав, что его собираются отчислить за плохое поведение и неуспеваемость. Куда ему было идти? На всем свете он был совершенно один. Что ему оставалось делать? Только прыгнуть с крыши. В тот момент не смерть, а жизнь казалась ужасной...

И сегодня в Нью-Йорке языком музыки он рассказывал публике о своей судьбе, при этом вознося русское песнопение на недостижимую высоту. Весь зрительный зал Карнеги-холла оценил это, но больше всего один высокий пожилой мужчина. Войдя в артистическую уборную Жарова, он громко воскликнул: «Какой черт в вас сидит? Такой маленький, щупленький, а сколько силы, черт возьми!..» Сергей Алексеевич сразу узнал Александра Ильича Зилоти, ученика П. И. Чайковского и Ф. Листа, а также преподавателя С. В. Рахманинова по классу фортепиано в Московской консерватории. В дореволюционной России он был знаменитостью: профессор Московской консерватории, выдающийся пианист европейского уровня, по материнской линии — двоюродный брат Рахманинова...

В Америке в те годы он находился на пике славы. Часто выступал в Карнеги-холле с лучшими дирижерами мира, чаще всего с Артуро Тосканини. Некоторые американские газеты называли его «пианистом века», исполняющим произведения своего учителя Листа так, как будто они были написаны специально для него. Зилоти посетил все концерты донского хора в Нью-Йорке и на долгие годы стал почитателем таланта Жарова.

Сергей Алексеевич несколько раз был в гостях у Зилоти в нью-йоркской квартире, где его радушно принимала жена пианиста Вера Павловна Зилоти, урожденная Третьякова, старшая дочь знаменитого Павла Михайловича Третьякова — основателя Третьяковской галереи в Москве.

Свободных от концертов дней в Америке почти не было, но всё же в один из вечеров все хористы во главе с регентом посетили Метрополитен-оперу. Во время представления Жаров никак не мог вспомнить, когда был последний раз в театре как зритель. Всегда только на сцене. В этот вечер пел знаменитый «наследник» Энрико Карузо — итальянский тенор

Беньямино Джильи. А Сергею Алексеевичу казалось, что и он сам должен обязательно находиться где-то рядом с артистом, — так неуютно чувствовал он себя в зрительном зале. Опера ему понравилась, но было странно, что аплодируют не ему, а кому-то другому.

Берлин

После Америки хор вернулся в Европу и надолго осел в Германии, главным образом в Берлине. «Мачехой русских городов» называл его тогда поэт В. Ф. Ходасевич. Во многом он был прав, потому что, как гласит пословица, «на чужбине и звезды из олова», но выбирать не приходилось. На целых восемь лет жаровцев приютила Германия, а новая немецкая буржуазия неожиданно через их музыку открывала для себя «русскую душу». В это же время в Берлине появляются рассказы и романы мало кому известного русского писателя В. В. Набокова, о котором лауреат Нобелевской премии И. А. Бунин скажет: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня».

Жизнь менялась на глазах, становилась современнее: вторая промышленная революция настойчиво вторгалась в повседневность. Это было видно хотя бы по постоянно обновлявшемуся парку машин и автобусов.

Летом 1931 года хористы пристрастились к кроссвордам. Жаров ежедневно покупал какую-нибудь эмигрантскую газету на русском языке, и все после репетиции или концерта начинали разгадывать очередную головоломку, заполняя клеточки буквами. Кроссворды особенно выручали певцов в дороге, во время переездов из одного города Германии в другой на поезде или автобусе, хотя изредка путешествовали и по воде.

Без дела никогда не сидели. Просьбы дать то один, то другой благотворительный концерт сыпались непрерывно. Без уважительных причин Жаров никому не отказывал. Он, как никто другой, понимал, как туго приходится русским эмигрантам на чужбине. Сергей Алексеевич постоянно переводил деньги русским детям, нуждающимся в образовании. Поддерживал литераторов. Старался много читать, но времени катастрофически не хватало.

В 1931 году в Берлине вышла книга «Сергей Жаров и его Донской казачий хор», написанная талантливым русским журналистом Емельяном Клинским, эмигрировавшим из Одессы в Венгрию. Уже через несколько недель она оказалась в Москве, на столе у Сталина. Он очень внимательно следил за эмигрантской жизнью в Европе и Америке, и все его близкие знали, что в последние годы он часто наедине слушал пластинки хора Жарова, а следовательно, не был равнодушен к его судьбе.

После того как И. В. Сталин прочёл книгу Емельяна Клинского,

сотрудники Иностранного отдела ОГПУ при СНК СССР стали зондировать почву, чтобы побудить Жарова к возвращению на родину. В Кремле считали, что это был бы очень сильный пропагандистский шаг. Уже вели работу по этому вопросу с Максимом Горьким, И. Е. Репиным, С. С. Прокофьевым... Вот было бы здорово, если бы всемирно известный хор донских казаков вернулся в СССР!

И хотя к этому времени Жаров уже перестал рассматривать большевиков только через смещённую мушку пулемёта «Максим», ничего общего с ними он иметь не хотел: никак не реагировал ни на какие официальные приглашения в посольства или торгпредства Советского Союза. Между тем с его певцами стали «случайно» встречаться некие советские писатели или журналисты и, угощая тех вином, рассказывали о замечательной жизни в Советской России — о том, что церковные общины там процветают, а сами они регулярно посещают богослужения. Слушая их сладкие речи, хористы не верили, но щемящая тоска по родине, по Дону, по станице, где остались жены и дети, братья и сестры, тяжёлым комом сдавливала горло и не давала дышать...

Что может спасти музыканта от ностальгии? Только труд! И хористы собирались на спевку: тишину разрезал мощный бас, величаво выступая из общего аккомпанемента...

К 1930 году в хоре уже пели уроженцы многих городов России. Попадая в руки к Жарову, они забывали обо всем. В ансамбле царила строжайшая дисциплина, особенно на репетициях. Регент требовал, чтобы у певцов были выровнены голоса. Они должны были двигаться во всех направлениях без каких-либо затруднений, без стыков, плавно переходить от самых низких нот до самых высоких. Он считал, что если голос выровнен, то не остается мышц, способных вредить ему, и голос льется совершенно свободно. От каждого он добивался, чтобы его певческий аппарат функционировал безупречно, по всем правилам вокального мастерства. И ему это удавалось.

В начале 30-х годов в Берлин стали часто приезжать советские авангардные театры, и на их спектакли публика, прежде всего немецкая, валила валом. Жители столицы знакомились с постановками Е. Б. Вахтангова и В. Э. Мейерхольда, с любопытством постигали «Белую гвардию» и восхищались кубофутуристическим трехмерным пространством А. Я. Таирова. Режиссеры-эмигранты, напротив, бережно сохранившие театральные традиции царской России, стали не интересны немецкому зрителю: у него сложилось впечатление, что русские — это только казаки и балалайка. Молодой советский театр полностью разрушал

старые клише. Между тем хор донских казаков оставался вне конкурентной борьбы. На его концерты постоянно нельзя было купить билеты — все были распроданы.

В музыке Жарова не было небесной, перистой свободы, как у некоторых западных музыкальных коллективов, однако всегда чувствовалась тоска по утраченной родине. И все — русские и немцы — это хорошо понимали и ценили. В 1929 году было опубликовано либретто песен хора донских казаков под редакцией Мульмана, представлявшее собой тридцатистраничную книжечку, мгновенно распроданную. В общей сложности она выдержала 24 издания.

В том же году Жаров женился на донской казачке Неониле Николаевне Кудаш. Сначала регент и его жена не интересовались политикой и не обращали внимания на программу национал-социалистов. Сергей Алексеевич целиком посвятил себя хору, поэтому знаменитое публичное сожжение книг на Одеонсплац в Мюнхене в мае 1933 года прошло для него незамеченным. Не заметили хористы и того, что 88 немецких литераторов публично поклялись в верности Гитлеру, а такие замечательные писатели, как Томас Манн, Бертольт Брехт, Йозеф Рот, Альфред Деблин, Курт Тухольский, покинули Германию.

При этом простые обыватели стали зажиточнее. Появилось чувство стабильности, у населения прибавилось денег. Безработица, экономический кризис, до сих пор не решенный вопрос о репарациях, беспорядки на улицах, коммунистическая угроза — всё отошло на второй план. Если в 1932 году в Германии было 7 миллионов безработных, то в 1934 году их осталось всего несколько сотен тысяч. Многие полагали, что с Гитлером человечество вступило в новую эру. У людей появилась гордость за своё государство. Незаметно новая идеология поселилась в каждом немецком доме.

Нацистское Министерство народного просвещения и пропаганды умело использовало даже хор донских казаков в своих интересах, демонстрируя всему миру, что Германия — убежище для униженных и оскорбленных. Этому поверил и Жаров со своими хористами. Подобные заблуждения были свойственны и более искушенным в политике людям. Например, немецкий философ Мартин Хайдеггер надеялся, «что национал-социализм признает и вберёт в себя все созидательные и творческие силы». Похожие мысли высказывал и философ Иван Ильин.

В 1933 году многих охватило «ощущение спасения и освобождения от демократии». А чего стоит «Речь о мире», произнесённая Гитлером 17 мая 1933 года, когда он, в частности, сказал, что «безграничная любовь к

собственному народу и преданность ему» предполагают «уважение» национальных прав других народов! Даже такая уважаемая английская газета, как «Таймс», написала: «Адольф Гитлер действительно говорил от имени всей Германии». И что самое удивительное, несмотря на организованный 1 апреля бойкот еврейских магазинов и на увольнения чиновников-евреев, начавшиеся 7 апреля, многие с воодушевлением приняли «национальную революцию».

Знаменитый немецкий лингвист и историк Феликс Якоби перед лекцией в Киле в 1933 году сказал: «Как еврей я нахожусь в трудном положении. Но как историк я научился не смотреть на исторические события с приватной точки зрения. Я голосовал за Адольфа Гитлера с 1927 года и счастлив, что в год национального возрождения мне представилась возможность прочитать лекцию о поэте Августе. Ибо Август — единственная фигура в мировой истории, которую можно сравнить с Адольфом Гитлером».

Многие видели в национал-социалистической революции попытку «родить танцующую звезду» (Ницше) в лишенном богов мире.

День ветеранов и День благодарения

Осень 1932 года началась с выступлений в провинциальных городах Австрии. Жаров был недоволен пением своих артистов и непрерывно, даже с какой-то злостью кричал на них: «Поймите, нет концертов маленьких или больших, все концерты одинаковы, и всюду хор должен петь не хорошо, а отлично! Мы поем не только для людей, но и для Бога. А Бог, где бы мы ни были и что бы ни делали, видит нас и слышит. Вот о чём прежде всего нужно думать».

Никогда Сергей Алексеевич не позволял хору расслабляться и петь вполсилы. Он требовал почти воинской дисциплины и безупречной выправки перед любым концертом, будь то Берлинский спорт-палас или маленькая австрийская деревушка на берегу какого-нибудь Оссиахерзее. Хотя на самом деле так получалось не всегда. К большим, торжественным, многолюдным концертам готовились намного тщательнее.

Перед каждым таким выступлением Жаров лично проверял всех певцов без исключения. В то время в хоре пели 32 человека, и некоторые из них злоупотребляли спиртным. С годами в коллективе выработалась своя классификация концертных выступлений: архиерейские, торжественные, столичные, с записью на радио и т. д. Желательно, чтобы перед концертом артисты имели «тихий час» и с 4 часов дня до 6 отдыхали — лежали в кроватях. Но иногда хор приезжал в крупные, а иногда и в столичные города за два часа до начала концерта. Тогда всё выступление проходило на нервах. Хотя в зрительном зале этого никто никогда не замечал! Но музыканты чувствовали недовольство Жарова и его нервозность. И как бы триумфально концерт ни завершился, после него всегда наступали апатия и усталость.

В конце сентября 1932 года хор из Бремерхафена снова отправился в Новый Свет. Как и во время первого путешествия, на борту парохода были устроены два традиционных бала: встреча и проводы. За сутки до прибытия в Нью-Йорк на верхней палубе, в большом зале 1-го класса, казачий хор дал благотворительный концерт в пользу сирот погибших моряков. В целом путешествие из Бремерхафена до Америки прошло без приключений. Как всегда, ежедневно проводились двухчасовые спевки, но свободного времени оставалось достаточно, чтобы почитать книгу, послушать пластинку, посетить кинематограф, полюбоваться океаном. А некоторые хористы вечером отправлялись на танцы. В то время соблюдали

ещё строгий этикет, и на балы дамы являлись в соответствующих туалетах, а мужчины — в смокингах или черных костюмах.

Во второй приезд в Нью-Йорк хор остановился в другом отеле, более комфортабельном и находившемся совсем рядом с Карнеги-холлом. Отель «Грейт Нортен» был намного удобнее прежнего. Большинство номеров состояло из двух комнат и ванной: первая комната — просторная гостиная, вторая — спальня с двумя кроватями. Как уже было сказано, Жаров всегда жил в таких же номерах, что и его артисты.

Второе американское турне началось с Канады: из Нью-Йорка в Монреаль певцы отправились автобусом. Путь их лежал сначала через город Олбани, затем через Саратога-Спрингс до канадской границы, где таможенники надолго задержали автобус, заставив выгрузить все чемоданы. Только после тщательной проверки как содержимого багажа, так и документов певцам разрешили пересечь границу. Из-за задержки в Монреаль приехали поздно ночью, зато смогли наблюдать удивительное явление: к северу от города, высоко в небе, то и дело вспыхивали большие бегающие пятна, из-за чего все небо находилось в непрерывном движении и было словно живым. Местные жители сказали, что это отражение северного сияния на массах льда. Верилось с трудом, но другого объяснения жаровцы не получили.

После оглушительного успеха в Монреале, о котором написали все местные газеты, хор на автобусе отправился вдоль реки Святого Лаврентия, вытекающей из Великих озер и впадающей в Атлантический океан, в Квебек. Здесь певцы остановились в расположенном на мысе Диамант шикарном отеле «Шато-Фронтенак», известном во всем мире своей необычной архитектурой: издали отель напоминал средневековый замок с бастионами, башнями и мощными стенами.

Квебек значительно отличался от других американских и канадских городов. Здесь витал неуловимый дух старой Франции. На Королевской площади, выложенной брусчаткой, находилась изящная церковь Нотр-Дам де Виктуар. Ее певцы осмотрели в первую очередь и своими голосами проверили акустику. Произвела на хористов впечатление и Квебекская крепость — оборонительное сооружение в форме звезды на мысе Диамант. Но самое яркое воспоминание оставила квебекская публика — такого радужного приёма они давно не встречали. Газеты писали, что хор Жарова кардинально изменил представление о русской духовной культуре, а по радио то и дело транслировали их выступления.

Из Квебека отправились в пятый по величине город одноименной провинции — Труа-Ривьер, живописно расположенный на северном берегу

реки Святого Лаврентия. Там дали один концерт и на следующий день выехали в Оттаву. В то время в канадской столице не было ни одного вместительного концертного зала, поэтому казакам пришлось выступать в огромном здании, где несколько раз в году устраивали сельскохозяйственные выставки, а зимой заливали каток для игры в хоккей, — певцы весь концерт стояли на деревянном настиле прямо на льду. Впрочем, петь в таких условиях им было не в новинку. Берлинский спорт-палас, где впоследствии любил выступать с речами Йозеф Геббельс, тоже часто превращали в каток, и хористам приходилось там петь.

В Оттаве жаровцы поселились в знаменитой гостинице «Шато-Лорье», названной в честь премьер-министра Канады сэра Уилфрида Лорье. В отель от железнодорожного вокзала вел короткий туннель. Здесь они дали несколько концертов, прошедших с большим успехом.

В США, в Атланте, казакам особенно запомнился День ветеранов, отмечаемый 11 ноября. В этот день в 1918 году было подписано Компьенское перемирие, положившее конец Первой мировой войне. Праздник стал национальным и широко отмечался в большинстве стран бывшей Антанты и США. Казачий хор пригласили принять участие в военном параде. Торжественная церемония должна была состояться 11 ноября утром, но поздних вечерних поездов из небольшого городка в штате Джорджия не оказалось, поэтому Жаров и его администратор решили отправиться в Атланту автобусом. Шофёр плохо знал маршрут и сначала заблудился, а потом на очень скверной дороге вообще угодил в яму. Пришлось дружно, всем вместе вытаскивать свой транспорт из грязной рывтины на сухую проезжую часть. До Атланты добрались только на рассвете.

Не успев толком вздремнуть, хористы вскочили по побудке и, ворча от недовольства, принялись приводить в порядок концертную форму. В вестибюле их ждал специальный человек, и они строем отправились в центр города на торжества. Путь, к их удивлению, оказался не близким, и казаки недоумевали, почему их не отвезли на автобусе. Наконец добрались до большой площади, где им отвели место и где собралось много народа, причем особенно много было военных. Певцы догадались, что парад уже кончился. С трибуны выступали какие-то люди, но говорили они недолго. После речей хор спел «Со святыми упокой» и «Вечная память». На этом его музыкальная миссия завершилась. Между тем песнопение произвело на собравшихся неожиданное впечатление — американцы вдруг вспомнили, что, кроме их страны, Англии и Франции, в войне с Германией участвовали и русские. Глава города долго жал Жарову руку, а простые американцы

благодарили за такое чудесное пение. В отель хористы добрались на автобусе и завалились спать.

Через несколько дней Жаров получил из Атланты фотографии, где хор запечатлен как участник памятного торжества. В будущем Сергей Алексеевич использует эти фотографии для рекламных целей и получения вида на жительство в США.

В 1932 году хористы узнали, что в США существует и другой замечательный праздник — День благодарения (*Thanksgiving Day*), отмечаемый ежегодно в четвёртый четверг ноября. После него начинается праздничный сезон и продолжается до Нового года. Праздник давно стал гражданским, утратив религиозные корни, но раньше означал благодарение Господа на исходе осени за богатый урожай и изобилие плодов. Следуя старинной традиции, на День благодарения готовят фаршированную индейку с клюквенным сиропом и сладкий тыквенный пирог. Эти блюда, ставшие символом праздника, казаки попробовали после выступления в Сент-Питерсберге (штат Флорида). Приехали они в городок накануне концерта и остановились в одном из лучших отелей — «Северине», совсем рядом с театром «Сирия Моск» (*Syria Mosque*), где должны были выступать.

Выспавшись и позавтракав, певцы отправились гулять: их поразили безлюдные улицы, где они не встретили ни одного прохожего, все магазины и маленькие лавочки закрыты, мастерские и кафе не работали. Тогда они не знали, что наступил День благодарения. Как не знали и историю праздника. А она весьма занимательна и поучительна.

В 1620 году первые переселенцы из Англии, прибывшие в Америку на торговом галеоне «Мэйфлауэр», после тяжелого плавания по Атлантическому океану в один из морозных ноябрьских дней высадились на берег и основали поселение — Плимутскую колонию. Почти половина прибывших (а их было чуть больше ста) умерла от холода, голода и болезней в первую зиму. Выжившие сумели, с помощью индейцев, вырастить и собрать осенью, несмотря на неблагоприятные условия, богатый урожай. Первый губернатор колонистов Уильям Брэдфорд решил возблагодарить Господа. На праздник осенью 1621 года отцы-пилигримы пригласили вождя и ещё нескольких индейцев, которые помогли им выжить в суровых, незнакомых условиях. Трапеза, разделённая с индейцами, и стала первым Днём благодарения. После провозглашения независимости Америки от Англии первый президент США Джордж Вашингтон узаконил День благодарения как национальный праздник.

Жаров понимал, какая честь выпала ему — выступить в столь

знаменательный день в Сент-Питерсберге. И это испытание он выдержал на отлично: концерт с огромным успехом прошёл в зале «Сирия Моск», а потом еще сорок минут жаровцы пели на бис. Не только все места в зрительном зале были заняты, но и все проходы забиты людьми. Когда музыканты вернулись в отель, через просторный вестибюль невозможно было протолкнуться — столько поклонников ждали их! В основном это были молодые девушки в роскошных вечерних платьях. Жарову объяснили, что они принадлежат к высшему обществу. В тот же вечер в отеле «Северин», в двух разных залах, устроили балы, куда пускали только по специальному приглашению. Хористов с искренним радушием встречали в обоих залах.

На следующее утро газеты вышли со сногшибательными заголовками «Русские покорили Америку». Концерт донского казачьего хора надолго запомнился жителям штата Флорида — они увидели Россию такой, какой себе никогда не представляли.

Знакомство с Тито Скипа

Новый, 1932 год встретили в Нью-Йорке, куда приехали по приглашению Общеказачьей станицы американского города. Ещё действовал сухой закон, однако недостатка в спиртном не ощущалось, особенно в новогоднюю ночь. В ресторан, где собрались певцы, то и дело наведывались блюстителю порядка и словно не замечали бойкую торговлю контрабандным алкоголем. Наоборот, полицейские с независимым видом подходили к стойке, выпивали одну-две рюмки виски, заедали маленьким бутербродом и, небрежно вытерев губы салфеткой, удалялись, а на смену им тут же являлись их коллеги и проделывали то же самое.

Вернулись жаровцы в отель 1 января 1932 года под утро и под хорошим хмельком, исполнив по дороге несколько песен, в том числе «Казачью плясовую». Из ресторана пришлось идти пешком — на такси проехать было невозможно: все улицы запружены народом. Провожали хористов до отеля несколько казаков из Общеказачьей станицы Нью-Йорка. Расставание в вестибюле гостиницы вышло долгим и трогательным. Вспоминали Россию и плакали. Все уже отчаялись когда-нибудь вернуться домой, но никто не хотел терять связь с родиной, и русская песня оставалась единственным надежным мостом между ними и Россией. Когда звучала только что появившаяся на свет песня «Полюшко-поле», все с болью в сердце и со слезами на глазах видели любимую Русь. Русь, безвозвратно ушедшую в никуда...

Первая поездка на Ниагарский водопад состоялась после триумфальных гастролей в Нью-Йорке. Заказали специальный автобус с профессиональным гидом, с упоением рассказавшим всё об уникальном природном феномене. Хористы пришли в дикий восторг, узнав, что Ниагарский водопад — не один, а целый комплекс каскадов падающей воды. Его составляют Канадский водопад (иногда его называют Подковой), высотой 53 метра и шириной 800 метров; Американский водопад, высотой 21 метр и шириной 300 метров, и, наконец, водопад Фата.

Находится чудо природы на многоводной реке Ниагаре, соединяющей два из Великих озер — Эри и Онтарио и давшей название не только водопаду, но и городу, где хор Жарова будет впоследствии не раз выступать. До посещения Ниагарского водопада певцы несколько раз любовались Рейнским водопадом в швейцарском кантоне Шаффхаузен, неподалеку от городка Нойхаузен-ам-Райнфалль, считающимся самым большим

равнинным водопадом Европы: высота — 23 метра, ширина — 150 метров. Но разве мог он сравниться с Ниагарским! Хористы были потрясены американским размахом во всем! Даже в природных явлениях!

— Да, в Ниагаре есть мощь, — заметил один из них, — но в ней нет романтики, как в Рейнском водопаде.

И все согласились, а кто-то неожиданно запел:

Поехал казак на чужбину далеку,
На добром своём коне вороном.

И все дружно подхватили:

Свою он краину навеки спокинул,
Ему не вернуться в родительский дом.

Нафотографировавшись вдоволь на фоне низвергающихся с головокружительной высоты и сверкающих мириадами алмазных брызг потоков воды, жаровцы направились на западное побережье Канады, по пути дав несколько концертов, пока не добрались до Виннипега. Название города, расположенного на канадском Среднем Западе, означало в переводе с языка индейцев — «грязная вода».

Здесь хор остановился в гостинице «Александра», и мэр Виннипега устроил в честь музыкантов пышный прием. Каждый из присутствующих на банкете получил из рук главы города памятный значок. На следующий день должен был состояться концерт. Театр находился совсем недалеко — в трех кварталах от отеля. Но ударил 30-градусный мороз. Местные жители надели шубы и меховые шапки. Жаровцы, не рассчитывавшие на такой холод, по местным меркам были одеты легко и явились на концерт продрогшие и встревоженные — боялись за свои голоса и не знали, как они поведут себя в такую погоду. По воспоминаниям одного из певцов, «хор был каким-то инертным, статичным и внутренне размагниченным». Но, слава Богу, в зале этого никто не заметил. Все газеты Виннипега написали, что концерт прошёл великолепно.

От автобуса из-за сильных холодов пришлось отказаться. Специально для хора зарезервировали спальный вагон, и певцы отправились дальше — в канадские города Реджайна, Соскатун, Эдмонтон, Калгари и, наконец, долгожданный город на берегу Тихого океана — Ванкувер. Несколько

суток музыканты покидали свой пульман только для концертов. Остальное время из-за сильных холодов проводили «дома». В Эдмонтоне даже заказали доставку прямо в вагон жареных гусей. Несколько часов хозяин-мясник сам готовил блюдо, а потом на своём автомобиле привез еще горячим. Такого вкусного гусяного мяса жаровцы, пожалуй, не пробовали никогда в жизни!

Из Ванкувера отправились на остров Виктория, входящий в состав Канадского Арктического архипелага и названный в честь английской королевы. Из города Виктория, на крайнем западе Канады, на пароходе отбыли в крупнейший город северо-запада США — Сиэтл. Из Сиэтла двинулись в Портленд (штат Орегон), где дали концерт преимущественно для русских эмигрантов. На него откликнулась вся русскоязычная пресса США. Отмечалось, что каждая песня хора Жарова — музыкальная жемчужина, пьеса-зарисовка интимных переживаний маэстро. Что от каждой песни в исполнении казачьего хора сердце щемит странной тоской. Правда, в отдельных произведениях ощущаются умиротворенность и душевный покой, а иногда душераздирающая тоска сменяется внезапным просветлением. А также о поразительном таланте Жарова превращать ноты в живые звуки. Эти лестные отзывы перепечатали и англоязычные издания. С каждым днём популярность хора в Америке росла.

Из Портленда в комфортабельном спальном вагоне отправились дальше на юг — в Сан-Франциско. Выехали после полуночи и, когда на рассвете проснулись, увидели за окном зимний пейзаж, до боли напоминающий Россию: ели и сосны, обсыпанные снегом, вдоль железнодорожной насыпи. Казалось, ещё чуть-чуть — и длинные хвойные лапы коснутся окон поезда, но русская зимняя сказка скоро закончилась. Состав въехал в лес, состоящий из гигантских деревьев — настоящих исполинов. Это были знаменитые калифорнийские секвойи, которых никто из жаровцев никогда не видел.

Незаметно дорога стала извилистой и пошла в гору. Паровоз замедлил ход. Перевалив через возвышенность, поезд снова пошёл с обычной скоростью, но до Сан-Франциско не доехал. Казаков ждал ещё один концерт — в Окленде, откуда уже на рейсовом пароме они отправились в Сан-Франциско. Знаменитого на весь мир моста Золотые ворота через одноименный пролив тогда ещё не было, поэтому поездка на пароме заняла около 40 минут.

Город на музыкантов произвел приятное впечатление, не зря его называли в Америке «Западным Парижем». Атмосфера там царила творческая, на концерт пришло много представителей русской эмиграции.

Почти во всех музыкальных магазинах можно было приобрести пластинки казачьего хора. Ребяческую, почти детскую радость испытывали хористы, когда видели афиши со своими фотографиями в витринах. Некоторые американцы узнавали их на улице. Однажды в гостинице в Сан-Франциско они услышали собственное пение по радио. Это был феноменальный успех!

Русские эмигранты часто обращались к Жарову с просьбой достать билеты на концерт, так как все давно распроданы. Сергей Алексеевич старался помочь соотечественникам, но это удавалось не всегда. В Сан-Франциско была большая русская колония. В основном колонисты приехали с Дальнего Востока, поэтому приглашения на всевозможные торжественные мероприятия и банкеты сыпались со всех сторон. Особенно запомнились приемы, устроенные местным аристократическим обществом «Колобок» и Обществом ветеранов, где присутствовало много высших чинов Сибирской армии. Пышный прием устроил донцам один из самых престижных частных клубов Америки — Богемский клуб.

Ужин был сервирован очень оригинально: каждый из членов клуба имел свой маленький, отдельный столик, куда усаживали хористов, где по одному, где по двое. У каждого члена клуба имелся также свой винный погреб. И официанты приносили оттуда то одно, то другое вино. После роскошной трапезы хозяева исполнили несколько русских песен. Затем наступила очередь хора. Жаров встал, а остальным певцам жестом приказал оставаться на местах. Незаметным движением двух пальцев он дал команду, и хористы заиграли своими голосами, как мячиками.

С первых же нот музыка погрузила слушателей в тайну, заставила думать о том, как река времени исчезает в песках вечности. Жаров, подобно демиургу, в зависимости от собственного настроения, повелевал одной и той же песне вчера звучать динамично, ярко, бравурно, а сегодня — проникновенно и лирично. Любой звук покорялся его воле, превращаясь в нечто загадочное, стихийное и непостижимое. Он возносил любую публику в духовный космос. А когда музыка замолкала, зрители не сразу возвращались в привычную жизнь. Несколько часов, а то и дней они словно продолжали парить в невесомости. Настоящее искусство обязательно должно объединять и делать чище. Регент неуклонно следовал этому завету!

В Сан-Франциско Жаров познакомился с итальянским тенором Тито Скипа, к тому же автором нескольких хоровых и фортепианных произведений. Произошло это так. После одного из дневных концертов продюсер объявил, что вечером весь хор отправляется в оперный театр —

слушать Тито Скипа. Фамилия выдающегося тенора была у всех на устах. Тито Скипа стоял в одном ряду с такими оперными легендами XX столетия, как Федор Шаляпин, Энрико Карузо, Джованни Дзенателло...

Когда казаки приехали на сольный концерт певца, выступление уже началось. Жаровцы заняли свои ложи, и вдруг итальянец их заметил. Он не спеша вытащил из кармана маленькую записную книжечку, открыл её, сделал неглубокий поклон в сторону Жарова и, смотря в текст, запел по-русски: «Пленившись розой, соловей...». Это был «Восточный романс» Н. А. Римского-Корсакова, положившего на музыку стихотворение «Соловей» (Подражание Пушкину) А. В. Кольцова. Очаровательный комплимент-экспромт растрогал Сергея Алексеевича до слез. Когда романс закончился, казаки вскочили со своих мест и обрушили на итальянца бурю аплодисментов.

Концерт продолжился по программе. Пожалуй, впервые в жизни казаки слышали столь уникального певца, не зря прозванного критиками «колоратурным тенором». Ему были доступны очень низкие грудные звуки. С одинаковой легкостью он исполнял самые трудные оперные партии для теноров. Казалось, итальянец способен пропеть сложнейшие пассажи без малейшего голосового напряжения. Вокальная школа, пройденная им в Милане у выдающегося педагога-вокалиста Эмилио Пикколи, была безупречна. Это чувствовалось в каждой взятой ноте.

После концерта Жаров со своим администратором за кулисами приветствовал певца и искренне поблагодарил от имени всего хора. Сразу после знакомства знаменитый итальянец пригласил регента и его администратора в ресторан на спагетти и стаканчик «Кьянти». А перед отъездом из Сан-Франциско прислал всем жаровцам свои красиво оформленные фотографии с автографом.

После того незабываемого вечера итальянский тенор стал одним из главных почитателей и пропагандистов хора. В нескольких интервью влиятельным американским газетам он назвал хор Жарова величайшим музыкальным событием современности и раскрыл тайну его уникальности. Впоследствии Тито Скипа займет пост директора Чикагского оперного театра, где не раз по его приглашению выступит казачий хор. Между Сергеем Жаровым и Тито Скипа возникнет многолетняя дружба, прерванная смертью певца в 1965 году.

В 1930 году Тито Скипа пел в театре Колон (Буэнос-Айрес) на одной сцене с Фёдором Шаляпиным в опере Джоаккино Россини «Севильский цирюльник». Русский бас произвёл на итальянского тенора глубочайшее впечатление. Тито Скипа писал об этой встрече: «На своём веку я встречал

немало выдающихся людей, великих и гениальных, но Фёдор Шаляпин возвышается над ними, как Монблан. В нём сочетались редкие качества большого, мудрого артиста — оперного и драматического. Не каждое столетие даёт миру такого человека». То, что хор Жарова выступал вместе с Шаляпиным перед английским королем, было известно Тито Скипа.

Из Сан-Франциско хор отправился на поезде на юг штата Калифорния, в Лос-Анджелес, где дал несколько концертов, а затем на автобусе — гастролировать по пригородам: посетили Пасадену, Сан-Диего и Санта-Барбару. Отдохнув день перед дальней дорогой, в спальном вагоне прибыли в Нью-Йорк, откуда на пароходе благополучно возвратились в Европу.

Северная Африка

В первый день Пасхи 1932 года хористы погрузились в товарно-пассажирский пароход, шедший из Марселя в Алжир. Кто-то из певцов прихватил из Парижа кулич и крашеные яйца — началось разговение. На пароходе оказался знаменитый испанский тенор Мигель Флета, блиставший тогда в Европе. На оперы и концерты с его участием невозможно было попасть. Однако держался он с пассажирами скромно, хотя и с подчёркнутой независимостью. Очень скоро Флета и Жаров познакомились. Испанец ничего не знал о казачьем хоре, но после того как Сергей Алексеевич подарил ему несколько пластинок, продававшихся в каждом крупном европейском магазине, Флета щедро поделился с администратором Жарова адресом одного мадридского импресарио, и уже через год русские певцы побывали на Пиренейском полуострове.

На второй день пути пароход подошёл к африканским берегам. Все пассажиры высыпали на палубу, стараясь на мглистом горизонте разглядеть Алжир, пока больше похожий на белое расплывчатое пятно. Когда с берега подул ветер, пахнувший тростником, очертания алжирской столицы стали более отчетливыми. Сказочный город, словно покрытый белым лаком, медленно приближался! Казалось, он колышется, словно мираж в пустыне.

В порту казаков ждал автобус, доставивший их в отель в самом центре города. Отель находился на главной улице, а рядом петляли две узенькие улочки, куда казаки и отправились гулять. Само название города Алжир произошло от «аль-Джазаир», что в переводе с арабского означает «острова»: раньше рядом с городом находились четыре острова, ставшие частью материка в 1525 году. В облике города сочетались колониальное наследие Франции и исламская культура. Кто-то из хористов сделал любопытное наблюдение: в магазинах с синими дверями продавали свежую рыбу, а на подоконниках лежало много сухого хлеба — алжирцы его не выбрасывали, а крошили голубям.

Первое выступление в Северной Африке прошло с невиданным успехом. Не только все места, но и все проходы концертного зала были заполнены публикой. Многие зрители оказались русскими эмигрантами, волей судьбы заброшенными в арабскую страну. Во время концерта все они плакали. В Алжире впервые слышали такой хор, и многие не ожидали, что звуки родных песен перевернут им душу. Люди неожиданно почувствовали, что перед ними та самая Россия, которую они потеряли.

Россия Рахманинова и Римского-Корсакова, духовной православной музыки! Эмигранты увидели перед собой соотечественников, не потерявших родину, а бережно сохранивших в своем сердце. Все музыкальные произведения хора словно были сотканы из мелодических модуляций человеческой души.

Казалось бы, простая философия жизни, сладкий русский экзистенциализм, выраженный в вокальной музыке. Но для такого исполнения требовалось не только техническое совершенство, но и соответствующий жизненный и профессиональный опыт, а также неразрывная связь с предшествующей русской культурой. Нужно было глубоко понимать русскую религиозную философию, или, как ее иначе называют, органическую жизненную мудрость. Жаров и большинство его хористов обладали этим даром.

После выступления в Алжире певцов и регента от концертного зала до отеля пронесли на руках. Следующий пункт назначения был город Константина, основанный ещё за много лет до Рождества Христова финикийцами. Администратор хора, решивший попрощаться с испанским тенором Мигелем Флета в соседнем отеле, задержался и опоздал на поезд. Всем певцам, а особенно Жарову, пришлось сильно поволноваться. Но всё обошлось. Поезд шёл медленно, и администратор нагнал его на такси на второй станции.

После Константины был ещё один небольшой алжирский городок, а потом хористы прибыли в знаменитую, залитую средиземноморским солнцем Бизерту — последнюю стоянку Русской эскадры. Основанная финикийцами в IX веке до Р. Х., раньше Карфагена, Бизерта в мировой истории сыграла важную роль благодаря своему исключительному географическому положению. Но кто мог предполагать, что она же станет и последней якорной стоянкой русского морского корпуса после Гражданской войны в России.

Напомним, что именно на военных кораблях, вспомогательных судах и мобилизованных пароходах Русской эскадры — особого тактического соединения Российского императорского флота — в ноябре 1920 года из Крыма эвакуировались армия генерала Врангеля и мирное население, общей численностью около 150 тысяч человек. В декабре того же года Франция согласилась принять Русскую эскадру в Бизерте. В Тунисе состав эскадры постоянно сокращался из-за нехватки средств на ее содержание, пока в конце 1922 года весь личный состав не был списан на берег. А 29 октября 1924 года в 17 часов 25 минут были спущены последние флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного — символа

российского флота, символа 200-летней морской славы России.

После официального расформирования военной эскадры в Тунисе многие русские моряки со своими семьями не отправились за счастьем в Европу или другие страны, а остались в Бизерте. К началу 30-х годов они здесь не считались даже иностранцами. Их можно было встретить повсюду — в магазинах, на электростанциях, в морском ведомстве, в автомобильных мастерских, на общественных работах... Они трудились везде.

В 30-е годы русская колония укрепилась и укоренилась. Одной из причин ее органического культурного вживания в социальный ландшафт тунисского общества оказались музыкальные потребности и возможности русских и, как следствие, быстро возникшие творческие связи с французским, арабским и итальянским музыкальными кругами. В Бизерте шутили: «Два англичанина — футбол. Два немца — две кружки пива. Двое русских — хор». Действительно, русские уделяли большое внимание музыкальному воспитанию своих детей.

Сразу после прихода российской военно-морской эскадры в Тунис из кадетов, гардемарин, офицеров и служащих создали хор, который впоследствии возглавил Иван Михайлович Шадрин, лауреат Санкт-Петербургской консерватории и регент Императорской капеллы. Хор насчитывал 40 человек. Свой первый концерт в Бизерте он дал 23 февраля 1929 года. Первая часть, как и у Жарова, состояла из религиозной музыки: Д. С. Бортнянский, А. А. Архангельский, А. Ф. Львов; вторая — из светской. Часто с хором выступали цыгане, под аккомпанемент гитары исполняя романсы. Одно время хор был самым известным и популярным русским музыкальным коллективом в Северной Африке. Он давал концерты в Сфаксе, Сусе, Бизерте и пользовался успехом не только у русских эмигрантов, но и у иностранных легионеров.

Донской казачий хор произвел в Бизерте фурор, и не только потому, что во время концерта работал буфет с водкой и закусками, притягивавший мужчин всех национальностей. Публика в городе оказалась подготовленной и, внимательно слушая пение, часто принимала участие в исполнении того или иного религиозного или светского произведения.

Концерт состоялся 6 мая 1932 года. В этот же день, за несколько часов до его начала, регент и хористы узнали, что в Париже русский эмигрант Павел Горгулов застрелил президента Франции Поля Думера. Убийство невозможно было объяснить никакими логическими доводами. Позднее выяснилось, что стрелявший в президента — кубанский казак, уроженец станицы Лабинской. Трагический инцидент послужил причиной отмены всех ближайших гастролей хора во Франции. Президент Думер,

потерявший на полях сражений Первой мировой войны четырех сыновей, пользовался большой популярностью в стране. Хор был вынужден остаться в Тунисе — возвращаться во Францию не имело смысла.

Несколько дней хористы бездельничали. Рядом с отелем имелось кафе, где пекли чудесные булочки в форме полумесяца — круассаны. Жарову рассказали любопытную легенду: в 1683 году, во время войны Габсбургов с турками, некий венский пекарь впервые испёк такие булочки после провала турецкой осады австрийской столицы. Османская армия окружила город, но пекари, выпекавшие по ночам свежие булочки, услышали стук мотыг и лопат и поняли, что турки задумали сделать подкоп под городскими стенами. Они вовремя предупредили солдат, сорвав коварные планы врага. После этого вся Вена с удовольствием лакомила воздушными слойками в форме османского полумесяца.

В кафе хористы читали все газеты, выходившие в Тунисе на французском языке, и обсуждали последние новости. Из-за сорванных гастролей кубанский казак Павел Горгулов стал личным врагом жаровцев. Через несколько дней прозябания в Тунисе кто-то предложил осмотреть разрушенное кладбище некогда грозного Карфагена. Все певцы во главе с регентом поддержали идею.

На следующей день на маршрутном автобусе музыканты отправились в древний финикийский город и нашли его в страшно заброшенном состоянии. Смотреть там оказалось почти нечего. От прежнего величия не осталось и следа, если не считать нескольких обломков надгробий и мраморных плит. Местный экскурсовод, видя замешательство приезжих иностранцев, надеявшихся увидеть здесь хоть какое-то подобие древнего города, напомнил, что древнегреческий историк Плутарх в своем труде «Жизнь Катона Старшего» писал, что римский полководец и государственный деятель Катон Старший, непримиримый враг Карфагена, заканчивал каждую свою речь в сенате по любому вопросу одной и той же фразой: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен».

Последствия этого «мнения» жаровцы увидели своими глазами в мае 1932 года. Руины Карфагена их совершенно разочаровали. Развлек хористов только заклинатель змей, навязчиво демонстрировавший своё искусство. Он играл на дудке монотонную мелодию, но так фальшиво, что певцы прониклись к нему отвращением. Змея же, игнорируя хозяина, лежала подозрительно неподвижно. По всей видимости, ядовитые зубы у неё давно вырвали, и она потеряла всякий интерес к жизни и никого развлекать не собиралась. Хористам ничего не оставалось, как сделать несколько фотоснимков с горе-заклинателем и вернуться в Бизерту.

Просидев без дела еще несколько дней, казаки решили отправиться в Оран, второй по величине и значимости город Алжира. Утром, когда поезд уже стоял под парами у платформы, неожиданно выяснилось, что не хватает одного хориста. Администратор бросился в гостиницу, благо она находилась в трех минутах ходьбы от вокзала. В одном халате, с торчащей из незакрытого чемодана одеждой, опоздавший тенор всё-таки успел запрыгнуть в вагон.

Дорога из Бизерты до Орана оказалась очень долгой и тяжелой. Кондиционеров в поезде не было, и от раскаленной крыши вагона духота в грязном купе стояла невыносимая. Питьевой воды не хватало, или она всегда была тёплой. Поезд с частыми остановками очень медленно тащился вдоль побережья Средиземного моря, пока не миновал столицу Алжира. Здесь его скорость хоть и незаметно, но всё-таки увеличилась. Газеты продолжали писать о безвременной кончине 13-го президента Третьей республики Поля Думера, восхваляя его добродетели. А казаки на чём свет поносили убийцу, сорвавшего им гастрольную поездку по Франции.

В Орane музыканты прямо с поезда погрузились на пароход, через несколько часов взявший курс на Марсель с заходом в Барселону. На верхней палубе увидели группу иностранных легионеров, состоявшую большей частью из молодых немцев и направлявшуюся в какую-то новую французскую колонию. Хористы в Северной Африке постоянно встречали солдат из Французского иностранного легиона, и среди них было много выходцев из России. Первоначально предполагалось, что легионеры могут воевать только за пределами Франции, но Первая мировая война спутала все карты... Казаки быстро перезнакомились со всеми легионерами, и те охотно делились своими военными приключениями. В свою очередь и казакам, прошедшим чистилище Первой мировой и Гражданской войн, было о чем рассказать. В такой дружной компании жаровцы прибыли во Францию, откуда благополучно отправились в Германию.

Глава 7

В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

В сентябре 1933 года в Германии была создана Имперская палата культуры. Одним из ее структурных подразделений стала Имперская палата музыки (RMK). Ни один музыкальный деятель не мог занимать свою должность или оставаться свободным художником, не зарегистрировавшись в этой «творческой организации». Хор Жарова не стал исключением. В RMK на каждого певца завели отдельную папку-досье с данными о личности и политических склонностях. Изгнание из RMK означало фактический запрет заниматься профессиональной деятельностью. При подаче документов в RMK каждого тщательно проверяли на предмет неарийского происхождения, социалистических взглядов или тяготения к «вырожденческому» искусству. Тот, кто становился членом RMK, получал от властей такие привилегии, о каких прежде не мог и мечтать.

Хор белых эмигрантов из России Сергея Жарова был на хорошем счету у национал-социалистов. Это позволяло демонстрировать всему миру, что в новой Германии даже угнетенные народы могут найти прибежище и получить возможности для творческого развития. Йозеф Геббельс использовал такие случаи в пропагандистской работе весьма успешно. Авторитет RMK был очень высок. Её первым президентом стал один из самых известных немецких композиторов Рихард Штраус, а вице-президентом — выдающийся немецкий дирижер Вильгельм Фуртвенглер.

С. А. Жаров.

Начало 1930-х гг.

Донской хор на отдыхе.

Австрия, 1933 г.

Несмотря на то, что с марта 1934 года немецкие музыканты утратили возможность выезжать за границу без специального разрешения RMK, Донской казачий хор ежегодно гастролировал в США и Канаде. Одна из таких поездок состоялась в 1934 году. 8 октября канадская газета «Ла Патри» в рубрике «Театр и кино» вышла со статьей «Аншлаг в театре Её Величества: пятый визит ансамбля — и вновь невиданный успех», где говорилось: «В очередной раз «хоровая симфония» очаровала аудиторию своим единством, тембром славянских голосов и синхронностью. Кроме того, всех восхитила дисциплина, которой удалось добиться Сергею Жарову. Уже неоднократно писали о том, что хор не обладает выдающимися вокальными данными, однако железная дисциплина и

любовь к своему делу позволили ему достичь подлинного совершенства. Хормейстер создал ансамбль из соотечественников, родившихся вовсе не для сцены. Но «щуплый дворянин» (так называют Жарова) совершил чудо. Сегодня Донской казачий хор представляет собой по-настоящему замечательный и блистательный коллектив. И вчера вечером, как и прежде, он очаровал публику».

Другая канадская газета — «Ла Пресс» — в тот же день писала: «В огромной толпе пришедших в театр Её Величества на концерт и стоявших даже в узких проходах находились, несомненно, и те, кто слышал донских казаков впервые. Они были очарованы и потрясены, стоило лишь им услышать хор Сергея Жарова. Слаженность, чувство ритма, сила и мягкость, ангельская нежность и страстная необузданность, владение голосом и необычайная память — все эти качества хор объединил и производил на слушателей ошеломляющее впечатление. Давним почитателям и поклонникам столь лестные слова не кажутся преувеличением — они приходят уже на пятый концерт хора в Монреале за четыре года.

Вначале прозвучали религиозные песнопения. Атмосфера была великолепной. Серьезность сюжетов воплощалась в вокальном исполнении, создаваемом тридцатью восемью хористами, которые одновременно вели вокальные партии и имитировали звучание музыкальных инструментов, покрывая при этом весь нотный регистр...

Господа Гуле и Паже уже вписали донских казаков в концертную программу на следующий год. И они поступили правильно. А множество зрителей, которым не хватило мест и пришлось уйти, убедились, что в следующий раз следует покупать билеты заранее».

Монреальская газета «Монреаль дейли стар» 8 октября 1934 года в статье «Переполненный зал аплодировал хору донских казаков» рассыпалась в комплиментах: «Сложно словом «овация» передать тот восторг, с каким принимали хор донских казаков. Зал хлопал и топал, заставляя Жарова выходить на поклон снова и снова. Театр был переполнен, даже за креслами и в проходах стояли люди. В паузах между песнями слышались восторженные восклицания и шум аплодисментов, но в моменты самого исполнения публика замирала, будто околдованная маленьким магом, едва заметными движениями рук управлявшим хором с дирижерского пульта.

Жаров — замечательный шоумен небольшого роста, пользующийся заслуженным уважением аудитории несмотря на то, что между отдельными произведениями он то и дело пропадает из поля зрения, окруженный

рослыми хористами. Его самого и его артистов просто оглушили овациями. Он снискал громкую славу за выдающееся умение управлять тремя десятками казаков-великанов. Он умеет общаться и с публикой: ценит внимание, оказанное его хору, искренне благодарит за подаренные цветы и по многу раз выступает на бис с новыми произведениями...

Духовная музыка, исполненная донскими казаками, пронизана глубоким пониманием того, что раньше называлось Святой Русью. В качестве специальной композиции на бис хор бездомных пилигримов исполнил часто повторяемый отрывок из русской православной литургии. Ничто не может сравниться с этим».

В Виннипеге хор гастролировал 16 октября. Влиятельная канадская газета «Виннипег фри пресс» вышла с заголовком: «Виннипег оказал радушный прием донским казакам». В статье содержался хвалебный отзыв: «Какой незабываемый прием был оказан русскому мужскому хору донских казаков в Виннипеге в понедельник вечером! В прошлый раз, в 1932 году, они выступали в театре Виннипега, но в этот раз даже огромного зала «Аудиториума» не хватило для всех желающих услышать хор. Билеты были проданы не только на места в оркестровой яме, но и на места за сценой. Концерт стал чудесным началом нового сезона «Celebrity series». Восторг аудитории нарастал от песни к песне и достиг апогея, когда артисты исполняли номер с участием двух танцоров, крутящихся на сцене, как заводные волчки.

Хор состоит из 36 мужчин и руководителя. Сергей Жаров создал из них единый организм, способный выразить его собственное видение выбранных для концерта произведений. Первыми прозвучали религиозные песнопения. Больше всего слушателям полюбилась молитва Чайковского («Отче наш»). Хор исполняет все произведения наизусть и на русском языке. Поэтому большинство зрителей, за исключением тех, кто понимал этот язык, не имели возможности вникать в смысл, а были поглощены замечательной плавностью и гармоничностью, единством звучания и неопишимо идеальной модуляцией. Низенький хормейстер подходит к своим артистам перед началом каждой песни и быстро, почти незаметно указывает тональность и интонацию. Он может заставить их исполнить пианиссимо, приближенное к тишине настолько, насколько только возможно, при этом создается впечатление, что оно, тем не менее, слышно даже на самых дальних рядах зала. Он, кажется, знает все об интенсивности звучания и его громкости. Хор производит чудесное впечатление благодаря своему тональному диапазону».

Восторженные статьи появлялись и в Германии. Ещё до отъезда хора в

Америку, в августе 1934-го, скончался президент Германии Пауль фон Гинденбург, и Адольф Гитлер не только фактически, но и де-юре стал единоличным правителем и главнокомандующим вооруженными силами страны. Отныне все: и военнослужащие, и чиновники любого ранга на государственной службе, а также все члены Имперской палаты музыки — приносили присягу на верность не отечеству, народу, государству, а лично Гитлеру. «Я клянусь, — произносили они, — что буду преданным и повиноваться фюреру германской империи и германского народа Адольфу Гитлеру и выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно».

Чтобы гастролировать не только по миру, но и по Германии, донские казаки тоже вынуждены были произнести эти слова. И надо заметить, это им не раз помогло. РМК защищала своих членов. В самом начале 1935 года один из солистов хора в пьяном угаре избил некоего рабочего, национал-социалиста, за то, что тот оскорбил его, назвав *Untermensch* — недочеловеком. Любого другого за такую провинность отправили бы в концлагерь. А за солиста вступилась РМК, и его не только не наказали, но даже не отстранили от гастролей.

Имперский драматург в Министерстве народного просвещения и пропаганды и президент Имперской палаты театра Райнер Шлёссер писал: «Поэт, певец или лицедей, ты — рупор фюрера идей». И хотели того донские казаки или нет, они вынуждены были подчиняться идеологическому диктату. За границей они этого не делали, но, выходя на сцену в Германии, Жаров был обязан приветствовать зал нацистским вскидыванием руки под углом 45 градусов. Каждый год 20 апреля «от себя лично» он поздравлял фюрера с днём рождения. В его архиве сохранилась одна из таких телеграмм, датированная 20 апреля 1936 года.

Однако это была надводная часть айсберга. В действительности от осведомителей в Имперскую палату музыки на Донской казачий хор и его руководителя поступала совершенно другая информация. Она тщательно анализировалась, но ходу ей не давали — ансамбль нравился не только самому Герману Герингу, но и другим вождям Национал-социалистической партии Германии. 10 апреля 1935 года казачий хор Жарова был приглашен на свадьбу 42-летнего Германа Геринга, сочетавшегося браком с актрисой Эмми Зоннеман. Среди почетных гостей был Адольф Гитлер. Венчание проводил имперский епископ Людвиг Мюллер, глава «Немецких христиан». Он напутствовал молодых словами из Библии: «Венчаю вас короной жизни, будьте верны друг другу до смерти!» Под величественную музыку органа «молодые» вышли на ступени собора, где их раскатистым пением встретил хор Жарова. В этот момент над молодоженами, широко

взмахивая крыльями, взмыли ввысь два аиста, вызвав невероятное ликование толпы. Затем все приглашенные отправились в отель «Кайзерхоф», где были накрыты праздничные столы на 320 персон, а хористы разошлись по домам. Конечно, после 1945 года ни Жаров, ни его артисты никогда не упоминали об этом эпизоде, но в истории Третьего рейха он остался навсегда.

США и Мексика

В сезон 1934/35 года, после триумфальных гастролей по США, хор впервые отправился в Мексику, где успех превзошёл все ожидания. Он был настолько ошеломляющий, что следующий сезон, 1935/36 года, коллектив начал турне по Северной Америке с Мексиканских Соединенных Штатов. Второе посещение страны стало ещё более выгодным с финансовой точки зрения, чем первое. Но и первое знакомство с Мексикой осталось незабываемым. После него казаки отправились через Атлантический океан прямо в Испанию.

Эта страна влюбила их в себя сразу. Правительство Мексики поддерживало Вторую Испанскую республику, и гастролы в Мадриде начались с восторженных статей с многочисленными ссылками на мексиканскую прессу. После каждого концерта хористы утопали в цветах и поклонницах, но никак не могли привыкнуть, что выступления постоянно начинаются не раньше 10 часов вечера.

В 1935 году местом летнего отдыха снова выбрали хорошо знакомый хористам Альбек. Здесь Жарова ждало сильное огорчение — хор со скандалом покинули несколько певцов. Они не смогли выдержать такого напряженного гастрольного и репетиционного графика. Несколько дней регент напоминал грозовую тучу перед проливным дождем, но потом собрался, протрезвел, и репетиции возобновились. Оставшиеся в хоре певцы со страхом и удвоенным усердием продолжили подготовку к следующему гастрольному турне. Но, разучивая новые произведения, Жаров был страшно недоволен своими музыкантами: исполнители безбожно ввали в темпах. Одну и ту же песню приходилось повторять десятки раз, пока она не достигала, как казалось хормейстеру, нужного совершенства.

Репетировали «Богородице Дево, радуйся» С. В. Рахманинова. Регент кричал на хористов, называл их тупицами, но добивался своего: исполнение становилось спокойным, сдержанным, свободным от лишних эффектов, простым и молитвенным. Для этого он требовал от хора глубинного понимания замысла и мощной голосовой отдачи.

Потом неожиданно для всех он решил ввести в репертуар песнопение «Да молчит всякая плоть человека...», звучащее в церкви один раз в год — на литургии в Великую субботу вместо Херувимской песни. Светский репертуар летом 1935 года обогатился игривыми и филигранными песнями

«Чудный месяц», «Вдоль да по речке», «Как за реченькой яр-хмель вокруг кусточка вьется...» в аранжировке А. Т. Гречанинова, а также несколькими казачьими песнями в собственной аранжировке Жарова.

Во Владимиров день, 28 июля, Сергей Алексеевич решил устроить выходной. Репетиций не было. Чествовали в хоре всех Володей, коих оказалось шестеро. Местные жители также приняли участие в веселой пирушке, закончившейся грандиозным хоровым представлением, хотя сначала некоторые артисты пытались петь под гитару.

Весь август считался отдыхом, но при этом репетировали почти каждый день. К следующему сезону хор подготовился отлично. Была отрепетирована совершенно новая программа, и с ней можно было снова выступать в тех же залах в США. В сентябре и октябре 1935 года ее опробовали в Европе, а затем повезли в Новый Свет. На этот раз гастрольные выступления начались с жаркой Мексики, хотя пароход пришел в Нью-Йорк.

Отсюда поехали на автобусе до пограничного города Ларедо, штат Техас. Добирались три дня. Всю дорогу мучила жажда — по пути съели невероятное количество арбузов и пили какую-то подозрительную по качеству воду. Неудивительно, что у половины автобуса началась сильная диарея.

В Ларедо хор провёл три ночи, устраивая каждый день в отеле многочасовые спевки. За спиртным жаровцы отправлялись в Мексику. Граница между двумя государствами проходила по реке Рио-Гранде, пересекали ее по широкому мосту. На американском берегу — город Ларедо, на мексиканском — Нуэво-Ларедо. Горячительные напитки на мексиканской стороне стоили значительно дешевле, чем на американской. Поэтому некоторые хористы курсировали по мосту несколько раз на дню.

Первое выступление состоялось в городе Ларедо. Пришлось петь сразу после обеда и на открытой площадке — стадионе, где наспех было сколочено некое подобие эстрады. Выступать на открытом воздухе оказалось куда сложнее, чем в зале. Певцов поставили лицом к солнцу, беспощадно палившему, бившему в глаза и мешавшему видеть регента. Первое отделение, по традиции состоящее из церковных песнопений, отработали, почти не видя рук дирижера. После антракта дирекция снабдила всех хористов большими прозрачными темно-зелеными козырьками, державшимися на голове при помощи резинок. Петь стало намного удобнее и легче.

В середине второго отделения неожиданно пошёл мелкий дождик. Правда, он так же быстро прекратился, как и начался, однако воздух стал свежее. Третье отделение пропели в нормальных условиях и на одном

дыхании. Публика неистовствовала, а Жаров и певцы понимали, что в концертном зале они выступили бы значительно лучше.

Дальше путь лежал в Мехико-Сити, куда добрались на автобусе. Затем несколько маленьких городков — и штат Пуэбла, откуда уже поездом направились в Гвадалахару. Прибыли поздно вечером. Концерт должен был состояться на следующий день. Что больше всего удручало в Мексике? Такого количества бедных, обездоленных людей хористы не видели ни в одной стране мира! Калеки, нищие, сбжавшие из деревень крестьяне, казалось, заполнили всё городское пространство, и ни у кого из них не было денег даже на самую дешёвую ночлежку. В сравнении с этими бедолагами герои пьесы Максима Горького «На дне» выглядели вполне успешными.

Около входа в отель, где остановились певцы, играл небольшой мексиканский оркестр. Хозяин отеля за ужином осведомился, не желает ли хормейстер пригласить местных музыкантов в ресторан, чтобы во время еды они услаждали слух его артистов. Игра оркестра стоила очень дёшево, и Жаров сразу согласился. Донских казаков развлекал мексиканский певец с очень приятным голосом. Многие вспомнили Будапешт, где каждый вечер за ужином играл цыганский оркестр. Скрипач, разгуливая между столиками, лихо наяривал популярные мелодии, а оркестр с цимбалами, сидя на эстраде, ему аккомпанировал.

Гастроли в Мексике и США в 1935 году прошли очень успешно. Католическое Рождество встречали на пароходе, возвращаясь из Америки после 12-недельного турне. Пассажиров было совсем мало, и музыканты смогли насладиться прекрасным отдыхом — всё внимание стюардов и стюардесс сосредоточилось на них одних.

В 1936 году Германия проводила Олимпийские игры, но до них было ещё далеко — полгода. Нужно готовить гастрольное турне по Европе. Власти Польши и Латвии запретили хору въезд в свои страны. В другие ехать было бесполезно из-за низкого курса валюты или полной неразберихи в концертной деятельности. Попытка, предпринятая три года назад — открыть новый «рынок» в Северной Африке, — закончилась финансовым провалом, и повторять её ни у кого не возникало ни малейшего желания.

Стремления проникнуть в Южную Америку тоже не было — там во всех областях, и в том числе в концертной деятельности, царил хаос: не было надежных и проверенных импресарио, отсутствовало современное транспортное сообщение как между отдельными городами, так и между странами. В таких обстоятельствах хору приходилось рассчитывать только на два государства — США и Германию. И хотя казаки посещали Чехию,

Австрию, Швейцарию, Францию, Бельгию, Голландию, Англию, иногда Югославию и Скандинавию, однако во всех этих странах, вместе взятых, в середине 30-х годов хор давал не более 40 концертов в год.

А в США хор выступал повсюду, в том числе в университетских залах, колледжах и даже школах. Иногда концерты были закрытыми, то есть предназначались исключительно для учащихся и педагогов, но чаще — открытыми для широкой публики. Например, в Миннеаполисе (штат Миннесота) концерты устраивали в огромном университетском зале на пять тысяч мест. В небольшом городе Анн-Арборе, где находился Мичиганский университет, концерты давали всегда в университетском зале тоже на 5 тысяч мест. Здесь хор даже жил в университетской гостинице.

С самого начала университет устраивал казакам изысканные приемы. Проходили они довольно оригинально: после концерта русских певцов приглашали в студенческий ресторан. Жаровцы усаживались за столы, а кельнеры-студенты подавали им ужин: суп, жаркое, десерт и напитки... Вода, молоко, чай или кофе. Во время ужина всегда пел университетский хор. Пел очень хорошо, а некоторые вещи просто прекрасно. После ужина казаки присоединялись к студенческому хору, а напоследок сами исполняли несколько песен. Три года подряд на таких ужинах присутствовала вдова последнего главнокомандующего Русской армией баронесса Ольга Михайловна Врангель, сидевшая обычно между С. А. Жаровым и его администратором. По всей видимости, она приезжала читать лекции по приглашению Мичиганского университета.

Иногда университетским хором на таких вечерах дирижировал сам Жаров. Тогда американцы заранее разучивали несколько русских песнопений. Программа согласовывалась за четыре-пять месяцев до приезда казаков. Любовь американцев к донскому хору была безграничной и искренней. Достаточно привести лишь один пример. Поезд, в котором ехали казаки, на Атлантическом побережье, рядом с канадской границей, попал в снежный занос и опоздал на несколько часов. Хор не успевал на концерт в женском колледже города Варшава, округ Вайоминг. Даже если помчаться с вокзала прямо в университет, опоздание превысит час. Когда администратору хора удалось связаться по телефону с университетом, ответ прозвучал лаконично: «Приезжайте. Будем ждать столько, сколько потребуется».

Опоздав больше чем на час, хористы вошли в зал и услышали до боли знакомую мелодию «Эй, ухнем». Так их приветствовали американский хор и студенты. Трогательная встреча заставила казаков, прошедших через ужасы Гражданской войны, прослезиться. После «Эй, ухнем» зал взорвался

аплодисментами. Хлопали все: и студенты, и артисты. Пожалуй, в каждом американском колледже казаки оставляли кусочек своего сердца. Но и местные газеты отдавали русским должное: каждый день появлялись только восторженные рецензии.

Не раз донцам приходилось выступать в негритянских колледжах, где царила особая атмосфера. Как правило, они имели свои превосходные хоры и часто после концерта казачьего хора давали собственные представления, неизменно производившие неизгладимое впечатление на жаровцев. После концерта в каждом негритянском колледже обязательно устраивали прием в честь русских певцов. Правда, меню не отличалось разнообразием: сэндвичи, пирожные, печенье, чай, кофе и прохладительные напитки.

В США хористы особенно любили посещать шведских колонистов, обосновавшихся в городе Рокфорд, в ста милях к северо-западу от Чикаго. Колония каждый год приглашала казаков, щедро платя за концерт и устраивая хлебосольное угощение. Однако представления там всегда проходили только в воскресенье и сразу после обеда. По окончании выступления солисты возвращались в отель «Фауст», быстро приводили себя в порядок и спускались в огромное фойе, в лобби-бар, где и гостей, и хозяев ждал роскошный ужин.

К середине 30-х годов город Рокфорд, благодаря шведской колонии, превратился во второго производителя мебели в США. Поэтому хозяева могли себе позволить шикарный прием понравившихся им артистов, а от хористов Жарова в первую очередь были без ума жены шведских мебельных королей. Деньги для мероприятия текли рекой! На концерт, а после него в лобби-бар шведы приходили целыми семьями. Официанты покрывали белоснежными скатертями десятки столиков и расставляли стулья. Затем все кушанья выносили из кухни и размещали на огромном, длинном столе. Тогда ещё никто не знал, что такой способ угощения скоро станет одним из самых популярных в мире и получит название шведского стола.

Рядом с закусками, на столике поменьше, стояли всевозможные напитки: вина, коньяки, виски и обязательно рюмки с холодной водкой. Доказывать кому-то в этом обществе, что не все русские пьют водку, было абсолютно бесполезно. Тем более что все без исключения казаки её пили. Но и шведы не отставали, демонстрируя, что им знаком вкус русской водки. Роль официантов сводилась к тому, чтобы убрать грязную посуду и заменить её чистой. Атмосфера царила дружеская и непринужденная. По воспоминаниям одного из казаков, «эта радушная и гостеприимная шведская колония в Рокфорде была самой дружной, спаянной из всех

иностранных колоний, встреченных нашим хором в его долголетних разъездах».

И всё-таки больше всего жаровцы любили выступать в русских колониях, хотя там и платили меньше, и застолье было не таким пышным, как у шведов. Но зато было всё своё — православное. В каждой поездке по Соединенным Штатам казаки обязательно пели в городах северо-востока страны. Именно здесь проживала большая часть русских эмигрантов. Многие поселились ещё до Первой мировой войны. Приёмы в таких колониях были самые что ни на есть радушные. Русское гостеприимство чувствовалось во всем: певцов угощали наваристым борщом, вкусным холодцом с квашеной капустой, голубцами, варениками и, конечно же, водочкой. Жизнь певцы вели бродячую, многие так и не обзавелись семьями, поэтому такое гостеприимство помогало переживать многие жизненные неурядицы.

Нагрузка у хористов была очень большой. Постоянные переезды изматывали, особенно в США, где расстояния между городами, в отличие от Европы, были огромными. Постоянно приходилось жить в буквальном смысле на колесах, так как пользовались в основном автобусом. Шофер должен был быть очень выносливым человеком — часто ему приходилось сидеть за рулем по 15–20 часов подряд. При этом нужно учесть, что в середине 1930-х годов в США многополосных скоростных магистралей не было. Не существовало и кольцевых дорог, позволяющих не въезжать в крупные города. Например, в гористой местности, такой, как штат Пенсильвания, приходилось ползти чуть ли не черепашьям шагом, преодолевая на стареньком автобусе крутые подъемы и пологие спуски с очень опасными поворотами. Нетрудно догадаться, что и сами автобусы не были оборудованы для таких длинных переездов: отсутствовала вентиляция, не было туалетов... А иногда в салон проникали даже выхлопные газы.

Проезжать через такие города, как Кливленд или Филадельфия, было особенно тяжело: дорога пролегла через центр и останавливаться приходилось чуть ли не на каждом перекрестке. Пересечение такого города занимало не меньше двух часов. На юге страны попадались участки дорог протяженностью 60–80 километров, совершенно не гудронированные. Автобус двигался по такой дороге, как по стиральной доске, да еще весь покрытый пылью, особенно если перед ним трясся какой-нибудь грузовик.

Начиная с четвертого турне по Америке, хор твердо перешёл на 12-недельные гастрели. Выдержать больше было невыносимо. Контракты именно на такой срок Жаров подписывал вплоть до 1939–1940 годов.

Трудно поверить, но за 84 дня Сергей Алексеевич умудрялся давать 86 полных концертов. Иногда два концерта в день, причем в разных городах. Хор находился в непрерывном движении. Ночные переезды тоже не были редкостью. Свободный от концерта день означал только одно — труппа в пути.

Каждый год 12 недель перед Рождеством были самым тяжелым временем для артистов, поэтому неудивительно, что многие не выдерживали такого жизненного ритма и увольнялись из хора. Но Жаров был непоколебим. Внутри него словно работал какой-то мотор. Он хотел обогнать время, а импресарио всей Америки зазывали его к себе, каждый год поднимая финансовые ставки концертных выступлений. Между тем хористы не становились богаче. Во-первых, многие певцы жили на два дома: их семьи оставались в Европе, и нужно было содержать жену и детей, а иногда близких или дальних родственников, бежавших из Советской России. Во-вторых, все откладывали деньги на случай несчастья — болезни или операции. Никто не был застрахован от того, что завтра у него не пропадет голос.

Кроме того, чтобы выдерживать столь нелегкую голосовую нагрузку, хор должен был обязательно хорошо питаться и останавливаться только в приличных гостиницах, что из-за постоянных переездов обходилось весьма недешево. При этом нужно учитывать, что разразившийся в Европе и Америке экономический кризис 30-х годов, выбросивший на улицу миллионы безработных, не мог не отразиться и на судьбе хора, заставляя Жарова нередко подписывать контракты и на кабальных условиях.

Незабываемое впечатление на хористов произвел город у Солёного озера — Солт-Лейк-Сити, столица штата Юта. Здесь располагалась международная штаб-квартира Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. 50 % жителей города составляли мормоны, поэтому одно из его неофициальных названий было — Священный город святых. Петь в Солт-Лейк-Сити пришлось в храме, а точнее, в молельном доме на десять тысяч мест, у евангелистов-«возрожденцев» называвшемся *Tabernacle*.

Это был самый большой закрытый зал, где хору донских казаков когда-либо случалось петь. Каждое воскресенье здесь собирались несколько тысяч прихожан, и перед ними выступал любительский хор в составе 300 человек. Пел он достаточно уверенно, хотя и чувствовалось отсутствие основы: вторых басов и октав. Однако это не мешало ему почти каждое воскресенье выступать по радио Нью-Йорка в самое престижное время — в 2 часа пополудни.

Но донские казаки не ударили лицом в грязь. Зал, вмещавший десять

тысяч человек, их ничуть не смутил. Выступили они замечательно. Голоса лились легко и непринужденно. Все собравшиеся впервые услышали русскую духовную музыку. Многие американцы знали, какие гонения претерпевали верующие и православная церковь в Советской России после 1917 года. Но никто из них не подозревал, какая мощь таится в церковных песнопениях. У слушателей после первых же песнопений по спине побежали мурашки. Хор Жарова доказал, что русская церковная музыка не умерла, она существует, пусть и в изгнании. Но обязательно наступит время, и она вернется в Россию, обогатив и родную страну, и духовную культуру русского народа. А пока американцы наслаждались тем, что потеряла Святая Русь!

После Солт-Лейк-Сити было ещё несколько городов: Денвер, Колорадо, Канзас-Сити, маленькое городишко Толика и др., пока не добрались до Нью-Йорка. Здесь казачий хор наконец-то выступил на самой знаменитой музыкальной площадке мира — в Метрополитен-опере.

Хор собирает стадионы

Перед приходом Гитлера к власти Германия была ведущей музыкальной страной мира. По количеству симфонических оркестров она обогнала все европейские страны. По степени вовлечённости населения в музыкальную культуру прочно удерживала первое место. Во многих городах, даже самых маленьких, работали оперные театры, симфонические коллективы или капеллы, и их музыкально-исполнительский уровень был очень высок. Даже в совсем небольших городах проводили фестивали камерной музыки или устраивали вокальные вечера наподобие венских шубертиад начала XIX века.

В такой атмосфере потребность в музыкальной новизне была огромной, и удовлетворять ее умел Донской казачий хор. Любовь немцев к музыке воспитывалась не одно столетие: сначала благодаря участию в церковных песнопениях, затем — в общедоступных концертах светской музыки. Последние два столетия музыка стала неотъемлемой частью государственной политики Германии. Во времена Веймарской республики (1919–1933) вырос статус учителя музыки в гимназии, а музыкальному образованию уделяли особое внимание. Учебный процесс был направлен на пробуждение у подрастающего поколения интереса к классической музыке и развитие эмоциональной восприимчивости.

Однако с 1933 года, с приходом Гитлера к власти, музыкальная политика в стране кардинально изменилась. Немецким театрам категорически запретили ставить сочинения неарийцев, даже если речь шла о произведениях, либретто для которых написал давно умерший еврей. Например, в Лейпциге публично снесли памятник композитору еврейского происхождения Феликсу Мендельсону перед городским концертным залом Гевандхаус. Музыканты-неарийцы, в первую очередь евреи, подвергались всевозможным нападениям, вплоть до физического уничтожения.

Хору донских казаков на руку сыграло то, что с 1933 года обострились дипломатические отношения между Германией и Советским Союзом. Нацисты постоянно твердили о своей ненависти к коммунистам и коммунистической идеологии. Нападения на советских граждан, консульства и торговые представительства стали обычным явлением. В этой ситуации Геббельс очень умело использовал хор Жарова в качестве противовеса советской пропаганде и для демонстрации всему миру, как немцы могут относиться к неарийцам и их национальному искусству.

Подавляющее большинство немцев верили в фюрера, как больные в лекарства с красивыми этикетками. После кризиса 20-х годов они начали жить стабильно и уверенно, но Жаров, как истинный художник, предчувствовал неотвратимо приближающуюся катастрофу. Тем не менее сложившуюся в фашистской Германии ситуацию он умело использовал в своих интересах, и это позволяло ему в центре Европы собирать на свои концерты стадионы зрителей.

Вот что 21 апреля 1935 года писала влиятельная газета «Берлинер фольксцайтунг»: «Донские казаки пели во Дворце спорта. В Страстную пятницу во Дворце спорта можно было наблюдать необычное зрелище: в партере, в проходах и на ярусах, до самого потолка, не было свободного места. Везде толпилась восторженная публика. Невероятно смелое решение — использовать огромное помещение как концертный зал — оказалось правильным. Уже после первых произведений контакт со зрителями был установлен, все забыли о «спортивных» стенах, и слух быстро привык к усиленному сигналу громкоговорителей. Донские казаки подобрали программу, соответствующую Страстной пятнице, — духовные песнопения и серьезные народные напевы. Следует отметить, что всем давно известна их способность звучать, как один большой музыкальный оркестр, при этом ещё и в унисон...

Публика вновь и вновь требовала выхода дирижера и хора на сцену. На бис неожиданно была исполнена немецкая песня «Был у меня товарищ» (*Ich hatte einen Kameraden*), воспринятая публикой с большим восторгом. Когда после четвертого выхода на бис толпа подняла на плечи Сергея Жарова, стало ясно, что конец выступления еще далеко...»

В тот же день ей вторила и не менее известная «Штен-литцер анцайге»: «Донским казакам удалось на своем концерте в Страстную пятницу заполнить зрителями огромную арену Дворца спорта, что стало явным доказательством их невероятной популярности. Несколько излишняя артистичность русских, как уже отмечалось, вызывает иногда непонимание, однако невероятное звучание, разносторонние голосовые возможности казаков привлекают даже критически настроенных слушателей.

Аудитория не устала от долгой программы, представленной хором, и требовала выходов на бис. В конце концов толпа молодежи подхватила дирижера — невероятно подвижного Сергея Жарова и на руках вынесла из зала, что было несколько излишним в Страстную пятницу».

А вот как отзывалась о том же концерте «Дойче альгемайне цайтунг»: «В Страстную пятницу Донской казачий хор выступал во Дворце спорта,

заполненном ничуть не меньше, чем во время других, проводимых там же мероприятий. Несмотря на то, что большинство исполненных песенных произведений были религиозного характера, концерт оказался нетипичным для Страстной пятницы. Русские всюду демонстрировали свой энтузиазм, аплодисменты звучали, как ураган, после каждого номера.

За последние годы мы часто слышали выступления Донского казачьего хора в Берлине. Как и раньше, певцы показали свои невероятные способности. Все остались под большим впечатлением таких произведений, как «Легенда о Почаевском монастыре» (*Alte Klosterlegende*), «Замело тебя снегом, Россия» (*Schneebedeckt mein Rußland*). Хор неоднократно выходил на бис. Однако немецкая песня «Был у меня товарищ» (*Ich hatte einen Kameraden*), хотя и была исполнена из лучших побуждений, но показалась немного неуместной.

Когда публика понемногу начала расходиться, из глубины зала кто-то все еще требовал «Красный сарафан». Но нужно все-таки уметь остановиться».

Газета «Нойкёльнер тагесблат» 21 апреля 1935 года поместила статью под заголовком «И снова успех»: «В Страстную пятницу хор Сергея Жарова выступил в Берлине в рамках своих гастролей. Дворец спорта был почти заполнен, значит, здесь собрались около 10000—13000 зрителей. Можно с уверенностью утверждать, что концерт стал настоящей сенсацией. Первое и последнее отделение составили исключительно русские церковные песнопения. В середине программы были представлены произведения Римского-Корсакова и Глинки, а также русские народные песни. На бис исполнили немецкую песню о старом, добром товарище в оригинальной аранжировке, превратившей строевую песню в мягкую минорную композицию. Что можно сказать нового о поразительной работе всемирно известного хора? Снова и снова их мелодии завораживают зрителей. Публика ликует».

В мае 1935 года хор гастролировал в Швейцарии. Отклики в прессе были разноречивыми. Приведём несколько выдержек из статей. Например, газета «Люцернер тагблат» 28 мая писала: «Мы отнеслись достаточно скептически к приглашению донских казаков посетить их концерт в Курзале. От прошлого выступления у нас не осталось положительного впечатления, более того, оно, скорее, было отрицательным. Однако уже во время первого отделения вчерашнего концерта что-то заставило нас прислушаться внимательнее. Невольно вспомнилось и первое знакомство с хором. В то время это были бедные эмигранты без родины, скитавшиеся по всему миру и делившие со всеми своей ностальгией, печалью, душевной

болью посредством пения. Тогда многих захватывала энергичность их исполнения, неподдельная искренность, самоотдача. Это было пение, исходящее из глубины души. Затем пришла слава. Хор донских казаков стал невероятной сенсацией. Публику больше притягивала их чужеземность, нежели музыкальность. Такое положение вещей повлияло на хор. У кого всё хорошо, кого балуют, кем восхищаются, тот больше не видит необходимости передавать через мелодии свою боль. Теперь они предстали перед нами совсем иными. Они всё еще исполняли родные славянские напевы, но звучали они не так, как в прошлый раз. Исчезло внутреннее сопереживание, сочувствие. Безусловно, осталась достойная манера исполнения, которую, однако, нельзя в полной мере серьёзно оценивать с точки зрения искусства. Представление походило скорее на какое-то варьете, перенасыщенное русским басом при участии теноров с неестественным фальцет-сопрано, свистящими сквозь пальцы исполнителями и, вдобавок ко всему, русскими танцами. Складывается впечатление, что Жаров готов к критике и умело на нее отвечает. Этот хормейстер вообще очень своеобразный музыкант, искусно владеющий своим инструментом. Стоит отметить, что и программа в этот раз оказалась более приемлемой. В первой части звучит исключительно церковная музыка, нет сольных партий и никаких фальцетов. На сцене только 32 артиста, распределённых по всему ее пространству. Их пение создает почти органичный резонанс.

Вторую часть составляют отрывки из опер Римского-Корсакова. Также прозвучали рождественская песня, «Кавказская молитва» и несколько солдатских песен в аранжировке самого регента. В третьей части представлены казачьи песни, а также исполненный двумя казаками танец. Совершенно счастливая публика просила выхода на бис. Надо признать, что этот концертный вечер нам понравился больше, чем виденный ранее. Хор представил более интересную с музыкальной точки зрения программу. С технической точки зрения всё было безупречно. Дисциплина при выступлении носила почти военный характер. И всё же зададимся вопросом: сколько раз такое представление может быть повторено? Сколько раз наша, всегда такая сдержанная публика будет забывать про кризис и отсутствие денег и давать себя завораживать этим чужеземцам?»

В статье, как и в других швейцарских откликах, угадывается скрытая зависть к успеху «чужеземцев». В середине 1930-х годов только большие мастера могли собирать полные залы, и Донской хор относился к ним.

«Несмотря на то, что донские казаки уже выступали в Люцерне, им вновь удалось собрать полный зал в воскресенье вечером, — писала газета

«Фалерланд» 29 мая. — Все годы, пока они ездили по миру (кроме России) с гастрольями, о них слагали легенды с разными фантастическими подробностями. Благодаря необычной манере исполнения они вызывали постоянно растущий интерес. Однако нельзя не сказать, что виденные нами раньше их выступления были лучше: более глубокие, более органичные, более сбалансированные, чем в этот раз. Может быть, плохая акустика, может быть, непривычная расстановка хора (артисты были сосредоточены в глубине сцены), может быть, произошедшая смена певцов явились тому причиной, но чего-то не хватало. С ритмической точки зрения также были заметны некоторые шероховатости, и мелодика казалась неоправданно резкой и звучащей излишне остро. Не совсем уместны контрасты: за шелестящим пианиссимо следует громогласное фортиссимо, фальцеты в самой высокой тональности, вибрирующие басы — это немного резкие переходы, создающие ощущение шума. Но отдельные погрешности не отменяют замечательных голосов, квалификации, музыкальности, интересной дыхательной техники, уверенности интонирования. Все это заслуга артистов и их миниатюрного дирижера Сергея Жарова. Для нашего концертного зала выступление казаков стало большим событием, и огромное количество зрителей останутся благодарны за его организацию».

Накануне, 28 мая, швейцарская газета «Швицер цайтунг» с похвалой отозвалась о хоре: «Зал Коллегий открыл сегодня свои двери для замечательного Донского хора. Кто впервые слышит выступление казаков, тот получит колоссальное удовольствие. Эти певцы — русские, объединившиеся для того, чтобы преподнести всему миру свое невероятное искусство и удивить слушателей. Слава опережает их повсюду, а аплодисменты переполненных залов сопровождают. Секрет хора в басах. Казаки-басисты поют почти на 8 тонов ниже, чем наши лучшие певцы. Это их врожденный дар, научиться такому невозможно. Раньше подобные басы замещали звучание органа во время богослужений. Нам остались не понятны слова песнопений, но мы почувствовали душу славянского народа, пламенную, задумчивую, немного меланхоличную. Их невероятные способности и манера исполнения никого не оставляют равнодушным... Мы благодарны дирижеру, солистам и исполнителям танцев. Воспоминания о русских в национальных костюмах надолго останутся в нашей памяти».

Очередной концерт Донского казачьего хора состоялся 30 мая 1935 года в живописном швейцарском городе Бругг на реке Аре (кантон Аргау), в городском кафедральном соборе. Вот что об этом событии писала ежедневная газета «Бруггер тагесблат»: «Церковное пение во время

литургии играет очень важную роль. Такие песнопения возникли очень давно. Русская церковная музыка намного старше, чем наша. Она подчиняется совсем иным музыкальным правилам, чем привычные нам напевы. У русских песнопений совсем другие тональности. Историческая привязанность к древним музыкальным традициям прослеживается и у современных русских композиторов, несмотря на происходящую в музыке революцию. Вероятно, поэтому именно вокальная музыка так сильно трогает душу и магическим образом завораживает. Концерт донских казаков был полностью настроен на русскую литургию. Мы слушали древние распевы, а также более современные церковные песнопения. Во второй части больше светской музыки, подобранной таким образом, чтобы по своему звучанию соответствовать храму Божьему. Со стороны кажется, что дирижеру Сергею Жарову не требуется никаких усилий, чтобы управлять хором. Он обладает невероятным искусством регента и, безусловно, займет достойное место в мировой музыкальной истории. Благодаря ему мировая аудитория знакомится с русской музыкой, долгое время доступной только специалистам. Мы впервые услышали хор Жарова почти 10 лет назад и сегодня с уверенностью можем утверждать, что он совершил огромный прорыв как в части виртуозности, так и певческого мастерства».

В июне 1935 года хор приехал в коммуну Лангенталь, расположенную в швейцарском кантоне Берн. Местная пресса по этому поводу писала: «И вновь вчера вечером у нас в городе выступил Сергей Жаров со своими 28 казаками. Сегодня они будут уже в другом месте, а завтра где-то еще. Везде они выступают с песнями своей русской родины и каждый раз завораживают публику. Какие-то необыкновенные эти казаки, в них есть что-то такое, к чему нельзя относиться однозначно — ни положительно, ни отрицательно. Они исполняют нечто, абсолютно чуждое нам, но при этом их манера исполнения находится за пределами общепринятой критики. Не раз Сергея Жарова критиковали за то, что его интерпретация музыки застывшая, гипертрофированная, отточенная до экстремальности. Также его упрекали в чрезмерном усложнении звучания песен. Однако здесь я бы поспорил... Ведь именно все вышперечисленное и составляет особое очарование, особый шарм хора. Это и выделяет его среди остальных. Во всем мире его именно за это и ценят. Донские казаки — люди искусства, настоящие артисты, и здесь любой критик бессилен. Иногда их мастерство граничит с акробатикой, но это ведь не вредит самим песням. Один из критиков заметил, что их пение напоминает ветер в степи. При всей своей курьезности и банальности такое сравнение представляется самым

подходящим. В песнях донских казаков отражается русский ландшафт, русская национальная идентичность, русский характер, широкая, бесконечная, непостижимая степь. Огромная, непостижимая и невероятная душа.

И все же поражает парадоксальное разнообразие их музыки. Слушателей переполняют самые неоднозначные впечатления. С одной стороны, старинные русские церковные распевы, полные детской веры и непосредственности. «Покаяния отвержи ми двери» — один из самых проникновенных. С другой — полная ему противоположность: казачьи песни, полные силы, звучащие, как восстание столетиями поработенного народа. Вот такой он, концерт Донского казачьего хора! Публика ликует, дирижер кланяется, занавес падает. Завтра они будут уже в другом месте рассказывать другой публике историю своего народа... свою историю».

В сентябре 1935 года казаки снова отправились в США и Канаду, где пробыли до декабря. Огромный успех сопутствовал им и в этот раз. В понедельник 7 октября канадская газета «Монреаль дейли стар» писала, что выступления Донского хора превзошли все ожидания.

Однако среди многочисленных газетных и журнальных статей попадались не только восторженные. Так, весьма влиятельная ежедневная газета Третьего рейха «Германия» 5 января 1936 года писала: «Вернувшиеся после американских гастролей донские казаки вновь собрали в воскресенье вечером в филармонии благодарных слушателей. Дисциплину и ровность звучания этих исполнителей можно назвать образцовыми. При этом их нельзя сравнивать с нашими мужскими хорами: нужно учитывать, что донские казаки — профессиональный мужской хор, в то время как наши хоровые клубы состоят из певцов-любителей. Манера исполнения наших хоров приближена к народной, в отличие от стиля русского хора, где гораздо меньше от народного творчества, а больше артистичности. Он давно потерял связь с исконным русским песенным фольклором. Пение казаков отличают повторяющиеся стилистические музыкальные элементы: сильное выделение голоса солиста, чрезмерное противопоставление разной силы звучания, речитатив, пение с закрытым ртом, имитация инструментов — все это делает выступление похожим на кабаре. Свой концерт хор начал с церковной музыки Бортнянского и Чайковского, которая нами, немцами, вряд ли может восприниматься как «церковная». Далее следовали друг за другом то веселые, то драматичные напевы, застывшие в своей исполнительской манере и с искусством уже ничего общего не имевшие. С технической стороны придраться было не к чему, и публика осталась довольна, даже при том, что все чувствовали

странность и чуждость произведений. Нам остается только пожелать каждому нашему мужскому хору такого же переполненного концертного зала, как у донских казаков в воскресенье вечером».

Эта статья выражала взгляды скорее католической консервативной партии немецкого центра, поэтому вряд ли можно считать объективным её мнение о православной церковной хоровой музыке.

Скандал

Имперская палата культуры состояла из семи имперских палат: театра, кинематографии, литературы, печати, радиовещания, изобразительного искусства и музыки. Как уже говорилось, под юрисдикцию Имперской палаты музыки попадали все сферы немецкой музыкальной жизни, и все творческие деятели Германии в обязательном порядке должны были состоять в одном из структурных подразделений Имперской палаты культуры.

Вот как охарактеризовал РМК возглавлявший ее в 1933–1935 годах знаменитый немецкий композитор Рихард Штраус: «Имперская палата культуры — мечта и цель всех немецких музыкантов на протяжении десятилетий — была создана 15 ноября 1933 года. Её создание — важный шаг в направлении возрождения немецкой музыкальной жизни в целом. И я считаю своим долгом от имени всех профессиональных музыкантов Германии поблагодарить рейхсканцлера Адольфа Гитлера и рейхсминистра доктора Геббельса за создание Имперской палаты культуры <...> Приход Адольфа Гитлера к власти привел к преобразованиям не только в политической жизни Германии, но и в области немецкой культуры. Атак как национал-социалистическое правительство призвало к жизни Имперскую палату культуры, то, очевидно, новая Германия не желает оставлять культурную жизнь в изоляции, а ищет новые пути и средства для возрождения нашей музыкальной культуры».

В 1935 году Рихард Штраус за связь с еврейским писателем Стефаном Цвейгом был отстранён от должности, и её занял рьяный национал-социалист Петер Раабе, полностью и беспрекословно подчинявшийся Йозефу Геббельсу. Одним из первых шагов Раабе на посту президента было утверждение черного списка еврейских и иностранных музыкальных произведений — то, что Штраус в своё время отказался делать. В список вошли более ста композиторов, чьи произведения было запрещено исполнять или транслировать по немецкому радио. Среди них и несколько русских композиторов.

В РМК обсуждался вопрос и о русской духовной музыке, который всё-таки решили отложить на потом. Поводом для обсуждения послужили несколько писем в ее адрес с сообщениями о неблагонадежном политическом климате в Донском казачьем хоре. В них говорилось, что некоторые артисты не согласны с политическим курсом Германии и идеями

национал-социализма. Сам регент не раз высказывался о том, что лучших еврейских музыкантов незаслуженно выгоняют из оркестров и он видит, как духовная и музыкальная жизнь Германии катится в пропасть. А также о том, что некоторые певцы хора не хотят сотрудничать с регентом, не разделяющим идей национал-социализма и не ценящим страну, давшую ему приют и убежище.

Доносчики просили РМК разрешить им создать свой собственный хор под управлением герцога Н. Н. Лейхтенбергского, полностью разделяющего высокие идеалы Адольфа Гитлера и национал-социализма. Для разъяснения сложившейся ситуации в РМК была вызвана импресарио хора донских казаков Клара Эбнер, и ей пришлось написать пространное объяснение. В нём, в частности, говорилось, что хор находится в состоянии судебного разбирательства с бывшими певцами, пожелавшими оставить название Донского казачьего хора себе. В ближайшее время вторая инстанция Верховного суда должна принять решение: название хора остаётся за Жаровым, либо за Лейхтенбергским, либо оба хора смогут использовать его оригинальное наименование одновременно.

В своём объяснении в РМК госпожа Эбнер также писала: «Один из исков касается ухода из хора бывших исполнителей, которые утверждают, что расторгли договор о сотрудничестве по причине политических несогласий. Однако я со всей уверенностью могу сказать, что это утверждение не является правдой. Напротив, уход семи членов хора имеет под собой совсем другие причины. Два бывших члена хора, господа Бажанов и Машин, были уволены из-за неисправимого пьянства, имевшего следствием ухудшение их голосовых возможностей. Господа Чимиченко и Васильев покинули хор по семейным обстоятельствам. Господин Поповкин уволился сам в Париже после возложенного на него штрафа за пьянство, а господин Захаренко покинул коллектив по неизвестным мне причинам, но явно не по политическим, так как, по моему мнению, он никогда не отстаивал, не отстаивает и не будет отстаивать какую-либо политическую позицию в принципе».

Кроме того, она сообщила: «Из этических соображений я пока не буду высказывать свое мнение о бывших участниках хора, указывать на их слабости и недостатки. Могу только заметить, что все эти господа находились раньше в дружеских отношениях с господином Жаровым, которые, однако, постепенно ухудшались, по мере того как на них стали накладывать штрафы за их проступки и недочеты. Особенно господин Чимиченко был близок с господином Жаровым. В доказательство приведу следующий факт: в хоре есть различные управленческие должности,

например, должность администратора, секретаря, бухгалтера, кассира. Имеется даже своя следственная комиссия. Кандидаты на эти должности выбираются хором. На все должности, кроме кассира, т. к. его назначает сам дирижер. Этот пост занимает человек, которому господин Жаров должен доверять целиком и полностью, т. к. в конечном счете Жаров несет финансовую ответственность перед всем хором. Господин Чимиченко сам мне часто говорил, что он очень гордится тем, что господин Жаров так доверяет ему. Дружеские отношения между Жаровым и Чимиченко длились до тех пор, пока последний, по мнению Жарова, не начал нелестно высказываться о высокопочтенном Фюрере и Рейхсканцлере. Это происходило на глазах у многих свидетелей, однако мне стоит добавить, что все же позже господин Чимиченко горько сожалел о происшедшем и извинялся перед господином Жаровым, и Жаров принял его извинения. После этого инцидента господин Чимиченко вновь выполнял обязанности по ведению кассовых расчетов».

Окончательный разрыв между Жаровым и Чимиченко произошёл в Мексике. Одурманенные невероятным гостеприимством местных жителей, артисты забыли о приличиях и напились. Последовали штрафы, против которых наказанные взбунтовались, а некоторые в конце концов уволились. Среди них и господин Чимиченко. После размолвки с Жаровым он стал вести себя вызывающе: хамил регенту и грубо разговаривал с коллегами. На одной из репетиций даже отказался выполнять указания дирижера. Всем своим друзьям и знакомым разослал письма, сообщив о невыносимой тирании Жарова. Когда же Чимиченко получил письмо от жены, полностью поддержавшей его, он окончательно распустился и стал неуправляемым. Женщина просила мужа разорвать все контакты и вернуться домой. Но ни Жаров, ни Чимиченко не могли этого сделать: певец — потому что за срыв договора нужно выплатить большую неустойку, регент — потому что нужно менять репертуар.

Жарову донесли, что семь певцов его труппы задумали организовать свой хор. В конечном итоге им удалось это сделать. Под руководством герцога Лейхтенбергского в Мюнхене появился новый хор донских казаков. Но, создав свой хор, они решили уничтожить конкурента, поэтому и обвинили Жарова в политической неблагонадежности. Это имело под собой основания. Хотя Донской казачий хор пел на свадьбе Германа Геринга, а сам Жаров от имени хора каждый год 20 апреля посылал поздравительные телеграммы Адольфу Гитлеру с днём рождения, отношение к Германии 1935 года у Сергея Алексеевича резко поменялось. Он не мог не видеть, что творится в стране.

Настоящим потрясением для него стал арест его близкого знакомого и почитателя его таланта, русского философа Ивана Ильина. Поначалу Жаров и Ильин разделяли отношение национал-социалистов к коммунистам, но вскоре оба были вынуждены согласиться с Генрихом Манном, заметившим, что, кроме диктатуры пролетариата, есть более страшная тирания — диктатура подонков.

В доносах, направленных в РКК, помимо прочего, сообщалось, что с фотографий рекламных плакатов, посланных в Америку для печати, свастику удалили по указанию Жарова, и сделали это по политическим соображениям. Госпожа Эбнер в ответ на это писала: «Что касается конкретного обвинения господина Жарова в ретушировании флага со свастикой на фотографии, то дело обстояло следующим образом: хор сфотографировался для рекламного материала, готовившегося в Америке. Несколько снимков получились в очень удачных ракурсах. В это время мимо маршировал трудовой отряд СС. Офицер, командовавший отделением, подошел к господину Жарову и спросил, не может ли хор исполнить несколько песен. Конечно же, господин Жаров с удовольствием согласился, и хор исполнил несколько песен. Затем они еще какое-то время поболтали. При проявлении фотографий обнаружилось, что на заднем плане некоторых снимков виден флаг с изображением свастики. И насколько я могу вспомнить, не господин Жаров, а администратор выступил против того, чтобы снимки с таким фоном отправили в Америку, и не по той причине, что флаг со свастикой оскорбителен, а из чисто объективных соображений: они отправят эти фотографии зря, т. к. американский менеджер переправит их сразу обратно. Во-первых, потому, что выяснится — фотографии делали не в Америке, а во-вторых, поскольку Америка не станет заниматься пропагандой в угоду Германии. Я не хочу утаивать и тот факт, а, напротив, хотела бы на него указать, что год назад хор по прибытии в Нью-Йорк сразу же был отправлен миграционными службами на остров Эллис. Мы опасаемся, что хор с большой вероятностью будет и в этот раз отправлен на тот же остров, если мы продолжим открыто, с помощью фотографий, пропагандировать изображение свастики. Не думаю, что доносчики изложили все факты достоверно».

Это было действительно так. Письмо в РКК пришло после того, как новоиспеченный хор проиграл суд первой инстанции. В ходе дальнейшего разбирательства выяснилось, что никаких политических претензий к хору Жарова не было. В основном все проблемы лежали в финансовой плоскости. Разбирательство показало, что Жаров строго-настрого запретил

всем участникам хора за границей не только давать интервью, но и вступать в любые политические дискуссии, касающиеся современной Германии и большевистской России. Хотя все отлично знали об отношении Жарова к Советскому Союзу и о его благотворительной помощи Белому движению.

Доносчики назвали еще одну причину своего ухода из хора — намерение руководителя музыкального коллектива получить американское гражданство. С этим семеро бывших певцов оказались категорически не согласны и обвинили Жарова в том, что во время одной из своих поездок тот рано или поздно обязательно останется в Америке. Администратору хора потребовалось долго оправдываться, уверяя РМК, что никто из певцов хора не собирается принимать американское гражданство. Просто администрация во главе с регентом предприняла попытку получить сертификат, разрешающий облегченный въезд в США. Хору это нужно для того, чтобы после гастролей в США иметь возможность сразу выехать в Латинскую Америку, Южную Африку, Австралию или Индию. В противном случае они должны возвращаться в Европу и уже оттуда следовать дальше.

До сведения РМК госпожа Эбнер также довела информацию о том, что на одном из собраний хора регент однозначно заявил — он только в том случае будет хлопотать о получении американских сертификатов, если каждый член хора заверит его и весь коллектив, что ни при каких обстоятельствах не захочет сделать своим местом жительства Америку. Жаров даже потребовал от всех участников хора письменные расписки в том, что если кто-то покинет хор и поселится в Америке, то обязуется в течение трех лет передавать всю свою зарплату хору.

При этом Сергей Алексеевич подчеркнул, что делает это прежде всего из опасения, что в один прекрасный день 8—10 артистов хора, объединившись, могут остаться в Америке и создать свой собственный коллектив с аутентичным названием, что, несомненно, нанесет как репутационный, так и материальный ущерб хору-оригиналу. Все артисты заверили регента, что таких намерений не имеют. Конечно, среди них были и те семеро, кто в 1935 году решил создать свой хор донских казаков под управлением герцога Лейхтенбергского.

В письме артистов хора в РМК в защиту Жарова приводились следующие факты: «Господин Жаров требовал от всех директоров концертов, чтобы те откладывали достаточное количество пригласительных билетов для гаулейтеров партии, а также неограниченное количество бесплатных пропусков для представителей Гитлерюгенда. К последним Жаров испытывал особенно сердечные и теплые чувства. Он часто всем

нам говорил, что в Германии не может себе представить концерта без присутствия молодежи Гитлерюгенда. После концертов мальчишки часто приходили в гримерную к Жарову, исполняли свои песни и болтали с ним, часто больше часа, и ни разу он — как бы поздно ни было — не уставал их слушать».

Переговоры с американским консульством о возможной выдаче американских сертификатов вел действительно не Жаров, а его администратор. При этом Сергей Алексеевич интересовался каждой деталью переговоров. К концу 1935 года он окончательно для себя решил, что нужно перебраться в Америку. Но сделать это было очень непросто. Уезжая на гастроли в США, большинство певцов оставляли семьи в заложниках в Германии.

Жаров сначала чувствовал, а потом и знал, что с таким отношением к искусству у Германии нет будущего. Кроме ареста русского философа Ивана Ильина, на него удручающее впечатление произвело задержание, а затем тюремное заключение генерала Василия Викторовича Бискупского, начальника Управления делами российской эмиграции в Берлине и покровителя хора. Это была легендарная личность. Бывший муж самой известной русской эстрадной певицы начала XX века (скончалась в 1913 году), исполнительницы русских и цыганских романсов Анастасии Вяльцевой.

Бискупского связывала личная дружба с Адольфом Гитлером. После провала 9 ноября 1923 года «Пивного путча» будущий фюрер несколько дней скрывался в квартире русского генерала в центре Мюнхена, по адресу Барерштрассе, 75. Бискупский был также связным между претендентом на русский престол великим князем Кириллом Владимировичем и Гитлером, которому первый в 20-е годы оказывал посильную материальную поддержку. Бывший белый генерал лично передавал деньги от великого князя Гитлеру. Бискупский имел очень большое влияние в Берлине, и обвинение его в подготовке убийства фюрера ошеломило Жарова.

Оправдываться в РМК Сергей Алексеевич считал для себя унижительным. Случившийся скандал повлиял на него весьма болезненно и заставил задуматься о будущем: он ясно понял, что в такой политической системе ему долго не прожить. Он хорошо знал себя. По складу характера интроверт, а значит, заиклен на себе: чувствителен, обидчив, тщеславен. Это объяснимо — мучается только тот, кто о себе высокого мнения. Жарову необходимо было каждый день самоутверждаться.

Казалось, человек достиг успеха. И не просто успеха, а мирового, но это никак не влияло на его отношение к музыке. Он постоянно ждал от

людей похвалы и был болезненно зависим от признания. Когда в какой-нибудь газете появлялась критическая заметка о его творчестве, он мучительно переживал. Администратор и певцы, владеющие иностранными языками, старались скрывать от него такие статьи, но, если они всё-таки попадали ему в руки, он очень расстраивался.

Иногда незначительную критику воспринимал как личное оскорбление, но всегда к ней прислушивался и, если считал, что она правильная, быстро реагировал. Жаров был уверен, что музыка способна намного глубже выразить те проблемы, о которых писатели говорили словами. И не ошибся. Например, впоследствии слова песни «Славим Платова-героя» в исполнении Донского хора стали гимном немецких скаутов. Их нельзя назвать антифашистами, но все же они были яростными оппонентами Гитлерюгенда.

Автокатастрофа

В субботу 20 августа и в воскресенье 21 августа 1938 года многие немецкие газеты опубликовали статьи аналогичного содержания. Их отличали только заголовки: «Хор донских казаков сильно пострадал» («Берлинер иллюстрирте»), «Хор донских казаков попал в аварию» («Франкфуртер цайтунг»), «Авария с участием донских казаков — 23 пострадавших» («Мюнхнер нойесте нахрихтер»), «Трагическая поездка хора донских казаков» («Деп Миттаг. Иллюстрирте тагесцайтунг»), «Несчастливая поездка казачьего хора» («Ланцайтунг») и т. д.

В статьях речь шла об аварии, случившейся в ночь с пятницы на субботу, 20 августа 1938 года. В тот вечер хор выступил в курортном городе Бад-Нойенар (Рейнская провинция), где дал благотворительный концерт в пользу местной православной общины. Представление прошло блестяще и стало заметным событием для тихого местечка в округе Арвейлер. Певцов с Дона, в безупречной черной казачьей форме, встретили бурными аплодисментами. В первой части разнообразной концертной программы они исполнили всемирно известную русскую духовную музыку. «Органье» басы и «ясные» тенора создавали уникальное звучание. Затем последовали темпераментные и шуточные солдатские песни. Кульминацией вечера стала «Песня о Стеньке Разине». После каждого номера в переполненном концертном зале раздавались шумные аплодисменты. 1300 человек восторженно приветствовали Жарова и его певцов. Даже после концерта гости курорта и местные жители не хотели расходиться. Автобус артистов забросали цветами...

Никто из собравшихся не мог представить, что искренняя радость через полтора часа обернется глубокой печалью. Автобус, отвозивший хористов из Бад-Нойенара в Бад-Эмс, где они готовились к очередным гастролям в Америке, в 23 часа 20 минут попал в серьезную аварию. Фары встречного грузовика неожиданно ослепили водителя автобуса, он резко вывернул руль влево и на большой скорости врезался в дерево. Из сорока пассажиров тринадцать получили тяжелые травмы, двадцать — травмы средней тяжести. Сам автобус не подлежал восстановлению. Всех пострадавших доставили в больницы городов Нойвид и Кобленц.

Жаров в автокатастрофу не попал — по приглашению друзей он ехал из Бад-Нойенара в Бад-Эмс по имперскому шоссе № 9 на частном автомобиле. Вот как о случившемся писала немецкая газета «Берлинер

моргенпост» 21 августа 1938 года: «Недалеко от города Вейсентурм водитель автобуса заметил два приближающихся огонька, которые сначала принял за велосипедистов. Только за несколько секунд до аварии он понял, что это грузовой автомобиль с прицепом, ехавший не по своей полосе. Водитель автобуса в последний момент попытался избежать столкновения и резко свернул влево, но все же был задет грузовиком. Автобус очень сильно поврежден. То, что автобус остановился, столкнувшись с деревом, можно расценивать как большую удачу, т. к. последствия могли быть намного серьезнее. Дерево спасло автобус от падения с 10-метрового обрыва. Сегодня полиция ведет активное расследование по факту аварии».

Уже 20 августа утром новость моментально распространилась по Бад-Нойенару. Жители только о ней и говорили. Одна версия события быстро сменялась другой. Весь курорт соперничал донским казакам. Эти несколько утренних часов показали, какую симпатию вызвали артисты хора у горожан. В редакции газеты «Национальблат» то и дело раздавались телефонные звонки — подписчики интересовались здоровьем певцов. К полудню некоторые жители Бад-Нойенара, побывавшие накануне на концерте, объединившись, арендовали несколько машин и отправились в Кобленц и Нойвид, где находились в больницах попавшие в автокатастрофу певцы. Благодарные немецкие слушатели везли артистам цветы и пожелания скорейшего выздоровления.

Сотрудники редакции «Национальблат» поспешили в Бад-Эмс, чтобы встретиться с Сергеем Жаровым и передать через него всем пострадавшим артистам хора пожелания скорейшего выздоровления. Вот как журналисты описали эту встречу: «Когда мы приехали в Бад-Эмс, в здании санатория нас встретил директор хора Василий Болотин, прекрасно владеющий немецким языком, и рассказал о случившемся. (Сам он пострадал легко во время аварии.) Болотин сидел на заднем сиденье автобуса и отчетливо видел всё происходящее. Все, кто находился в автобусе, благодарны водителю за то, что он мгновенно нашел выход из сложившейся ситуации. Ведь если бы автобус не врезался в дерево, а водитель попытался проехать между деревьями, то он оказался бы на краю откоса и неминуемо рухнул в гравийный карьер. Болотин сожалеет, что ему не удалось рассмотреть номер ехавшего навстречу грузового автомобиля, послужившего причиной аварии и скрывшегося с места преступления. Когда произошло столкновение, Болотин сразу обернулся назад, но увидел только две удаляющиеся красные точки.

Большинство артистов уже идут на поправку, а Сергей Жаров, у которого после аварии случился небольшой нервный срыв, также чувствует

себя лучше. Позже мы имели возможность встретиться с дирижером хора лично. Болотин перевел нам его слова: «Мы должны двигаться дальше. Скоро у нас гастроли в США, и разочаровывать американцев мы не можем. Сейчас стоит вопрос, кем заменить некоторых пострадавших солистов. Нам придется немного переработать программу. По этой причине мы уже сегодня должны начать репетиции». Несомненно, хор справится со всеми трудностями, а Сергей Жаров вновь приступает к работе. Мы верим, что через несколько недель поправятся все хористы и в следующем году донские казаки смогут порадовать нас замечательным концертом в том же составе, что и в прошлую пятницу. Желаем пострадавшим артистам скорейшего выздоровления. Надеемся на скорую встречу в 1939 году в Бад-Нойенаре».

Один из журналистов, описывая свою встречу с пострадавшими артистами, сообщал, что представлял её совсем по-другому. Когда он вошёл в больничную палату, то прежде всего услышал оживленную речь бодрых духом людей. Никакой удручающей атмосферы больничного помещения он не ощутил. Наоборот, в палате царило праздничное настроение, и это несмотря на то, что трое пациентов лежали на больничных койках с перевязанными головами. Более того, у одного из них были видны только глаза, рот и нос. Но все трое смеялись. Репортер пишет: «Когда я начал передавать пожелания скорейшего выздоровления от имени нашей газеты «Берлинер моргенпост», один из теноров, Денис Руснак, встал и предложил мне присесть. Он сказал: «Нам остается переждать, а затем петь дальше. Это все, что мы сейчас можем делать». Нам сообщили, что в больнице Нойвида было больше пострадавших, но они уже доставлены обратно в Бад-Эмс, т. к. им стало лучше и они могли перенести переезд. В Кобленце все еще находятся трое исполнителей с тяжелыми травмами. Лечащий врач отмечает, что казаки — необычные пациенты».

А вот какую информацию о своём посещении больницы Нойвида оставил журналист газеты «Генерал анцайгер»: «Заходя в палату к пострадавшим исполнителям, я испытывал смешанные чувства. Люди, попавшие несколько часов назад в аварию, уж точно не будут разговорчивыми. Но, оказалось, я ошибался. Мне разрешили войти в палату. Там лежали четыре артиста. У троих из них были повязки на голове, у одного перевязана рука. Как я потом выяснил, это известный басист Владимир Василевский, запомнившийся многим благодаря не только великолепному голосу, но и выразительной бороде. Артисты очень доброжелательно меня приняли. «Присаживайтесь, пожалуйста. К сожалению, я сам вам стул подать не могу», — сказал тенор Руснак. Он

также поведал о подробностях аварии и подчеркнул, что всё могло закончиться гораздо хуже... А потом продолжил: «У меня недели две болела голова, но ничего не помогало. А когда я в субботу утром проснулся после наркоза, боль как рукой сняло. Видимо, перелом черепа был необходим», — пошутил он. Его сосед по больничной койке басист Василевский, чья знаменитая борода сейчас спрятана под бинтами, заметил: «У меня уже было два перелома черепа, я их пережил, значит, и этот переживу». Врачи рассказывают, что такого пациента у них еще не было. Василевский умудрился запеть даже под наркозом, на операционном столе. Мне также удалось поговорить с шофером. Он сообщил, что уже изложил полиции ход событий. Сам он чувствует себя лучше, но просит только об одном — чтобы эти русские наконец перестали так много шутить, а то боли у него сейчас, вероятно, оттого, что он постоянно с ними смеется. Остается только восхищаться силой воли этих людей, которые лежат забинтованные, с черепно-мозговыми травмами, но не теряют бодрости духа.

Концертную деятельность хор прерывать не будет. Отменено только запланированное на вечер субботы выступление. Следующий концерт состоится 27 августа в Висбадене, но, скорее всего, не в полном составе хора. Также было решено провести запланированный концерт во Франкфурте 29 августа. Все надеются, что на гастроли в Америку 22 сентября хор поедет в полном составе, со всеми 33 исполнителями. «Да, может быть, танцевать мы не сможем так, как прежде, но наши голоса остались невредимыми», — сказал напоследок тенор».

В эти тяжелые для хора дни Сергей Жаров получил более трехсот телеграмм со словами сочувствия и поддержки не только со всех концов Германии, но и из других стран, не говоря уже о невероятном количестве писем, в которых люди с волнением спрашивали о состоянии здоровья пострадавших исполнителей. Из артистов хора серьезно пострадали девять: Архип Левченко, Михаил Бажанов, Константин Юркевич, Василий Флюстикова, Владимир Василевский, Денис Руснак, Адриан Яровитский, Владимир Румянцев и Ян Ильячевич-Иратов.

Двадцать девятого августа в газете «Висбаденер штатцайтунг» появилась статья под заголовком «Песни, которые звучали в древней России. Две дюжины донских казаков в Курхаусе — 1500 восторженных зрителей». В ней говорилось: «Ровно неделю назад произошла страшная авария, в которой, по дороге в Бад-Эмс, пострадали донские казаки. Но, к счастью, хор нашел в себе силы, хотя и не в полном составе, а только в количестве 20 человек, выступить сегодня перед публикой Висбадена.

Конечно же, под руководством невероятно любезного и давно ставшего знаменитым дирижера, который, несомненно, является душой музыкального коллектива. Сколько бы раз мы ни слушали хор донских казаков, каждый раз с первого же звука он завораживает и удивляет публику. Полные сил, энергичные, могучие сонорные басы, утонченные тенора. Невероятен переход от изящных и нежных звуков к мощному, объемному звучанию. Незаметно присоединяются свист и возгласы и становятся неотъемлемой частью представления. На концерте прозвучали такие известные произведения, как «Вечерний звон», «Херувимская песнь», «Красный сарафан», «Славься, князь Владимир», «За Уралом, за рекой».

Несмотря на отсутствие трети исполнителей, хор не прервал гастролей. 29 августа он выступал во Франкфурте-на-Майне, а 30 августа в газете «Генерал анцайгер вук штадт Франкфурт» появилась статья под заголовком «Донские казаки поют вновь»: «Донские казаки уже давно почетные гости во Франкфурте-на-Майне. Но вчера зал приветствовал их с особым воодушевлением. Ведь все слышали об аварии, произошедшей недавно, и многие, наверное, задумались о том, как осиротела бы наша концертная жизнь, если бы в ней вдруг перестали присутствовать мелодии из России. Открылся занавес — и перед нами предстали «черные всадники». И что мы видим? Один из теноров, невысокого роста, держит на весу перебинтованную руку, у кого-то из басов на глазу повязка, а ещё один из исполнителей поставил свою поврежденную ногу прямо на стул. Как жаль, что среди артистов нет замечательного бородатого басиста Василевского».

Как уже было сказано, Владимир Василевский все еще оставался в больнице в Нойвиде. Вот что о его пребывании там в статье под заголовком «Ария с операционного стола» 30 августа писала газета «Дрезденер нахтихтен»: «Врачи и медсестры радуются, что их подопечные не падают духом, несмотря на свое незавидное положение. Ведь все знают, что ничто не лечит так, как звучание красивых мелодий. Такая жажда жизни действует лучше любых лекарств. «Наши головы не пострадали», — говорит, улыбаясь, главный тенор Руснак, который лежит в палате с черепно-мозговой травмой. «А рот нам, слава Богу, не перебинтовать», — немного ворчит лежащий рядом басист Василевский, чья внушительная борода запомнилась, наверно, каждому побывавшему на концерте. Но сейчас ее почти не видно — она спрятана под белоснежными бинтами. Не скрыты только глаза, нос и рот. Даже когда Василевский под сильным наркозом лежал на операционном столе, он неожиданно начал исполнять

своим тяжелым басом оперную арию, причём так громко, что слышно было не только в операционной, но и в палатах. Пациент, конечно же, этого не помнит. Когда ему рассказали о происшедшем, он сказал, что помнит только — ему снилась какая-то весёлая опера».

Второго сентября 1938 года хор выступил в Театральном зале в здании Рейхбанка. Здесь мощно, во всю силу прозвучала кантата К. Н. Шведова, посвящённая 950-летию Крещения Руси. 4 сентября хор уже пел в Большом концертном зале Кёнигсберга. Затем последовали такие города, как Бреславль, Дрезден, Лейпциг, Веймар, и наконец 15 сентября хор дал концерт в Большом зале Берлинской филармонии. После чего отправился в Гамбург, откуда на океанском пароходе «Дойчланд» благополучно отплыл в Америку.

1960 г. на съемках фильма, крайний справа Жаров, рядом И. Ассур

Вручение Жарову премии «Золотой граммофон» 13.09.1965 г. Гамбург

Глава 8

АМЕРИКА — ВТОРАЯ РОДИНА

Когда 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили войну Германии, Донской хор находился в Америке. И Жаров воспользовался благоприятным легальным поводом и от имени музыкального коллектива обратиться к правительству США с просьбой о предоставлении политического убежища.

Поначалу жизнь в Америке складывалась нелегко: одно дело — приезжать на гастроли, и совсем другое — остаться на постоянное жительство. Большинство хористов не говорили по-английски, а для получения гражданства нужно было сдать экзамен на знание языка. Но жаровцы не жаловались на судьбу. В общем-то, им повезло. Очень скоро их подхватил продюсерский центр Сола Юрока — одного из самых успешных антрепренеров США. Юрок выбрал для хора менеджера — Поля Стойса. Правда, впоследствии выяснилось, что он безбожно обманывал хор, но на первых порах в Америке на это никто не обращал внимания.

В США Жаров подружился со многими русскими эмигрантами, в том числе с авиаконструктором И. И. Сикорским и писателем В. В. Набоковым. Сразу по приезде в Штаты большую поддержку Сергею Алексеевичу оказал Григорий Долгорукий. Например, в письме 4 июня 1941 года он, в частности, советовал: «Предложение из Вашингтона весьма интересно. Я имел в виду что-нибудь в этом роде. И если они там сами догадались, то тем лучше. Однако здесь надо не продешевить и не связаться с мелкими сошками. Это для Вас сейчас «жизненный шанс», как говорят американцы, т. е. одна из возможностей, которые открываются только несколько раз в жизни. Дело в том, что сейчас идет лихорадочная подготовка к тяжелым испытаниям, и американцы великолепно понимают, что дух нации не на высоте. Американец воспитан в том духе, что государству, собственно, он ничего не должен, а слово «родина» не имеет того смысла, что у нас. Чисто национальная литература скудна, народного творчества почти нет. Всё основано на жизненных удобствах и возможностях комфорта. Вся культура чисто материальная. Они понимают, что надо создавать дух единства, преданности и духовной привязанности к стране. Вам, наверное, покажется странным, но американские солдаты на марше не поют, главным образом (по-моему) потому, что, кроме пары кафешантанных песенок прошлой

войны, и петь нечего».

В своих письмах Долгорукий очень подробно разъяснял Жарову, что представляет собой американское общество и как в нём надо ориентироваться.

После того как нацистская Германия напала на Советский Союз и тот, по сути, остался один на один против всей Европы, весь промышленный, финансовый и людской потенциал которой работал на Гитлера, интерес американцев к русской культуре и истории заметно возрос. Государственный департамент США, понимая, что нужно срочно поднимать боевой дух армии, воспользовался сложившейся ситуацией и выделил финансирование для гастрольной поездки казачьего хора по американским воинским частям.

Во время Второй мировой войны донские казаки бесчисленное количество раз выступали перед американскими военнослужащими, во многом благодаря содействию своего импресарио Сола Юрока, имевшего прекрасные отношения не только с семьёй Рокфеллеров, но и с советским посольством в США.

Специально для концерта в Южно-Калифорнийском университете, состоявшегося 5 августа 1941 года, Жарову сделали перевод на английский язык песни «Если завтра война» на музыку братьев Покрасс и стихи В. И. Лебедева-Кумача. Реакция американской публики превзошла все ожидания. Еще до окончания исполнения зал встал и аплодировал певцам стоя. Американцы вдруг осознали, что народ, имеющий такую музыкальную культуру, победить невозможно никаким оружием. Песня «Если завтра война» принесла донским казакам не только признание публики, но и большой коммерческий успех. Они исполняли её во время Второй мировой войны в Америке повсюду. Она часто звучала на различных радиоканалах по всем Соединенным Штатам, особенно в конце 1941-го и в начале 1942 года.

Русская эмиграция в Америке разделилась на два лагеря: одни желали поражения Советскому Союзу, другие не сомневались, что победа будет за Россией. Жаров всегда верил в победу русского народа, поэтому не понимал казаков, поддержавших Гитлера и отправившихся воевать против Советов. Их ненависть к большевикам он разделял, но цели германского командования и казаков считал совершенно различными. Немцы хотели разгромить огромную страну на востоке, расчленить её и уничтожить, превратив в свою колонию, а казаки мечтали возродить в ней империю в прежнем великолепии. Как это можно было совместить — Жаров не представлял! Однако казачьих генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро —

пособников немцев — публично никогда не осуждал. Скорее, сочувствовал им.

В 1942 году Жаров узнал, что И. В. Сталин всерьез обдумывал план вернуть руководителя Белого движения на Юге России генерала А. И. Деникина на родину, сражаться против агрессора. Нужно это было Сталину не для того, чтобы укрепить Красную армию, а для того, чтобы превратить всем хорошо известного в России генерала в символ национального единения. Внук крепостного крестьянина, генерал Деникин лучше всех подходил на эту роль. Кстати, именно поэтому потомственный дворянин барон П. Н. Врангель относился к нему с явным пренебрежением и искренне считал, что, в силу наследственности, Деникин так и не научился по-настоящему ездить верхом. А барона Врангеля, в свою очередь, ненавидел адмирал А. В. Колчак, полагавший, что за иностранную помощь во время Гражданской войны барон готов был отдать весь российский флот и прибалтийские земли в придачу. Деникин же, в свою очередь, недоумевал, как это морскому офицеру позволили командовать целой армией — ведь он ничего не смыслил в военных сухопутных операциях. Чрезмерные амбиции и непонимание современной обстановки в конечном счете и привели Белую армию к поражению. К осени 1942 года в живых остался только один белый генерал — Деникин, и Сталин по своим каналам получил информацию, что генерал сочувствует Красной армии.

В самом начале 1942 года Русско-американский комитет помощи Советской России обратился к Жарову с просьбой дать благотворительный концерт в пользу Красной армии. Это предложение повергло Жарова в шок! Он не мог представить даже в самом страшном сне, что когда-нибудь будет давать такой концерт! В пользу Красной армии!!! Однако Сол Юрок ему быстро объяснил, что с аналогичной просьбой к нему скоро обратится сама супруга президента США Элеонора Рузвельт и многие влиятельные личности из делового мира Чикаго желают, чтобы такое выступление состоялось.

Когда Жаров получил официальное письмо от госпожи Рузвельт, то вынес вопрос на общее собрание хора. Выяснилось, что с похожим предложением уже обращались к Платовскому казачьему хору Николая Кострюкова. Тот сначала наотрез отказался, а потом согласился с условием, что слова «в пользу Советской России» заменят на — «в пользу Американского Красного Креста». Менеджеры пообещали дирижеру выполнить его условие, но обещание не сдержали — хор Кострюкова дал концерт в пользу Советской России и в поддержку Красной армии.

После этого в белоэмигрантской прессе начались бурные дебаты:

правильно ли поступил Кострюков? Сейчас тот же вопрос встал перед хором Жарова. Голоса певцов разделились, и начались ожесточенные прения. Один из танцоров даже заявил, что Сталин — благодетель русского народа, спасший страну и создавший мощное промышленное государство, а все цари — тираны русского народа. За такие слова ему тут же дали по физиономии, и дебаты продолжились с новой силой.

В конце концов «казачий круг» постановил, что от предложения жены президента отказываться нельзя, а также не подобает казакам выставлять ей какие-либо условия. Концерт в Чикаго прошёл с ошеломляющим успехом. Цены на билеты были заоблачные, но все стремились попасть именно на этот концерт — того требовал престиж. Американские газеты писали: «Военная песня — это духовный облик целого народа. Нет сомнения, что русские победят». Благодаря громкому выступлению хор получил такую рекламу в северных и восточных штатах США, что у него не хватило бы никаких денег сделать её самостоятельно.

Когда говорили пушки...

Сразу после Перл-Харбора и начала военных действий на Тихом океане в госпитали США стало поступать много раненых. Донской казачий хор часто выступал перед ними. Вот как описал одно из них американский военный журналист: «Выздоровливающие солдаты часто на таких концертах галдят, шумят и превращают концерты скорее в весёлые вечеринки, чем в серьёзные выступления. Когда же в госпитале пел для солдат хор Жарова, то среди военнослужащих царила такая тишина, что можно было слышать малейшие нюансы звучания. По уверению администрации госпиталя, такое было впервые за всё существование больницы».

В три первых дня октября 1943 года казачий хор дал три концерта в Метрополитен-опере. Огромный многоярусный зал был заполнен до отказа. И если в Европе значительную часть публики, как правило, составляли русские эмигранты, то в Нью-Йорке на выступления пришли в подавляющем большинстве американцы. На таких концертах большим успехом пользовались советские песни. До Второй мировой войны Жаров почти никогда не включал их в репертуар, но после Сталинградской битвы все кардинально изменилось.

На такое решение сильно повлиял С. В. Рахманинов, с первых дней войны безоговорочно ставший на сторону родного народа и помогавший России по мере сил до самой своей смерти 28 марта 1943 года. Все сборы от многих своих концертов Рахманинов передавал на закупку медикаментов для Красной армии.

В годину горя и испытаний людей тянет друг к другу. Неудивительно, что отношения Сергея Васильевича и Сергея Алексеевича во время войны приобрели совершенно иной характер, нежели раньше. Оба жили в Америке и встречались подчас в весьма «неформальной обстановке».

Легендарный советский разведчик, сотрудник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка), в будущем полковник, кандидат исторических наук, Герой Российской Федерации Александр Семенович Феклисов (1914–2007), работавший с 1941 до 1947 года в нью-йоркской резидентуре под прикрытием Генерального консульства Советского Союза в Нью-Йорке, так описал в своей книге «За океаном и на острове: Записки разведчика» случайную встречу с хором Жарова и Рахманиновым: «Однажды пошел в русские бани на углу Второй улицы и Второй авеню.

Войдя в большой предбанник, неожиданно услышал стройное хоровое пение на русском языке. Я разделся на лежаке, указанном мне банщиком, и стал оглядывать помещение и находившихся там людей. В предбаннике стояло лежаков тридцать, на многих из них сидели завернувшиеся в простыни пожилые мужчины. Они слаженно, профессионально пели русские и украинские песни. На крайнем лежаке ко мне спиной сидел старик и аккомпанировал певцам на гитаре. Я подошел к стойке бара, заказал стакан пива и поинтересовался у бармена, что это за люди.

— Как, вы их не знаете? — удивленно спросил тот. — Это же всемирно известный хор донских казаков во главе с его руководителем Сергеем Жаровым.

И указал мне на небольшого роста мужчину, сидевшего рядом с гитаристом. Только тут я разглядел, что гитаристом был Сергей Васильевич. Затем бармен сообщил, что хористы частенько навдываются в баню и, когда есть настроение, поют. Изредка сюда приходит Рахманинов, и тогда хор поет под его руководством.

Казаки исполнили несколько песен. Потом хористы затянули песню «Вечерний звон». И тут Рахманинов, до того тихо подыгрывавший на гитаре, преобразился. Он несколько раз останавливал певцов, энергично и властно указывал, какие места надо петь медленнее, какие быстрее, какие тише, какие громче, требовал выдерживать паузы, соблюдать темп. Рахманинов встал, отложил в сторону гитару и стал дирижировать. Видно было, что маэстро во власти вдохновения. Несколько минут он терзал хор своими замечаниями, пока, наконец, позволил исполнить «Вечерний звон» от начала до конца без пауз. Затем маэстро попросил повторить песню еще раз.

Каждую фразу, каждое слово песни артисты пели отчетливо, протяжно, какими-то взволнованно-трепетными, щемящими душу голосами, в которых слышалась глубокая тоска. Я был потрясен. Столь задушевно, искренне и красиво могли исполнять песню только артисты, покинувшие Родину и осознавшие, как тягостно им жить без нее. Такого проникновенного и красивого пения я никогда не слышал.

Закончив пение, Рахманинов и хористы оделись, выпили в баре по чарочке водки и вышли в темноту промозглого зимнего нью-йоркского вечера».

На вечерах в Метрополитен-опере советские песни прозвучали свежо и своевременно, особенно такие как «От края и до края» на музыку И. И. Держинского и «Песня о встречном» Д. Д. Шостаковича. Хор продемонстрировал американцам, что он был и остается неотъемлемой

частью русского народа.

Выходившая в Америке под редакцией Н. П. Рыбакова газета «Россия» писала в 1944 году о Донском хоре: «С тех пор прошло 24 года. 24 года небывалого успеха, который неизменно сопутствовал Жарову. Это не сенсация: сенсация — короткая вспышка, затмеваемая такими же вспышками. Сенсация ничтожна рядом с потрясающей цифрой — более 4000 концертов. Это пение, превзошедшее всё, что в этой области было достигнуто во всем мире. Это естественность и необычность». С этим нельзя не согласиться. Феномен Жарова состоял не в том, сколько он дал концертов, а в том, что каждое выступление отличалось не только высочайшим музыкальным мастерством, но и уникальностью. Казалось, каждый концерт хора — последний: после такой физической и психологической отдачи у певцов не должно остаться сил для будущего. Но вера и молитва творили чудеса. Когда в начале каждого концерта звучало «Верую» в аранжировке А. Д. Кастальского, то все собравшиеся в зале с трепетом и затаённым блаженством ощущали, что стали ближе к Богу Отцу, Вседержителю, и понимали, что вера — это прежде всего любовь к ближнему.

Жаров представлял казачью песню во всех её разнообразных жанрах, умело сочетая былинные и исторические сюжеты. В его репертуаре имелись песни, посвященные Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Алеше Поповичу и Дюку Степановичу: граница между былинными и историческими произведениями в казачьем фольклоре всегда оставалась очень зыбкой. Все сюжеты в исполнении хора казаков получали глубокое художественно-философское обобщение и раскрывали слушателям психологию свобододлюбивого народа.

Особенно близки были Жарову песни некрасовцев, покинувших родину после подавления Булавинского бунта в начале XVIII столетия и названных так по имени своего вожака — Игната Некрасова. Их потомки прожили два века вне России, на территории Османской империи. Только в XX веке казакам-некрасовцам было разрешено вернуться в Россию. Двести лет изгнания оказались бессильны стереть в душе народа память о родине и заставить забыть казачьи песни, бережно передававшиеся на чужбине из поколения в поколение. Та же задача стояла и перед хором Жарова — не утратить свои корни, сохранить русскую религиозную и народную культуру, которую большевики так неистово пытались истребить.

В чём же заключался феномен Сергея Жарова? На этот вопрос русский композитор-академист А. Т. Гречанинов ответил так: «Когда мы видим его на эстраде, у него жар или, вернее, пламя в глазах и во всем существе. На

эстраду он не выходит — как бы какой-то невидимой силой на крыльях выносятся. Короткий поклон в публику — и зал уже огласился могучими звуками. Момента, когда он повернулся лицом к хору, когда подал знак, вы не уловили. «Настраивать» исполнителей ему, очевидно, не нужно: они уже готовы, построены, говорят вместе со своим другом — пламенным Жаровым. Вы удивлены: когда же он даст тон? Ведь это не оркестр, ведь нужно, чтобы каждый член хора был в настоящем тоне... Как это он делает — вы не знаете. Жаров любит начинать программу с фортиссимо. Это верный расчёт захватить публику, это и ему самому, очевидно, нужно, чтобы скорее уйти от действительности и сразу погрузиться в очарованный мир звуков... Жаров имеет в своём хоре только мужской состав. Слушая его, вы часто получаете иллюзию смешанного, особенно в пиано, — до того высоко забираются его тенора. Но что поражает, в первую очередь иностранцев, — это его октавы с их бархатным звуком. Они придают органной колорит редкой красоты. Жаровский хор имеет диапазон в три с половиной октавы. Есть чем удивлять мир, и они таки и удивляют».

Жаров не довольствовался музыкой, полученной в наследство от А. Д. Кастальского, П. Г. Чеснокова, Н. М. Данилина, а заказывал для своего хора обработку казачьих или народных песен таким выдающимся композиторам, как А. Т. Гречанинов, К. Н. Шведов, И. А. Добровейн... А значит, обогащал русскую хоровую традицию всё новыми и новыми прекрасными сочинениями, вносил неоценимый вклад в отечественное хоровое искусство.

К 1943 году репертуар хора насчитывал более трехсот песен и религиозных песнопений разного рода, воплощающих высшие эстетические и этические идеалы. В том же 1943 году выходивший в США журнал «Русский вестник» писал: «Эти песни и песнопения, эти эмоциональные переживания и эстетические устремления показали и доказали миру, что русский народ в течение 1000 лет мог бороться за своё существование, что он мог отражать набеги орды диких и цивилизованных варваров, что может защищать Европу и демократию от поработителей народов и душителей свобод и что русский народ носит в себе и воплощает в художественные образы красоту, которой восторгаются все народы мира и которой лучшие сыны русского народа, претерпевая все невзгоды нашего ненормального времени и принося жертвы на алтарь человечества, охотно делятся со своими братьями — людьми всего мира».

Именно во время Второй мировой войны Донской казачий хор пережил пик популярности в Соединенных Штатах: его музыка звучала на всех радиостанциях, олицетворяя союзнические войска. 29 апреля 1944

года хор триумфально выступил на вечере газеты «Россия» в Нью-Йорке, а в 1945 году, за три месяца до окончания войны, в одном из писем жене Жаров писал: «Если бы знал Юрок, что русские большевики не будут воевать, то он едва ли подписал бы с нами контракт на новый сезон». Победы Красной армии на фронтах в Европе приносили продюсеру огромные прибыли. Всё русское в Америке было в большой моде, особенно Донской казачий хор. Так, за 89 выступлений Жарова Сол Юрок заработал 75 тысяч долларов чистой прибыли. В это время солист хора зарабатывал примерно 400 долларов в месяц, а регент — 800.

В годы войны хор очень чутко относился ко всякого рода нуждам и просьбам русской эмиграции в Америке, в частности, со стороны РООВА — Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке, где происходили очень непростые процессы. Однажды импресарио Сол Юрок ознакомил Жарова с результатами социологического опроса, проведенного в 1944 году в США. Результат оказался ошеломляющим. На вопрос: какой народ является самым главным врагом Америки? — американцы ответили так: 6 % — немцы, 9 % — японцы, 25 % — евреи.

А в письме 19 января 1945 года своей жене Неониле Николаевне Жаров писал: «По-видимому, наши успехи отчасти, а может, и больше, зависят от успехов на русском фронте. Странно, но это так! Сталин перешёл в наступление... все наши концерты стали распродаваться до последнего места».

После войны

Согласно договорённостям, достигнутым во время Ялтинской конференции в 1945 году, англо-американские союзники обязаны были выдать России после окончания войны всех перемещённых лиц, являвшихся гражданами СССР на 1939 год. Союзники не только старались выполнить свои обязательства в отношении казаков, ушедших с немцами с территории СССР, но в некоторых случаях даже перевыполняли их, сдавая Сталину казаков, оказавшихся в Европе до 1939 года, то есть эмигрантов первой волны, никогда не являвшихся советскими гражданами.

Основные этапы выдачи проходили в австрийских городах Линце и Юденбурге. А. И. Солженицын впоследствии назвал ее «великим предательством»: английские оккупационные войска передали Сталину более 40 тысяч казаков, 4 тысячи из которых никогда не были гражданами СССР. Тем не менее англичане, проигнорировав Женевскую конвенцию, отправили казаков в Советский Союз, совершив тем самым настоящее военное преступление. Почему и зачем они это сделали? Ведь они знали, что почти все казаки, воевавшие на стороне Третьего рейха, будут расстреляны или отправлены в лагеря как «изменники Родины». Генерал спецслужб П. А. Судоплатов в своей книге так объяснил поступок англичан: «Выдача казаков была обычной коммерческой сделкой. Белых эмигрантов обменяли на группу плененных немецких офицеров Кригсмарине во главе с адмиралом Редером».

Сергей Жаров знал, что более 30 тысяч казаков-эмигрантов еще в 1941 году вступили в немецкую армию и сражались против Советского Союза. А более 15 тысяч казаков, в основном бывшие советские граждане, воевали в составе XV казачьего кавалерийского корпуса СС. Гитлер обещал бывшему Донскому атаману П. Н. Краснову отдать казакам исторические земли области Войска Донского, где они смогли бы создать свое собственное государство. Однако фюрер русским не доверял, поэтому послал казаков не воевать на Восточный фронт, а бороться с югославскими партизанами.

Досталось от русских казаков и итальянским антифашистам. Но когда час расплаты наступил, за казаков вступились американские казачьи станицы. Но что они могли сделать? Прежде всего, ходатайствовать перед американским правительством, чтобы оно разрешило казакам из Европы переселиться в США.

В 1947 году Жаров просил своих поклонников и близких знакомых в

американском правительстве о содействии в приёме казаков, оказавшихся в Европе и воевавших на стороне гитлеровской Германии. И хотя он понимал, что задуманный план не осуществим, но делал все возможное, чтобы вывезти из Европы в США хотя бы одну-две сотни казаков. Жарову в этом помогли Толстовский фонд и правительство США. Не последнюю роль сыграл и благотворительный концерт в Чикаго в ответ на просьбу Элеоноры Рузвельт. Жаров и к ней обратился за содействием.

После образования государства Израиль в 1948 году Жаров несколько раз получал приглашения посетить его. И вот в сезон 1951/52 года казачий хор приехал в Землю обетованную. Музыканты выступили в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе и ещё в нескольких городах. Среди публики было много выходцев из России, как никто, прекрасно понимавших слова Модеста Мусоргского: «Искусство есть не цель, а средство для беседы с людьми».

Четвертого июля 1953 года, в День независимости США, состоялся большой праздничный концерт, посвященный 30-летию первого выступления Донского казачьего хора в Вене. Скупой, едва заметный жест регента — и в зал плавно и мощно полилось «Тебе, Бога, хвалим». Это был старинный христианский гимн, написанный в конце IV века святым Амвросием Медиоланским, в аранжировке Бортнянского. После первого же музыкального произведения зал охватил восторг: слышались аплодисменты, стук ногами и стульями, возгласы одобрения. Со всех сторон неслись крики: «Браво, Жаров!», «Спасибо, Жаров!» Действительно, Жаров, как чародей, завораживал зал, наполняя сердца слушателей то сладостным томлением, то невыразимым, неизъяснимым ликованием. Голоса хористов словно уносили зрителей в небесную беспредельную высь, наполненную пленительными, нежнейшими чувствами. После каждой исполненной песни воодушевление возрастало в геометрической прогрессии. Когда очередь дошла до народных и казачьих песен, казалось, зал рухнет.

Ко времени описываемых событий в составе хора из певцов, принимавших участие в первом венском концерте 1923 года, кроме регента, остались только четверо: Владимир Магнушевский, Виктор Львов, Гавриил Абанчин и Василий Флюстиков. Однако на праздничном мероприятии в качестве зрителей присутствовали и музыканты, в разное время покинувшие хор уже в США: Фёдор Шляхтин, Андриан Яровицкий, Якоб Тетеревятников, Аким Терехов и Иван Давыдов.

После концерта, на банкете в честь «юбиляров», выступивший от имени правления Мирового казачьего центра и входящих в его состав

станций один из бывших атаманов сказал: «Казачество всегда было оплотом российской государственности и в тяжелые минуты жизни народа первым принимало на себя удар. Расположившись на окраинах империи, как верный страж, вглядываясь вдаль, зорко следило за каждым движением врага, чтобы вовремя дать собраться главным силам и должным образом встретить его. Слава казачья исстари гремела далеко за пределами Отчизны и родных краев. Ярким выразителем и хранителем славных казачьих традиций в эмиграции стал хор донских казаков Сергея Жарова, но на этот раз не на полях сражений, а на подмостках мировых театров». Закончил свою речь атаман словами: «Выступление жаровского хора — это всегда праздник, праздник русской силы, мужества и таланта». Во время банкета состоялся сбор средств, необходимых для выпуска альбома с казачьими песнями. В этот вечер Жаров оставил автограф на сотне программ концерта и нескольких пластинках.

После 6 июля для хора наступил репетиционный период, а 21 июля в храме Христа Спасителя, на 121-й улице в Нью-Йорке, состоялась генеральная репетиция рождественских, страстных и пасхальных песнопений. На репетицию пригласили всех желающих, и радиостанция «Голос Америки» транслировала ее на 60 стран. Через два дня эту программу записали на пластинку, увидевшую свет осенью 1954 года.

В самом начале сентября 1953 года казачий хор отправился из Америки на пароходе «Иль де Франс» в Европу, где посетил Западную Германию, Голландию, Данию, Норвегию, Швецию, Швейцарию, Великобританию и Францию. Первые концерты прошли 16, 17 и 18 сентября в Париже. В Гамбурге выступление хора Жарова в Мюзик-холле слушала почти вся русская колония во главе с архиепископом Берлинским Филофеем (Нарко) и представителями Русского комитета. Гастроли продлились 18 недель, и 8 февраля 1954 года на пароходе «Квин Мэри» хор вернулся в США. 13 февраля в Нью-Йорке состоялся концерт в рамках телепрограммы «Местная знаменитость» (*Toast of the Town*) с популярным телеведущим Эдвардом Салливаном. В дальнейшем телепрограмма стала называться «Шоу Эдварда Салливана» и в 1948–1971 годах была одним из самых успешных музыкальных проектов американского телевидения.

Затем хор отправился на гастроли по городам Соединённых Штатов, продлившиеся до 27 марта. В этот день хор закончил сезон традиционным концертом в Карнеги-холле и через несколько дней уехал в Южную Америку. Повсюду публика неистовствовала от восторга. Жаровцы пели на бис русскую народную песню «Вдоль по Питерской», украинскую колядку «Щедривка»... Волнующую душу арию Йвана Сусанина неожиданно

сменяло торжественно-ликующее «Славься, славься, наш русский царь!». Исполнение было настолько безукоризненным, что даже ярые противники монархии приходили в восхищение.

Начиная с 40-х годов Жаров начал соединять в своем репертуаре русскую религиозную музыку не только с народными и казачьими песнями, но и с лучшими произведениями советских композиторов. Он стал первым, кто осмелился, пусть сначала робко, неявно, заявить, что русское хоровое искусство за рубежом и в оставленной им России — единое целое.

За годы своего существования хор завоевал любовь и получил признание во многих странах мира. Его пластинки выходили огромными тиражами и быстро раскупались. Ясные и проникновенные голоса В. Магнушевского, В. Болотина, А. Левченко, М. Бажанова, А. Яровицкого, Г. Шандровского, Б. Морозова стали узнаваемыми и родными для слушателей. По окончании каждой концертной программы хор, как правило, исполнял ещё четыре номера на бис. Газеты в бесчисленных восторженных откликах называли Жарова не иначе как «несравненным», «неподражаемым» и «музыкальным гигантом».

Случались, правда, и негативные отзывы, где утверждалось, что Жаров продался большевикам и стал использовать в своём репертуаре советские песни. Некоторые рецензенты писали, что Жарову надо «избегать в церковном пении крайностей, а именно избыточной голосовой виртуозности в переходах от фортиссимо к пианиссимо, так как при таких и без того невероятных переходах иногда интонация прерывается и многие аккорды становятся нечистыми».

Донцы-певцы

В 1952 году хор дал несколько концертов для ветеранов корейской войны. На одном из них присутствовал сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти. К этому времени Донской казачий хор уже завоевал бешеную популярность в Америке, и сенатор решил использовать его в своих целях, прежде всего для поднятия боевого духа в армии.

Джозеф Маккарти, сенатор-республиканец, вошёл в историю как ярый преследователь коммунистов и гомосексуалистов. Те и другие были им приравнены к врагам американского общества и подверглись гонениям. Люди сенатора подготовили списки из нескольких тысяч человек, многие фигуранты которого были уволены с работы. По его инициативе состоялась проверка книжных фондов публичных библиотек, откуда изъяли около 30 тысяч наименований книг коммунистической направленности. Ратуя за нравственно-патриотическое воспитание американского народа, Маккарти считал Донской хор образцом для подражания.

В июле 1954 года Жаров решил полностью обновить программу и приступил к репетициям. Поздней осенью его хор намеревался отправиться в своё пятое послевоенное европейское турне, и он подписал контракт на длительный срок. Вернуться в Нью-Йорк хористы должны были 26 января 1956 года. 31 января, 1 и 2 февраля 1955 года хор все еще пел в Париже, в одном из лучших залов на Елисейских полях. Затем был Альберт-холл в Лондоне. Потом Выставочный зал в Гамбурге на 10 тысяч мест, забитый до отказа. В Берлине хор дал пять концертов в Спорт-паласе, в общей сложности для более чем 50 тысяч зрителей.

Тысячи немцев вышли на улицы Западного Берлина встречать хор донских казаков — автобус с певцами пробирался сквозь ликующее людское море очень медленно, то и дело останавливаясь. Такого приема Жаров не помнил со дня создания хора. Любовь немцев к русскому хоровому искусству казалась безграничной. Всё происходящее растрогало регента и певцов до слёз. Здание Спорт-паласа несколько дней сотрясалось от восторженных криков, топота ног и бурных оваций. После пяти выступлений на бис хористы попросили публику отпустить их, но воодушевленные зрители требовали продолжения. Наконец уставших хористов отнесли к автобусу на руках.

После концертов в Западном Берлине начались съемки кинофильма, посвященного хору. В нем принимали участие знаменитые немецкие

актеры, основу сюжета составила история Донского хора. В фильм вошли фрагменты концертов в Спорт-паласе в Берлине и в Выставочном зале Гамбурга. На первых кадрах многотысячная толпа немцев приветствует хор русских казаков-эмигрантов перед Спорт-паласом. Как только регент выходит из автобуса, люди подхватывают его на руки и вносят в зал, где должен состояться концерт. В Германии ещё хорошо помнили, как был популярен казачий хор в их стране до Второй мировой войны.

В фильме звучат песни «Молись, кунак», «Ой, да понад лесом», «Вот полк пошёл по бережку крутому», «Славим Платова-героя» и, конечно же, всеми любимая «Эй, ухнем». В песнях, то печально-минорных, то задорно-мажорных, отражались традиционный уклад и эмоциональное богатство национального бытия. Казалось, ни один народ, кроме русского, не имел такого бесшабашного и разудалого песенного разнообразия. В то же время в репертуаре жаровцев было много песен, пропитанных глубоким страданием, нестерпимым горем и жгучей любовью ко всем униженным и оскорбленным. Именно в песнях выражалась многогранная русская душа.

Не случайно песню называют душой народа. Песня раскрывает такие глубины, такие тайники национального характера, которые невыразимы, непостижимы никакими иными способами. «Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как просыпаются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь стихи, — говорил философ И. А. Ильин, хорошо знавший Жарова и восхищавшийся его талантом, — скажи мне все это, а я скажу тебе, какой нации ты сын». Где, как не в песне, можно постичь характер народа: его безмерную широту, доброту и щедрость, самородный нрав, удаль и молодецкий задор? В песне, как в молитве, происходит очищение души...

В Гааге, столице Южной Голландии, в одном из театров к приезду жаровцев на сцене всегда сооружали лестницу, по которой певцы спускались к публике. Уже сам выход хора превращался в театрализованное действо: справа открывалась маленькая дверца, из нее медленно показывалась нога правофлангового баса в штанине с красным лампасом, а затем появлялся сам бас. Раздавались редкие аплодисменты. По мере того как выходили остальные казаки, рукоплескания становились все громче и восторженнее. А когда среди казаков являлся сам регент, аплодисменты переходили в овацию, достигая апогея.

Сергей Жаров быстро и ловко спускался по лестнице, несколько секунд любезно и благодарно раскланивался, а затем поднимал руки — в зале воцарялась гробовая тишина. И через мгновение начиналось чудо... Казалось, певцы не открывают рты, а откуда-то с небес льётся

потрясающей красоты божественный псалом, и всё пространство заполняется нежными, ангельскими голосами. Но откуда? Казаки стоят по стойке «смирно», с закрытыми ртами. Да и регент почти не управляет ими. Тогда ещё мало кто, даже из музыкальных критиков, знал, что Сергей Жаров мог дирижировать глазами. У зрителей рождалось впечатление, что все хористы замерли в молчании, но при этом мелодия нарастает и ширится, пока басы неожиданным регистром ввысь не разрезают её — и вся музыкальная композиция не завершается заключительным кадансом...

Публика неистовствовала в восторге: топала ногами и рукоплескала, пока Жаров не поднимал руку. В зале вновь воцарялась тишина, а затем откуда-то с небес разливался сначала едва слышный, но с каждой секундой всё больше и больше набирающий силу густой и приятный звук серебристой октавы. Зал робко аплодировал, узнавая произведение, — одну из протяжных русских духовных песен, требующих характерных, сложных приемов исполнения.

Как же певцы добивались такой широко льющейся непрерывности мелодии? Во всем была заслуга маленького регента! Это он научил исполнителей пользоваться цепным дыханием и распевностью звука на одном слоге, не только естественно возникавшими у певцов из желания любоваться красотой мелодии, богатством хоровой полифонии, чистотой тембра человеческого голоса, но и способствовавшими выявлению психологической сущности исполняемой песни, ее выразительности.

Песнопение обязательно вызывало ответное сопереживание у слушателей. Газеты того времени писали: «Хор Жарова — это феномен, обладающий сакральной энергетикой. Казалось, Жаров парил над своими солистами. Его энергетика каким-то невероятным образом передавалась каждому музыканту. Все исполняли так, как будто никогда и нигде так не пели и вообще поют в последний раз».

Со стороны зрительного зала было видно только, что хор поёт без нот, а дирижер, не используя ни пюпитр, ни капельмейстерскую палочку, стоит перед хором и пристально смотрит на казаков. Но если взглянуть на Жарова со стороны кулис, то легко можно было заметить, что регент дирижирует глазами, мимикой и едва уловимыми движениями пальцев. Иногда он сам запевал и тут же давал второй, третий голос другим. Кому-то бросал один палец и получал нужную мелодию, затем выставлял три пальца и получал аккорд, а когда вверх едва заметно поднималась ладонь, хор извергал из себя такое громогласие, что, казалось, зал сорвется со своих мест и улетит. Но никто никогда не видел, чтобы Жаров размахивал руками. Не зря газеты и журналы писали о нём как о «безруком дирижёре».

Второе отделение концерта в Гааге, как обычно, началось с исполнения русских песен. Жаров испепелил певцов грозным, огненным взглядом, а затем подал им скупым жестом какой-то каббалистический знак. Тенора тихо, как будто откуда-то издалека, начали выводить «Эй, ухнем». Хотя они пели едва слышно, зрители легко представили излучину Волги, где сквозь камыши бурлаки тянут огромную баржу. Постепенно к тенорам присоединялись всё новые и новые голоса, пока в строй не вступили басы — октавы. Вдруг все почувствовали, что баржа поравнялась со зрительным залом и готова снести его вместе со зданием театра. Однако виртуальная баржа плавно проплыла мимо, и мелодия стала тише, пока не угасла совсем. Последнее «Эй, ухнем» донеслось откуда-то издалека, и тенора умолкли. Публика долго не аплодировала, погруженная в оцепенение. Затем раздались оглушительные овации. Пораженные слушатели вскакивали с мест с криками: «Волга-ботман!» Так называли за границей русскую песню «Эй, ухнем».

После Гааги последовал Роттердам, где в лютеранском соборе собрались более двух тысяч человек. Несмотря на то что казаки выступали в храме, танцоры и там исполнили украинский гопак, вызвавший бурю восторга. Голландские журналисты давно подметили, что на концерты Жарова, особенно после рабочего дня, люди приходили хмурые, отчужденные, а по окончании представления становились внимательными, общительными и добродушными. Всё понимали, что настоящее искусство делает их лучше!

С большим успехом хор Жарова выступил в Карнеги-холле 29 июля 1955 года. Все деньги от благотворительного концерта пошли в фонд помощи нуждающимся русским, оказавшимся в США без средств к существованию. Организатором концерта стал отец Александр Цуглевич, оказавшийся когда-то в чужой стране без знания языка и денег, но добрые люди спасли его от голодной смерти. Отец Александр и князь А. А. Друцкой организовали Свято-Никольский фонд помощи православным, попавшим в тяжелую ситуацию за границей. Многих они спасли от нищеты и самоубийства.

В этой богоугодной деятельности приняли участие и донские казаки, регулярно дававшие благотворительные концерты в поддержку фонда. В русскоязычных американских газетах можно было встретить такие объявления: «Посетив этот концерт, вы, кроме получения удовольствия, сделаете благое дело, внося свою лепту в Свято-Никольский фонд, который помог уже более 1000 обездоленных, нуждавшихся в крыше над головой и моральной поддержке. Сегодня фонд готовится к принятию новых сотен, а

быть может, и тысяч, чтобы протянуть им руку помощи, выслав ашурансы».

Восьмого октября 1955 года хор дал концерт в столице герцогства Люксембург. Газеты об этом событии писали: «26 донских казаков завоевывают мир». А программа на немецком языке имела следующее содержание: 14 номеров, из которых 4 первых — церковные песнопения. Концерт открылся сочинением Бортнянского «Тебе, Бога, хвалим» в аранжировке Сергея Жарова. Вторая часть началась с арии Ивана Сусанина из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», аранжированная К. Н. Шведовым. Затем последовали казачьи песни — марш кавалерии с изумительной имитацией топота копыт скачущих лошадей. Третья часть состояла из кавказских мелодий и казачьих песен. Закончился концерт искрометным выступлением двух молодых танцоров — Бочко и Зацепина.

Собравшиеся в зале 2200 человек неистовствовали после каждой песни. А иной раз пение заканчивалось, а зрители, зачарованные, на несколько секунд застывали, чтобы потом, очнувшись, наградить артистов громом рукоплесканий. После концерта восторженные слушатели долго не отпускали хористов, пока те не исполнили три песни на бис. Только после того как конферансье пообещал, что хор Сергея Жарова вернется к ним в январе 1956 года с новой программой, люди стали расходиться.

В одном письме русского эмигранта из Люксембурга об этом событии остались такие строки: «Это выступление долго не будет забыто. Один критик назвал Жарова волшебником. Мы, немногочисленные в стране русские, не избалованные такими вечерами, в отличие от русских в Париже или Брюсселе, получили высокое духовное удовольствие, к которому примешивалось, правда, горькое чувство нашей оторванности от родной русской земли».

В чикагском Оркестр-холле хор триумфально выступил 19 февраля 1956 года. К началу концерта всё огромное помещение заполнили зрители. Исполнение открылось песнопением «Верую» композитора А. Д. Кастальского. С первых нот слушатели почувствовали мощь хора, его удивительную энергетику и красоту. Русские эмигранты сразу уловили в мелодии мотивы родного края — Древней Руси. Во время исполнения знаменитого псалма «Блажен муж» перед внутренним взором многих предстал образ Киево-Печерской лавры — колыбели христианства на Руси. Словно из мрака, явились золотые купола церквей, а потом и преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские — первые подвижники, основатели обители и монашества на Руси. А за ними сонмы черноризцев — будущих насельников бесчисленных монастырей, ставших духовной основой

национальной мощи Киевской Руси...

Солист хора тенор Владимир Магнушевский своим исполнением вознес хорошо знакомый верующим псалом на небывалую духовную высоту, продемонстрировав всю глубину и проникновенность русского церковного пения. После «Блажен муж» прозвучала песня «Киев» на слова А. С. Хомякова: «Слава, Киев многовечный, русской славы колыбель! Слава, Днепр наш быстротечный, Руси чистая капель».

Затем с необыкновенной торжественностью был исполнен фрагмент из патриотической увертюры П. И. Чайковского «1812 год». Это грандиозное произведение особого рода написано в память о победе России в Отечественной войне 1812 года и предназначено для большого состава симфонического оркестра. Оно пользуется огромной популярностью во всем мире благодаря своему эффектному характеру: для убедительного изображения финальной победы русского оружия композитор использовал колокольный перезвон и пушечный салют. Увертюра требует для полноценного звучания огромных помещений — не случайно ее премьера в 1882 году прошла в храме Христа Спасителя в Москве.

Жаров выбрал для исполнения одну из важнейших тем увертюры — молитву о даровании победы. Музыка проникновенно донесла до слушателей, как смиренно молится русский народ во время нашествия Наполеона, как горячие молитвы приближают русских солдат ко Всевышнему перед Бородинским сражением. Бархатные басы призывали людей к чему-то лучшему, светлому во имя спасения многострадальной Родины. Когда же прозвучали слова: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое», все слушатели почувствовали, что речь идёт не о 1812 годе, а о современности. Музыка П. И. Чайковского то и дело переливалась густыми, низкими басами, то окрашивалась высокими тенорами, переходящими почти в сопрано, то усиливалась баритональным звучанием.

После духовной части второе отделение концерта открылось мелодией из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» в аранжировке К. Н. Шведова. Казалось, что на сцене не хор, а самый настоящий симфонический оркестр. Могучие голоса казаков заменяли любой музыкальный инструмент. Борис Морозов блестяще исполнил арию Ивана Сусанина. Искусство этого солиста многим напомнило пение Фёдора Шаляпина.

После короткого перерыва третье отделение началось с русских народных песен. Особое восхищение публики вызвала песня «Калинка», а также «Вдоль по Питерской» в исполнении бывшего солиста Киевского

оперного театра Игоря Зайферта. Оценили зрители и песню «Провожанье», блистательно представленную солистами Архипом Левченко и Борисом Белостоцким в сопровождении хора.

А когда зазвучали казачьи песни, пробуждающие воспоминания о широком, тихом Доне, зал наполнился глубокой тоской по родным местам, по Руси, навсегда ушедшей в небытие. Но вскоре бравурная мелодия «Ой, заскучал лихой казак по Дону» вывела всех из меланхолического состояния. В неописуемый восторг слушатели пришли от песни «Полюшко-поле». Эта мелодия, благодаря Сергею Жарову, стала своеобразным гимном казачьей армии в эмиграции. Не были забыты и песни запорожских казаков. В исполнении солиста Ройко прозвучала песня «Закувала та сива зозуля». А бисировали три песни, в том числе многим полюбившуюся «Сердце, тебе не хочется покоя!» И. О. Дунаевского на слова В. И. Лебедева-Кумача.

Четвертого марта 1956 года состоялся знаменитый концерт хора в Вашингтоне, транслировавшийся по радио «Голос Америки» не только на все республики Советского Союза, но и на все страны социалистического блока. 18 марта, по случаю отъезда хора в Японию, в соборном храме Христа Спасителя, основанном русскими эмигрантами в Нью-Йорке, после Божественной литургии настоятель храма протоиерей Фёдор Михайлов отслужил торжественный молебен. Отец настоятель произнёс вдохновенную проповедь, посвященную посту и покаянию, а перед молебном обратился с задушевными словами к Сергею Жарову и хору, в полном составе присутствовавшему в храме. В качестве почетного гостя на молебне был приглашён и хор Б. В. Разумовского. По окончании службы Донской хор исполнил два песнопения: «Блажен муж» и «Тебе, Бога, хвалим».

После молебна в церковном доме состоялось уютное и по-домашнему сердечное чествование донских казаков во главе с регентом, устроенное по инициативе сестричества храма и Общества помощи русским военным инвалидам зарубежья в Америке. С проникновенной речью выступил Донской атаман генерал-майор И. А. Поляков, пожелавший хору и в будущем высоко и крепко держать русское национальное знамя, нести по всему свету славу русской и казачьей песни. От имени хора благодарственные слова произнесли Сергей Жаров и солист Владимир Магнушевский.

Двадцатого марта хор вылетел в Сан-Франциско, откуда, после нескольких концертов, через столицу штата Гавайи Гонолулу отправился в Японию.

Япония

В 1954 году некий господин Акира Дзин основал Ассоциацию друзей искусства специально для того, чтобы пригласить в Японию Донской казачий хор. Вместе со своими друзьями из Маньчжурии Акира Дзин разработал и план гастролей, а при содействии одной из крупнейших японских газет — «Майнити симбун» добился того, что 27 марта 1956 года хор прибыл в Страну восходящего солнца.

Вылетев из Гонолулу в Токио японской авиакомпанией, казаки были изумлены уровнем сервиса на борту. Казалось, было предусмотрено всё, каждая мелочь. Всем пассажирам выдали белые туфли, чтобы во время полёта ноги могли отдохнуть без обуви. Никто из хористов не знал, что, по японскому обычаю, перед завтраком, даже в самолете, обязательно нужно умыться, поэтому стюардессы раздали пассажирам горячие полотенца — в то время это казалось верхом изысканного комфорта. Казаки с наслаждением освежили лицо и руки после сна. Вот как вспоминал перелет администратор хора Владимир Магнушевский: «А дальше стали нас кормить, да как! Кухня превосходная!»

В аэропорту Токио певцам устроили грандиозную встречу. Хор приветствовали более тысячи поклонников. Многие принесли пластинки, чтобы Жаров или кто-нибудь из хористов сразу подписали их. К удивлению Сергея Алексеевича, в толпе оказалось очень много детей. Маленькие японцы, одетые в национальные костюмы, держали в руках цветы. Каждый ребенок сам вручал регенту свой букет, а в знак благодарности он в свою очередь должен был каждого мальчика или девочку поблагодарить и поцеловать. Трогательную церемонию японцы сняли на киноплёнку и потом показывали на всю страну в кинохронике. Кроме того, в аэропорту собрались более сотни фотографов и журналистов. По воспоминаниям того же Владимира Магнушевского, «цветов было столько, что их хватило бы на целый концертный сезон».

Сразу после встречи в аэропорту епископ Токийский и Японский Ириной (Бекиш) отслужил торжественный молебен, а затем, по русскому обычаю, казакам поднесли хлеб-соль. А в кафедральном соборе Японской православной церкви их встретили колокольным перезвоном. После короткого отдыха и банкета, специально для японской службы теленовостей, хор исполнил две японские и одну русскую песню.

Выступления донских казаков в Японии превзошли все ожидания.

Русские музыканты стали первыми западными артистами, удостоившимися чести показать своё искусство в императорском дворце в Токио. Чтобы оценить значение этого события, нужно знать, что территория Высочайшей резиденции в то время была наглухо закрыта для всех европейцев и ни один иностранный творческий коллектив не был туда допущен.

Но почему все-таки японский императорский двор пригласил во дворец именно Донской казачий хор? Дело в том, что Сергей Алексеевич прислушался к совету своего друга — секретаря правления РООВА (Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке) Тимофея Аввакумовича Березного, подсказавшего сделать следующее. Когда хор будет в древней столице Японии Киото, отправиться на могилу императора Мейдзи, основателя правящей династии, и отслужить там краткую панихиду с обязательным возложением венка. Православный обряд, совершенный у гробницы усопшего императора, да к тому же с церковным песнопением, вызвал неслыханное ликование японцев. Интерес к хору возрос многократно.

Гастроли продолжались с невероятным успехом с 27 марта до 9 мая 1956 года. За семь недель коллектив выступил 31 раз в таких городах, как Токио, Хамамацу, Такарадзука, Хакодате, Сэндай, Уцуномия, Мацумото, Корияма, Кавасаки, а также на островах Сикоку и Кюсю.

Выступления транслировались по радио и телевидению. Почти в каждом городе жаровцев встречали местный хор и представители исполнительной власти. За свою 35-летнюю историю певцы не помнили такого внимания к себе со стороны государственной власти какой-либо страны. Жаров писал в одном из писем из Японии: «Здесь всё необычно. Необычная любезность, доведенная почти до крайности, конечно, поразила нас, приехавших из Нью-Йорка. Дети поражают и восхищают. За три недели нашего пребывания в этой стране ещё никто из артистов хора не видел плачущего или капризничающего ребёнка, а детей мы видим всюду: на улицах, в поездах, на вокзалах и даже у себя в артистических комнатах, когда малышки от 3-х до 6-летнего возраста переодеваются или готовятся и репетируют свой выход на эстраду, чтобы преподнести хору цветы. Были случаи, когда до 40 девочек выходили на эстраду. И вот вообразите церемонию: каждая из них, слегка подмазанная, нарядная, как куколка, с низким поклоном, склоняясь почти до полу, вручает букет!!!»

Организаторы концертов старались как можно ближе познакомить гостей со страной. Донские казаки побывали в лучших японских театрах, встречались со знаменитыми артистами, писателями, художниками и общественными деятелями. Почти каждый день осматривали

достопримечательности или посещали святые места.

В Хиросиме солисты возложили цветы к только что открытому монументу «Пламя Мира» в мемориальном парке, построенном архитектором Кэндзо Тангэ и посвященном жертвам атомной бомбардировки города. Парк расположен на территории бывшего округа Накадзима, полностью уничтоженного ядерным взрывом. Сохранился лишь единственный, оставшийся в самом эпицентре остов здания Выставочного центра торгово-промышленной палаты Хиросимы ныне всемирно известный купол Гэмбаку.

В тот же вечер казаки дали в Хиросиме грандиозный концерт, запомнившийся жителям города на долгие годы. А еще через день они выступили в городе Фукуока, где в спортивном зале собрались более 10 тысяч слушателей. Там же Жаров получил из Токио телеграмму: «Получасовое выступление перед императором в 3 часа пополудни 28 апреля». Сообщение оказалось полной неожиданностью для всех, особенно для японских сопровождающих, потому что ни один русский артист никогда не выступал перед Тэнно, сыном небес, японским императором. Это была великая честь для хора.

А как почитают японцы своего императора, казаки видели своими глазами во время одной из многочисленных поездок по стране. Вот что писал Жаров своему другу: «Хор ехал из Осаки в Хиросиму. Навстречу нашему поезду двигался Императорский поезд, и по пути следования этого поезда мы видели по обеим сторонам полотна железной дороги на протяжении километров сорока: крестьян, рабочих, школьников с флажками, жителей городов. Все они часами ждали, когда пройдет поезд, надеясь увидеть Императора».

Незабываемое впечатление на всех хористов произвело посещение театра кабуки — традиционного театра Японии, представляющего синтез пения, музыки, танца и драмы. Актеры кабуки используют сложный грим и костюмы с большой символической нагрузкой. После представления регент и все певцы были представлены артистам театра. В свою очередь японские актеры посетили концерты Донского хора.

Только в самом большом зале японской столицы состоялось шесть концертов, причем все билеты на все выступления были проданы за считанные часы. Хор встречали восторженными овациями. После выступления в Императорском дворце на его выступлениях побывали вся японская элита и высшее командование американской оккупационной армии, не говоря уже о русских эмигрантах, живущих в Стране восходящего солнца. Во всех газетах и журналах публиковались

восторженные статьи о гастролях музыкального ансамбля. Особым успехом пользовались две песни, исполняемые хором на японском языке. Их то и дело транслировали по радио и телевидению.

Вот что рассказывал Жаров в одном из интервью о поездке в Японию: «Такого грандиозного приема за 35 лет мы не видели нигде. Как только мы ступили на японскую землю, нас встретили многие тысячи людей, были речи и цветы — мы утопали в цветах. И так было в каждом городе страны, где мы пели. Среди встречавших всегда было много детей. Нас бесконечно умиляло, когда дети в возрасте от 3 до 7 лет после одного концерта поднялись на сцену, и каждый ребенок положил у ног хористов и моих по огромному букету цветов. Вообще же, приём в Японии носил поистине общенародный характер, ибо нас приветствовали даже представители профессиональных союзов, объединяющих сотни тысяч людей. Певческие организации страны поднесли мне регентское одеяние. По приглашению японского императора мы пели во дворце. Принимала нас императрица со всей семьёй. Благодаря меня за концерт, императрица поднесла мне серебряную вазу. Подарки мы получали везде в Японии».

В один из воскресных дней, а точнее, 1 апреля 1956 года хористы посетили Токийский кафедральный собор, где присутствовали на Божественной литургии, совершенной епископом Токийским и Японским Иринеем, а 7 мая, вернувшись из гастрольной поездки по стране, хор дал знаменитый концерт в пользу Токийского православного кафедрального собора, известного также под названием Никорай-до. Главный храм японской православной церкви был заложен в марте 1884 года по проекту русского архитектора М. А. Щурупова, выпускника Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге. Собор был воздвигнут на холме Суругадай, рядом с русской миссией, и освящен в феврале 1891 года. Благодатное посвящение Богу было приурочено к визиту в Японию наследника российского престола Николая Александровича, будущего царя Николая II.

Токио — Фукуока

Япония всегда притягивала Сергея Жарова. Ещё в годы учебы в Московском синодальном училище он прочитал опубликованные письма святителя Николая Японского о духовной жизни в Стране восходящего солнца. Они произвели на него неизгладимое впечатление. Он также очень любил путевые заметки о Японии русского писателя И. А. Гончарова, вошедшие в его знаменитую книгу «Фрегат «Паллада». Писатель сравнивал эту «страну чудес» с «запертым ларцом», который русским путешественникам ещё только предстоит открыть. Во время пребывания в Японии Гончаров то и дело спрашивал себя: «Что это такое? Декорация или действительность? Какая местность... всё так гармонично, так не похоже на действительность, что сомневаешься: не нарисован ли весь этот этюд?»

Знания о Японии, почерпнутые из книги очерков «Фрегат «Паллада», пригодились Жарову при встрече с прославленным итальянским композитором Джакомо Пуччини, состоявшейся в 1923 году. Осенью того же года в Вене хор был приглашён на закрытый концерт к итало-австрийскому финансисту и банкиру, самому богатому человеку в Центральной Европе во время Первой мировой войны, внесшему большой вклад в развитие военной авиации, — Камилло Кастильони, покровителю различных искусств, в том числе музыки. С 1922 года Кастильони являлся одним из главных держателей акций компании BMW, и его голос в совете директоров в дальнейшем оказался решающим в вопросе переориентации компании в Эйзенахе на автомобилестроение. Услышав на закрытом концерте ещё никому не известный казачий хор, Пуччини пришёл в восторг. Он несколько раз уговаривал Жарова спеть то одну, то другую знакомую ему русскую песню. Знаменитый итальянец пригласил регента посетить Милан и обещал со своей стороны всяческое содействие. Надо сказать, Джакомо Пуччини сдержал слово! Уже через несколько дней донские казаки получили от консерватории имени Верди в Ломбардии приглашение на два концерта. Там же, в Милане, Жаров, по приглашению Пуччини, слушал оперу «Чио-Чио-сан» («Мадам Баттерфляй»), правда, уже виденную им в Москве.

Впервые в России опера была поставлена в 1908 году. Сюжет ее хорошо известен: из-за любви к американскому военно-морскому офицеру Пинкертону юная красавица гейша Чио-Чио-сан отказывается от своей веры и принимает христианство. Заканчивается опера трагической гибелью

бедной обманутой девушки. Это была одна из любимых опер Сергея Жарова. Она когда-то пробудила его интерес к загадочной стране — Японии. Сергею Алексеевичу было очень лестно, особенно тогда, в далеком 1923 году, познакомиться с таким прославленным композитором, как Джакомо Пуччини. В своих многочисленных интервью в Японии он не раз вспоминал о встречах с ним.

Сегодня в церковном доме кафедрального собора Воскресения Христова в Токио можно увидеть фотографии, развешанные на стенах и датированные 1956 годом. На них Сергей Жаров. Многолетняя сотрудница храма А. В. Долгова рассказала авторам книги, что её мать и Сергей Алексеевич участвовали в Таинстве Крещения четверых японских детей в качестве крестных. Один из мальчиков был наречён Сергеем, в честь своего знаменитого крестного отца, и тоже стал регентом весьма успешного японского хора. Он до сих пор исповедует православие. Авторам книги через Ариану Владимировну удалось связаться и побеседовать с ним по телефону.

Восприемником одного из японских детей также стал солист хора Владимир Василевский, обладатель знаменитой окладистой бороды. Выбран в крестные он был неслучайно — его отец был священником.

В 1956 году Жаров был награжден благодарственной грамотой епископа Токийского и Японского Иринейя за духовное подвижничество: «за усердные труды на пользу православной церкви Японии». Владыка отметил, что за тысячу лет Русская православная церковь сотворила исключительное благолепие церковного богослужения и хор донских казаков бережно хранит и совершенствует это чудо: в его церковных песнопениях отражается и величие божественных устремлений человека, и горечь переживаний страдальческой жизни русского народа, и надежды верующих на будущее улучшение их судьбы.

Для большинства японцев концерты Донского хора стали первым прикосновением к музыкальной культуре России. В Японии есть поговорка: «Кто поёт, о зле не думает». «А если русские так поют, разве они могут думать о зле?» — спрашивали себя японцы. Жаровцы заставили их понять и полюбить русское песнопение, а значит, и народ, создавший такие замечательные мелодии. Донские казаки показали японцам настоящую Россию. Казаки тоже открыли для себя загадочную страну — страну глубочайшей древней культуры.

На всех концертах их встречали горячими аплодисментами, как старых, давнишних знакомых. Как только сцена заполнялась певцами, аплодисменты умолкали. Наступало напряжённое молчание, но публика

чувствовала, что со сцены веет скрытой силой. И вот помещение огромного зала наполнялось потрясающей мелодией. Концерт начинался церковным песнопением «Верую» на музыку А. Т. Гречанинова. Сначала голоса взрывались неслыханной мощью, потом словно теряли силу, но приобретали загадочную глубину и таинственность, тембрально окрашиваясь, переходя от форте к пианиссимо. Затем долго-долго, почти без перерыва, звучал речитатив тенора, тихо переливаясь аккордами в аккомпанементе хора. В финале чуть слышное пианиссимо неожиданно срывалось в мощное форте: «...И жизни будущего века. Аминь!» За песнопением «Верую» следовал псалом «Блажен муж» знаменного распева. Псалом Давида...

Русская церковная музыка произвела на японцев сильнейшее впечатление, можно сказать, они утонули в восторге и восхищении, но при этом, особенно в первом отделении концерта, зрительный зал оставался словно загнипнотизированный. На следующий день японские газеты вопрошали: «Откуда такие звуки, такая мощь в форте и такое дивное звучание в пианиссимо?»

Ответ был прост: всему виной — регент Сергей Жаров. Только он умел добиться от хора такого глубокого и слаженного звучания. Порой казалось, что он ткал музыку из воздуха. Японские журналисты называли его кудесником, не знавшим предела голосовым возможностям своих хористов. Каждая нота песнопения передавала полноту и щедрость артистического переживания, стихийность волеизъявления, крутой и сильный разворот страстей. Японцам всё это очень импонировало и находило горячий отклик в их душах.

Второе и третье отделения концерта, как обычно, состояли из романсов, казачьих и русских народных песен. Наибольший восторг вызывали «Две песни русской армии» в аранжировке К. Н. Шведова и «Полюшко-поле». Правда, из присутствующих, кроме Жарова, никто не знал, что песня «Полюшко-поле» была написана в 1933 году советским композитором Л. К. Книппером на слова поэта-коммуниста В. М. Гусева и посвящена подвигу бойца-комсомольца, погибшего за дело революции в Крыму в 1920 году, сражаясь с белыми казаками.

Песня «Полюшко-поле» в аранжировке Сергея Жарова начиналась с виртуозной имитации звуков едва слышимого вдалеке топота лошадиных копыт, постепенно нараставшего. Возникла иллюзия, что со сцены прямо на публику легкой рысью скачет конный отряд, за полторы минуты пронесшийся по залу и исчезающий где-то вдали. Цоканье копыт медленно замирало. Японцам очень понравилась эта песня. Потом она

часто звучала в Токио по радио и телевидению не только на русском, но и на японском языке.

После каждого концерта публика не желала расставаться с артистами. Как правило, выступление заканчивалось казачьими плясками в исполнении танцоров Николая Бочко и Виктора Зацепина, а затем Жаров бисировал несколько песен. И даже после этого публика не спешила расходиться. Благодарные слушатели требовали продолжения. После каждого концерта аплодисменты не смолкали 40–50 минут. Повсюду слышались громкие выкрики «браво, бис, бис, браво». Жаровцы раскланивались, уходили со сцены, но потом, растроганные таким приёмом, возвращались и, подчиняясь железной воле своего регента, басы начинали, а фальцет подхватывал до боли знакомое всем: «Однозвучно гремит колокольчик...»

В одном из писем Жаров признавался: «Такого почета, что имеем в Японии, хор не видел за свой долгий, 35-летний период существования. Организаторы наших концертов стараются, чтобы мы основательно познакомились с их страной. Мы посещаем лучшие театры, знакомимся с прославленными японскими артистами, писателями, осматриваем достопримечательности городов, и даже находится время, чтобы посетить святыни Японии. В Хиросиме возложили цветы к памятнику жителям города, погибшим от взрыва атомной бомбы. Этим шагом мы выявили свою симпатию городу, в котором пели, в котором был торжественный концерт. Вчера в Фукуоке 10 000 присутствовали в спортивном зале. После концерта целый час держала меня толпа в зале, с трудом освободили меня устроители концерта».

Снова Австралия и Новая Зеландия

После роскошного прощального банкета в Токио в присутствии епископа Иринея и представителей русской и японской общественности 11 мая 1956 года Донской казачий хор вылетел на гастроли в Австралию. В аэропорту хористов провожали несколько сотен человек, среди них были и знаменитые гейши.

На следующий день самолет благополучно приземлился в самом крупном городе Австралии — Сиднее. Встречающих было более четырехсот человек, большинство русские эмигранты, заброшенные волею судеб на далекий материк. А среди них семь бывших участников хора, обосновавшихся в Австралии в 1927 и 1930 годах. Как всегда, по русскому обычаю прилетевшим уже у трапа самолета поднесли хлеб-соль. В Австралии жило много русских и украинских колонистов, среди них около семи тысяч казаков, в основном выходцев с Дальнего Востока — Приморской области и Маньчжурии.

Тринадцатого мая в знаменитом Сити-холле, в присутствии членов австралийского парламента, хор был принят мэром Сиднея лордом Хиллом. Во время коктейля от имени музыкального коллектива выступил администратор Владимир Магнушевский (Жаров простудил горло в самолёте, выпив холодной воды, и говорить не мог), искренне поблагодаривший мэра и всех присутствующих за внимание, оказанное русскому искусству. После его речи хор пропел собравшимся «Многая лета». При содействии лорд-мэра была организована встреча Жарова с двумя граммофонными компаниями — *Philips Records* и *Deutsche Grammophon Gesellschaft*.

А на следующий день начались концерты. Билеты на все 12 представлений были раскуплены. Сиднейский театр «Тиволи» на две тысячи мест не вмещал всех желающих. Газеты, захлебываясь от восторга, комментировали каждое выступление. Австралийцев пленили такие песнопения из православного обихода, как «Отче наш», «Верую», «Херувимская песнь» и многие другие. Почти все зрители впервые услышали великолепные литургические произведения таких русских композиторов, как Д. С. Бортнянский, А. Д. Кастальский, А. Т. Гречанинов, К. Н. Шведов, П. Г. Чесноков и, конечно, П. И. Чайковский и С. В. Рахманинов.

Критики сравнивали хор с органом, «октава» которого была подобна

музыкальному диапазону этого инструмента, однако, по их мнению, никакой орган не мог «взять» такие «верхи», как тенора Жарова, и тем более придать звуку металлическую окраску. У публики порой создавалось впечатление, что регент заставлял своих теноров «забираться в стратосферу». А что уж говорить о фальцетах? Они были главной изюминкой хора и заслужили самые восторженные похвалы. Большинство из них без труда справлялись с такими сложными гармоническими модуляциями, с такими переходами из тональности в тональность, что казалось — этого от человеческого голоса добиться невозможно.

После первого концерта в Сиднее, на котором присутствовала значительная часть русской диаспоры, певцы, отколовшиеся от хора 30 лет назад и оставшиеся на пятом материке, во главе с полковником А. Горбовым преподнесли Жарову лавровый венок.

В честь хора 26 мая в Русском клубе Сиднея был устроен торжественный приём, где певцы встретились со старыми и новыми знакомыми. А уже 27 мая хор на десять дней вылетел в Мельбурн, где дал несколько концертов. Увы, в Австралии даже духовную музыку Чайковского почти никто не знал! Поэтому русские церковные музыкальные шедевры стали для многих настоящим открытием и приводили публику в неопиcуемый восторг! Местные газеты писали: «Донской казачий хор завоевал признание как виртуозностью и звуковой колоритностью своего пения, так и проникновенным исполнением русских церковных произведений».

Затем последовали города Аделаида, Перт, Брисбен... Всё было бы хорошо, если бы не погода. В Австралии в это время года стояла зима и почти ежедневно шёл холодный дождь, что скверно отражалось на здоровье и самочувствии артистов. Многие из них простудились, и в коллективе, несмотря на моральный и финансовый успех, ощущалась сильная усталость. В одном из городов в гостинице было так сыро, что Жаров потребовал от администрации обогреватель, и ему принесли откуда-то старую электрическую грелку, чуть не спалившую номер. К счастью, начавшийся пожар удалось вовремя потушить. А двое хористов, чтобы не замерзнуть, набрали в пустые бутылки из-под вина горячую воду и, обложившись ими, так и спали. Хор давно не мог припомнить таких тяжелых гастролей за последние 30 лет, но по сравнению с Чилингиром все неудобства казались пустяками.

С 1 по 21 июля хор гастролировал в Новой Зеландии. Если в Париже или Нью-Йорке большая часть зала заполнялась русскими эмигрантами, то в Новой Зеландии их практически не было, но тем не менее интерес к

русскому хоровому пению оказался огромным.

По общему мнению новозеландских музыкальных критиков, хор олицетворял собой мощный собирательный образ Земли Русской и народа, её населяющего. И хотя все понимали, что донское казачество составляет лишь малую часть многонационального народа, в их песнях всё равно можно было почувствовать мощь великой России. Один из новозеландских журналов писал: «Полюбить, понять русскую песню — значит понять сам народ, создавший эти восхитительные песни, понять и полюбить настоящую Россию, русский народ. Россия и русский народ — это сплошная, непрерывная певучесть во всех событиях жизни народа. И не зря говорят, в песне — душа народа, его большое сердце».

Новозеландцы с большим интересом следили, как в самом начале каждого представления из-за кулис с двух сторон выходили шеренги казаков. Построившись на сцене, хористы, щёлкнув каблуками, поворачивались к зрительному залу. Потом, под аплодисменты публики, на сцене появлялись следующие шеренги и проделывали то же самое. Только после того как все певцы занимали свои места, появлялся Сергей Жаров.

Он быстрыми шагами направлялся к подиуму, но на полдороге, под оглушительные аплодисменты публики, застывал, раскланивался, а затем продолжал свой путь, но уже не так стремительно. Полупрыжком взлетев на подиум, он снова раскланивался. Когда регент поворачивался к хору лицом, все в зрительном зале чувствовали, как его маленькая фигурка сжималась, словно превращаясь в сгусток энергии. Резкий поворот головы, едва уловимый взмах руки — и тело, словно сжатая, а потом отпущенная пружина, на носках устремляется навстречу хору. Раздаётся мощный звук — русское церковное песнопение заполняет всё пространство. Кажется, что петь так, с такой самоотдачей невозможно...

25 июля казаки вернулись в Сан-Франциско, дав по дороге через Тихий океан на Гавайских островах один концерт на закрытой площадке. Туземные девушки надели на всех певцов большие венки из живых цветов, а на маленького регента такой огромный, что из зрительного зала было почти не видно, как он дирижировал.

Глава 9

ЖАР-ПТИЦА

Двенадцатого мая 1957 года, в 10 часов утра, в Нью-Йорке, в Свято-Покровском русском православном кафедральном соборе, прошла Божественная литургия, которую совершил архиепископ Токийский и Японский Ириней. В конце богослужения владыка торжественно вручил благословенную грамоту Большого собора епископов регенту Донского казачьего хора Сергею Жарову за его многолетние миссионерские труды по ознакомлению мира с красотами православного богослужения.

Вечером того же дня в Карнеги-холле состоялось грандиозное музыкальное представление с участием хора донских казаков. Концерт собрал весь цвет русской эмиграции в Америке, хотя среди слушателей было и много американцев, изучающих русский язык. Снова оглушительные аплодисменты сорвали танцоры Николай Бочко и Виктор Зацепин, а романс «Однозвучно гремит колокольчик...» бисировали дважды.

По окончании концерта состоялся большой банкет, где играл духовой оркестр. Вокруг изысканно сервированных столов собрались более двухсот человек. Звучали тосты в честь белого казачества и его славных представителей — певцов Донского хора, прославивших неповторимый, самобытный этнос.

После концерта в Карнеги-холле профессор К. Томилин прислал письмо в редакцию газеты «Россия» с вложенным в него стихотворением: «Если Божественным Промыслом нам суждено снова увидеть Россию в ореоле её былого религиозного и государственного величия, то в деле освобождения всего человечества от коммунизма сыграет роль и жаровский хор. Достоевский предсказывал, что «мир спасет красота». Разве жаровцы не разносят весть об этом спасении всему миру?! Боже, сохрани на многие годы жизнь С. А. Жарова, укрепи его силы, дай здоровья и благоденствия всем его славным и верным оруженосцам. Все они вместе высоко подняли знамя поруганного, но великого русского народа».

ЖАР-ПТИЦА

(Посвящается С. А. Жарову)

По голубому поднебесью

Жар-птица дивная летит;
Она своей чудесной песнью
Острей меча врагов разит.

Там атаман казачий правит,
Крылатый хор там песнь поет;
Той песни сам Господь внимает,
Та песня Родину спасет.

Навеки, Жаров, ты прославлен,
Крылатый хор прославлен твой;
Пророкам вещим будешь равен
В народной памяти родной!

Конечно, стихи далеки от совершенства, но включены они в нашу книгу не случайно. Автор стихотворения точно подметил, что белоэмигрант Сергей Жаров «острей меча врагов разит». Его песни как религиозного, так и светского содержания были строго-настрога запрещены в Советском Союзе. Таможня зорко следила, чтобы пластинки с записями хора не попали к советским гражданам и они ничего не знали о музыкальном ансамбле. Имя Жарова было запрещено упоминать в советской литературе и журналистике не только в положительном, но и в негативном контексте. О нём вообще ничего нельзя было говорить.

В начале перестройки, в 1987 году, вышел роман писателя Даниила Гранина «Зубр». Книга посвящена судьбе знаменитого советского биолога и генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского, в 30-е годы жившего в Германии и близко знавшего Сергея Жарова. Информация о Жарове в книге чудовищно искажена, но автора ни в чём винить нельзя: он сам ничего о Жарове не знал. Тем не менее он первый пробил советскую цензурную броню, запрещавшую упоминать даже имя белого эмигранта. Вот что писал Даниил Гранин о взаимоотношениях Тимофеева-Ресовского со знаменитым регентом:

«Дружба была с Сергеем Жаровым. Жаров, дружок его, как раз к революции окончил Синодальное училище. С какими-то казачьими частями мальчишкой эвакуировался за границу. Ткнулся туда-сюда, назад ходу не было. Мыкался он на разных работах, потом в Вене в 1922 году организовал мужской хор. Был он исключительно одаренным музыкантом и оказался к тому же великолепным организатором. В хоре он держал

тридцать шесть человек. Из них тридцать певцов, четыре плясуна, завхоз и он, Жаров. Никаких солистов. И он и остальные хористы получали одинаково. Этим самым исключалась зависть — беда всякого художественного коллектива. Обосновал он это так: если у тебя хороший голос и ты можешь солировать, так кому я буду платить за это, господу богу? Он же, голос, у тебя от бога, бесплатно, божий дар. Дисциплину держал железную. Если кто на спевку придет выпивши, иди прочь.

О Жарове Зубр очень любил рассказывать. И мы любили слушать, потому что ничего не знали о таком явлении, между прочим, примечательном в истории русского искусства. К тому же у Зубра имелось несколько пластинок с записями жаровского хора, и он демонстрировал их, подпевая.

— Они год репетировали программу, а с девятьсот двадцать третьего стали концерттировать и сорок пять лет концерттируют. К концу двадцатых годов стали зарабатывать сколько хотели. Больше немецкого профессора получали. И сверх того получали много, и это «сверх того» шло на стипендии русской молодежи. Помогали детям русских получать образование, становиться на ноги. Сережка Жаров и лады знал, и гласы и сам аранжировал. Программа у него из трех частей была: первая — казацкие песни, вторая — военные, третья — хоровые переложения. Рахманинова прелюды перекладывал, да так, что сам Рахманинов благодарил его. Я вообще против переложений, но тут они меня покорили. Когда они жили в Берлине, там у них была штаб-квартира, каждую субботу устраивали коллоквиум. Музыковеды делали доклады, все крупные музыканты, дирижеры, бывая в Берлине, бывали у них. Писатели их посещали, ученые. Русские, конечно, в первую очередь. Метальников при мне рассказывал им про бессмертие простейших... Ох ты господи, да Метальников, к вашему сведению, еще до революции во Францию уехал и заведовал в Институте Пастера отделом. До него заведовали Мечников, потом Безредка, потом Гамалея и уже потом Метальников. Это же наши корифеи, гордость, полагалось бы знать их... Габричевский у жаровцев на коллоквиумах выступал, Евреинов, Мозжухин, кроме Рахманинова еще такой композитор, как Глазунов. Гречанинова я там слушал... Эти хористы высококультурные люди были. Стравинский к ним наезжал, Роберт Энгель сделал доклад о русском колокольном звоне и о производстве колоколов. Борис Зайцев читал свои рассказы, Ремизов читал, очень занятный писатель Осоргин бывал у них. Ну, натурально, певцы — Держинская, Петров. Был у них Ершов...

Его перебивает один доктор наук, филолог, которому давно уже

невтерпеж:

— А Осоргин, это что же за писатель? Фельетонист?

— Осоргин, к вашему сведению, романист, отличный писатель, роман «Сивцев Вражек» не читали?

Доктору кажется, что он знает литературу, искусство, уж это по его части, и всякий раз убеждается, что о многом понятия не имеет. Он злится. Впервые он слышит о Жарове, впервые о Гречанинове, то есть слышал что-то, вроде как о «Могучей кучке», но вот перед ним сидит человек, который прогуливался с Александром Тихоновичем Гречаниновым по Унтер-ден-Линден. Всякий раз доктор попадает впросак. Никак он не может примириться с превосходством Зубра в разных искусствах, не понимает, что это несоответствие не знаний, а жизни, аналогичное тому, как если бы он пришел на спектакль со второго действия и поэтому не понимает, путается.

Сам Колюша рассказывал жаровцам о боровской методологии естествознания, о популяционной генетике, о том, как помогал Грабарю реставрировать фрески. В 1919 году он расчищал целых три недели каких-то ангелов, трубящих в Дмитриевском соборе во Владимире. Потом у Жарова произошла катастрофа. Переезжал хор на двух автобусах из города в город по горной дороге Америки, первый автобус сорвался в пропасть. Все погибли. Там была жена Жарова и половина хора. После этого они год не выступали... Потом пополнили состав. Конкурс к ним был огромный, со всего мира. Попасть в хор к Жарову было не менее трудно, чем в «Ла Скала». Вакансия у них открывалась только за смертью или выбытием, как в Английском королевском обществе.

Зубр, рассказывая о жаровцах, и восхищался ими, и завидовал возможности попеть в хоре во всю силу своего голоса, который уставал умерять. Широкая грудь его расправлялась, плечи раздвигались, и непривычное мечтательно-счастливое выражение смягчало его черты...»

В приведённом отрывке из романа «Зубр» нет почти ни одного слова правды. О чём это говорит? Только о том, что даже такой мэтр советской литературы, как Даниил Гранин, ничего не знал о Сергее Жарове. Но мы благодарны Даниилу Александровичу за то, что он первым в современной России написал о Жарове, и миллионы читателей впервые услышали об этом человеке и его знаменитом хоре.

Правда, отдельные читатели узнали о Жарове из знаменитой книги «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, опубликованной на Западе в 1973–1975 годах, а в Советском Союзе лишь в 1989—1990-м, где автор, в частности, писал: «До войны 1941 года ни по каким признакам из наших

газет, из высокой беллетристики, из художественной критики нельзя было представить (и наши сытые мастера не помогли нам узнать), что русское Зарубежье — это большой духовный мир, что там развивается русская философия, там Булгаков, Бердяев, Лосский, что русское искусство полонит мир, там Рахманинов, Шаляпин, Бенуа, Дягилев, Павлова, казачий хор Жарова...»

Из великой книги читатели «тамиздата» и «самиздата» еще в 70-е годы впервые услышали об известном всему миру хоре. Но тех, кто прочитал «Архипелаг ГУЛАГ» в советское время, были единицы: они рисковали лишиться не только благополучия, но порой и свободы.

Настоящих патриотов России всегда манила жажда истины и исторической справедливости, и они шаг за шагом открывали для себя подлинные страницы Гражданской войны, суровых сталинских репрессий, тяжёлых будней белой эмиграции за границей...

«...откуда Дон течёт»

Есть ли другой народ, у которого было бы столько чудных песен? Песня сопровождает каждый шаг в жизни русского человека. «С песней пеленают, венчают, хоронят», — писал Н. В. Гоголь. А великий русский композитор М. И. Глинка считал: «Не мы, а народ — творец музыки. Мы, композиторы, только спускаемся в недра народно-русского сокровища и жадно, но с благоговением черпаем оттуда эту красоту, из потаенных кладезей русско-народной души».

Песни донских казаков призывали рассеянных по всему миру соотечественников к единству, к сохранению чувства национальной гордости, к возрождению утраченной, казалось бы, навсегда русской духовности. Хор Жарова, словно следуя некоему высшему предназначению, должен был сберечь, как в ковчеге Завета, до лучших времён всё то, что создала за многие века Святая Русь, а потом передать бесценное наследие потомству. Благодаря Жарову церковная хоровая традиция в национальной культуре не только сохранилась, но и обогатилась.

Карикатура из американских газет. 1959 г.

Объявление в газете «Россия». США, 1957 г.

В 1958 году о концерте в Симфони-холле, в Бостоне, русскоязычные американские газеты писали: «Трехтысячный зал пришел в восторг от одного только появления Жарова на сцене. Во время концерта иногда казалось, что сама распятая Мать-Россия сошла с креста и незримо витает в воздухе. Своей прелестнейшей, ослепительной белизны, рукой с каплями запекшейся алой, точно рубины, славянской крови на язвах ея гвоздиных благословляет она певцов, а в первом ряду сидят растроганные станичники. Старший из них, урядник, в диком восторге кричит на всю залу: «Слава Богу, что мы казаки! Только вы, братцы, можете завсегда на себе казачий лампас носить, да и людям показывать, — поглядите, какие мы есть! Давай, станичники, давай! Покажите им, откуда Дон течёт!».

Но «откуда Дон течёт», Сергею Жарову в ноябре 1958 года показали американские менеджеры, расторгнув с ним контракт на выступления в

двух городах — Эль-Пасо (штат Техас) и Чаттануга (штат Теннесси). Чем было вызвано расторжение договора? Обострением советско-американских отношений в связи с ситуацией в Северной и Южной Корее. Но при чём тут донские казаки Жарова? Местные менеджеры посчитали, что хор не соберёт зал, а значит, не сделает полный сбор, так как все певцы — русские. Никого не волновало, что без малого двадцать лет участники хора являются гражданами США. Более того, почти все артисты ансамбля во главе с регентом — ярые антисоветчики.

За десятилетия американская пропаганда прочно вбила своим гражданам мысль, что русские и коммунизм — синонимы. До 1917 года Россия в США ассоциировалась с имперским самодержавием и изображалась в виде свирепого медведя, а после Октябрьского переворота превратилась в «мирового коммунистического агрессора». Жарову и хористам было обидно и оскорбительно, что их отождествляют с «диктатурой пролетариата». При этом они ничуть не обижались, когда американцы 4 октября 1957 года поздравляли их с запуском первого искусственного спутника Земли. Поздравления в тот день сыпались со всех сторон, как будто это жаровцы — главные виновники торжества и лично запустили космический аппарат.

Хор в Бостоне исполнил «Блажен муж» (киевского распева), где басы на низких нотах передавали не только земную скорбь, покаяние, смирение, но и надежду на милосердие и спасение. А «Херувимская» (Старосимоновская) уносила всех ввысь. «Отче наш» (в обработке Н. Н. Кедрова-отца), наоборот, опускал с небес на землю.

Как всегда, хор поражал необычайной дисциплиной. Он был послушным инструментом в руках регента: одно едва уловимое движение ладони, поворот головы, выражение лица — и все беспрекословно понимают его и следуют за ним. Дирижер и хор сливаются в одно неразделимое целое, становятся единым телом: голоса в ансамбле были подобраны замечательно. Со стороны могло показаться, что в такой слаженности нет никакого принуждения, насилия, а только светлая радость добровольного подчинения ради высокой цели — стремления к художественной правде и красоте. Однако те, кто бывал на репетициях Жарова, знали, что высочайшее мастерство и организованность достигались жесточайшим диктатом регента по отношению к коллективу.

Газета «Новое русское слово» писала: «Беспредельные и нежные тенора, удивительно глубокие басы и звонкие, как донские жаворонки, баритоны. Всё это переплетается в гармонии, выявляется в мелодии, то вдруг уносится быстрым ритмом, как бурным весенним потоком, то

замедляется в «адажио» и «ленто» и течет, как могучая, широкая степная река. Изумляет способность хора и регента перевоплощаться в одних и тех же духовных песнопениях в концертном зале и в храме. Вне храма они звучат концертно, эстрадно, эффектно, а в храме — сосредоточенно, сдержанно, величаво. В храме нельзя аплодировать, но судить о впечатлении слушателей можно по невольному тяжелому вздоху и по необычной, напряженной тишине, наступавшей, когда кончалось песнопение. Нужно восхищаться казаками, принявшими на себя подвиг выявить и показать всему миру, что есть самое дорогое и ценное у русского народа в его религии — в православии. Из неисчерпаемой сокровищницы церковного русского пения они взяли частичку его и понесли всему человечеству. И человечество не осталось равнодушным — оно преклонилось перед русским величием и славит казаков за то, что сумели сохранить богатство и показать всем, кто судит о народе не по недостаткам его, а по его достижениям, по его высоким стремлениям, — это вселяет веру и надежду в русский народ».

У каждой медали две стороны. Кроме видимой зрителям светлой, лицевой стороны жизни хора, была и обратная, изнаночная, не столь радужная и благостная... На одной из репетиций в 1958 году раздражённый Жаров сделал замечание в грубой форме одному из хористов. Тот на грубость ответил грубостью. Регент потребовал от певца немедленно покинуть репетицию. Вместо этого солист залепил Жарову оплеуху. Что сделал Сергей Алексеевич с исполнителем? Ничего. В течение следующих 15 лет солист пел в хоре.

А газеты продолжали писать: «Народ, воплотивший в себе великие идеи христианства, не раз защищавший их в тяжкие моменты своего исторического существования, выразивший свои идеалы в песнопениях, не может погибнуть, пока живы в нём глубокие источники, наполняющие его духовную жизнь».

Взаимоотношения в хоре были непростыми, но искренними, почти семейными. Все певцы понимали, что их регент — гений, а они без него — ничто! Но при этом каждый участник ансамбля высоко ценил себя и считал, что именно он самый главный солист. Жаров умело распределял певческий репертуар между исполнителями, и, как уже говорилось, все хористы, вне зависимости от качества голоса и «выслуги лет», получали одинаковую зарплату, и только регент — ровно в два раза больше. Такой порядок оплаты не менялся никогда за всю историю хора.

В 1958 году, 23 марта, в Чикаго состоялся 8457-й концерт хора! После этого выступления, по благословению высших иерархов православной

церкви (русской, греческой, болгарской, сирийской), жаровцы решили в мае и июне записать на пластинки богослужения Русской православной церкви, а именно: Божественную литургию, панихиду и важнейшие песнопения Великого поста. Запись должна была проводиться при финансовой поддержке Свято-Никольско-го фонда и Общества друзей русской культуры. Для этого фонд, возглавляемый князем А. А. Друцким, заключил с хором и его руководителем договор о выпуске пластинок с песнопениями православного церковного обихода.

В том же году 25 апреля в одном из лучших отелей Нью-Йорка — «Шератон-Ист», под покровительством великой княгини Ксении Александровны и княжны Веры Константиновны, состоялся бал. В приглашениях было указано, что он приурочен к 95-й годовщине бала, данного в 1863 году в Академии музыки по случаю прибытия в Нью-Йорк русской эскадры под командованием адмирала С. С. Лесовского.

По своему размаху и финансовым затратам тот бал затмил все подобные торжества, когда-либо проводившиеся в США, включая официальный визит принца Уэльского. Если верить популярному журналу того времени «Харпере уикли», во время приема гости съели 12 тысяч устриц, 12 штук сёмги по 30 фунтов каждая, 1200 штук дичи, 250 индеек, 400 кур, 1000 фунтов ростбифа, 100 пирамид пирожных, 1000 хлебов и выпили 3500 бутылок вина. Почему же правительство Америки устраивало столь пышный приём в далеком 1863 году? Потому что во время Гражданской войны между Севером и Югом в США Россия открыто поддержала президента А. Линкольна, направив ему на помощь две эскадры: одна, под командованием адмирала А. А. Попова, вошла в бухту Сан-Франциско в Тихом океане, вторая, под командованием адмирала С. С. Лесовского, защитила подступы к Нью-Йорку в Атлантическом. В результате южане, имевшие военно-морской флот, значительно превосходящий флот северян, не смогли задействовать его, что и предопределило исход Гражданской войны в Америке. Южане рассчитывали на помощь англичан и французов, но те остались безучастны. Европейцы побоялись выступить против русской флотилии. *И хотя* Англия и Франция вместе с Турцией выиграли Крымскую войну 1853–1856 годов, раны они ещё не залечили, а русская флотилия продемонстрировала готовность к новым схваткам — в Калифорнии и на Аляске у России были свои геополитические интересы.

В рамках юбилейных торжеств прошла презентация новой книги А. Г. Тарсаидзе «Цари и президенты: история забытой дружбы», содержащей описание многих интересных событий из истории российско-американских

отношений, в частности, рассказывалось об обращении английского короля Георга III к Екатерине II с просьбой — отправить в Новый Свет казаков для подавления американской революции. Но Георгу III отказали: матушка-государыня сама до смерти была напугана восстанием казаков под предводительством Емельяна Пугачёва. Казаки всегда служили опорой царской власти, но в то же время власть их всегда побаивалась и считалась с их мнением.

Великая княгиня Ксения Александровна очень хотела, чтобы артисты Донского хора присутствовали 25 апреля 1958 года на юбилейных торжествах, и лично пригласила Сергея Алексеевича принять в них участие в качестве почетного гостя.

«Подмосковные вечера»

В 1957 году в Москве прошел VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Песня «Подмосковные вечера», написанная советским композитором В. П. Соловьевым-Седым на слова поэта М. Л. Матусовского, стала торжественным гимном этого грандиозного события. В конце 50-х годов хор под управлением Н. П. Афонского исполнил ее в Нью-Йорке. Немедленно в некоторых русскоязычных газетах появились язвительные заметки о регенте хора Николае Петровиче Афонском, осуждавшие его за пропаганду советских песен в Америке.

А через две недели, словно в поддержку коллеги, на одном из концертов «Подмосковные вечера» исполнили казаки Жарова. Успех был ошеломляющим. Советская песня органично вписалась в репертуарную политику хора. Присутствующие в зале эмигранты из России и приглашенные на концерт советские сотрудники ООН ощутили, что русская культура за границей и внутри страны — единое и неделимое целое!

Но так продолжалось недолго! Когда песня закончилась, белые остались белыми, а красные — красными, хотя и те и другие во время исполнения прониклись любовью к Родине, но для каждого из них она продолжала оставаться только одного цвета.

Главные партии в «Подмосковных вечерах» достались солистам хора Игорю Зайферту, Виталию Крыжановскому, Михаилу Бажанову, Василию Болотину и Архипу Левченко. Еще одна советская песня, завоевавшая большую популярность в Америке, — шуточная «И кто его знает», написанная композитором В. Г. Захаровым на слова лауреата двух Сталинских премий М. В. Исаковского в 1939 году. Для хора Жарова ее специально аранжировал Константин Шведов, включивший в композицию несколько казачьих мелодий. Хор исполнял ее очень проникновенно, с тонким юмором, трогательно подчеркивая наивность и невинность вопросов лирической героини. Как обычно, солировали Георгий Тимченко и Флорент Станиславский.

А когда Жаров в одном отделении концерта исполнил сразу три советские песни: «Полюшко-поле», «Подмосковные вечера» и «И кто его знает», регента поспешили обвинить в «красной» музыкальной пропаганде. На газетные выпады белых эмигрантов Жаров ответил включением в репертуар хора песни на музыку М. И. Блантера и слова М. В. Исаковского

— легендарной «Катюши» (в аранжировке К. Н. Шведова). Правда, слова: «...И бойцу на дальнем пограничье...» солист, лучший жаровский фальцетист Василий Болотин, при исполнении заменял другими: «...И певцу за дальнею границей...». После такой вольности вся песня приобретала автобиографический, ностальгический смысл.

Фаворитами в репертуаре Донского хора в 1958 году оставались «Вдоль по улице метелица метёт...» в исполнении тенора Игоря Коровина, а также «Калинка» в оригинальной обработке Жарова. Знаменитую украинскую песню «Закувала та сива зозуля...» блестяще исполнял Александр Райко, а кавказскую «Молись, кунак» дружно пели всем хором, хотя чистотой голоса всегда выделялся Константин Юркевич.

Виртуозы-танцоры Николай Бочко и Виктор Зацепин, неизменно срывавшие бурные аплодисменты, в последнее время выходили всегда два раза: в русской пляске после второго отделения и в казачьем танце после третьего. Романс «Очи чёрные» в аранжировке Константина Шведова бесподобно выразительно, бархатным басом исполнял Михаил Бажанов. В сделанной с особым вкусом аранжировке К. Н. Шведова звучала и песня «Провожанье» на музыку В. Г. Захарова и слова М. В. Исаковского. Мягкий юмор любовного сюжета с тонким изяществом передавали солисты Архип Левченко и Андриан Яровицкий. Хор, выступая в роли фона, замысловато модулировал голосами, имитируя любовные вздохи и игру гармонии.

А что происходило с частушками в исполнении казачьего хора! Казалось бы, что может быть проще и бесхитростнее этого фольклорного жанра? А у Жарова частушки не только приобретали лирическое обаяние, но и покоряли зрительный зал стихийным разливом народной песенной силы, которой опытный дирижёр очень умело управлял и никогда не позволял ей выйти из берегов.

В программе каждого концерта старые жаровские вещи, как правило, чередовались с новыми — хор непрерывно обновлял репертуар. При этом каждая музыкальная композиция поражала слушателей своей новизной, оригинальной трактовкой, тщательной, действительно ювелирной отделкой... Это был хор и в то же время оркестр, где голоса исполняли партии музыкальных инструментов. Каждый концерт становился большим событием в культурной жизни любого города.

В 1958 году хор обычно заканчивал концерты композицией «Коль славен наш Господь в Сионе». Звучал этот неофициальный гимн Российской империи всегда торжественно и величаво, как гимн всей православной Руси. У Жарова был безупречный вкус — ни одной фальшивой или лишней ноты для украшения исполнения. Регент нигде не

выпячивал свои таланты и не щеголял мастерством. Хотя с певцами работать было непросто, но он умел сделать послушной любую музыкальную материю. При этом иногда в ход шли оскорбления и угрозы. Но он всегда добивался своего. В конце концов любая песня становилась живой и одухотворенной. И сегодня все его произведения поражают красотой и выразительностью. А ведь это и есть первый признак большого таланта!

К 1963 году в разных странах мира было выпущено более 250 пластинок с записями хора общим тиражом 11,5 миллиона экземпляров, и только считанные единицы контрабандным путем просочились в Советский Союз. Именно пластинки с духовными песнопениями познакомили весь мир с русской церковной музыкой. Некий австрийский профессор, католик, очень тонко подметил: «Главная сила Донского казачьего хора состоит в том, что он позволяет слушателю почувствовать внутренний смысл православного песнопения. <...> Солисты хора Жарова потеряли родину, но это им позволило разнести русскую культуру по всему свету. Сегодня вся мировая интеллигенция знает, как глубока и восхитительна русская православная хоровая музыка».

Но на этом Сергей Алексеевич Жаров не остановился. В 1959 году он организовал в Нью-Йорке женский хор под собственным управлением и записал на студии компании *Decca Records* одну долгоиграющую пластинку с русскими народными песнями, пользовавшуюся огромной популярностью. В хоре пели около двадцати женщин; некоторые из них уже добились известности в США. Это в первую очередь такие певицы, как Людмила Азова, Тамара Беринг, Лидия Каргай, Надежда Рот, Валя Валентинова, Ксения Бронтэ, Серафима Мовчан-Блинова, Лидия Ляшевич-Скидан и, конечно же, Маруся Сава.

Маруся Сава (Мария Ивановна Савицкая) родилась в 1910 году во Владивостоке. Она обладала уникальным голосом — контральто. В 1928 году ей удалось выехать из Советской России в Шанхай, а оттуда через год перебраться в Сан-Франциско. На её выступления[^] престижный русский ночной клуб «Казино Руссе» в Нью-Йорке специально приходили Чарли Чаплин и Марлен Дитрих. Мария Сава считалась одной из лучших исполнительниц цыганских песен в Америке. 25 октября 1957 года состоялся её сольный концерт в одном из самых фешенебельных залов Нью-Йорка — Барбизон-плаза.

Второй выдающейся певицей в женском хоре Жарова была сопрано Людмила Азова — солистка Нью-Йоркской филармонии и Национальной ассоциации оркестров. В её репертуаре значились такие оперные партии,

как Фьордилиджи в «Так поступают все женщины» Моцарта, Мими в «Богеме» и заглавная в «Чио-Чио-сан» Пуччини. Какое-то время Людмила Азова была одной из самых известных певиц русской эмиграции в США.

Особого внимания заслуживает Тамара Беринг. Ее голос в 50-е годы часто звучал по американскому радио. Лидия Каргай, жена протоиерея Сергея Каргая, тоже принимала участие в женском хоре Жарова. А до этого она не один год пела в хоре Н. П. Афонского и Б. М. Ледковского. Хористка Лидия Ляшевич-Скидан была женой администратора хора Афонского Алексея Скидана и сделала всё возможное, чтобы Жаров пригласил её в свой ансамбль.

Неожиданно для всей русской эмиграции в США согласие на участие в женском хоре дала выдающаяся певица народных песен Серафима Мовчан-Блинова. Таким образом женский хор под управлением Жарова сформировался и записал несколько песен: «Катюшу», «Красный сарафан», «Вечерний звон», «Однозвучно гремит колокольчик...», «Ах, улица широкая», «Мы на лодочке катались», «Лезгинку», «Я помню вальса звук прелестный»... Но главным хитом пластинки стали «Подмосковные вечера».

Торжественный приём в Чикаго

В чём же заключался секрет успеха казачьего хора на протяжении 37 лет? Сам Жаров так отвечал на этот вопрос: «Я объясняю его хорошим подбором голосов, их свежестью и спетостью хора». В процитированном интервью Сергей Алексеевич явно скромничает. Важную роль играли подбор репертуара и оригинальность исполнения каждого музыкального произведения. Жаров тщательно относился к их выбору. Для Германии у него была своя программа, для американцев — своя...

Хормейстер, хорошо знакомый с немецкой публикой, умело составлял концертную программу, причём новые вещи обычно исполнялись на бис для изучения зрительских реакций. Если новинка принималась слушателями с одобрением, то он включал ее в основную программу. Что касается аранжировки многих классических произведений, к привычному звучанию которых привыкли старые эмигранты, то он проделывал с ними самые смелые, поистине революционные эксперименты, и это порой приводило в ярость значительную часть консервативно настроенной публики.

Люди за несколько десятилетий усваивали определенные шаблоны, и возможность их обновления им просто не приходила в голову. Да и зачем? Но Жаров был революционером в музыке. Он первым научил своих хористов петь с закрытым ртом. Заставил их весьма убедительно имитировать не только звучание музыкальных инструментов, но и звон колоколов, цокот лошадиных подков, скрип седла или звук заплетающихся стремян. Всё это придавало исполняемой мелодии неповторимый колорит, помогая при этом слушателю, особенно иностранному, лучше понять содержание песни.

Обратимся к образу индийского гостя из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Достаточно послушать его арию в исполнении Донского хора, чтобы поразиться, до какой степени Жаров развил имитирование. Кто бы мог подумать, что хормейстер способен с таким неподражаемым мастерством превратить человеческие голоса в инструменты симфонического оркестра!

Наконец, подбирая певцов, он понимал, что каждый из них — солист. Но без его, жаровского, чутья все они — ничто! Только он мог создать из них непревзойденный музыкальный инструмент — хор. Только он мог расставить их в одном ему ведомом, правильном порядке, в соответствии

с тембром, диапазоном, силой голоса, с частотой колебания голосовых связок.

Услышав «Славим Платова-героя» и «Старинный вальс» в исполнении Ивана Березова, зрители с трудом верили, что эти два произведения может исполнять один и тот же человек. Только что стихийный бас Березова прославлял атамана Платова и его воинские подвиги, и вот он, уже в жанре сентиментально-мечтательной медитации, звучит в «Старинном вальсе».

А что делал Михаил Бажанов со своим густым басом? В каждой его песне звучала нестерпимая тоска по ушедшей в небытие России!

Жаров прекрасно знал все сильные и слабые стороны своих хористов, поэтому очень точно определял их голосовые возможности, делая всё, чтобы как можно полнее раскрыть талант каждого. Тонкое сочетание голосов Александра Струве, Архипа Левченко и князя Юрия Кейкуатова проявилось при исполнении песни «На Дону казачья станица» композитора из Белоруссии, после Второй мировой войны жившего в Чикаго, Николая Щеглова-Куликовича. Или «Вечернего звона» — в исполнении Константина Юркевича и Андрея Белецкого.

Еще одной особенностью неповторимого жаровского стиля была постоянная импровизация, например, изменение темпа исполнения произведения или добавление других музыкальных нюансов. Поэтому одна и та же песня на разных концертах звучала совершенно по-иному, порой неузнаваемо. Всё это обеспечило хору долголетнее процветание и востребованность зрительской аудиторией.

Год 1960-й начался с гастролей по Южной Америке и Дальнему Востоку. В это время отношение к русским в США резко ухудшилось. Связано это было с тем, что Никита Сергеевич Хрущёв прозрачно намекнул на реальную возможность войны в случае вооруженной агрессии США против Кубы.

А уже в сентябре того же года советский лидер, прибыв в Нью-Йорк на океанском лайнере «Балтика» (бывший «Вячеслав Молотов»), выступил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН со знаменитой речью. При этом Хрущёв был так недоволен политикой западных стран, особенно США, что 12 октября, во время выступления премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана, принялся стучать тупфлей по столу. И хотя Сергей Алексеевич Жаров был антикоммунистом и с оружием в руках сражался против советской власти за другую Россию, ему стало стыдно. Об этом он не раз писал своим друзьям.

В 1960 году казачий хор дал много концертов, но Жарову особенно запомнился один — в Чикаго. Выступление проходило в шикарном

Оркестра-холле. Как обычно, театр был переполнен, и многие желающие так и не смогли приобрести билеты. Заметную часть публики составляли русские эмигранты. В зале царила приподнятая и торжественная атмосфера. Все понимали, что, хотя лихое время у казаков, стоявших на сцене, отняло пику, коня и золотое стремя, они не растерялись и пошли по миру — воспеть славу былых времён и былых деяний.

Сила жаровской песни всколыхнула всю русскую диаспору штата Иллинойс. Люди почувствовали, что они не жалкие изгнанники и примитивные потребители, а представители великой страны с многовековой культурой и историей. Русскоязычная чикагская газета писала: «Чудо-богатыри Жарова вырвали нашего дремлющего обывателя из атмосферы суеты и мещанского благодушия и перенесли его на тысячу лет назад, в сумерки давно прошедших времен былого величия православной Руси. Разлились мощные звуки «Блажен муж» лаврского распева, и слушатели сразу почувствовали журчание Днепра, а многие увидели образы изначальной веры и благочестия на Руси. Сразу почувствовался дух лаврского жития, дух живой веры первых организаторов храмины национального и культурного бытия нашей Родины. А мощные звуки «Тебе, Бога, хвалим» просто перенесли всю аудиторию в атмосферу русской православной стихии».

И как бы себя ни вёл на Генеральной Ассамблее ООН 1-й секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, хор Жарова разрушал все мифы и небылицы о России и её народе. Русская песня в исполнении донских казаков показывала всему миру, что русская культура жива и не утратила своего богатства. Многострадальная народная песня раскрывала иностранцам тайники русской души, её глубину и самобытность, и становилось понятно, что Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский родились не на пустом месте, что многие века на Святой Руси народ жил по правде Божьей и искал путь к светлому граду Китежу. «Только путь этот вывел русский народ не на Китеж-град, а к советской власти», — с горечью заметил один русский философ-эмигрант из Чикаго, добавив: «Не надо никогда отклоняться от Евангелия и православия, там уже все пути обозначены».

Донской хор до глубины души пронзил многонациональный зал Оркестра-холла в Чикаго сладостью русской песни. Представитель каждой национальности находил в ней свое, родное, свои чаяния и надежды, и потаённые миры другой культуры, так не похожей на его собственную, вдруг оказывались созвучны ей. В казачьих песнях не только раскрывалась душа русского народа — они заставляли людей вглядываться в себя и обнажать свои души, очистившиеся и устремившиеся навстречу друг другу.

Время концерта превращало зал в единое целое — единомышленников, любящих весь мир и все человечество. Неудивительно, что после концерта аплодисменты переросли в бурное, неистовое ликование. Что уж говорить о торжественном приёме в честь Жарова?! Он был поистине царским!

Жарик

Все хористы за глаза Жарова звали Жариком. Так и говорили: «Жарик сказал, Жарик велел, Жарик сделал, Жарик заставил». В июле 1963 года исполнилось 40 лет со дня первого выступления хора в Вене. За это время он дал без малого 10 тысяч концертов.

Знаменательный юбилей казаки отметили в Париже. Концертный зал Плейель был переполнен. Нескончаемые аплодисменты и вызовы долго не отпускали казаков со сцены. Изумляя зрителей военной выправкой, выходили они стройными шеренгами и бисировали без конца. Одна из корреспонденток газеты «Русская мысль» писала: «Не буду передавать программу. Всем известны русские церковные песнопения первого отделения и русские песни второго. Голоса великолепны, плясуны творили чудеса, особенно «вприсядку». После пляски и лихих песен хор спел напоследок «Коль славен наш Господь в Сионе» Бортнянского. И в этом сказала наша прежняя, чудная родина. Умели веселиться от души, но и молиться умели от всего сердца».

К 1963 году в коллективе уже почти не осталось никого из тех, с кем Жаров начинал в Чилингире, на греческом острове Лемнос или в Болгарии. Из хористов первоначального состава еще пели только Бажанов, Левченко, Магнушевский, Алексеев. Правда, покинувшие ансамбль по разным причинам «ветераны» иногда тоже появлялись на концертах в разных странах. В хор пришло совершенно другое поколение солистов — для них Жаров был не другом по оружию и сцене, а богом.

За 40 лет хор не только количественно, но и качественно изменился. Но, как и прежде, оставались в нем все те же непревзойденные «октависты» — органые басовые низы и заливающиеся фальцетом тенора, нежное пианиссимо и громовое фортиссимо, приводящие публику в полный восторг в концертных залах всего мира. Последним казаком крымской эпохи, покинувшим хор, стал Виктор Львов. Его проводили на покой в самом конце 50-х, но он ещё долго не мог расстаться с хором, приезжая на концерты как слушатель во многие города США.

Жаров с каждым годом совершенствовал хор. Он развил его диапазон до пределов возможного — до четырех октав, от «соль» контроктавы до «ми» второй октавы, что придавало каждому исполняемому произведению исключительную звучность. Таким и предстал он в западногерманском фильме «Песни хора донских казаков», снятом в 1956 году с участием

выдающегося австрийского актера 30—40-х годов Пауля Хёрбигера и будущей звезды немецкого кино Сабины Бетман. В дальнейшем он с большим успехом прошел почти во всех штатах Америки.

Премьерный показ состоялся в Нью-Йорке 8 апреля 1960 года в театре «Казино». Немецкая критика отнеслась к фильму весьма скептически, американская — более благосклонно, так как он делал хорошие кассовые сборы. Вообще, после Второй мировой войны немцы сняли три фильма о хоре Жарова и столько же американцы. Самым популярным в Америке стал вышедший в прокат в 1962 году фильм «Не каждый день воскресенье».

К том же году общий тираж пластинок хора, выпущенных только в Германии, достиг 2,5 миллиона экземпляров. Успех был заслуженным! В хоре пели известные солисты с уникальными голосами. Например Михаил Бажанов. Услышав его, Фёдор Шаляпин удивленно и в то же время восхищенно воскликнул: «Вот этот поёт лучше, чем я, духовные вещи». Действительно, в церковном православном песнопении басу Михаила Бажанова не было равных.

Хотя Жаров был богом-демиургом на сцене и репетициях, но в обычной жизни мучительно страдал от множества Комплексов. Он не говорил ни на одном иностранном языке. Даже в ресторане не всегда мог разобраться в меню, поэтому обычно на обед или ужин приглашал кого-нибудь из сопровождающих. Но самым его больным местом был маленький рост. Примеры Людовика XIV, Наполеона и Франко для него не являлись убедительными. Он со стойким предубеждением и явной неприязнью относился к высоким хористам. Однажды на концерте он выказал недовольство самым высоким певцом и тихо сказал ему: «Я так больше не могу. Или вы уйдете со сцены или я». На что получил ответ: «Давайте уйдем вместе».

Но в то же время Жаров очень любил людей, выделявшихся яркими голосовыми возможностями, хотя никогда никого не хвалил. А вот ругал всех постоянно! Часто от него можно было услышать: «Вы думаете, что, раз такой у вас красивый голос, из-за этого я вас взял? Мне таких голосов не надо». И не дай бог, если кто-то осмеливался ему возражать! Этого он терпеть не мог! Однажды на репетиции в Париже он бросил хористам: «Вы знаете, что вы мне абсолютно не нужны. Вы навоз, на котором я расту. Лучше уходите. Я пойду и под мостами наберу себе лучший хор».

Где бы ни находился хор, Жарову обязательно нужно было быть главным. Он никогда и никому не уступал лидерства. На кадрах старых фильмов можно без труда заметить, что после концерта или исполнения какой-нибудь отдельной песни кланялся один Жаров. Певцы не имели

права это делать. Все аплодисменты тоже должны были доставаться только ему. Если же публика была очарована какой-нибудь одной вещью и настойчиво требовала, чтобы солист поклонился ей, то такая песня уже на следующий день исчезала из репертуара, или переделывалась до неузнаваемости, или производилась замена исполнителя.

Из-за своего маленького роста Жаров всегда стоял на подиуме. Это условие постоянно оговаривалось в зарубежных контрактах, а на гастроли по Америке сразу несколько подиумов импресарио возил с собой в одном из трейлеров. На одном из концертов рабочие забыли установить подиум — Жаров так разнервничался, что от волнения, дирижируя, стал бегать по сцене, пока не свалился в оркестровую яму. Публика, смеясь, аплодировала, когда он вылезал оттуда. После этого случая перед каждым концертом регент лично проверял, поставлен ли подиум.

Надо сказать, что Жарик любил выпить, но никогда особенно не злоупотреблял. Однако очень хорошо понимал людей пьющих и всегда пытался им помочь. А таких в хоре было немало! Встречались и настоящие алкоголики. Больше других страдал «несчастной слабостью» солист Леонид Луговской, бывший певец Одесской оперы, обладавший уникальным голосом — бас-баритон. Нередко он находился в таком состоянии, что соседние певцы во время концерта поддерживали его, чтобы он не упал. Луговской мог залпом выпить целую бутылку виски.

Однажды на концерте в Германии врач из зрительного зала крикнул регенту, что Луговского срочно нужно отправить в больницу: по всей видимости, у него гипертонический криз, так как он не может стоять на ногах. Но доктору объяснили, что это нормальное состояние солиста и за судьбу «донского казака» беспокоиться не нужно. Как стало потом известно, сердобольный немецкий врач, страстный поклонник Жарова, через несколько месяцев скончался, а Луговской после этого концерта прожил ещё не один десяток лет.

Когда казачий хор гастролировал в Германии, в городе Вюрцбурге, 22 ноября 1963 года в Далласе был убит президент США Джон Кеннеди. Танцоры за кулисами, ожидая своего выхода, первыми услышали новость по радио и тут же передали Жарову, находившемуся на сцене. Сергей Алексеевич повернулся к зрительному залу и трагическим голосом поделился печальным известием со слушателями. Воцарилась гробовая тишина. Немцы любили американского президента, особенно после его ставшей культовой фразы: «Я берлинец» (*Ich bin ein Berliner*). Некоторые женщины заплакали, другие теснее прижались к мужьям. Повсюду слышались всхлипы и тяжелые вздохи. Наконец весь зал встал и застыл в

минуте молчания. Концерт был отменен.

Жаров с хористами сразу отправились в отель. А ночью в комнате регента раздались истошные крики, звон разбитой вдребезги посуды и шум от опрокинутых стеклянных столов. Когда ворвались в апартаменты дирижёра, он лежал в луже крови и хрипел: «Меня хотели убить, как Кеннеди!» Охрана гостиницы стала разбираться, как это могло произойти. Жарик жил на пятом этаже. Дверь в комнату была заперта, и её никто не открывал. Через окно в номер тоже никто не мог проникнуть, так как лестницу никто не подставлял и по верёвке с крыши никто не спускался. Очень скоро служба безопасности выяснила, что русский дирижер в тот вечер сильно напился и, когда пошёл в ванную, поскользнулся на мокром кафеле и, упав, разбил голову. Но он не хотел в этом признаться и выглядеть смешным, поэтому разыграл трагедию. На самом деле подобные истории уже случались с ним не раз, когда он выпивал. Но надо признаться, так сильно выпивал он нечасто, особенно когда ему перевалило за шестьдесят. Хотя курить продолжал, как и раньше, — две пачки сигарет в день.

После трагикомического случая в Вюрцбурге Жаров не мог дирижировать. Пропустил восемь концертов. Врачи наложили на разбитый нос повязку, с ней он проходил несколько дней. Обычно перед началом каждого концерта он строил хор в две шеренги и внимательно осматривал певцов, строго придираясь к незастегнутым пуговицам или неначищенным сапогам. На той неделе он не третировал никого. Ждал, когда нос заживёт, а потом снова принялся за старое. Такого отношения к себе многие, конечно, не выдерживали.

А ведь среди них были замечательные солисты, в прошлом выступавшие в Парижской опере или певшие с самим Шаляпиным, как, например, Дубровский и Юренев. Их самолюбие страдало от колкостей Жарова — они не смогли больше мириться с унижением и перешли в Платовский казачий хор под управлением Николая Кострюкова, где над ними не издевались, а оценили по достоинству. Жаров очень скоро осознал свою ошибку, упрашивал певцов вернуться, но те не изменили своего решения.

Николай Федорович Кострюков, дирижер от Бога, был настоящим донским казаком из станицы Цимлянской. Он часто на репетиции или концерте мог крепко выругаться, но «провинившиеся» не чувствовали себя униженными. Его ругань не наносила обиды. Жаров же, наоборот, мог унижить человека, растоптать его, специально показать его ничтожность и никчемность. Но при этом подавляющая часть хористов любила Жарика,

потому что в душе, по большому счету, он был добрым, отзывчивым и очень ранимым.

Как-то раз после концерта один газетный репортёр спросил Сергея Жарова: «Как вы себя чувствуете, будучи таким знаменитым?» Сергей Алексеевич ответил: «Очень плохо... характер испортился». И это была чистейшая правда! Характер у Жарика всегда был сложный, но с годами превратился в отвратительный.

Прежде всего это сказывалось на семейной жизни. Он совсем не занимался своим сыном, и, когда тому исполнилось 25 лет, Жаров осознал, что у них почти нет точек соприкосновения, хотя деньгами отпрыска он обеспечивал до самой своей кончины. Сын так и не получил достойного образования и с большим трудом закончил школу. Бесконечная работа и гастроли не позволяли Жарову уделять достаточно времени семье. Из-за этого возникали бесконечные разногласия с женой, которая не могла сопровождать его постоянно. Неудивительно, что Жаров часто срывал злобу на хористах.

Приведем один случай, рассказанный авторам книги солистом Донского хора Иваном Ассуром:

— У Жарика в хоре всегда было несколько козлов отпущения. Как правило, певцы с хорошими голосами, влившиеся в коллектив недавно и певшие в нём не более двух-трех лет. Одно время к ним относился и я, но недолго. Вообще, Жарик потом всегда был со мной вежлив и обходителен. Но вот однажды произошёл такой случай. В хоре пел замечательный и очень талантливый солист-баритон — князь Григорий Кейкуатов. И Жарик вдруг ни с того ни с сего на него ополчился. Стал издеваться над ним. В это время хор гастролировал в Германии. Сын князя Кейкуатова, служивший капитаном в Силах специального назначения Армии США («зелёные беретты»), приехал в отпуск в Европу и решил навестить папу. Услышав, каким тоном регент разговаривает с его отцом, капитан предупредил Жарова, что если тот позволит себе впредь так унижать Кейкуатова-старшего, то он не отвечает за последствия. Однако Жаров не внял предупреждениям сына и продолжил издеваться над князем. Тогда сын, в полной военной форме, пришёл в ресторан, где Жаров с гостями и солистами хора ужинал после концерта, и одной рукой, как пушинку, поднял регента, махающего руками и ногами, за грудки высоко в воздух. Освободившись из стальных объятий Кейкуатова-младшего, Жарик выхватил из кармана свой американский паспорт и разорвал его на глазах изумленной публики, выкрикивая: «Я не вернусь в Америку»...

Конечно, после такого инцидента князю пришлось расстаться с хором,

но он не остался без работы. Его с большим удовольствием взял к себе Николай Кострюков.

Николай Кострюков и его хор

Николай Кострюков в истории русской музыкальной эмиграции XX столетия занимает особое место. Это был человек без профессионального музыкального образования, но создавший самобытный Донской казачий хор имени атамана Платова, гремевший в своё время по всему миру.

Николай Федорович Кострюков родился 3 декабря 1898 года в области Войска Донского, в станице Цимлянской. Сначала учился в реальном училище, а затем в Новочеркасске, в Донском атаманском военном училище, где был старшим портупей-юнкером первой сотни, самой молодецкой и певучей. Во время Первой мировой войны служил добровольцем в казачьем полку. В Гражданскую воевал под командованием атамана Каледина. Одним из последних покинул осажденный Севастополь и видел с палубы корабля, как красная кавалерия занимает порт, где лишь несколько минут назад в спешке, но без паники закончилась погрузка его полка и гражданского населения.

После эвакуации остатков белой армии в Турцию он оказался сначала на острове Лемнос, а потом в Болгарии. Именно там, в лагере для интернированных, впервые встретился с Жаровым. С 1923 года Кострюков жил в Чехословакии и учился в Пшибрамской горной академии, где в 1926 году создал хор из 37 казаков Пражского хутора Общеказачьей станицы в Чехословакии.

Кострюков в 1927 году получил диплом горного инженера — маркшейдера, но работать по специальности не стал. Судьба приготовила для него совсем другой путь! Горное дело пришлось оставить и систематически заняться хоровым музыкальным искусством. В том же 1927 году хор Кострюкова дебютировал на профессиональной сцене, но выступление закончилось провалом. На концерт почти никто не пришёл. Однако через несколько месяцев, неожиданно для всех, сам президент Чехословацкой Республики Томаш Масарик стал покровителем хора.

Как и Жаров, Кострюков включал в репертуар церковные песнопения, русские народные, казачьи и военные песни. В дальнейшем хор с большим успехом выступал на всех пяти континентах и даже в Океании, 12 раз пересекал экватор и дал в общей сложности более 8 тысяч концертов, собиравших до 18 тысяч зрителей на одном представлении. В 1939 году во Франции он установил рекорд, собрав на концерте в соборе Парижской Богоматери около 20 тысяч слушателей! В том же году хор перебрался из

Европы в США, где стал одним из любимых русских музыкальных коллективов американского президента Гарри Трумэна.

Николай Кострюков обладал феноменальной музыкальной памятью и слухом. Ещё в России всё свободное время он посвящал изучению музыки и записям казачьих песен. В Праге, благодаря своему знанию истории казачьей песни, он сумел заинтересовать герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского и привлечь его к созданию хора. Герцог поддержал молодой коллектив финансово и пригласил нескольких певцов из созданного в 1923 году в Праге знаменитого хора А. А. Архангельского, насчитывавшего около 120 человек. Дело в том, что в ноябре 1924 года Архангельский умер, и его хор распался. Несколько хороших голосов из бывшего хора Архангельского поступили к Кострюкову.

Увы, в марте 1928 года не стало и герцога Лейхтенбергского. Он скончался в Париже. Но у самого Кострюкова обнаружились блестящие организаторские способности — он быстро нашёл новых импресарио и несколько русских торгово-промышленных фирм, организовавших ему гастрольную поездку по Чехии и Австрии. Уже в первом австрийском городе — Францбаде Донской казачий хор имени атамана Платова имел оглушительный успех. Затем последовали роскошные курорты — Карлсбад, Мариенбад, Теплице... На концерте в августе 1927 года в Карлсбаде присутствовала изысканная публика, среди прочих министры чехословацкого правительства и патриарх Румынской православной церкви Мирон (Кристя).

Вернувшись из летнего турне, хор выступил с небывалым успехом в Большом концертном зале Праги. Пять тысяч билетов были проданы за несколько дней. Никто не ожидал аншлага от хора никому не известного 29-летнего Николая Кострюкова. Но, самое главное, хор имел невероятный успех у женской части публики. Николай Федорович был не только талантливым хоровым дирижёром, но и обаятельным мужчиной с элегантными манерами. Вот какую запись в своём дневнике о нем оставил участник хора, самобытный писатель, кубанский казак и один из лучших исполнителей лезгинки за рубежом Гавриил Солодухин: «Он довольно высокого роста, крупный, с большой головой и круглым лицом. Брюнет, с небольшой примесью, видимо, монгольской крови. Говорит довольно грубым голосом, но это уже чисто казачья гордость природы». Женщины во всех странах мира от таких мужчин просто млели. Кострюков любил женщин, и они отвечали ему взаимностью.

Был ли хор донских казаков имени атамана Платова конкурентом хора Сергея Жарова? Конечно, да. При этом Николай Федорович очень любил

жаровский хор и уважал его регента, чего нельзя сказать о Жарове, считавшем Кострюкова, настоящего донского казака, выскочкой. Хотя публично Сергей Алексеевич нигде и никогда не высказывался негативно о хоре имени Платова.

Нужно учитывать, что ансамбль Кострюкова давно стал мировой знаменитостью и билеты на его концерты часто стоили дороже, чем на выступления жаровцев. Это страшно возмущало Сергея Алексеевича, и за глаза он говорил, что Кострюков украл у него всё, начиная от репертуара и заканчивая аранжировкой некоторых песнопений. Отчасти так оно и было! Жаров являлся уникальным музыкантом — регентом, создающим новые, революционные направления как в светской, так и в духовной русской хоровой музыке. Кострюков же не был ни «демиургом», ни первопроходцем, но очень быстро улавливал и подхватывал заданные Жаровым тенденции, умело перерабатывал их и выдавал за свои собственные.

SPORTPALAST Potsdamer Str. 72 a

Karfreitag, 19. April, abends 8 Uhr

Dan-Kasaken-Chor

Dirigent: **Serge Jacoff**

Karten zum Preise von 0.80 bis 4.- Mk. im Sportpalast,
A. Wertheim, Bode & Bock, Leipziger Str. u. Tauentzien-
straße, Hamburg-Amerika-Haus (Mensa), u. d. Linden 8

Konzertabteilung
Reichsmusikerschaft, Berlin Ch. 2
Fasanenstraße 6

Конечно, до уровня Жарова Кострюков подняться не мог, особенно в исполнении духовной музыки, так как хор Жарова отличала детальная фиксация каждой ноты. Каждой аранжировке была присуща внутренняя завершённость и мотивированность целого. У Жарова всегда ярко выражались индивидуализированное содержание и форма, за которой стояла личность автора. Его хор оставался тонким и духовно изысканным, Платовский — грубо казачьим. Там, как правило, пели открытыми голосами. Но всё же их репертуар, особенно во втором и третьем отделении, во многом пересекался. Кострюков обильно заимствовал у Жарова, но очень тщательно это маскировал, поэтому его нельзя было уличить в плагиате, хотя жаровские реминисценции проступали то тут, то там.

Кострюков был очень креативен и мобилен: быстро менял формы и направления, чутко реагировал на зрительскую конъюнктуру. Знал, чего

хочет слушатель сегодня и что ему будет нравиться завтра. Поэтому Кострюков успешнее, чем Жаров, продвигал свои произведения на радио и телевидение. Если Жаров, как правило, ждал, когда его пригласят на ту или иную передачу, то Кострюков очень умело работал с радио-и телевизионными продюсерами. Хор имени атамана Платова не только побывал во всех странах, где довелось гастролировать Жаровеким певцам, но и с большим триумфом был принят на уровне правительства в Китайской Народной Республике.

Как было сказано, Кострюков не получил систематического музыкального образования, поэтому подавляющее большинство репетиций проводил не он, а нанятые им профессиональные музыканты. А вот на концертах уже он сам размахивал руками, часто сжимая пальцы в кулак. Такой была его любимая манера дирижирования. Во время концерта он часто употреблял крепкие выражения, но всегда беззлобно, для поднятия тонуса и русского певческого духа. Если же он на концерте не ругался матом, хористов это настораживало. Они понимали, что регент недоволен ими. А как только казаки слышали знакомые слова, тут же успокаивались и с радостью доводили программу до конца.

Каждый из певцов понимал, что его зарплата полностью зависит от личного отношения к нему регента. У Кострюкова, в отличие от хора Жарова, все получали по-разному: солисты значительно больше, чем рядовые исполнители.

Сергей Жаров всегда работал с импресарио или менеджерами, безбожно его обкрадывающими. Сделать это было несложно, так как русский регент ничего не понимал в экономике. И подбирал для работы с финансами из своего хора таких же помощников. Для Жарова самым главным был творческий процесс — репетиции и концерты, для Кострюкова — деньги, которые можно было заработать только при одном условии: создании качественного музыкального продукта. Поэтому не зря Николая Федоровича хористы за глаза называли «Владыко». Если обиженные певцы покидали хор Жарова, то они обычно переходили к Кострюкову, и наоборот. Хотя были и другие казачьи хоры: Черноморский казачий хор под управлением Ледковского, Кубанский казачий хор, хор уральских казаков, хор волжских казаков, Терский казачий хор...

Однажды на гастролях по Соединённым Штатам Америки хор Жарова остановился в отеле, куда уже заселились певцы Кострюкова. Между регентами состоялась неожиданная встреча. Вечером два дирижера в ресторане гостиницы выпили, закусили и решили объединить оба ансамбля, при условии, что Николай Федорович будет заниматься

менеджментом и экономическими вопросами, а Сергей Алексеевич — только творческими, музыкальными. К концу ужина они почти обо всём договорились, пока Кострюков не произнёс фразу: «Сергей Алексеевич, а вы дадите мне хоть раз в неделю управлять хором?» Жаров закричал: «Ни в коем случае! Это я буду управлять хором, и больше никто! Всё кончено, я ухожу!»

На этом история объединения двух всемирно известных хоров донских казаков закончилась. А вот отдельные певцы всё время переходили из одного коллектива в другой. В 1957 году покинул Платовский хор и перешёл к Сергею Алексеевичу легендарный певец хора Жарова — Иван Ассур.

Глава 10

ОСОБЫЕ ЛИЦА В ОКРУЖЕНИИ ЖАРОВА

Иван Ассур родился 4 июля 1929 года в Германии, в Верхней Силезии в семье русских эмигрантов, бежавших от советской власти. Отец его, Владимир Владимирович Ассур, — потомственный дворянин, потомок обрусевших шведов, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, ученик знаменитого русского историка В. О. Ключевского. Дядя, Леонид Владимирович Ассур (1878–1920), — выдающийся русский механик и машиновед, профессор Санкт-Петербургского политехнического института. Мать, Нина Михайловна, урождённая Делекторская, дворянка, уроженка Нижнего Новгорода, выпускница Смольного института благородных девиц, где она получила награду для лучших воспитанниц — золотой шифр в виде вензеля императрицы. Затем училась на Бестужевских курсах — первом в России высшем учебном заведении для женщин.

Отец Ивана Ассура преподавал в Германии в школе, но из-за возникших проблем на службе семья сначала перебралась в Польшу, а затем, в 1933 году, в Латвию, где Владимир Владимирович получил место учителя в русской гимназии в маленьком городке Яунлатгале. После того как обучение в гимназии перевели на латышский язык, Ассуры переселились в «сердце Латгалии» — город Резекне. Здесь жило много русских, а значит, были православные храмы и русские гимназии. В одну из них и поступил на службу отец Ивана Ассура. А Иван, когда ему исполнилось 10 лет, начал петь в церковном хоре на клиросе в одном из православных храмов Резекне. 17 июня 1940 года советские войска вошли в Латвию, а 6 июля отец Ивана Ассура, как белый эмигрант и враг советской власти, был арестован по обвинению в шпионаже. 11 ноября следующего года он умер в астраханской тюремной больнице.

Однако семью не репрессировали. А в июле 1941 года нацистская Германия оккупировала Латвию. В 1945 году шестнадцатилетний Иван Ассур с матерью, братом и сестрой оказался в лагере для перемещённых лиц на территории Германии, в американской зоне оккупации. Без малого пять лет семья провела в лагере для беженцев под Штутгартom. Иван начал работать в нотном издательстве — принимал и рассылал заказы, а в

свободное время учился пению у Массимилиано Серра, замечательного баса, одно время певшего в Ла Скала. Затем брал уроки у Энрико Розатти — знаменитого учителя Беньямино Джильи, Марио Ланца и Джеймса Мелтона. И хотя тому было уже около девяноста лет, Розатти многому научил молодого Ассура.

В 1950 году семья Ассуров получила въездные визы в США. Так Нина Михайловна и трое её детей оказались в Нью-Йорке. Иван устроился на ткацкую фабрику, а его мать пошла работать горничной. Через два года, когда Иван стал лучше говорить по-английски, его приняли на завод Форда в сборочный цех. Но этого ему казалось мало. Он продолжал учиться и получил диплом строителя. Впоследствии на участке земли рядом с собственным домом, в маленьком посёлке Мулино, в штате Орегон, он построил по своему проекту и своими собственными руками первый в Америке храм в память новомучеников и исповедников Российских. Прежде всего церковь была посвящена памяти его отца, замученного в ГУЛАГе.

Уже став знаменитым солистом оперы и казачьих хоров, он не чурался физического труда: многое из домашней мебели и других необходимых предметов делал сам. Когда в начале 50-х годов Ассур работал на заводе Форда, он часто пел в сборочном цехе во время обеденного перерыва арии из опер, за что постоянно получал благодарности от начальства, одобрявшего такие культурно-просветительские мероприятия.

В свободное от работы и учебы время Иван Владимирович любил выступать на благотворительных концертах, например, в пользу сирот или инвалидов Белой армии. Организаторы были ему весьма признательны. Даже когда Иван Ассур стал профессиональным музыкантом и пел в опере, а также давал сольные концерты, он никогда не отказывался от благотворительных выступлений. За это его очень любила и покровительствовала ему Ксения Васильевна Деникина, вдова командующего Добровольческой армией.

Как-то раз в 1956 году она пригласила его выступить на вечере бывших институток ведомства императрицы Марии Федоровны в Нью-Йорке. Среди приглашённых почётных гостей был и Сергей Алексеевич Жаров. Услышав густой, крепкий и свежий голос Ассура, Жаров сразу пригласил его в свой хор. Однако молодой человек, которому в том году должно было исполниться 27 лет, оказался не готов к такому повороту судьбы.

Ещё в шестилетнем возрасте, в Польше, Ассур от своих родителей в первый раз услышал о казачьем хоре Жарова. В семье было даже несколько

пластинок с его записями. Стать членом легендарного ансамбля казалось Ассуру большой честью, но он засомневался в своих способностях. Однако на прослушивание к Жарову всё-таки пришёл. Сергей Алексеевич заявил, что скоро они уезжают на гастроли в Японию, Австралию и Новую Зеландию. Один из хористов по семейным обстоятельствам отказывается с ними ехать, поэтому его заменит Ассур. Но в последний момент отказавшийся певец всё-таки поехал, поэтому приём Ивана Владимировича в хор Жарова отложили на год.

Весь сезон 1956/57 года Ассур пел в хоре имени атамана Платова, пока летом 1957 года окончательно не перешёл к Жарову, где прослужил без малого (с небольшими перерывами) 20 лет. Уже в первый год он исполнил для записи на пластинку написанную К. Н. Шведовым специально для хора кантату «Воспоминания о Чайковском» (автором слов был также Шведов). До встречи с Жаровым Иван Ассур успел поработать под руководством таких выдающихся хоровых дирижёров, как Николай Афонский и Борис Ледковский. Но Жаров... это было что-то особенное!

Он не только дирижировал руками и глазами, но и дышал с хором в унисон, таким образом контролируя силу голоса певцов и солистов. Глубина его проникновения в музыкальную ткань поражала и завораживала Ассура. На каждой репетиции Иван попадал под гипноз регента. К этому нужно добавить, что Жаров был первым хормейстером, сумевшим так обработать православную церковную музыку, что её стало возможно перенести из храма в концертный зал. Сергей Алексеевич постоянно говорил перед началом выступления: «Никакой отсебятины, я вам всё покажу, смотреть на меня — и всё!» И Ассур старался беспрекословно ему подчиняться.

Именно Жаров научил Ассура, никогда не бывавшего в России, так исполнять казачьи песни, чтобы их смысл и музыка проникали в глубину души каждого слушателя, сидящего в зале. И если зритель не знал русского языка, исполнитель всё равно передавал всю силу непрерывной, щемящей сердце тоски казака, оторванного в молодые годы от родной земли, от тепла родного дома, от самых близких для него людей. Жаров любил повторять фразу Шекспира: «Музыка — хлеб души».

И в то же время Жаров научил Ассура обманывать публику. Когда исполнялась какая-нибудь до боли знакомая мелодия и все знали, что сейчас здесь должно звучать *forte*, Ассур вдруг начинал петь *piano*. И знакомая песня неожиданно для всех превращалась в новую, свежую музыкальную композицию. «Да, с гением работать очень и очень нелегко, — говорил Ассур, — но лично мне было очень интересно. Я ему, правда,

много нервов испортил, но на сцене он мог творить только в состоянии взвинченном — это ему было необходимо, этого требовала его гениальность, и я старался ему в этом помогать». А потом, усмехнувшись, грустно добавлял: «Конечно, иногда и от гениев нужен отдых. Вот тогда я и уходил к Кострюкову — немного передохнуть и набраться сил для гения Жарова».

Кумиром Сергея Алексеевича был Наполеон. О нём он мог говорить часами. Как-то раз в Париже Иван Ассур дал интервью ежедневной газете «Ла Фигаро», где рассказал, что Жаров обожает французского императора Наполеона I. Сходство их заключается в том, что они одного, маленького роста, а различие — в том, что Наполеон завоевал пол мира, а Жаров — целый. На следующий день газета продавалась во всех журнальных киосках французской столицы. Хористы ждали, что Жаров оторвёт Ассуру голову, но хормейстер, как только ему закончили переводить интервью, молча подошёл к Ассуру и крепко пожал ему руку. После этого Ассур уже больше никогда в Платовский хор не переходил.

По словам Жарова, Иван Ассур был лучшим исполнителем песни «Стенька Разин» за всю историю казачьего хора, хотя певцы в ансамбле всегда были отменными. Попасть в коллектив было почти невозможно: Жаров отбирал только лучших из лучших. И работать было очень сложно. Иногда во время репетиции у кого-нибудь из хористов могла горлом пойти кровь. Особенно у исполнителей, певших в высокой тесситуре. Не раз они срывали голос, и, казалось, Жаров был беспощаден к ним. Он требовал от певцов невозможного. Например, в своей аранжировке песни «Вечерний звон» добивался от тенора Василия Болотина, чтобы исполнение было не только тонко лирическим и сугубо интимным, но и имело социально-политическое звучание. По мнению Жарова, в голосе, кроме лирики, должны чувствоваться боль, борьба, трагический конфликт в душе человека, потерявшего родину.

А в песне «Двенадцать разбойников» регент добивался от Ивана Ассура, чтобы тот не только описал жизнь и деяния Кудеяра-атамана, но и раскрыл через него душу всего русского народа, отразил трагедию своей далекой родины, куда Иван Владимирович Ассур в первый раз смог попасть по приглашению своего двоюродного брата только в 1985 году. После этого он не раз выступал с концертами как в России, так и в Латвии. Свою музыкальную карьеру Иван Ассур начал в Нью-Йорке, потом переехал в Калифорнию, оттуда в штат Орегон, а под конец жизни вернулся в Латвию, в город Резекне, где прошли его детство и юность.

Генерал Фёдор Абрамов

Восьмого марта 1963 года в городе Лейквуд (штат Нью-Джерси), недалеко от дома, где жила семья Сергея Жарова, под спортивный автомобиль молодого лихача, выскочивший на пешеходный переход, попал казачий генерал Фёдор Фёдорович Абрамов. Пострадавшего немедленно отправили в местную больницу. Генерал оказался на операционном столе в очень тяжелом состоянии, но в сознании. Два дня он находился под постоянным наблюдением врачей и опекой местной эмигрантской казачьей диаспоры, мужественно борясь за жизнь, но все оказалось тщетно...

Герой Белого движения ушёл из жизни через два дня — 10 марта. Печальное известие сильно огорчило Сергея Жарова — ведь именно Абрамов был крестным отцом его хора. Как мы уже писали, генерал приказал ко Дню святого Николая отобрать в 30-тысячной армии лучшие голоса, объединить в хор и назначить регентом Жарова. Днём основания хора по праву считается 19 декабря 1920 года. Благодаря Абрамову судьба свела Жарова с его будущими знаменитыми солистами — Бажановым, Давыдовым, Шляхтиным... Генерал отлично помнил слова А. В. Суворова: «Музыка удваивает, утраивает армию... С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил».

Музыке в армии Фёдор Абрамов уделял особое внимание, почти каждый день интересуясь жизнью хора. Его штаб находился в селении Хадем-Киой, в десяти километрах от лагеря Чилингир, и певцы во главе с регентом нередко выступали там. Однажды на обратном пути они попали в такую страшную бурю, что промокли до нитки и едва добрались до своих землянок. У некоторых на несколько дней пропал голос. Но, несмотря на это, по первому зову они вновь отправлялись в штаб, к своему благодетелю, делавшему всё возможное, чтобы поддержать боевой дух армии.

Фёдор Фёдорович Абрамов родился в семье генерал-лейтенанта, в области Войска Донского, закончил Петровский Полтавский кадетский корпус, затем Николаевское инженерное училище, выпускник Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В январе 1914 года он был произведён в чин генерал-майора с формулировкой «за отличие» и назначен начальником Тверского кавалерийского училища. В 1917 году командовал 2-й Туркестанской казачьей дивизией.

С января 1918 года Абрамов командовал партизанскими отрядами на Дону под началом войскового атамана А. М. Каледина. Сражаясь в рядах Донской армии в августе 1918 года, получил звание генерал-лейтенанта. В феврале 1919 года успешно отразил на Северском Донце наступление Красной армии на Новочеркасск, командуя группой войск, в состав которой входила 1-я Донская конная дивизия. С ноября 1919 года по март 1920-го инспектор кавалерии Донской армии. В апреле 1920 года в Крыму донские части были сведены в Донской корпус, во главе которого главнокомандующий Русской армией в Крыму барон П. Н. Врангель поставил генерала Абрамова. Вот какую характеристику он дал ему в своих мемуарах: «За несколько дней до поездки в Феодосию я смотрел в Евпатории полки Донского корпуса. Во главе корпуса теперь стоял генерал Абрамов, высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта начальник. Донец по рождению, офицер Генерального штаба по образованию, командовавший до революции регулярной дивизией, долгое время исполнявший должность генерал-квартирмейстера в одной из армий, командовавший на юге России гвардейской казачьей бригадой, генерал Абрамов пользовался заслуженным уважением всей армии. Став во главе корпуса, он твердой рукой наводил порядки. Сменил целый ряд начальников, подтянул офицеров и казаков. Я не сомневался, что ему удастся в самое короткое время привести корпус в порядок и вернуть ему прежнюю боеспособность».

После Турции и греческого острова Лемнос была София, откуда генерал Абрамов был выслан за неподчинение болгарским властям в Югославию, где сразу получил по совместительству должность помощника главнокомандующего Русской армией. В 1924 году он вернулся в Болгарию в качестве начальника всех частей и управлений Русской армии в этой стране. При создании Русского общевоинского союза (РОВС) в сентябре 1924-го стал председателем 3-го отдела в Болгарии.

В январе 1930 года секретные агенты ОГПУ в Париже среди бела дня похитили главу РОВС генерала от инфантерии А. П. Кутепова. Его захватили прямо на улице в машину и попытались вывезти в Советский Союз, но при сопротивлении генерал скончался от сердечного приступа и был тайно похоронен в предместье французской столицы, в саду одного из похитителей.

После неожиданного и загадочного исчезновения главы РОВС эту должность занял генерал-лейтенант Е. К. Миллер. Но 22 сентября 1937 года он также был похищен советскими агентами и благополучно доставлен в Москву. Целью похищения было продвижение на пост

председателя РОВС агента НКВД, генерал-майора Николая Владимировича Скоблина — одного из видных деятелей Русского общевоинского союза. Однако контрразведка РОВС быстро установила, кто является заказчиком похищения генерала Миллера, и Скоблину пришлось бежать... После исчезновения Кутепова и Миллера на должность главы РОВС был избран Ф. Ф. Абрамов, но продержался на этом посту недолго — всего несколько месяцев.

В 1938 году в Париже разразился громкий скандал. После ухода в 1920 году с частями Белой армии из Крыма у генерала Абрамова в Советской России остался одиннадцатилетний сын Николай. Отец страстно желал забрать к себе ребёнка, жившего в то время у бабушки в Ржеве, но тёща наотрез отказалась отправить внука на чужбину. Таким образом, генерал оказался в Европе, а сын после семилетней школы устроился на завод чернорабочим.

В 1929 году, в возрасте 20 лет, его призвали на военную службу и отправили на Черноморский флот, где после окончания водолазной школы он получил назначение в Экспедицию подводных работ особого назначения при ОГПУ и стал непосредственным участником поиска и подъема потопленных в годы Гражданской войны судов. Во время одной из операций, при расчленении корпуса затонувшего крейсера, Николай Абрамов был серьёзно контужен взрывной волной. Несчастный случай не позволил ему больше работать водолазом.

В 1930 году Николай Абрамов, как сотрудник Иностранного отдела ОГПУ, прошел специальную подготовку для будущей заброски в Болгарию, к отцу и получил оперативный псевдоним Ворон. Под видом моряка торгового флота он «бежал» в Гамбурге с советского судна и внедрился в Германии в белоэмигрантские круги. «Разыскав» отца, он отправился в Софию и до 1938 года успешно работал на советскую разведку, войдя, с помощью отца, в высшие круги РОВС и передавая в Москву ценнейшую информацию о деятельности Белого движения. Незаметно Николай Абрамов, как бывший советский гражданин, стал главным консультантом по «советским вопросам» перед заброской в СССР террористов и диверсантов. Однако после провала он вынужден срочно вернуться в Советский Союз. Это стоило ему отцу потери поста главы РОВС.

В самом начале Великой Отечественной войны Николай Абрамов, в составе разведывательно-диверсионной группы, был отправлен для подпольной оперативной работы в оккупированную румынскими войсками Одессу, где поступил в распоряжение сотрудника центрального аппарата НКВД, резидента-нелегала капитана В. А. Молодцова — будущего Героя

Советского Союза. Вместе с ним Николай Абрамов участвовал в диверсионных операциях. В 1943 году он погиб смертью храбрых.

В то же самое время его отец, генерал Абрамов, командир Донского корпуса в Болгарии, присягнув на верность Гитлеру, занимался организацией казачьих формирований на Балканах для борьбы с большевистской властью в СССР. В одном из воззваний, опубликованных в Софии в июле 1941 года, он призывал: «Единственным нашим верным союзником считаем национал-социалистическую Германию, возглавляемую ее вождем Адольфом Гитлером, и все силы Трехстороннего пакта».

По заданию генерала Абрамова в 1942 году в Одессе был создан филиал РОВС и организована специальная группа из 25 человек для поимки партизан и советских диверсантов. С 1941 по 1943 год Федор Абрамов руководил вербовочной работой для пополнения Русского охранного корпуса — военнослужащие его частей использовались немцами на Восточном фронте против Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии. Кроме того, службы генерала Абрамова подготовили несколько десятков диверсантов-террористов для разведок Германии и Румынии. Казачий генерал Абрамов рассуждал так: «...Перед нами стоит вопрос: кого же поддержать в ходе мировой борьбы, хотя бы идейно, — Гитлера ли, поставившего целью раздавить мировую коммунистическую заразу в лице правящего аппарата СССР, или товарища Джугашвили? Я, как и большинство фактически сражавшихся с большевиками в течение 1918–1920 годов на полях Дона и Кубани, иду на стороне Гитлера».

После поражения во Второй мировой войне нацистской Германии и её сателлитов, в том числе и Болгарии, 75-летнему Фёдору Абрамову чудом удалось пробраться в американскую оккупационную зону, а оттуда, с помощью Жарова, в числе других казаков в 1947 году выехать в США.

Скончавшийся в возрасте 92 лет генерал Абрамов был похоронен на Свято-Владимирском православном кладбище города Джексон (штат Нью-Джерси). Как только Жаров и другие хористы вернулись после гастролей домой в Лейквуд, они отправились на его могилу и вместе с местным священником отслужили там панихиду.

Гений хорового пения Александр Гречанинов

Произведения Александра Тихоновича Гречанинова Жаров включал в репертуар своего хора с момента его основания. Сергей Алексеевич был на 32 года моложе композитора, входившего в Москве в ближний круг его учителей — А. Д. Кастальского, П. Г. Чеснокова, Н. М. Данилина, В. М. Орлова... Жаров ещё в годы учебы в Московском синодальном училище с восхищением слушал отрывки из его опер «Добрыня Никитич» и «Сестра Беатриса», а также многочисленные церковные песнопения.

Когда Жаров встретился в конце 20-х годов с Гречаниновым во Франции, он сразу предложил ему сотрудничать с ансамблем. Хотя тесного контакта по ряду причин не получилось, но Александр Тихонович все же аранжировал для Донского хора некоторые свои произведения: «Ектению», две арии Алёши Поповича из оперы «Добрыня Никитич», в том числе «Расцветали в поле цветики...» и, конечно же, «Верую» («Символ веры»). Об этой аранжировке великой молитвы, занимающей особое место в жизни каждого христианина, еще в дореволюционной России газеты писали: «Символ веры, оставаясь в пределах строгого церковного характера, представляет из себя гениальное изобретение по простоте и удивительной поэтичности замысла. Номер этот производит дивно прекрасное впечатление, совершенно захватывающее слушателя».

На императора Николая II «Верую» произвело такое сильное впечатление, что он распорядился исполнять «Символ веры» в дворцовой церкви каждое воскресенье. Кроме того, царь назначил Гречанинову стипендию — 2 тысячи рублей в год, которую композитор получал с 1910 года до Февральской революции. Правда, на царскую милость Гречанинов ответил черной неблагодарностью — в дни Февральской революции 1917 года написал «Гимн Свободной России» на слова поэта-символиста К. Д. Бальмонта. Как вспоминал позднее сам Александр Тихонович, «легко воспринимаемая мелодия, прекрасный текст сделали то, что гимн быстро стал популярным не только в России, но и за границей». Весь доход от проданных нот пошёл в пользу освобождённых из тюрем и ссылок политических заключенных. Музыкальные отрывки из гимна долгие годы использовались в качестве позывных на русской службе «Радио Свобода».

Родился Александр Тихонович Гречанинов 25 октября 1864 года в Москве. Ученик Н. А. Римского-Корсакова и С. И. Танеева, однокурсник по Московской консерватории С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Однако

учёба в Московской консерватории не задалась, поэтому в 1893 году, в возрасте 29 лет, он окончил Санкт-Петербургскую.

В самом конце XIX века он стал весьма популярным в России музыкальным сочинителем. Им написано несколько заслуживших внимание публики произведений: четыре оркестровых — Концертная увертюра, Элегия памяти Чайковского, Первая симфония и Концерт для виолончели с оркестром; камерно-инструментальные — Струнный квартет, фортепианный цикл «Пастели», «Сожаление» для скрипки и фортепиано; кантата «Памяти Глинки», хоры а капелла и другие; романсы, в том числе очень популярные в России того времени «Острою секирою» и «Колыбельная» на слова М. Ю. Лермонтова.

В 1898 году Московский художественный театр открылся пьесой А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович». Музыка к спектаклю написал Гречанинов. После небывалого успеха у публики нашумевшей постановки МХТ заказал ему музыку к пьесе В. И. Немировича-Данченко «В мечтах» и к сказке А. Н. Островского «Снегурочка».

В это же время Александр Тихонович сблизился с группой композиторов, активно ищущих новые пути в церковном пении, прежде всего с А. Д. Кастальским и П. Г. Чесноковым. С 1898 по 1904 год Гречанинов написал семь духовных хоров, а также Первую и Вторую Литургии. «В исполнении хора Синодального училища эти два моих песнопения имели громадный успех», — вспоминал он в автобиографической книге «Моя жизнь», вышедшей в Нью-Йорке в 1954 году.

В 1899 году церковные произведения Гречанинова включены в программу венских гастролей Синодального хора — его имя становится известным в Европе. А в России особой популярностью пользуются его романсы на стихи Шарля Бодлера из сборника «Цветы зла» и «Драматическая поэма» на стихи Генриха Гейне. Как и большая часть «образованного общества», Гречанинов приветствовал Февральскую революцию. С революционерами он заигрывал давно. Еще в 1905 году он участвовал в сборе денег для семей погибших рабочих и написал «Похоронный марш» памяти погибшего большевика Н. Э. Баумана. «В этом [политическом] отношении я с гордостью могу сказать, что я всегда шел впереди всех; первый всегда всех будоражил, первый всегда подписывал всякие резолюции и т. д.», — писал он одному из друзей.

Лишь после захвата власти большевиками пришло отрезвление, хотя и не полное. После расстрела ими Московского Кремля он оставил следующую запись: «Москва ранена, святотатственно оскорблена ее

святыня. Без боли в сердце невозможно сейчас думать о Москве. Успенский собор с зияющими отверстиями в куполе, Беклемишева башня — без головы. Сильно пострадали Никольские ворота. А ужасная картина, которую представляют из себя Никитские ворота, не подлежит описанию. <...> Одно зло родит другое, и не видно конца всем ужасам. Но если меня спросить: может быть, лучше, если бы не было мартовской революции, я отвечу: нет. Все же сдвиг должен был произойти».

Но несмотря на то, что, по его словам, «пришли холод, голод и почти полное исчезновение духовной жизни», он продолжал работать: в 1919 году написал Скрипичную сонату, немного ранее несколько Божественных литургий, а в 1920-м начал работу над Третьей симфонией, в 1923-м — над Четвертой.

Жизнь в то время была не просто скудной, а голодной. Возможность разжиться одним поленом считалась за счастье, поэтому НЭП встретили как спасение. В 1922 году оказавшиеся в Европе друзья организовали Гречанинову гастрольную поездку за рубеж, из которой он благополучно вернулся в Советскую Россию. В октябре 1924 года московские власти пышно отпраздновали его юбилей — шестидесятилетие со дня рождения. На торжествах в честь юбиляра пели церковный хор И. И. Юхова и детский хор школ Гнесиных и Беркман. Советская власть ему поверила, поэтому в следующую зарубежную гастрольную поездку отпустила. «Уезжая за границу, — вспоминает он в автобиографии, — я не знал, останусь ли я там навсегда или вернусь обратно в Россию, а потому квартиру свою с роялем, нотной и книжной библиотекой, архивом и многими ценными для меня и дорогими вещами я оставлял все, как было». На этот раз в Россию он не вернулся.

Живя в Европе, а затем в США, он продолжал заботиться о своих близких, оставшихся в России, и старался сохранить лояльность по отношению к советской власти. Жизнь в Париже тоже не была безоблачной. «Начавшаяся так блестяще в материальном отношении жизнь за границей продолжалась лишь около двух лет. С 1927 года уже зачастую испытывал нужду», — писал Гречанинов.

Существенным подспорьем стало сотрудничество с хором Жарова. За исполнение и аранжировку музыкальных произведений ему выплачивали скромные гонорары. Это позволило композитору немного улучшить своё материальное положение и, несмотря на финансовые трудности, за 15 лет жизни в Париже создать около 60 опусов различных сочинений. Среди них Пятая симфония, Скрипичный концерт, квартет № 4 и знаменитая Виолончельная соната — скорбный крик души композитора, лишённого

Родины.

В 1935 году во Франции на русском языке вышел журнал «Станица» с замечательной статьей Гречанинова о регенте Донского хора Сергее Жарове.

В самом начале Второй мировой войны композитор покинул Европу и перебрался в США. Об этой стране он напишет: «В то время как в России и вообще в Европе наблюдается упадок хорового дела, в Америке оно процветает. Не только в больших центрах, как Нью-Йорк, Бостон, Чикаго или Филадельфия, где имеется по несколько хоровых обществ (Scholas cantorum), школьных, церковных и др., в каждом, даже маленьком, городишке обязательно вы найдете клуб и при нём хор из членов клуба, любителей. В каждом университете есть хоровой класс, который охотно, с любовью посещается молодёжью. Руководитель хора часто — самый популярный человек в университете».

В Америке Гречанинов стал востребованным композитором. «Детройтский музыкальный мир тепло меня встретил, — вспоминал он. — Бесконечно меня чествовали в различных обществах, кружках, в Bohemian club. Талантливый дирижер симфонических концертов, милейший мистер Ги-они, с которым мы подружились, исполнил мои вариации из Пятой симфонии. Толпа в 5000 слушателей устроила мне грандиозную оваацию».

В августе 1940 года Гречанинов переехал в Нью-Йорк и поселился на одной из тихих улиц близ Центрального парка. Однако положение его в целом оставалось незавидным. Он не владел английским языком, что не позволяло ему брать учеников. Усиливалась глухота. Вдобавок, когда в октябре 1940-го ему исполнилось 76 лет, он почти полностью потерял зрение. Работать и сочинять музыку стало невозможно. К счастью, один американский врач, страстный почитатель хора Жарова, узнав о бедственном положении композитора, провел уникальную операцию — зрение частично восстановилось, позволив вернуться к работе.

Во время войны 9 апреля 1942 года в Нью-Йоркской филармонии под управлением британского дирижёра Джона Барбиролли оркестр исполнил его Четвёртую симфонию, а 25 февраля 1944 года в Бостоне под управлением Сергея Кусевицкого прозвучали «Вселенские мессы», где композитор удачно соединил «попевки православной церкви и григорианские с текстом католической литургии». Затем последовало исполнение отдельных духовных сочинений в некоторых американских храмах. Всё это позволило Гречанинову стать в Америке одной из центральных фигур Русского зарубежья. Среди его друзей и почитателей дирижер В. Р. Бакалейников, композиторы А. С. Лурье и Н. В. Лопатников,

скульптор Г. В. Дерюжинский, певицы Н. И. Кошиц и М. М. Куренко, пианистка И. А. Венгерова и др.

Гречанинов сочинил симфоническую поэму «К Победе!» и в одном из своих писем на родину, адресованном советскому композитору Р. М. Глиэру, он заметил: «Я верю глубоко, что уже близок час нашего величайшего торжества». Неудивительно, что 25 октября 1944 года, в день 80-летия Гречанинова, в Большом зале Московской государственной консерватории оркестр под управлением дирижера А. И. Орлова исполнил его Четвертую симфонию и фрагменты из оперы «Добрыня Никитич». А на Всесоюзном радио вышло несколько передач, посвященных его творчеству.

Американцы тоже полюбили Гречанинова и его музыку. Его юбилеи превращались в настоящие музыкальные праздники. Так, в день 85-летия композитора в концертных залах и по радио звучали его произведения. Газеты и журналы помещали его фотографии и хвалебные статьи о нем. Иногда в них упоминалось и о сотрудничестве русского композитора с Донским хором.

Кроме того, Гречанинов продолжал дружить с художниками М. В. Добужинским и Б. Ф. Шаляпиным, учеником Репина М. А. Вербовым, Л. А. Михельсоном и М. Л. Кацом, писавшими его портреты. Все эти люди входили в круг близких знакомых и Сергея Жарова. Тесно общался Гречанинов и с художником-авангардистом С. Ю. Судейкиным, в 1946 году ушедшим из жизни.

Гречанинов внимательно, насколько это было возможно в Америке, следил за музыкальной жизнью в СССР. С восхищением относился к произведениям трижды лауреата Сталинской премии композитора Д. Б. Кабалевского; лауреата четырёх Сталинских премий А. И. Хачатуряна; к песням и хорам А. В. Александрова. А «первым во всем мире из современных композиторов, самым интересным, оригинальным, новым, захватывающим богатством красок» считал советского композитора С. С. Прокофьева.

В январе 1956 года Гречанинова не стало. Сергей Жаров очень тяжело переживал уход старшего товарища. На панихиде в Соборном храме Воскресения Христова в Нью-Йорке он присутствовать не смог, так как был на гастролях в Европе. В Париже панихиду по усопшему отслужили в соборе Святого Александра Невского на улице Дарю. Почти все русскоязычные газеты Франции поместили некрологи о композиторе, где называли Александра Тихоновича Гречанинова «гением хорового пения».

Композитор Константин Шведов

В одной из своих первых поездок по Америке Жаров встретился с Константином Николаевичем Шведовым (1886–1954), русским композитором, хоровым дирижером и церковным регентом, выпускником, а впоследствии и профессором Московской консерватории. До поступления в консерваторию Шведов окончил Синодальное училище церковного пения, где когда-то учился Сергей Жаров. У них были одни и те же учителя, и среди них Александр Дмитриевич Кастальский.

Большое влияние на формирование духовного облика Шведова оказал кружок скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова, с 1923 года жившего в США. В Америке Шведова и Конёнкова связывали дружеские отношения.

Сергей Тимофеевич был женат на Маргарите Ивановне Воронцовой. Она была моложе его на 24 года и являлась кадровой советской разведчицей: два десятилетия работала на нелегальном положении в Америке. Так, Сталин получал из многих источников информацию о хоре Жарова, судьбой которого время от времени интересовался. Одним из таких источников была жена скульптора Конёнкова, поддерживавшая самые тесные контакты с композитором Шведовым.

Сам Шведов из Советской России перебрался на Запад в 1925 году, хотя карьера его на родине складывалась весьма успешно. Он был дирижером и хормейстером Музыкальной студии Московского художественного театра. Ещё до революции ведущие музыкальные критики высоко оценили его талант. Один из них после премьеры Литургии Святого Иоанна Златоуста восторженно писал, что произведение Шведова ничуть не уступает по глубине и музыкальной насыщенности подобным сочинениям П. И. Чайковского или С. В. Рахманинова. Тем не менее, находясь в 1925 году в служебной творческой командировке сначала в Европе, а затем в США, Шведов решил не возвращаться на родину.

Как только композитор впервые услышал в Америке хор Жарова, он был поражён его музыкальными возможностями. Композитор не только согласился работать с коллективом, но и сам предложил свои услуги. Очень скоро он занял место главного «поставщика» нового репертуара для Донского хора. Тандем Жаров — Шведов не только на долгие годы сплотил две творческие личности, но и существенно обогатил русскую духовную хоровую музыку.

Расплачиваться за любовь Сергея Жарова к Константину Николаевичу

пришлось хористам. Музыкальное творчество композитора, его аранжировки были не только оригинальными и замечательными, но и очень сложными. Чтобы довести до нужного уровня любое произведение Шведова, требовались невероятные усилия. Но Жарову нравилось преодолевать препятствия. Он и Шведов стремились из элементарных частиц человеческого духа создать нечто такое, чего раньше не существовало, образно говоря, ткали музыку из воздуха и пространства. При этом каждое произведение оттачивали до совершенства. Регент, как всегда, проявлял волю и энергию при разучивании нового музыкального сочинения, уделяя пристальное внимание его интерпретации и шлифовке. Но когда оно было готово, исполнять его самим певцам становилось в удовольствие.

В некоторых своих произведениях Константин Николаевич продемонстрировал не только большой музыкальный и композиторский, но и поэтический талант. Многим известна его музыкальная аранжировка «По малину». Но далеко не все знают, что и слова замечательной песни написал сам Шведов.

История этого произведения примечательна. Некоторые певцы хора, и в том числе солист Архип Левченко, очень внимательно следили за музыкальной жизнью в Советском Союзе: восхищались успехами Русского народного хора им. М. Е. Пятницкого, основанного в 1911 году, и Ансамбля красноармейской песни и пляски СССР. Они покупали в Америке все их пластинки. Однажды Архип Левченко уговорил Сергея Алексеевича послушать песню «Провожанье» в исполнении хора Пятницкого. И... Жаров предложил Шведову аранжировать ее, что тот и сделал, даже написав новые слова. Получилось очень удачно. Так появилась песня «По малину» на слова и в аранжировке Константина Шведова.

Невозможно перечислить все церковные песнопения и советские произведения, обработанные Шведовым для хора Жарова. Очень популярны были «Лезгинка» и «Очи чёрные». А песня «Две гитары» заслуживает особого внимания!

Трогательно в его аранжировке под названием «Воспоминания о Чайковском» зазвучала музыка Петра Ильича Чайковского, пронзительно обнажив лейтмотивную тему неумолимой судьбы. Вообще, кантата «Воспоминания о Чайковском» на слова Шведова составлена из нескольких произведений великого композитора: Пятой симфонии, Струнного квартета, Славянского марша и Анданте Кантабиле. Заканчивалось оно гимном самому Чайковскому:

...Русскому гению, чистому, светлому,
Русскому гению, чистому, светлому,
Слава, слава, слава навек...

А «Прелюд» Сергея Рахманинова всегда исполняли без слов, пока Шведов не подобрал к нему стихи Пушкина из поэмы «Полтава»:

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неумолимый
Бежит в степи необозримой?
Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Эта музыка в исполнении хора Жарова прозвучала с поистине сверхчеловеческой силой. Публика, слушая её, захлёбывалась от восторга. Казалось, сердца слушателей, повинуюсь некоему мистическому воздействию чарующих, гипнотизирующих звуков, готовы вырваться из груди. Для Шведова важнейшим элементом любой композиции являлась полифония, поэтому в своём творчестве он уделял ей особое внимание. Именно сходное понимание основных принципов построения музыкального произведения делало Жарова и Шведова единомышленниками.

В 1938 году русские православные общины во всем мире отмечали 950-летие Крещения Руси. К знаменательной дате Константин Шведов написал величественную «Кантату» — вокально-инструментальное произведение для солистов, хора и оркестра. Начиналось оно с момента крещения князя Владимира в Херсонесе, а затем прослеживались важнейшие события в истории государства Российского: раздробленность Руси, монгольское нашествие, объединение и укрепление русских земель, Смутное время... К сожалению, исполнялась «Кантата» только один сезон. Затем на долгие десятилетия она была забыта.

В 1939 году, во время гастрольной поездки по США, хор, кроме обычной программы, подготовил несколько номеров для пения с оркестром. Казаки виртуозно исполнили сцену коронации Бориса из оперы

М. П. Мусоргского «Борис Годунов», затем «Спаси, Господи» и песнопение из торжественной увертюры Петра Чайковского «1812 год». Все эти замечательные произведения были аранжированы для хора Константином Шведовым. Американские газеты с восторгом писали о великолепном исполнении роли царя Бориса солистом хора, баритоном Архипом Левченко. А одна чикагская газета даже позволила себе смелое сравнение: «Песни Жарова — это молитва Всевышнему, не только Евангелие в звуках — это разговор с Творцом на равных».

Донской хор исполнял и многие церковные литургические песнопения в аранжировке Шведова. Особый отклик у слушателей вызывали песнопения панихиды «Со святыми упокой», «Сам един еси бессмертный» и «Вечная память». Композитор и регент убедительно доказывали, что в минуты скорби музыка — и врач, и лекарство, и спасение, и успокоение, и главная награда. В некоторых церковных песнопениях Шведов специально накладывал два различных соло баса, чтобы заставить подготовленного слушателя ещё пристальнее вслушаться и овладеть сакральным знанием сути музыки.

После того как в 1939 году хор окончательно перебрался из Германии в Америку, встречи Жарова со Шведовым стали едва ли не ежедневными. Лето в США хор обычно проводил в штате Нью-Джерси, в местечке Белмар на берегу Атлантического океана, примерно в пятидесяти километрах от Нью-Йорка. Шведов постоянно каждое лето принимал участие в репетициях хора.

Зная, что Жаров всегда уделяет повышенное внимание подготовке новой программы для следующего сезона и сжигает себя и хор у всех на глазах во время очередной спевки, он не позволял этого делать и часто вносил новые поправки в то или иное свое произведение, облегчая жизнь исполнителям, но иногда и усложняя её. Шведов постоянно говорил, что яркая эмоциональность в передаче музыки — верная примета исполнительской талантливости. Но чтобы добиться этого, Шведову и Жарову на протяжении двух летних месяцев ежедневно по несколько часов приходилось работать с хором, находя свежий подход к одному и тому же музыкальному произведению. Жаров, как творческий человек, отлично понимал, что за всё нужно платить: поверхностность разрушает художественное мастерство и личность. Поэтому каждый день, каждый час он отдавал себя искусству целиком и полностью, боясь сфальшивить хоть на полтакта, на четверть тона.

Одновременно с разучиванием литургических песнопений Жаров вместе со Шведовым с удовольствием репетировали новые светские песни,

такие как «Лезгинка», «Две гитары», «По малину», «Вот полк пошел по бережку крутому» или «Вдоль деревни» и «Провожанье».

На протяжении десяти лет Константин Шведов плодотворно сотрудничал с хором, пока в конце 40-х годов серьезно не заболел. Силы его стали заметно угасать. К этому времени качественно и количественно поменялся и состав хора. Пришли молодые люди с крепкими, современными, звучащими уже по-иному голосами. Если в 1927 году ансамбль состоял из 36 певцов, то к концу 1950-х годов всего из 23. Поэтому Жарову пришлось самому все сложные произведения, аранжированные Шведовым для 32 голосов, переложить на 23. Это, в свою очередь, привело к упрощению некоторых музыкальных композиций, но композитор и регент посчитали, что произведения пострадали незначительно, хотя и тот и другой перемену, конечно же, чувствовали.

В 1954 году Константина Николаевича Шведова не стало. Сергей Алексеевич очень глубоко переживал потерю. Благодарную память о замечательном русском композиторе он сохранил на всю оставшуюся жизнь.

Сол Юрок

Начиная с 1930-х годов на протяжении нескольких лет с Донским хором работал знаменитый американский музыкальный и театральный импресарио Сол Юрок. Русская оперная певица Галина Вишневская как-то заметила: «Если ты появлялась где-нибудь с Юроком, все оказывали тебе самое большое внимание. И не потому, что это ты, а просто потому, что, если ты с Юроком, значит, ты очень значительная персона». Действительно, Юрок всегда предлагал только лучший товар! Этому правилу он придерживался всю жизнь.

Правда, когда-то он был никому не известным молодым еврейским эмигрантом, прибывшим в Америку в 1906 году с западной окраины Российской империи. Звали его Соломон Израилевич Гурков. И он совсем не говорил по-английски. Выдающийся американский скрипач Айзек Стерн как-то заметил: «Юрок знает шесть языков, и все они — идиш». Юрок был по-библейски мудр и не делал разницы между социализмом и капитализмом, а сотрудничал со всеми политическими системами.

Он родился 9 апреля 1888 года в городе Погар (то есть «погорелый»), который возник на месте полностью сожжённого в 1534 году киевским воеводой Андреем Немировичем древнего русского города Радогощ. В Погаре была большая и сильная еврейская община, но из-за притеснения евреев многие её члены стали покидать город и перебираться в другие страны. Среди них был и Соломон Гурков, получивший при въезде в США, благодаря какому-то пограничному чиновнику, новое имя — Сол Юрок.

Так началась его новая жизнь. Работал курьером, продавцом в скобяной лавке, мойщиком бутылок, кондуктором трамвая. Затем, как настоящий пролетарий, увлёкся левыми идеями. Стал посещать собрания рабочих. Однажды руководство попросило его пригласить артистов, чтобы они заманивали публику на подобные сборища. Так на рабочих митингах появились оперные певцы и скрипачи, поющие и играющие в перерывах между выступлениями ораторов. Юрок быстро понял, что чем выше уровень музыкального исполнения, тем больше людей можно собрать на то или иное мероприятие.

Вскоре он оставил социалистическое рабочее движение и занялся музыкальным шоу-бизнесом. Через несколько лет, накопив денег и набравшись опыта, основал компанию *S. Hurok Attractions, Inc.* Именно эта компания и пригласила казачий хор Жарова в первую гастрольную поездку по Америке. К тому времени у Юрока уже был большой опыт работы с

русскими исполнителями: он блестяще устраивал концерты как эмигрантов, так и советских артистов не только в США, но и в Англии и континентальной Европе. Его несомненной удачей стали договоры, подписанные с советским пианистом Львом Обориним и 22-летним скрипачом Давидом Ойстрахом.

В 20-е годы он организовал грандиозное турне по Америке прима-балерины Большого театра Анастасии Абрамовой и всемирно известной балерины Анны Павловой. Благодаря Юроку в Америку из Франции приезжала труппа Сергея Дягилева.

В сентябре 1922 года по инициативе Юрока состоялось знаменитое турне по США танцовщицы Айседоры Дункан в сопровождении мужа — русского поэта Сергея Есенина. После Второй мировой войны по приглашению Юрока Америку посетили Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, ансамбль Игоря Моисеева, Театр кукол Сергея Образцова и, наконец, балет Большого театра с великой балериной Галиной Улановой. А дружба с Рудольфом Нуреевым и Майей Плисецкой продолжалась до самой смерти знаменитого импресарио.

Юрок ещё в 20-е годы наладил отличные отношения с советским правительством. Только с 1926 по 1937 год он посетил Москву восемь раз. Свои вояжи в Советский Союз он не скрывал, но и не афишировал, хотя своему покровителю Джону Рокфеллеру о каждой такой поездке докладывал подробно, в мельчайших деталях. Юрок со знанием дела использовал противоречия между капиталистической и социалистической системами и зарабатывал на этом очень большие деньги. Кроме того, именно его продюсерский центр ещё за три года до установления дипломатических отношений между США и СССР в 1933 году получил исключительное право привозить советских артистов в США и Великобританию, а американских и британских — в Советский Союз. Немаловажную роль сыграло и личное знакомство с первым наркомом просвещения Советской России Анатолием Васильевичем Луначарским.

В 1935 году состоялась встреча Юрока с И. В. Сталиным. Произошло это в Московском художественном академическом театре СССР им. М. Горького, у кабинета К. С. Станиславского, в присутствии В. И. Немировича-Данченко. Юрока потрясло, что эти театральные режиссеры, основатели театра, разговаривали со Сталиным безо всего заискивания, а как бы на равных. Владимир Иванович представил Юрока Сталину, отметив, что это самый знаменитый американский продюсер, помимо прочего, являющийся импресарио Фёдора Шаляпина.

— Что делает Шаляпин? — спросил Сталин Юрока. — Почему он не

приезжает в Москву?

На вопрос вместо американца ответил Немирович-Данченко.

— Полагаю, — сказал знаменитый режиссер и театральный критик, — ему нужно очень много денег, чтобы жить на широкую ногу — как он привык. Такие деньги можно заработать только за границей.

— Мы дадим ему деньги, если вопрос только в этом! — сказал, не задумываясь, Сталин.

— Но ещё есть вопрос жилья, — продолжил свои объяснения Владимир Иванович. — У него ведь большая семья, вы об этом знаете, Иосиф Виссарионович.

— Мы дадим ему хороший дом в Москве. Дачу где захочет, — Сталин повернулся к Юроку. — Просто скажите ему, чтобы он приезжал домой.

Передал ли Юрок Шаляпину просьбу Сталина, мы не знаем. В 1937 году у Фёдора Ивановича врачи обнаружили лейкоз, а 12 апреля 1938 года он скончался в Париже на 66-м году жизни.

Юрок мечтал, чтобы Шаляпин выступил перед президентом Франклином Рузвельтом с казачьим хором Жарова, но этому не суждено было сбыться. Во время Второй мировой войны Юрок организовал огромное количество концертов хора в воинских частях американской армии, а сразу после окончания боевых действий в Европе несколько раз встречался с жаровцами в Лондоне и Париже. Нельзя сказать, что Юроку была близка русская хоровая музыка, особенно духовное православное песнопение, но он понимал, что донские казаки производят качественный продукт, востребованный на музыкальном рынке, поэтому поручил заниматься ансамблем одному из своих линейных импресарио.

В мрачные годы маккартизма и «охоты на ведьм» Юрок попал в черный список подозреваемых в симпатиях к коммунистам. И было за что: иммигрант, еврей, личные связи с руководством СССР вплоть до Сталина, дружеские отношения с советскими дипломатами, в том числе с послом Советского Союза в США в 1941–1943 годах М. М. Литвиновым, частые поездки в Москву. Юроку пришлось пережить несколько нелегких, унижительных месяцев оправданий перед чиновниками из ФБР.

При этом то, что на протяжении многих лет он поддерживал Донской хор и являлся его многолетним импресарио, сыграло положительную роль в процессе оправдания перед политическими ястребами сената. Следователям из ФБР Юрок показал карикатуру, где были изображены казачий хор Жарова и Сталин, зажимающий уши, чтобы не слышать его пения. В ФБР хорошо знали, что в натурализации донских казаков и получении ими американского гражданства главную роль сыграл именно

Сол Юрок.

Скончался Соломон Юрок в возрасте 85 лет 5 марта 1974 года в Нью-Йорке, по иронии судьбы ровно через 21 год после Сталина. Церемония прощания состоялась на сцене Карнеги-холла. Зал был полон знаменитостями. Люди приехали проститься с выдающимся продюсером с разных концов света, чтобы сказать последнее «прощай» тому, кто их любил и опекал. Были здесь и певцы Донского хора. В одном из последних интервью Сол Юрок сказал: «Я посвятил мою жизнь служению той простой идее, что Искусство — важнейшая часть жизни каждого человека. Никто не может обойтись без него, как бы богат человек ни был, он все равно беден без искусства».

Скорбь без нитя

Для эмигрантов первой волны, в большинстве своём влачивших жалкое, безрадостное существование в буднях безвременья, хор Жарова был глотком свежего воздуха, связующей нитью с далекой, недостижимой родиной. Сергей Жаров покинул родную страну не как эмигрант, а как беженец, унеся Россию с собой. Песни казаков пробуждали такой патриотический порыв, такую гордость за отчизну, что это давало, пусть ненадолго, русским изгнанникам ощущение счастья от сознания, что и они — частичка России и её могучей истории. Песнопения донских казаков трогали их до слез, они плакали от гордости, что они русские. А существование обретало некий потаённый смысл: нелёгкая доля на чужбине озарялась робкой надеждой, что скоро всё изменится к лучшему.

Однако чего стоило ждать и на что надеяться? Если сравнивать русскую музыку с западной, то музыка Дж. Верди чувствительна, И. С. Баха — не лишена рационализма, В. А. Моцарт сочетает в себе элементы чувствительного и рационального. Жаров умел самую простую мелодию наполнить трагическим пафосом. Но, несмотря на это, в манере исполнения хора всегда прослеживались два лейтмотива: один — что Россия исчезла в пространстве, другой, что именно эта страна — «мессия грядущего дня» (Андрей Белый).

В 60—70-е годы XX столетия в Западной Европе и Америке осталось совсем немного эмигрантов первой волны, чтобы собирать полные концертные залы. Это потребовало от Жарова обновления репертуара. Необходимо было переместить акцент с церковной музыки на светскую, народную.

Ещё в 1954 году хор перешел от импресарио Клары Эбнер к продюсеру Курту Коллину из Гамбурга, а с 1963 года — к Отто Хофнеру из Кёльна. К этому времени Хофнер уже сделал с хором Жарова три художественных и шесть телевизионных фильмов и очень хорошо знал регента и весь коллектив. Отто Хофнер довольно бережно относился к жаровскому наследию, но, как продюсер, стремился постоянно зарабатывать как можно больше денег. Тактически сделать это было нетрудно, но тогда хор проиграл бы в стратегии и через несколько сезонов был бы никому не интересен.

Поэтому Жаров не шёл на поводу у импресарио и никогда не одевал русскую народную песню в чуждый ей гармонический наряд, зачастую

искажающий и уродующий её. Однако такие попытки в угоду европейской или американской публике со стороны продюсера то и дело предпринимались. Например, предложение выступить в совместной программе с известным певцом Иваном Ребровым (настоящее имя Ганс Рольф Рипперт), высказанное Хофнером, было отвергнуто Жаровым. (Такой концерт, несомненно, стал бы сенсацией и принёс много денег и организаторам, и исполнителям. Иван Ребров, как всегда, вышел бы на сцену в облике «русского медведя» — в неизменной меховой шапке, собольей шубе и расшитой косоворотке. Многие на Западе такими и хотели видеть всех русских артистов.)

Жаров понимал, что за все надо платить и подобное поверхностное отношение к творчеству разрушает художественное мастерство, а затем и личность. От таких предложений он всегда отказывался. И все-таки некоторые немецкие телевизионные режиссеры монтировали так свои программы, что казалось, Уральский казачий хор, Иван Ребров и хор Жарова — одно целое.

С 1960 по 1980 год Донской хор с продюсером Хофнером дал около 3500 концертов в Западной Европе. Хорошие гонорары позволяли Жарову заниматься благотворительностью. Так, в январе 1963 года он пожертвовал значительную сумму на восстановление собора Святого Александра Невского в Париже. В куполе знаменитого храма появились большие трещины, угрожая обрушением. Для проведения реставрационных работ требовалось не менее полумиллиона франков, или 95 тысяч долларов. Помочь возродить храм могла только русская эмиграция, но её центр еще до Второй мировой войны переместился из Европы в Америку.

Получив письмо о помощи, подписанное председателем Комитета по спасению собора князем Н. С. Трубецким и благословленное управляющим Архиепископией православных русских церквей в Западной Европе архиепископом Сиракузским Георгием (Тарасовым), Жаров отозвался немедленно. Сначала он перевёл некоторую сумму на счет собора, а затем, во время европейского турне, организовал в храме благотворительный концерт, собравший почти всю русскую эмиграцию Парижа. Пожертвования превзошли самые смелые ожидания членов Комитета, куда, кроме князя Трубецкого, входили князь Андроников, писатель Борис Зайцев и балетмейстер Серж Лифарь.

В 1964 году состоялось новое турне по Японии, где Жарову несколько ночей подряд снилась большая собака, которая не кусалась и не бежала за ним, а только ласково лизала ему руки. Три дня он пытался разгадать сон, пока ему не объяснили, что он к финансовой беде. И действительно, сон,

увы, оказался вещим: японский продюсер гастролей хора разорился. Узнав об этом, его жена-писательница бросила неудачника-мужа, прихватила все оставшиеся деньги и скрылась в неизвестном направлении. О коварстве супруги жаровского импресарио японские газеты писали больше, чем о выступлениях самого хора.

Грандиозный концерт хора, который транслировали по телевидению, состоялся в Нью-Йорке 3 апреля 1965 года. Программа была составлена так, чтобы в мелодии каждого произведения одновременно сочетались и победоносный марш, и народная песня с широким эпическим напевом. Жаров стремился раскрыть потаенные чувства человека, утратившего отчизну. Всех присутствующих глубоко тронула песня «Молись, кунак». А исполнение большой кантаты Константина Шведова, посвященной православной России, стало своеобразным культурным посланием и еще раз напомнило живущим в изгнании соотечественникам о добровольно возложенной на себя жаровцами миссии — бережно хранить священные для них традиции далекой родины.

Незабываемое впечатление оставили русская народная песня «Красный сарафан» и украинская баллада «Бандура». Затаив дыхание люди слушали музыку, и каждый звук рождал отклик в сердце. Конечно же, напоследок хор спел бодрые военные походные песни, а завершился концерт, как всегда, удалыми казачьими плясками в исполнении двух танцоров-виртуозов.

Зимой 1966 года хор совершил гастрольную поездку по ФРГ и Франции, включая Эльзас и Лотарингию. Певцы посетили более 20 городов: Кёльн, Бинген, Кайзерслаутерн, Гейдельберг, Франкфурт... В некоторых они давали по два концерта в день.

В 1970 году состоялось юбилейное турне, приуроченное к 50-летию хора. Вся мировая пресса писала о феноменальном творческом и профессиональном долголетии Сергея Жарова: многим с трудом верилось, как в течение полувека можно оставаться на вершине мирового музыкального Олимпа. Но годы брали своё, и Жаров постепенно начал ощущать груз прожитых лет. Сразу после турне 1976/77 года по Германии он, измученный и вымотанный, отправился лечиться и отдыхать в свой маленький домик во Флориде, приобретенный несколькими годами ранее как дача. Однако, едва почувствовав себя лучше, он подписал новое предварительное соглашение на большое турне по Европе на сезон 1978/79 года.

Зиму 1977/78 года Жаров с супругой провели во Флориде и вернулись в Лейквуд только 5 мая. Но ещё в конце 1977 года он получил печальное

известие. Его администратор Владимир Тисовский, молодой человек (ему не исполнилось и сорока), попал в автомобильную катастрофу и пролежал в больнице несколько дней без сознания. О возвращении к работе в ближайшие месяцы не могло быть и речи — и 82-летний Жаров часть его обязанностей возложил на себя.

Подготовив новую программу и решив все хозяйственные вопросы, связанные с гастрольной поездкой, Сергей Алексеевич с хором 16 сентября 1978 года вылетел из США в Европу. Сразу по прибытии в Кёльн начались репетиции. Особое внимание на этот раз Жаров уделял «атаке» звука — он стремился создать точный мысленный образ для его восприятия. Регент тщательно следил за правильным дыханием певцов — оно непосредственно влияло на естественность звучания голоса, на его выразительность и эмоциональную палитру исполнения. Добившись желаемого, хор отправился на свои последние европейские гастроли (Германия, Австрия, Голландия, Швейцария, Франция, Бельгия и другие страны). 30 сентября состоялся концерт в Мюнхене, на котором присутствовал Иван Алексеевич Гарднер.

Иван Гарднер

Иван Алексеевич Гарднер — доктор философских наук, исследователь русского церковного пения, регент. В 1920 году с армией Врангеля он отплыл из Крыма в Константинополь, затем одновременно с Жаровым оказался на острове Лемнос, однако тогда они ещё не знали друг друга. В 1936 году он поступил в монастырь преподобного Иона Почаевского в словацком селе Ладомировка и принял постриг с именем Филипп. В 1942–1944 годах он работал в управлении Русской православной церкви за рубежом в сане епископа Потсдамского и vicария Берлинской епархии. В 1950 году с него были сняты сан и монашество (поскольку в 1945 году вступил в брак).

На протяжении 30 лет Гарднер читал лекции по русскому литургическому музыковедению в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана. Состоял членом международной комиссии по исследованию древнеславянских музыкальных памятников при Баварской академии наук. Автор многочисленных научных и популярных статей по церковному пению и двух обширных трудов по древнерусским безлинейным нотациям.

Гарднеру принадлежат также статьи по литургическим вопросам. Много лет Иван Алексеевич состоял в переписке с Жаровым, присылал ему свои статьи, в том числе воспоминания об «анафеме» Успенского собора в Московском Кремле. Он, в частности, писал Сергею Алексеевичу: «Бог вручил Вам песнопение и русскую песню, в которой я, откровенно говоря, профан. Несмотря на то что музыковеды всячески стараются доказать, что наше церковное пение (уставное, разумеется) развивалось под большим влиянием народной песни, я прихожу к совершенно противоположным выводам: изредка, эпизодически мирская песня попадала иногда под влияние богослужебных распевных форм. Это понятно: наши предки, лет 300 тому назад, постоянно посещая богослужение, невольно усвоили если не во всех подробностях певческие обороты, то по крайней мере манеру исполнения и строй ладов гласов, совершенно ускользающий от нас <...> Все музыковеды говорят, что русская хоровая культура достигла своего высшего развития как раз к революции и теперь стоит высоко — но только светская. По моему убеждению, своим культурным развитием русская хоровая культура была во многом обязана именно хоровой церковно-певческой культуре. Ведь, помните, в России: «хор» — ну, значит,

церковный хор, а то какой же? Светская хоровая культура стояла как-никак на втором месте».

Жаров отвечал Гарднеру: «О Ваших трудах по церковному пению я давным-давно хотел сказать, что Вы теперь являетесь единственным знатоком его и в Ваших руках пути слова, чтобы новое поколение правдиво оценило и поняло истинное песнетворчество, тесно соприкоснувшееся с народной песней, а может быть, благодаря этому, сохранились у нас многие обычаи и обряды, переработанные, не без участия истинных священнослужителей, в духе церкви ещё в стародавние времена».

Сергей Жаров очень высоко оценивал вклад Ивана Гарднера в изучение истории русского церковного песнопения. С неослабевающим интересом он прочитал фундаментальный двухтомный научный труд «Богослужбное пение Русской Православной Церкви: Сущность, система и история», опубликованный в 1977 году в Джорданвилле. По словам Жарова, книга была «пропитана превосходством бессмертной души над бренным человеческим телом».

Особое внимание Сергея Алексеевича привлекла хроника становления Московского синодального училища, и он пообещал автору прислать свои воспоминания о таких знаменитых выпускниках, как Чесноков, Данилин, Голованов, Климов, Свешников, Шведов. А в одном из писем Жаров рассказал Гарднеру, как в 1915 году ему посчастливилось вместе с другими студентами Синодалки проникнуть на хоры и услышать первую репетицию «Всенощного бдения» Сергея Рахманинова, исполненного под управлением хорового дирижёра Николая Данилина: «Нас небольшая группа из учеников 8–9 класса притаилась за стульями... Зал был не освещён, и только эстрада с хорами неярко выделялась в полутемноте. Рахманинов и Данилин появились внезапно. Сергей Васильевич с Натальей Александровной сели несколько вдали от эстрады. Началась репетиция. Когда пропел хор Малое славословие, Сергей Васильевич взошёл на эстраду и что-то сказал Данилину, а потом и хору и, стоя, начал играть на рояле *pp* (*pianissimo*) Славословие. Очень певуче-слитно звучало это песнопение, постепенно ширилась звучность, обозначился колокольный рахманиновский звон и постепенное замедление на «Слова...» и — *fff* (*forte fortissimo*)!!! И — «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою»... Все!!! Но как это прозвучало на инструменте, рассказать не хватит у меня слов. То же, если не сильнее, пережили и мои коллеги-товарищи... У некоторых видел слёзы... А он, Сергей Васильевич, чуть выпрямившись, сказал просто и почти буднично: «Вот так бы я хотел пропеть».

Иван Алексеевич Гарднер — один из главных знатоков русского церковного песнопения в XX столетии — высоко ценил творчество Жарова и считал его хор лучшим исполнителем духовной хоровой музыки в прошлом веке. Получить столь лестный отзыв выдающегося ученого было большой честью для Сергея Алексеевича, и он этим очень гордился.

Глава 11

ХОР БЕЗ ЖАРОВА

И. А. Гарднер искренне переживал, что 20 марта 1979 года в Париже состоялся последний концерт Донского казачьего хора под непосредственным управлением прославленного дирижера. Конечно, он понимал, что всему приходит конец, но с этой мыслью долго не мог примириться. Слишком тяжела была потеря для музыкального мира! Гарднер хотел, чтобы основатель хора и его бессменный регент продолжал свою миссию, но, увы, в последней гастрольной поездке по Европе Жаров выходил на сцену только в крупных городах. Во всех остальных его заменял второй дирижёр; им был солист Леонид Луговской. И хотя турне проходило традиционно успешно, 20 марта 1979 года Сергей Алексеевич Жаров торжественно передал управление хором своему преемнику — Георгию Маргитичу.

Казачи, в тёмно-синей форме с широкими тёмно-красными лампасами, двойным кольцом окружили любимого регента и, в последний раз повинувшись движениям слабеющих старческих рук, исполнили «Коль славен наш Господь в Сионе». Зрительный зал встал. Все ощутили, насколько русская культура обращена не только к Богу, но и к человеку, ко всем людям, насколько наполнена верой в Родину, в её могучие духовные и творческие силы. Люди с печальными лицами и глазами, полными слёз, слушали последнее выступление хористов под управлением Сергея Жарова и плакали. Музыка проникала в сокровенные глубины души каждого из них. Поразили необыкновенная мелодическая яркость последнего произведения, его богатство, разнообразие, а также светлая, кристально чистая гармония песнопения и музыкального стиля.

История хора под управлением Сергея Жарова закончилась, и для ансамбля начиналась другая история — под управлением дирижёра Георгия Маргитича. Ему Сергей Алексеевич передал все права на руководство хором.

Георгий Маргитич

Знаменитый концерт в Элис Талли-холле Линкольн-центра в Нью-Йорке состоялся 22 октября 1979 года. В первой части прозвучал «Концерт для трёх скрипок» А. Вивальди в исполнении камерного ансамбля с солистами — Альбертом, Мариной и Александром Марковыми. Затем выступил тенор из Метрополитен-оперы Миша Райцин, обладатель уникального лирико-драматического голоса, и наступила очередь хора под управлением Георгия Маргитича.

Свою программу казаки начали песнопением «С нами Бог» в аранжировке Даниила Кастальского и сразу же, с первых нот, подчинили себе аудиторию. Казалось, зрители никогда ничего подобного не слышали! Особенно великолепны были солисты Иван Березов, Михаил Бобер, Пётр Конюх и Иван Грабко.

С глубоким проникновением исполнил «Великую Ектению» и «Отче наш» легендарный солист Донского хора, бас-профундо Павел Михалик. Он же долгое время исполнял добровольно взятые на себя обязанности своеобразного телохранителя Жарова — всегда защищал регента от любых нападков и неприятностей. Во время корейской войны Михалик служил в американских войсках специального назначения и владел многими видами боевых искусств. У него был самый низкий голос в хоре. И пел он блистательно! Однако после контузии, полученной в Корее, у него начались проблемы с психикой: он часто страдал от посттравматического стрессового расстройства, что выражалось в сверхбдительности и состоянии постоянного ожидания опасности.

В заключительной части программы в Линкольн-центре мощно прозвучало песнопение «Спаси, Господи, люди Твоя» из увертюры Петра Ильича Чайковского «1812 год». У многих слушателей во время исполнения на глаза наворачивались слёзы. Казалось, будто часть России каким-то непостижимым образом вдруг переместили в этот американский зал.

Большинство произведений в тот вечер звучали в аранжировке Сергея Жарова: сам он не смог приехать на концерт, так как совсем недавно во Флориде перенёс операцию.

В последнем отделении концерта тенор Миша Щерб замечательно исполнил «Вечерний звон» в аранжировке Георгия Маргитича, а тенор Джабир Казимов — «Метелицу». Апофеозом всего представления стала русская песня «Эй, ухнем» в исполнении солиста-баса Ивана Березова. На бис казаки залихватски и с посвистом спели старую солдатскую строевую песню «Взвейтесь, соколы, орлами».

Одним из первых шагов, предпринятых Георгием Маргитичем, было переименование хора. Теперь он стал называться «Донской казачий хор и танцоры Америки». Это вызвало большой негативный резонанс в русских кругах США и Западной Европы. Многим эмигрантам не понравилось, что в название к донским казакам добавили американских танцоров. Однако

поначалу даже сам Жаров поддержал переименование, но позднее выяснилось, что Маргитич оказался плохим организатором.

Новому хормейстеру пришлось столкнуться с большим коллективом музыкантов: у каждого из них имелись собственные амбиции и непростые черты характера. Найти взаимопонимание с музыкальным инструментом трудно, а с хором и подавно! Работа певцов требовала невероятного напряжения. Им приходилось постоянно петь в высокой тесситуре. Да и столько концертов в неделю и на таком уровне выдержать, казалось, невозможно. Но при Жарове в коллективе царила воинская дисциплина. Тем не менее певцы любили Сергея Алексеевича и беспрекословно ему подчинялись, а Маргитичу — нет.

Исполнительский уровень хора быстро и неуклонно стал снижаться. Кроме того, упала не только исполнительская дисциплина, но и общая — дисциплина духа. Например, Богомил Манов, высокий баритон, в своё время работавший у Герберта фон Караяна, так пристрастился к азартным играм, что заболел игровой зависимостью. Часами он сражался с «однорукими бандитами» и, конечно же, проигрывал много денег. От этого его характер становился с каждым годом все агрессивнее, пока он окончательно не превратился в человека, страдающего лудопатией. Однажды из-за игры Манов опоздал на репетицию к Караяну. Несмотря на то что Богомил обладал уникальным голосом, Караян его немедленно уволил. Дирижер понимал, что делает. Таких по плотности голосов, как у Манова, в природе практически не существовало, но дисциплина в оркестре важнее всего, и Караян пошёл на крайние меры.

Маргитич не мог железной рукой управлять музыкантами, и Богомил Манов позволял себе иногда вовсе не приходиться на репетиции. А бывали случаи, когда хористы на концерты являлись пьяными, а Маргитич никак не реагировал. Всё это не могло не сказаться на качестве музыкального исполнения! Но самое главное, что вывело Жарова из себя: Маргитич начал сначала изменять, а потом и добавлять кое-какие нюансы в его, жаровские, аранжировки. Однажды он услышал, как Маргитич переложил транспозицию мелодии его всемирно известной аранжировки в другую тональность и осуществил совсем неожиданный переход из одной голосовой партии в другую, сопровождая это самостоятельным движением голосов.

Такого пренебрежительного отношения к своему творчеству Сергей Алексеевич стерпеть не мог — и новоиспечённый регент с треском вылетел с поста руководителя хора. С 1985 года им стал управлять бывший солист хора Михаил Минский. На эту должность его пригласил немецкий

продюсер Отто Хофнер.

Девятнадцатого февраля 1981 года в Нью-Йорке под управлением Мстислава Ростроповича хор Академического общества в составе двухсот человек исполнил «Всенощное бдение» С. В. Рахманинова. Успех был фантастический! Жаров несколько минут аплодировал стоя, вспоминая, как он, ещё студентом Синодального училища, тайком пробрался на одну из репетиций знаменитого сочинения. Рахманинов написал огромное произведение очень быстро — за две недели. Он посвятил партитуру памяти Степана Смоленского — знатока древнего церковного пения, идеолога «нового направления» в церковной музыке рубежа XIX–XX веков и директора Московского синодального училища с 1889 по 1901 год.

Семнадцатого октября 1981 года имя Сергея Жарова было внесено в Русско-американскую палату славы. Такой чести удостоивались немногие русские иммигранты, волею судьбы оказавшиеся в США. Среди них: Владимир Зворыкин — создатель современного телевидения, дочь Льва Толстого Александра Толстая — основатель Толстовского фонда, Василий Леонтьев — лауреат Нобелевской премии по экономике, Мстислав Ростропович — директор национального симфонического оркестра США...

Президент Соединённых Штатов Америки, по случаю знаменательного события, прислал поздравительную телеграмму: «Сергей Алексеевич Жаров основал хор донских казаков, который из скромного начинания превратился во всемирно известного исполнителя хоровой музыки. Америка приняла членов хора с открытыми объятиями, и к 1939 году все они стали гражданами нашей великой страны. Конгресс русских американцев достоин похвалы за высокую оценку заслуг Жарова, и мы вновь шлем ему наши поздравления.

Искренне Ваш Рональд Рейган».

В ответ на поздравление с 85-летием Сергей Жаров сказал несколько лестных слов в адрес президента США, закончив свою речь в Вашингтоне следующей фразой: «Не наша с вами вина, что мы собрались здесь, а не в России, но я верю, что это не навсегда».

С этой надеждой он жил всю жизнь и с ней же умер 5 октября 1985 года в Лейквуде. Мировая пресса на печальное событие отозвалась по-разному. Вот что можно было прочесть в газете «Нью-Йорк тайме»: «Хор донских казаков начал гастролировать по Европе в 1923 году и впервые появился в Соединенных Штатах в 1930 году. Роберт Шерман, писавший о концертах музыкального коллектива в Карнеги-холле с 1967 года, заметил, что сегодня хор уже не обладает той безупречной точностью и силой, как

это было раньше, но всё равно по-прежнему впечатляет своей красотой и продолжает гипнотизировать своей музыкой огромную аудиторию слушателей. Мистера Жарова пережила его жена Неонила Жарова и его сын Алекс».

Михаил Минский

В истории Донского казачьего хора имя Михаила Минского заслуживает особого упоминания. Биография его, как и у большинства певцов ансамбля, сложна и запутанна, а порой трагична и противоречива. Родился он 12 августа 1918 года в Татарстане, в селе Багаево. Еще в детстве, заметив у сына незаурядные музыкальные способности, родители купили ему баян и записали в кружок музыкальных инструментов при сельском Доме пионеров, где он успешно освоил самые важные аппликатурные принципы и приемы игры сначала на баяне, а затем и на аккордеоне. Несмотря на юный возраст, Михаил очень быстро добился высоких результатов, особенно в игре мелкой техникой, и несколько раз занимал призовые места на различных музыкальных конкурсах. Этим он был прежде всего обязан своим преподавателям, профессионально обучившим его основным навыкам игры на инструменте с трехрядной клавиатурой.

В 1935 году Минский поступил на рабфак. Рабочие факультеты — распространенная в СССР разновидность учебных заведений, организованных повсеместно для подготовки рабочих и крестьян к поступлению в вузы. Такая система существовала в Советской России с 1919 года до середины 1930-х годов. До 1917 года подавляющее большинство населения Российской империи было неграмотным. По данным переписи 1897 года, в составе всего населения империи был 21 % грамотных, а за вычетом детей до 9 лет — 27 %. При этом уровень грамотности сильно различался в разных областях страны. Так, в Эстляндской и Петербургской губерниях грамотное население составляло 78 % и 55 %, а в Сибири и Средней Азии — 12 % и 3 % соответственно. При этом нужно учесть, что к грамотному населению относили людей, закончивших церковно-приходские школы и умеющих только читать и писать. Продолжить образование с такими навыками, даже в системе среднего специального образования, было невозможно, не говоря о высшем.

Советская власть взяла курс на поголовную грамотность и создала удобную систему подготовительных отделений при вузах — рабочие факультеты. Благодаря ей Михаил Минский смог, после окончания рабфака, поступить в Казанский университет на геологический факультет. Настоящая фамилия будущего певца жаровского хора тогда была Спирин,

но он поменял её на Спиридонов. А еще позже, уже в эмиграции, стал называться Михаилом Минским, хотя в некоторых украинских национальных музыкальных кругах был известен как Михайло Минский или Мино Минцер.

В 1941 году он стал членом Академического хора. Когда его услышала замечательная русская певица (сопрано) и педагог Мария Владимировна Владимирова, занимавшаяся подготовкой и воспитанием национальных вокальных кадров в Татарстане и Башкирии, она посоветовала ему поступить на вокальный факультет в Московскую консерваторию. Ей очень понравился на редкость приятный тембр голоса обаятельного юноши.

Но благим пожеланиям не суждено было сбыться... Началась война. Михаила призвали в Красную армию. После нескольких месяцев боевой подготовки на младших командирских курсах в Саратове 2 августа 1942 года он прибыл со своей воинской частью на фронт и, попав в окружение, оказался в плену. До 1944 года, испытывая всевозможные физические лишения и моральное унижение, находился в лагере для советских военнопленных, пока его не отправили на принудительные работы на венгерскую границу в качестве батрака на одну из сельскохозяйственных ферм, где хозяином оказался бывший певец хора Кострюкова. От него-то Михаил Минский и узнал о существовании русских музыкальных ансамблей на Западе, в том числе казачьих хоров — Платовского и жаровского.

С 1945 по 1948 год Минский находился в Германии в различных лагерях для перемещенных лиц. К лету 1945 года почти пять миллионов советских граждан оказались в Западной Европе. 400 тысяч из них предпочли остаться здесь, большинство захотели вернуться на родину. Среди оставшихся был и Михаил Минский. В ноябре 1945 года в лагере для перемещённых лиц в городе Бад-Херсфельд (земля Гессен), где он содержался, был организован интернациональный хор. Руководство лагерей часто не знало, чем занять своих подопечных. А ансамбль не только решал проблему занятости, но и позволял другим перемещённым лицам культурно проводить досуг, слушая пение. Идея создания музыкального коллектива была поддержана высшим лагерным начальством и воплощена в жизнь.

Так Михаил Минский попал в хор. Первые гастроли состоялись уже через месяц и прошли в таких же лагерях для перемещённых лиц. Достоверно известно, что хор выступал в лагерях городов Ингольштадт и Бад-Киссинген, а затем его отправили на постоянное пребывание в лагерь баварского города Карлсфельд, расположенного на северо-западной

окраине Мюнхена. Здесь, в Баварии, при посещении города Регенсбурга и произошла первая встреча Михаила Минского с Григорием Китастым — руководителем капеллы бандуристов им. Тараса Шевченко. Это знакомство во многом изменило его жизнь и привело на профессиональную сцену.

Ещё до Великой Отечественной войны Григорий Трофимович Китастый, дирижер и художественный руководитель Украинской государственной образцовой капеллы бандуристов, был известной личностью в музыкальных кругах Киева. Слава о его ансамбле гремела уже тогда далеко за пределами Украины. Однако во время оккупации Киева Китастый со своим коллективом стал сотрудничать с нацистами — выступать перед солдатами вермахта и воинами Украинской повстанческой армии, а также украинскими националистами из ОУН.

В 1943 году Китастый со своей капеллой оказался в Германии. В статусе остарбайтеров до конца войны бандуристы постоянно разъезжали по городам гитлеровской Германии и Западной Украины с концертами. Разумеется, о возвращении в Советский Союз не могло быть и речи: перспектива оказаться в сталинском ГУЛАГе не привлекала дирижера. В 1949 году Китастый выехал в США.

В 1948 году в составе ансамбля бандуристов стал выступать Михайло Минский, заделавшись прирожденным украинским кобзарем. В США и Канаде капелла пользовалась успехом у зрителей. Музыкантов даже однажды пригласили в Белый дом дать концерт для администрации президента США. Примерно в то же время Михаил Минский впервые услышал Донской хор и познакомился с Сергеем Жаровым. Оказавшись в США, Минский получил стипендию от одного благотворительного фонда и начал брать уроки пения. В 1953 году он дебютировал в Карнеги-холле, а в 1954-м принял участие в постановке оперы «Аида» в Филадельфии. Тогда же он стал активным членом украинской диаспоры в США и Канаде, выступая везде, где жили украинцы.

В 1953 году он получил американское гражданство, в графе «имя и фамилия» значилось: Михаил Минский. Так из Спирина и Спиридонова он окончательно превратился в Минского. Жил он в то время в Детройте, по соседству с художественным руководителем ансамбля Григорием Китастым, и быстро стал его ближайшим другом. В 1958 году состоялось знаменитое турне капеллы сначала по городам США и Канады, а затем по странам Европы (Англия, Швейцария, Швеция, Дания и Голландия). Успех бандуристов был ошеломляющим. О них с восторгом писали многие американские и европейские газеты. В 1959 году Минский выступил перед папой Римским, а с начала 60-х годов начал сотрудничать с хором

Черноморских казаков.

После встречи в 1964 году в швейцарском Люцерне с Сергеем Жаровым прославленный «кобзарь» Минский до конца жизни сотрудничал с Донским казачьим хором. Когда в 1979 году хор распался, он окончательно перебрался в Европу и поселился в голландском городе Зволле, организовав там смешанный Славянский хор. Через несколько месяцев хор получил известность в Голландии и даже участвовал в нескольких популярных телепередачах. С 1982 по 1984 год Минский, кроме того, руководил в Гааге любительским Хором уральских казаков, а в 1984–1988 годах возглавлял Уральский казачий хор в Германии.

В 1986 году, после смерти Жарова, продюсер Отто Хофнер предложил ему запустить грандиозный проект под названием «Николай Гедда и Донской казачий хор Сергея Жарова». Минский с энтузиазмом принялся за работу и возглавил хор. В рамках проекта прошли несколько успешных концертов.

Николай Гедда

Одним из преданных почитателей Сергея Жарова долгие годы оставался всемирно известный шведский оперный певец Николай Гедда. Первая пластинка, услышанная им ещё в раннем детстве, была с записями Донского хора. Любовь к казачьему ансамблю он пронёс через всю жизнь.

В 1957 году Гедда стал ведущим солистом Метрополитен-оперы в Нью-Йорке и отдал этому театру 22 года. Ему принадлежал почти весь теноровый репертуар — Альфред Жермон, герцог Мантуанский, Фауст, Герман, Ленский, Лоэнгрин... За свою жизнь он исполнил более 60 главных оперных партий. 1 ноября 1957 года состоялся его дебют на прославленной сцене в заглавной партии оперы Шарля Гуно «Фауст», а 23 января 1964 года он блестяще выступил в роли Абдула на премьерном спектакле комической оперы Джан Карло Менотти «Последний дикарь».

Количество записанных им пластинок не поддаётся подсчету. Он был желанным гостем в Ла Скала, Парижской опере и в лондонском Ковент-Гардене. Гедда говорил и пел на семи языках. Его репертуар включал более двухсот песен, в том числе на русском языке: «Однозвучно гремит колокольчик», «Замело тебя снегом, Россия», «Молись, кунак», «Юнкера гвардейской школы» и, конечно же, «Вечерний звон». Последнюю он выучил, когда ему исполнилось всего лишь три года. Но откуда шведский певец знал русский язык?

Николай Гедда родился в 1925 году в Стокгольме. Его настоящими родителями были белогвардейский офицер, эмигрант Николай Гедда и шведка Клэри Линнеа Линдберг. Но узнал об этом юноша, только когда ему исполнилось 20 лет. До этого он считал, что его родители Михаил и Ольга Устиновы. На самом деле Ольга Устинова (в девичестве Гедда) была родной сестрой Николая, а значит, мальчику приходилась тётей. Биологические родители по ряду причин оставили её на попечение ребёнка. Она со своим мужем Михаилом Устиновым, тоже эмигрантом и уроженцем города Новочеркаска, и вырастила его.

Михаил Устинов в конце 20-х годов пел в Германии в Кубанском казачьем хоре и недолго у Сергея Жарова. Приходилось много гастролировать, поэтому его жена была очень недовольна таким образом жизни. Наконец в 1928 году муж Ольги Устиновой получил постоянное место псаломщика в русской церкви поминовения в Лейпциге. Православный храм был построен в память знаменитой Битвы народов под

Лейпцигом в 1813 году и освящен в столетний юбилей знаменательного события в 1913-м.

Еще в пятилетнем возрасте Гедда во время богослужений и религиозных обрядов начал петь в детском церковном хоре. У него обнаружился абсолютный слух, и он умел читать ноты с листа. Как он смог добиться таких поразительных успехов? По словам самого Гедды, главным воспитательным аргументом на протяжении нескольких лет служил казачий ремень. Михаил Устинов воспитывал пасынка так, как воспитывали его самого в Новочеркасске — столице области Войска Донского. Закон Божий всегда стоял на первом месте. Впоследствии, уже став мировой оперной звездой, Гедда скажет: «Стать звездой? Нет, это не принесло бы мне никакого внутреннего удовлетворения. Мне хочется, чтобы те, кто пришёл слушать меня, испытывали соприкосновение с чем-то прекрасным. Поэтому я с удовольствием пою в церквях: там получаешь возможность исполнить внутренне значительные, печальные вещи, которые трогают человеческие сердца. Конечно, в песне живет Бог, поэтому можно передать возвышенную радость, если поёшь сакральную вещь. Мне кажется, высшие мои достижения связаны как раз с церковным пением».

В конце 1944 года девятнадцатилетнего Гедду потрясло письмо, полученное его отцом из Германии. В нем сообщалось, что один из близких знакомых семьи, бывший певец Донского хора, у которого Николай в детстве часто сидел на коленях, пытаясь во время бомбежки перебежать через улицу, увяз во вспыхнувшем асфальте и сгорел заживо. Вся семья тяжело переживала печальное известие и долго говорила о нём в своём кругу, часто при этом слушая пластинки казачьего хора Сергея Жарова.

В 1952 году международная грамофонная компания *HMV–Columbia*, впоследствии сменившая название на EMI, решила впервые за пределами Советского Союза записать оперу М. П. Мусоргского «Борис Годунов». В качестве дирижера пригласили И. А. Добровейна, и он начал срочно по всему миру набирать актерский состав. Прежде всего ему понадобились певцы, знающие русский язык или хотя бы правильно произносящие русские слова. Таких в Европе оказалось не так уж много. Заглавная партия досталась болгарскому басу Борису Христову — звезде номер один мировой оперной сцены того времени. Остальные исполнители, естественно, должны были соответствовать его уровню.

Какой-то шведский импресарио предложил директору *HMV–Columbia* прослушать Николая Гедду, свободно владевшего русским языком. Услышав в его исполнении арию Ленского из оперы «Евгений Онегин» Петра Чайковского, директор тут же подписал с ним контракт и пригласил

на запись пластинки в Париж, в театр «Шаз-Элизе», для исполнения теноровой партии Самозванца. Почему запись проходила в Париже? Там жило много русских эмигрантов, певших в церквях, и из них оказалось легче всего набрать оперный хор. Так летом 1952 года произошла первая встреча Николая Гедды с Добровейном. Очень скоро Гедда узнал, что Добровейн, как и Константин Шведов и Александр Гречанинов, является композитором и аранжировщиком некоторых произведений из репертуара хора Жарова.

Добровейну выпала интереснейшая судьба. Родился он в 1891 году в Нижнем Новгороде. В 1911 году закончил Московскую консерваторию, ученик Константина Игумнова (фортепиано) и Сергея Танеева (композиция). Дружил с Максимом Горьким. Старшее поколение россиян знает о нем по художественному фильму «Аппассионата», выпущенному на киностудии «Мосфильм» в 1963 году, где пианист Рудольф Кремер блестяще сыграл И. А. Добровейна. События в фильме происходят в 1920 году в одной из московских квартир, где Добровейн играет Ф. Шопена и Л. ван Бетховена для лидера первого пролетарского государства В. И. Ленина и писателя Максима Горького. Позднее Горький процитирует слова вождя, сказанные тогда: «Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, детской, думаю: вот какие чудеса могут делать люди. Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми».

Судя по всему, чтобы самому не «получить по головке» или не остаться совсем без неё, Добровейн в 1922 году покинул Советскую Россию: во время гастрольной поездки в Дрезден он остался в Германии. В 1929 году ему удалось получить норвежское подданство — в это время он уже год как руководил Филармоническим оркестром Осло. В 1931 году он получил приглашение возглавить симфонический оркестр Сан-Франциско и руководил им до 1934 года. Наконец, с 1941 по 1953 год он возглавлял Гётеборгский симфонический оркестр. Смерть настигла его в Осло 9 декабря 1953 года. Ему было 62 года.

Сотрудничать с Жаровым композитор начал еще в середине 20-х годов. Уже тогда в репертуаре Донского хора появились его замечательные аранжировки. Можно сказать, что Жаров и Добровейн нашли друг друга. Любовь к русской духовной музыке объединила двух таких разных людей.

Каждое музыкальное сочинение, написанное Добровейном для казачьего хора, созревало в Жарове мучительно долго: сначала вынашивалось, обязательно при высокой температуре, а потом переплавлялось в горниле творческой души. И только когда регент чувствовал, что у произведения появлялся свой собственный язык и неповторимый стиль, он отпускал его. Начинались репетиции, а затем песнопение включалось в концертную программу хора.

Когда Николай Гедда, уже в зрелом возрасте, попал впервые на концерт Донского хора, он, на три четверти швед, вдруг отчетливо понял, что он русский, оторванный от родины и никогда не видевший её. Может быть, поэтому и женился в первый раз на русской пианистке из Парижа, выросшей в эмигрантской среде и тоже никогда не бывавшей в России. Гедду подсознательно тянуло ко всему русскому. Однако, живя в мире капитала, певец твердо усвоил одно правило и придерживался его всю жизнь: «Патриотизм — вещь прекрасная, но кредитный билет — лучше». До денег он был всегда жаден и из-за этого имел натянутые отношения не только со многими продюсерами, но и с собственной женой.

Третьего апреля 1980 года Сергей Жаров перенес хирургическую операцию. Ему удалили желчный пузырь и сделали три переливания крови. Как только Сергей Алексеевич почувствовал себя лучше, он тут же связался с Николаем Геддой и предложил ему в следующем сезоне выступить совместно с хором. Гедда с удовольствием согласился, тем более что у него летом 1979 года закончился контракт с Метрополитен-оперой. Так осенью 1981 года началось первое мировое турне Донского хора с оперной мегазвездой Николаем Геддой. Турне было приурочено к 85-летию Сергея Жарова. Именно под знаком юбилея освещали гастрولي влиятельные европейские и американские газеты.

В воскресенье 12 сентября 1981 года в Нью-Йорке, в Линкольн-центре, состоялся банкет в честь 85-летия Сергея Жарова и 60-летия со дня основания Донского казачьего хора. В том же году Жаров передал Отто Хофнеру все права на управление хором. Как только об этом узнал Георгий Маргитич, он тут же отказался от руководства ансамблем. Как уже говорилось, такое решение Жаров принял обдуманно: на одном из концертов он услышал, что Маргитич исполняет аранжированные им песни не так, как хотелось основателю хора. Допущенные новым регентом вольности привели Жарова в неопишемую ярость, и он решил уступить свои права немецкому продюсеру. А дирижером стал Михаил Минский. 14 ноября 1981 года он дал знаменитый концерт с участием Николая Гедды в средней школе Монтклера в штате Нью-Джерси.

В 1986 году в Европе вновь прошли гастролы хора совместно с Николаем Геддой, но уже посвященные памяти Сергея Жарова. Турне состояло из 41 концерта и началось 3 октября в большом зале Альберт-холла в Лондоне. Однако основной маршрут пролегал по городам Австрии и Германии. Ансамбль насчитывал 16 человек. Концерты прошли в таких городах, как Берлин (два концерта подряд), Мюнхен, Кёльн, Висбаден, Гамбург, Бремен и несколько маленьких немецких городков, где некогда хор выступал с большим успехом.

«Перед каждым концертом, — вспоминал Гедда, — так как это турне было посвящено памяти Жарова, я сорок один раз сказал слово, ему посвященное. Вся программа концертов была составлена исключительно из аранжировок самого Жарова или его основного репертуара. Из духовных вещей я пел с хором «Блажен муж» и «С нами Бог». В программу хора также входили «Хвалите имя Господне», «Господи, помилуй» и, конечно, «Херувимская» Бортнянского. Из светского — мои сольные номера «Молись, кунак», «Вечерний звон», «Однозвучно гремит колокольчик». Среди прочих вещей хор также исполнил «Бандуру», казачьи и народные песни. Одним словом, «жаровские изюминки», столь хорошо знакомые немецкой публике и всегда горячо ею встречаемые».

Основной костяк хора, конечно же, составляли певцы старой жаровской гвардии: Иван Ассур, Иван Березов, Пётр Конюх, Георгий Тимченко. Из новых — Джамбир Казимов, Заика-Воевод. Были среди новых хористов и голландцы, прекрасно владевшие русским языком.

В одном из интервью Гедда сказал: «С ансамблем также выступали два замечательных танцора — один из Голландии, другой специально приехал из Калифорнии».

В своих мемуарах Николай Гедда написал, что выступление с Донским казачьим хором в память о Сергее Жарове стало одним из самых значимых событий в его жизни.

Иван Хлибка

Впервые Иван Хлибка встретился с Жаровым в 1966 году на прослушивании в Конгресс-холле, самом большом в то время концертном зале Мюнхена. Начинающему певцу едва исполнилось 18 лет, Жарову было 70. Но как Иван Хлибка в столь юном возрасте попал на прослушивание ко всемирно известному регенту? История эта заслуживает отдельного рассказа.

Родился Ваня в Баварии 13 мая 1948 года. Настоящее его имя Йохан Георг Райтмаир. Его отец, Антон Хлибка, уроженец города Черновцы (Западная Украина), служил в немецкой армии и вместе со своей воинской частью оказался в американской зоне оккупации. Здесь он устроился на работу певцом в Хор черноморских казаков. Этот ансамбль, так же как и хор Жарова, с успехом гастролировал по всей Западной Германии. Руководил им Сергей Шолох. Именно он через несколько лет пригласит к себе всемирно известного немецкого певца Ганса Рольфа Рипперта и придумает ему сценический псевдоним — Иван Ребров (кальку с настоящей его фамилии: *die Rippe* по-немецки значит «ребро»). Затем Черноморский казачий хор возглавит Сергей Горбенко, бывший дирижер Киевского оперного театра, выступавший во время оккупации перед немецкими войсками. Опасаясь возмездия со стороны победителей за пособничество врагу, он вынужден был бежать в Германию.

В самом начале 50-х годов мать Вани Хлибка развелась с мужем, и тот уехал на постоянное жительство в Гамбург, а она с сыном осталась в своём родном городке Петерсхаузен, недалеко от Мюнхена. Отец нерегулярно, но всё же высылал деньги на воспитание сына, а однажды прислал свою фотографию, где сидел на стуле в казачьей форме. Снимок был черно-белый, поэтому все подумали, что он в обмундировании Донского войска. О черноморских казаках в Европе тогда ещё никто не слышал! Для Ивана Хлибка и его матери все казаки были только донскими!

Поэтому, когда мальчик подрос, он купил несколько пластинок Донского казачьего хора, полагая, что его отец поёт именно у Жарова, и стал их внимательно слушать. Тогда он ещё ни слова не говорил по-русски. Заветным желанием его стало заполучить на пластинке автограф самого регента.

Однажды, когда хор выступал в Мюнхене, Хлибка подошел после концерта к двум певцам. Ими оказались Георгий Тимченко и Иван Ассур.

Показав фотографию отца, он поинтересовался, знают ли они его. Иван Ассур заверил, что этот человек никогда не пел в хоре Жарова, а Тимченко признался, что знает, кто такой Антон Хлибка: до войны его мать пела в оперном театре в Черновцах. А теперь, судя по казачьей форме, тот поёт в Черноморском казачьем хоре Сергея Горбенко. Услышав такую новость, юноша чуть не расплакался. Он был уверен, что отец обязательно должен петь именно в хоре Жарова.

Когда расстроенный парень сел в трамвай и отправился домой, то неожиданно увидел в вагоне Георгия Тимченко. Они разговорились. Тимченко стал расспрашивать про отца, но сын ничего вразумительного ответить не мог, так как отец уже много лет не жил с семьёй. В первый раз Ваня увидел отца, когда ему было пять лет, во второй — десять. Связывала мальчика с ним только фотография, которую он и теперь держал в руках. Неожиданно юноша набрался смелости и спросил солиста: «А есть ли у меня возможность петь у Жарова?» Тимченко не удивился вопросу и простодушно ответил: «А почему нет? Если у вас хороший голос, музыкальный слух и способности выше средних, то в хор можно поступить после прослушивания». Но Хлибка не поверил певцу. Он подумал, что тот просто не хочет обидеть или разочаровать его.

После встречи в трамвае прошло два года. Иван Хлибка чувствовал, что он уже обладает настоящим певческим голосом. Перед очередным концертом в Мюнхене, за час до начала, он встретился с Георгием Тимченко и спросил, может ли его прослушать Жаров. Тимченко растерялся: сам он никогда не слышал молодого человека и ничего не знал о его вокальных данных, но пообещал, что переговорит с Сергеем Алексеевичем. В этот момент к ним подошёл администратор и спросил юношу, чем он может ему помочь. Иван сказал, что хочет петь в хоре. Администратор очень удивился: какой-то восемнадцатилетний пацан желает вот так запросто поступить во всемирно известный хор! Но все-таки назначил молодому человеку время для прослушивания.

И случилось чудо! На прослушивание пришли все хористы во главе с регентом. Иван спел «Вечерний звон». Когда он пел, ему казалось, что он исполняет не очень хорошо. Но после последнего аккорда услышал, как все, и Жаров в том числе, закричали «браво». Однако это ещё не означало, что его сразу приняли в хор. Через администратора Жаров предупредил, что горловое пение — очень сложная работа и молодой человек может с ней не справиться, например, сорвать голос. Случаев таких в истории хора было немало. На что юноша ответил: никто не знает, что с его голосом может случиться через 5—10 лет, но сейчас, несмотря на все трудности и

опасности, он хотел бы петь в прославленном коллективе. В конце концов Сергей Алексеевич пообещал, что, как только появится вакансия, он свяжется с ним.

Не прошло и года, как Хлибка получил приглашение стать членом хора. Однако это решение регента понравилось далеко не всем, особенно некоторым солистам. Против молодого человека, которого посчитали выскочкой, начали плести интриги. У него, действительно, были слабые места. Тогда он совсем не говорил и не понимал по-русски, что существенно затрудняло освоение репертуара, где все песни исполнялись, как правило, только на русском языке. Но нет худа без добра. Скоро у новичка в хоре появились и настоящие друзья, помогающие ему во всем.

На первых репетициях Жаров очень сильно ругал Ивана Хлибка, прежде всего за незнание репертуара и медленное разучивание песен. Через четыре месяца тот сказал регенту, что не хочет больше мешать его работе и уезжает домой. Конечно, принять такое решение было непросто, но и терпеть постоянные замечания и упрёки со стороны Жарова и остальных хористов он больше не мог. Он предупредил регента, что намерен покинуть хор. На что Жаров заметил, что, согласно подписанному контракту, по своему желанию хор оставить нельзя. В любом случае придется выплатить большую неустойку! Это очень испугало певца — таких денег у него не было. Пришлось остаться.

Один из хористов предупредил Ивана, что против него плетут интриги и если он не будет изучать русский язык, а будет только учить песни на русском, то не сможет понимать, что творится вокруг. Это подстегнуло молодого человека, и он занялся изучением русского языка — его фонетикой и грамматикой. Даже нанял преподавателя, а в хоре с разговорным русским ему помогал Сева Горбенко. Увы, вскоре выяснилось, что его новый друг замешан в связях с итальянской мафией. Горбенко ушёл из хора и открыл в Берлине ресторан. (Прославилось заведение тем, что здесь использовали несколько карт меню с разными ценами. Люди заказывали обед или ужин по одной карте, а затем им подавали счет и показывали другое меню, доказывая, что клиенты не правы. В конце концов полиция обратила на это внимание, а югославская мафия застрелила Всеволода Горбенко в Берлине в 1975 году.)

Так Хлибка остался в хоре и проработал в нём всю жизнь. Уже в 19 лет у него был приличный заработок — 3 тысячи марок в месяц. Хорошая квартира в Западной Германии стоила тогда 25 тысяч. Однако о домах и яхтах он в то время не думал — большую часть полученных денег тратил на девушек. Конечно, до Ивана Ассура ему было далеко, но он тоже

пользовался бешеной популярностью у прекрасного пола, особенно у совсем молоденьких барышень.

Разница в возрасте между Жаровым и Ваней Хлибка составляла 52 года — они не могли быть друзьями, но Жаров всегда относился к молодому певцу по-отечески, как к сыну. Точнее, как к позднему ребёнку, иногда нежно и трогательно заботясь о нём. Тем более что отношения у Жарова с собственным сыном становились с каждым годом всё хуже и хуже. Сергей Алексеевич не чувствовал, что у него есть наследник. И в этом он прежде всего винил себя, так как никогда не занимался сыном по-настоящему.

Однако, скорее всего, виной всему было его собственное детство: им тоже никто и никогда не занимался. С возрастом он стал понимать, что это не оправдание. В Иване Хлибка Жаров нашел отдушину и часто был с ним откровенен. Помогал ему в профессиональном росте. Сергей Алексеевич умел великолепно корригировать: за сотую долю секунды понимал, кто выше поёт, кто — ниже. Хлибка позднее с благодарностью вспоминал: «У Жарова я научился многому, точнее, всему. Но таких вершин, каких достиг он, мне не взять. Для меня Жаров в музыке — бог. Я могу сделать только единственное — продлить его музыку. Но создать то, что сделал он, практически невозможно».

И это действительно так! Только Жаров теплом песни умел согреть каждое русское сердце, изнывающее вдали от дома, от родного края! Казачий хор своим искусством доказывал, что русская душа не сгорела в огне революции 1917 года, а, подобно сказочной чудо-птице, ударившись оземь, внезапно преобразилась и предстала перед всем миром в неожиданном, песенном облике...

Однажды, сидя в ресторане, Жаров рассказал Ивану, что в самом конце пятидесятых годов, после встречи президента США Д. Эйзенхауэра с советским лидером Н. С. Хрущевым Сол Юрок предложил ему поехать на гастроли в СССР. Но он отказался. Почему? Боялся, что на родине его арестуют! Сергей Алексеевич признался ученику, что во время Гражданской войны был не просто пулеметчиком-инструктором, а, принимая участие в боях, однажды даже сбил аэроплан противника. Да и кроме этого, у советской власти имелось достаточно оснований обвинить хорунжего Жарова в военных преступлениях. Поэтому, несмотря на американское гражданство, он решил перестраховаться и отказался от турне по Советскому Союзу.

В последние годы жизни Жаров предпочитал пить только сухое вино. Особенно ему нравились красные вина, среди них он выделял швейцарское

«Доль». Производили его в кантоне Вале, расположенном в долине реки Роны. Там и сейчас находится один из самых высокогорных виноградников в Европе — Виспертермине (1100 метров над уровнем моря). Вино из этого сорта винограда Жаров обожал и всегда заказывал его к рыбе. В последние 20 лет жизни он почти не ел мясо. Питался исключительно рыбой. И всегда съедал только половину порции. Если бы он не курил, то, по прогнозам врачей, прожил бы до 100 лет. До 75-летнего возраста он выкуривал как минимум две пачки в день. Однако когда доктора сказали, что если он не бросит, то жить ему осталось всего пару лет, он резко и бесповоротно отказался от табака. У Жарова была поразительная сила воли. Он бросил курить в один день и больше до конца жизни не выкурил ни одной сигареты.

«Каким был Жаров? — рассуждает Иван Хлибка. — Какой у него был характер? Сильный характер. Нужно просто посмотреть на его лицо. Глаза регента смотрели на нас, как стрелки. Он был маленького роста — метр пятьдесят три, но его внутренняя сила чувствовалась во всем. Он был сверхактивным и энергичным человеком. Держать хор в количестве 26–30 человек больше 55 лет — задача архисложная. Ведь все певцы — состоявшиеся музыканты со своими амбициями. На всех репетициях он был очень строгим, но в повседневной жизни — добрым и заботливым человеком. Он никогда не бывал злым. Мог быть рассерженным? Да, но не злым. И всегда очень честным человеком с обострённым чувством справедливости.

Каким он был на сцене и в жизни? Это два совершенно разных человека. Перед хором он стоял, почти не двигаясь. Дирижировал, только поводя головой, глазами и пальцами. Если на сцене исполнялся казачий танец, дирижировал только первые такты, после чего предоставлял хору полную самостоятельность. В обычной жизни у Жарова были добрые глаза. Однако на репетиции они превращались в какие-то гипнотические точки. Любой певец не мог от них оторваться, чувствуя, что попадает под сильнейший гипноз.

Жаров был очень образованным человеком. Постоянно интересовался литературой и историей. Отлично играл в шахматы. За все годы существования хора его практически никто не мог обыграть. Сохранилось даже несколько фотографий, где он снят за шахматной доской. А что говорить о его музыкальной образованности?! Тут ему не было равных! И своими знаниями он с удовольствием делился со мной. К сожалению, тогда меня больше интересовали женщины и выпивка, чем повышение музыкальной и нотной грамотности, о чем сегодня весьма сожалею. Но что

поделать, упущенное не вернёшь! В гостинице, в дороге, на отдыхе Жаров всегда занимался нотами. Постоянно что-нибудь аранжировал, записывая на ходу своим бисерным, летящим почерком ноты. Он никогда не останавливался на достигнутом. Каждый его концерт не походил на другой, поэтому не случайно одни и те же люди по несколько раз приходили на его концерты в одном и том же городе. Никто не знал, в какой момент он даст пианиссимо, а в какой фортиссимо. Он очень часто нарушал гармонию произведения, вводил новую стилистику, изменяя нюансы. Это прежде всего и отличало его от всех других дирижёров».

В 1970 году состоялись большие гастроли хора в Китай (Гонконг), Японию, Малайзию, на Филиппины, в Новую Зеландию и Австралию... В Японии, в городе Киото, Иван Хлибка заболел, подхватив азиатский грипп, и не вышел вечером на сцену. А он должен был исполнять все хиты программы: «Вечерний звон», «Калинку», «Метелицу». Нетрудно догадаться, какова была реакция дирижера, когда он узнал, что ведущего солиста не будет. Наутро Иван попытался объяснить регенту свой поступок, ссылаясь на то, что у него была температура 41 градус. «И что? — услышал в ответ раздраженный голос Жарова. — Подумаешь, 41 градус! У меня однажды температура поднялась до 48, но я всё равно вышел на сцену!»

Сегодня Иван Хлибка, знаменитый немецкий музыкант и дирижер, является руководителем Донского казачьего хора и правопреемником Сергея Жарова.

Судьба архива

Мы уже рассказывали о жесткой, почти воинской дисциплине, установленной регентом в коллективе. Ее неукоснительное соблюдение было первостепенной обязанностью каждого участника ансамбля. Строгий порядок соблюдался не только при проведении репетиций, концертов, в гастрольных поездках — он распространялся на все сферы жизни хора, в первую очередь на делопроизводство. Каждый шаг в жизни коллектива строго документировался. В архиве Сергея Жарова хранились не только ноты и партитуры, но и письма, контракты, счета, даже железнодорожные билеты 20—30-х годов.

Однако в 2005 году все эти бесценные сокровища оказались в руках некой безработной американки. Звали ее Лиза Майер, и полиция неоднократно задерживала ее за правонарушения. Более того, в 1999 году она признала себя виновной в торговле метамфетамином и провела год и 10 месяцев в одной из американских тюрем...

Неудивительно, что история жаровского архива получила полудетективное продолжение. 3 ноября 2007 года в газете «Нью-Йорк тайме» появилась статья под названием «Несколько предметов, которые миссис Майер нашла в мусорном баке». В ней сообщалось, что «документы, извлечённые из мусорного контейнера, принадлежали знаменитому русскому дирижеру хорового пения Сергею Жарову, очень популярному в Европе и Америке в середине 30-х годов и умершему в 1985 году в крошечном зеленом домике в городе Лейквуд, штат Нью-Джерси. 49-летняя женщина, торговец антиквариатом, сказала, что два года назад она нашла вещи дирижера: фотографии, письма, картины, ноты и другие памятные вещи — в мусорном баке возле какого-то дома. Она погрузила все, что смогла, в свою машину и отвезла к себе домой, в Фармингдейл, городок, расположенный в 15 минутах езды от места находки, где она живёт с пятью собаками».

По словам Лизы Майер, она посчитала, что найденные ею на помойке предметы на непонятном языке могут кого-то заинтересовать. Она извлекла содержимое мусорного бака и отвезла в свою *log cabin* — бревенчатую хижину. Через несколько недель в том же 2005 году некоторые документы появились в сети Интернет на международной торговой площадке eBay.

Один из авторов этой книги (Андрей Дьяконов), занимающийся много лет историографией Донского казачьего хора, случайно наткнулся на

любопытные сообщения и заинтересовался ими. Несколько документов он сразу же купил за свои деньги, но на покупку остальных у него не было средств.

Неожиданно на помощь пришёл народный артист СССР, в то время ректор Санкт-Петербургской государственной консерватории Владислав Александрович Чернушенко, прекрасно понимающий значение жаровского наследия. Заручившись поддержкой знаменитого хорового дирижера, А. Дьяконов связался со священником Русской православной церкви за границей, литературоведом, историком русской диаспоры, выпускником Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле Владимиром Цурико-вым, выславшим отцу Андрею Дьяконову и отцу Евфимию Моисееву из Московской духовной академии приглашения в США. Правящий тогда архиерей, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) благословил отца Андрея на поездку, а отец Евфимий получил благословение от ректора Московской духовной академии архиепископа Верейского Евгения (Решетникова).

Так произошла их встреча с Лизой Майер в штате Нью-Джерси. Женщина рассказала священникам следующую историю, уверяя в её истинности. Одно время она якобы занималась продажей недорогого антиквариата и постоянно ездила по базарам и рынкам, скупая разные вещи. Однажды на одной из барахолок она увидела архив Жарова и заинтересовалась. Почему она обратила на него внимание и зачем купила, если ни слова не понимала по-русски и совсем ничего не знала о Жарове? Это осталось загадкой...

Отец Андрей Дьяконов вспоминает: «Приняла она нас хорошо, предложила чай. Когда мы увидели архив, наши сердца замерли! Мы с трепетом прикасались к документам, письмам и фотографиям, дышащим нашей историей. Честно скажу, со мной случился культурный шок! Три десятилетия назад, когда я начал по крупицам собирать материалы о жизни Жарова, я не мог отделить правду от вымысла. До СССР доходила совсем ничтожная информация об удивительном хоре. Невозможно было разобраться, где мифология, а где правда! А тут передо мной подлинный жаровский архив. Это было настоящее потрясение! У меня в руках предметы, которые Сергей Алексеевич на протяжении полувека собирал лично. Здесь были европейские, американские и японские фотографии и документы. Только от нас Лиза Майер узнала, кто такой Сергей Жаров и чем она владеет».

В гостях у обладательницы архива священники пробыли довольно долго. Она показала им очень много, но, как впоследствии выяснилось,

далеко не всё. Она уже поняла ценность этих бумаг, поэтому предложила гостям найти определенную сумму и выкупить их у неё, заверив, что, пока они будут искать необходимые средства, она ничего активно распродавать не будет.

Во время первой встречи с Лизой Майер отец Андрей и отец Евфимий на все имевшиеся у них деньги купили несколько документов. Теперь они хранятся в России.

Так как всё же архив попал в руки Лизы Майер? Вдова Сергея Алексеевича и его сын после смерти регента какое-то время жили в Лейквуде. Но после кончины Неонилы Николаевны в 1996 году сын Жарова Алексей, страдавший «несчастной слабостью» (Ф. М. Достоевский), оставил дом в Нью-Джерси под присмотром каких-то сомнительных знакомых и отправился во Флориду, где у Жаровых был ещё один дом. Постепенно жилище в Лейквуде начало ветшать, а участок вокруг дома быстро зарос травой. Скоро дом выставили на продажу, а то, что было внутри, растащили сомнительные друзья Алексея. Так архив с ценнейшими документами и попал в руки Лизы Майер.

Когда священники в 2006 году подъехали к дому Жарова, чтобы посмотреть, в каких условиях жил Сергей Алексеевич, то увидели, что он отремонтирован и выставлен на продажу. Никаких личных вещей дирижера в нём уже и в помине не было. Скоро дом был продан, и о Жарове в Лейквуде не осталось никаких воспоминаний.

Лиза Майер не сдержала своего слова и очень быстро начала распродавать архив через Интернет. За несколько месяцев она заработала 127 тысяч долларов. Однако потом пожалела об этом, поняв, что продажа полного архива могла принести бóльшую прибыль, чем распродажа его по частям. Но дело было сделано... Сегодня уже нельзя узнать, куда ушли и в чьих руках находятся те или иные ценнейшие документы. Прежде всего переписка Жарова с писателем В. В. Набоковым и авиаинженером Игорем Сикорским. Многочисленные предметы и документы из архива разлетелись по всему миру. И среди них письмо Жарову от лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина.

Но часть их, хотя и совсем незначительная, оказалась в Санкт-Петербурге и легла в основу этой книги. Архив Жарова был чрезвычайно обширным. В нём хранились все вещи и документы, собранные администрацией хора за 55 лет: письма, фотографии, альбомы, ноты, подарки от видных финансовых и политических деятелей, награжденные кубки, другие бесценные реликвии из слоновой кости, стекла, металла, пергамента... На многих из них имелись дарственные гравировки от

различных обществ, деятелей русской иммиграции, королевских особ не только в изгнании, но и находящихся у власти. В Санкт-Петербург из богатейшего архива доставлен знаменитый золотой граммофон, врученный Жарову в 1966 году в Германии. Сейчас он хранится у одного из авторов этой книги.

Лиза Майер изменила бы себе, если бы на каком-то этапе распродажа архива не приняла детективный характер. Уникальными документами заинтересовались известные специалисты по русскому хоровому пению из Шотландии — профессор Стюарт Кэмпбелл и его супруга, искусствовед Светлана Зверева. Они договорились с Лизой Майер о встрече и приехали к ней в штат Нью-Джерси вместе с сотрудником российского консульства в США Владимиром Хлебниковым. После этого визита госпожа Майер заявила, что два специалиста по русской хоровой музыке, посетившие её, чтобы сфотографировать нужные им документы, украли коробки с ценными предметами на сумму более 100 тысяч долларов. По заявлению Лизы Майер ФБР связалось с полицией Великобритании и России и приступило к расследованию.

Разгорелся международный скандал, о котором написали несколько американских газет. Бедный профессор Стюарт Кэмпбелл в многочисленных телевизионных интервью и перед полицией двух государств, отвергая все обвинения, оправдывался, говоря, что Лиза Майер дала ему и его супруге лично несколько коробок из архива Жарова в качестве пожертвования Всероссийскому музейному объединению музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве, подписав при этом документ, подтверждающий дар. Слава Богу, что на процедуре подписания, на всякий случай, настоял российский дипломат Владимир Хлебников, а то дело действительно могло бы принять совсем другой оборот.

В конце концов госпожа Майер признала, что пожертвовала некоторые документы, но настаивала на том, что другие были похищены. Однако сказать, какие конкретно, она не смогла. Лейтенант полиции Дон Нил из города Хауэлл после нескольких встреч с Лизой Майер убедился, что никакой криминальной составляющей в происшествии не обнаружено, и закрыл дело.

В процессе расследования обнаружилось, что у Лизы Майер осталось ещё несколько десятков коробок с архивом Жарова. И стало ясно, что за один раз на своей машине «Форд Эксплорер» она не могла привезти весь архив домой, а тем более найти его на помойке или купить на блошином рынке. На запрос полицейских о перемещении архива Донского казачьего хора в дом Лизы Майер Алексей Жаров из Флориды ответил, что эта

проблема его совершенно не интересует и не касается, поэтому никаких претензий к Лизе Майер у него нет.

Какие ценные материалы остались в тех коробках, мы до сих пор не знаем. Сегодня они рассеяны по всему миру, и потребуется много времени, чтобы их собрать и проанализировать, но это обязательно когда-нибудь произойдет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С появлением этой книги история изучения Донского казачьего хора Сергея Жарова не заканчивается, а только начинается. В ней осталось много белых пятен и неточностей, с которыми другим авторам обязательно придётся столкнуться. Главное — сбылось желание Жарова: он вернулся в Россию своими песнями.

С 2009 года в Костроме раз в три года проводится Международный фестиваль мужских хоров и ансамблей под названием «Жаровские певческие ассамблеи», посвящённый памяти Сергея Алексеевича Жарова, уроженца города Макарьева Костромской области.

Большую работу по сохранению и популяризации жаровского наследия сегодня ведёт российский дирижёр, хормейстер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии Владислав Чернушенко. По его словам, «хор Жарова являлся одним из утвердителей смысла бытия, а самого регента с полным основанием можно отнести к святым подвижникам, которые в суровые годы изгнания Русской православной церкви из повседневности русского народа гордо пронесли знамя православия и русской церковной песни по всему миру, показав ему её величие».

Часто люди задают вопрос: есть ли у человека душа? Когда слушаешь хор Жарова, понимаешь, что у человека не только есть душа, но эта душа умеет петь. Поэтому изучение и развитие хорового искусства необходимо для духовного самосовершенствования любой нации.

Наше прошлое не заслуживает ни забвения, ни даже порицания. Пройдя через горнило испытаний — Гражданскую войну и сталинские лагеря, наш народ обрел ореол святости. Великий грех, совершенный в 1917 году и возвращенный невежеством прошлого, сегодня можно искупить только с помощью культуры, духовного воспитания и образования. Книга о Сергее Жарове — одна из бесчисленных частиц нашей национальной культуры.

Мы должны гордиться нашей историей и понимать, что настоящее — это всего лишь миг, где будущее стремительно становится прошлым. Поэтому прошлое так же важно, как и будущее, ибо настоящее без прошлого — это настоящее без будущего. Умные люди ещё в 20-е годы прошлого века понимали, что хор Жарова обязательно вернётся на родину и обогатит её культуру. Так и случилось! 20 декабря 2020 года исполнится

ровно 100 лет со дня создания прославленного хора в турецком лагере Чилингир для интернированных казаков. Испытания, выпавшие на их долю, не только не погубили, но сделали их ещё крепче и заставили весь мир заговорить о себе. Благодаря хору Жарова даже в отдалённых уголках планеты узнали, как богата русская певческая культура.

О ни с чем не сравнимом воздействии хорового пения на человеческую душу проникновенно и образно написал Владислав Чернушенко специально для этой книги: «Опыт сотен лет показал: самый близкий путь в многообразный мир культуры и искусства — хоровое пение. Спетое слово есть глагол души, открывающий сокровенную суть этого слова, направленного к сердцу слушающего. В песне с нами говорит история Отечества. Песня будит воображение и погружает нас в сказочный мир. Песенная прививка наполняет наше сознание любовью к родной природе, к отчужденному дому, к отцу-матери, развивает творческую фантазию, что благотворно сказывается на любом роде деятельности. Складное коллективное пение рождает особый звуковой сплав, ни с чем не сравнимый и ничем не заменяемый. То процесс совместного творческого действия, когда не может быть несогласия, не может проявляться желание противопоставить свой тон общему созвучию. Мы ведь не задумываемся, в чем кроется причина почти непрерывного звучания хора во время русской православной службы. Почему все возглашения и чтения священных текстов исполняются священнослужителями нараспев? Не потому ли, что, по словам Василия Великого, во славу Господа петь надобно не только голосом, но и сердцем. И потому мы бываем нередко потрясены пронзительным по силе воображения звучанием самого дивного музыкального инструмента, созданного природой и Богом, — человеческим голосом, очищающим от скверны наши души чувством сопереживания».

Хор Сергея Жарова вписал яркую страницу в историю отечественной певческой культуры XX столетия. Обращаясь на универсальном языке музыки к человеку, пребывающему в круговороте жизни, когда всё приходит и всё уходит, он даровал ему желанную свободу духа — высшую награду за труд души.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. А. ЖАРОВА

1896, 20 марта — в городе Макарьев на реке Унже родился Сергей Жаров.

1906 — поступление в Московское синодальное училище.

1910 — совместно с хором училища принимает участие в первом исполнении литургии Святого Иоанна Златоуста (Божественной литургии) С. В. Рахманинова.

1917 — окончание Московского синодального училища и поступление в Александровское военное училище.

1918 — возвращение в Макарьев, служба регентом в Тихвинском соборе, мобилизация в Красную армию, переход на сторону Белой армии.

1919— служба в чине хорунжего инструктором пулеметного полка 3-й Донской дивизии генерала А. К. Гусельщикова.

1920 — эвакуация Белой армии с полуострова Крым в Турцию, создание Донского казачьего хора в поселке Чилингир.

1921 — отправка интернированных казачьих соединений на греческий остров Лемнос, жизнь в Болгарии.

1922 — хор на службе при Русской посольской церкви в Софии. Духовный концерт в кафедральном соборе Святого Александра Невского в Софии, при сборе 5 тысяч молящихся.

1923, 4 июля — выступление в зимней резиденции австрийских императоров Хофбуре в Вене, подписание контракта на гастрольную поездку по Австрии и Италии, знакомство с Дж. Пуччини.

1924 — гастроль по Швейцарии, Германии и Франции, приём у королевы Марии Неаполитанской.

1925 — выступление перед английским королём Георгом V.

1926 — посещение Цейлона, турне по Австралии и Новой Зеландии. 10 певцов покидают хор и остаются на Зеленом континенте. Первое выступление в Париже. Совместный концерт с Ф. И. Шаляпиным в Лондоне и приём у вице-короля Индии.

1927 — встреча в Дрездене с композитором С. В. Рахманиновым. Триумфальные гастроль в Латвии. Прием у архиепископа Рижского и всей Латвии Иоанна. Знакомство в Дании с вдовствующей императрицей

Марией Фёдоровной. Выступление хора перед королем Норвегии Хоконом VII. 1000-й концерт хора.

1929 — посещение дворца короля сербов, хорватов и словенцев Александра I Карагеоргиевича. Женитьба Жарова на донской казачке Неониле Николаевне Кудаш.

1930 — первая поездка в США и Канаду. Хор посетил 32 города и дал 41 концерт.

1931 — хор выбирает место жительства — Берлин. В Германии выходит книга «Сергей Жаров и его Донской казачий хор», написанная журналистом Емельяном Клинским.

1932 — второе американское турне в США и Канаду. Посещение Ниагарского водопада и День благодарения в Сент-Питерсберге. Начало многолетней дружбы с мировой оперной звездой Т. Скипа. Выступления в Северной Африке — Алжир и Тунис (Бизерта).

1933 — приход в Германии к власти нацистов. Выживание хора в новых социально-политических условиях.

1934 — гастролы в США и Канаде.

1935 — посещение Мексики и Испании. Отдых в Померании. Демонстративный уход нескольких певцов из коллектива и на их основе создание нового Донского казачьего хора под управлением герцога Н. Н. Лейхтенбергского.

1936 — гастролы по европейским странам. Запрет на выступления в Польше и Латвии.

1938, 20 августа — автокатастрофа в Германии. Многие хористы попадают в больницы городов Нойвид и Кобленц. Гастролы в США и Канаду.

1939 — начало Второй мировой войны и предоставление Донскому казачьему хору политического убежища в США.

1940 — работа с американским продюсером С. Юрком.

1941 — Государственный департамент США выделяет финансирование для поездки казачьего хора по американским воинским частям. Хор начинает исполнять песни советских композиторов.

1942 — по просьбе Русско-американского комитета помощи Советской России и супруги президента США Э. Рузвельт хор даёт благотворительный концерт в пользу Красной армии.

1943 — три концерта подряд в Метрополитен-опере, многочисленные выступления на американском радио.

1944 — аншлаг на вечере газеты «Россия» в Нью-Йорке.

1952 — концерты для ветеранов корейской войны.

1954 — пятое послевоенное европейское турне. Переход хора от импресарио К. Эбнер к продюсеру К. Коллину из Гамбурга.

1955 — выступление в Карнеги-холле, ошеломляющий триумф в Западном Берлине.

1956 — знаменитый концерт хора в Вашингтоне, транслировавшийся по радио «Голос Америки» не только на все республики СССР, но и на все страны социалистического блока. Первая гастрольная поездка в Японию. Турне по Австралии и Новой Зеландии. Участие в западногерманском фильме «Песни хора донских казаков».

1957 — грандиозное музыкальное представление с участием хора в Карнеги-холле.

1958 — знаменитый концерт в Симфони-холле, в Бостоне. Уникальная запись на пластинку Божественной литургии, панихиды и важнейших песнопений Великого поста.

1959 — создание в Нью-Йорке женского хора под управлением Сергея Жарова и запись на студии компании *Decca Records* долгоиграющей пластинки с русскими народными песнями.

1960 — гастроль по Южной Америке и Дальнему Востоку, выступление в Оркестра-холле, в Чикаго.

1962 — выход в американский прокат фильма «Не каждый день воскресенье» с участием хора Жарова.

1963 — сорокалетний юбилей хора в Париже, к этому году в разных странах мира выпущено более 250 пластинок с записями хора общим тиражом 11,5 млн экземпляров. Переход хора от продюсера К. Коллина к О. Хофнеру из Кёльна.

1964 — 10-тысячный концерт хора. Второе турне по Японии.

1965, 3 апреля — грандиозный концерт хора в Нью-Йорке с трансляцией по телевидению.

1966 — вручение «Золотого граммофона», одной из высших музыкальных наград Германии.

1970 — юбилейное турне, приуроченное к 50-летию хора — Китай (Гонконг), Япония, Малайзия, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия.

1973 — 50-летие со дня создания хора.

1976 — турне по Европе, лечение и отдых в собственном доме во Флориде.

1977 — гастроль по Европе и Америке. Жизнь в Лейквуде (штат Нью-Джерси).

1978 — последнее европейское турне: Германия, Австрия, Голландия, Швейцария, Франция, Бельгия и другие страны.

1979, 20 марта — последний концерт Донского казачьего хора под управлением Сергея Жарова (Париж).

1981 — в Нью-Йорке, в Линкольн-центре дан банкет в честь 85-летия со дня рождения Сергея Жарова. Имя регента навечно внесено в Русско-американскую палату славы.

1985, 5 октября — кончина Сергея Жарова в Лейквуде (штат Нью-Джерси).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Сергей Жаров

Сергей Жаров. 1923 г.

Хорунжий Жаров сидит крайний слева, второй справа — генерал А. К. Гусельщиков. Лемнос, 1921 г.

Донской хор после исторического концерта.

Вена, 4 июля 1923 г.

Донской хор в Германии. 1923–1925 гг.

*Донской хор с великими княгинями Ксенией и Ольгой Александровнами.
Дания, 1925 г.*

Прием после концерта у великих княгинь Ксении и Ольги. 1925 г.

Турне по Германии. 1924–1926 гг.

Хор на пути в Австралию. 1926 г.

У королевы Румынии Марии. 1927 г.

Донской хор с С. В. Рахманиновым.

Дрезден, 1927 г.

С. А. Жаров с женой Неонилой Кудаш.

Германия, середина 1930-х гг.

Дружеская вечеринка, С. А. Жаров сидит второй слева.

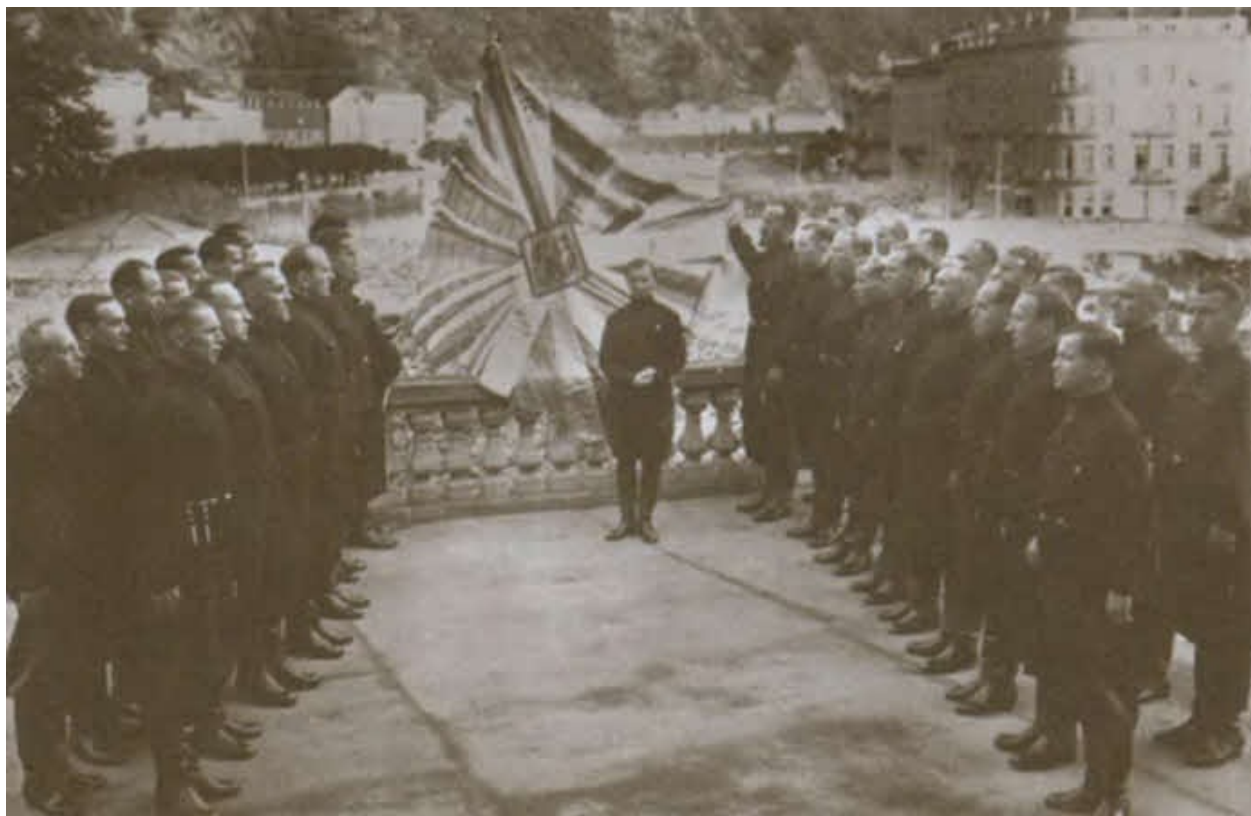
Дрезден, 30 марта 1927 г.

Репетиция Донского хора. Австрия, 1930-е гг.

Германия. Бад-Эймс, 1937 г.

Германия. Бад-Эймс, 1937 г.

Фотография хора. На полях — подписи хористов.

Середина 1930-х гг.

С. А. Жаров за работой. 1930-е гг.

После панихиды по убиенному королю Сербскому Александру.

Храм-усыпальница Королевской фамилии; Оплецац, Сербия, 1934 г.

Карикатура из американских газет. 1930-е гг.

Афиша сезона 1941/42 года — 4 тысячи концертов

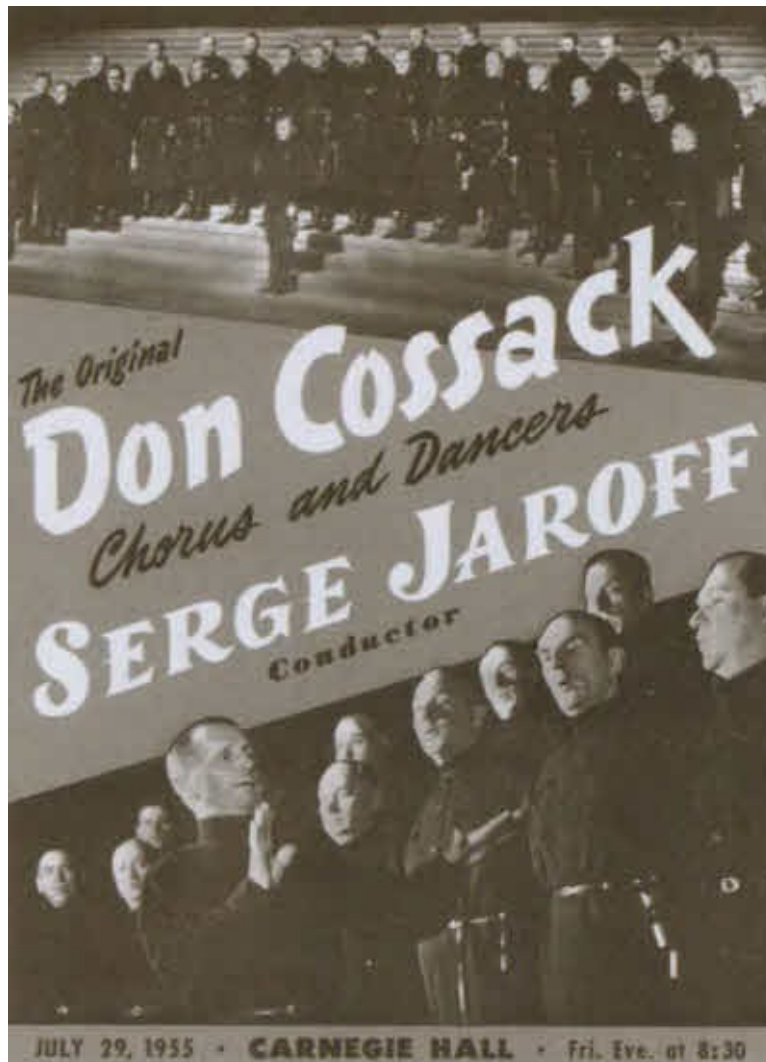

Хористы в американской военной форме; третий слева — импресарио Сол Юрок. 1944 г.

Встреча в Лондоне после французских гастролей.

13 марта 1950 г.

Афиша концерта Донского казачьего хора в Карнеги-холле.

Июль 1955 г.

*Запись женского хора под управлением С. А. Жарова на студии
Columbia. Нью-Йорк, 1959 г.*

На отдыхе: Сергей Жаров (справа) и Владимир Магнушевский (слева).

Германия, 1950-е гг.

*Крещение японских детей перед Пасхальной службой в соборе Святого
Николая.*

Токио, 1956 г.

Епископ Токийский и Японский Иринеи (слева), Сергей Жаров, президент Общества друзей искусства Акира Джин (справа).

Токио, Япония, 1956 г.

Концерт на стадионе.

Япония, 1956 г.

Сергей Жаров.

Германия, Франкфурт-на-Майне, 1950-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаза К. К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб., 1899.
- Александров Е. А. Русские в Америке. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005.
- Алексеев А. Д. С. В. Рахманинов. М., 1954.
- Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008.
- Ассур И. Воспоминания о С. А. Жарове // Южно-Российский музыкальный альманах — 2004. Ростов н/Д., 2005. С. 274–284.
- Беззубцев-Кондаков А. История казачества. На арчаке казачьего седла. СПб., 2012.
- Бенус С. Александр Александров. Ансамбль и жизнь. М., 2017.
- Бесстремьянная Г. Е. Японская Православная Церковь. История и современность. М., 2006.
- Бондаренко В. Легенды Белого дела. М., 2017.
- Бутягина Е. В. А. Т. Гречанинов. Жизнь. Творчество. [Б/м] 2012.
- Быкадров И. История казачества. Прага, 1930.
- Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Т. 1–2. М., 2004.
- Гедда Н. Дар не дается бесплатно. М., 1983.
- Гончаренко О. Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг. М., 2012.
- Гордеев А. А. История казачества. М., 2008.
- Гречанинов А. Т. Моя жизнь. Нью-Йорк, 1954.
- Гуль Р. Я унёс Россию. Апология русской эмиграции. М., 2001.
- Дамаскин (Орловский). Житие преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары (Яковлевой). Оптина пустынь, 2017.
- Долгополов С. А. Донское казачество. URL: <http://www.razdory-museum.ru/cossacks.html>; дата обращения 21.3.2020.
- Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне Средневекового Дона. Ростов н/Д., 2001.
- Зверева С. Г. Александр Кастальский: Идеи, творчество, судьба. М., 1999.
- Казачий Дон: пять веков воинской славы. М., 2010.
- Курсанов Е. И. Донские казаки в Отечественной войне 1812 года. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Kirsanov/>; дата обращения 21.3.2020.
- Клинский Е. Сергей Жаров и его Донской казачий хор. Берлин, 1931.

Козаченко А. С. Пространственная культура казаков Нижнего Дона конца XVI–XVII в. Ростов н/Д., 2000.

Краснов П. Н. Казачий флот. СПб., 1996.

Краснов П. Н. Ложь. М., 2013.

Любавский М. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996.

Маерова В. Елизавета Федоровна. М., 2003.

Макарьев на Унже. Исторические очерки. Макарьев, 2009.

Малягин В. Ю. Святитель Николай Японский. М., 2014.

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.

Никольская-Береговская К. Ф. Русская вокально-хоровая школа IX–XXвв. М., 1998.

Павлович Н. А. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай: Жизнеописание. М., 2008.

Плеханов А, М., Плеханов А. А. Казачество на рубежах Отечества. М., 2009.

Пушкарев С. Г. Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11.

Рудницкий Е. Н. Музыка и музыканты Третьего рейха. М., 2016.

Рудиченко Т. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д., 2004.

Рыболова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX в. Волгоград, 2006.

Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России. М., 2005.

Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2002.

Святая великая княгиня Елизавета. М., 2016.

Скорик А. П. Возникновение донского казачества как этноса.

Изначальные культурные традиции. Новочеркасск; М., 1992.

Скорик А. П., Озеров А. А. Этносоциальный адрес донцев. Ростов н/Д., 2005.

Скоробогатько Н. Для японцев он стал японцем. Апостольский путь святителя Николая (Касаткина). М., 2016.

Смирнов А. А. Морская история казачества. М., 2006.

Солодухин Г. А. Жизнь и судьба одного казака. Нью-Йорк, 1962.

Трут В., Курков Н. Военная энциклопедия казачества. М., 2009.

Урбан Т. Набоков в Берлине. М., 2004.

Феклисов А. С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994.

Черников И. Гибель империи казаков. Поражение непобежденных.

СПб., 2010.

Шамбаров В. Казачество. Путь воинов Христовых. М., 2012.

Шкваров А. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009.

INFO

Кузнецов Д. И., Дьяконов А. Г.
К 89 Сергей Жаров / Дмитрий Кузнецов, Андрей Дьяконов.
— М.: Молодая гвардия, 2020. — 319[1] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1857).

ISBN 978-5-235-04405-0

УДК 78.03(47X092)
ББК 85.313(2)6-8

знак информационной продукции 16+

Кузнецов Дмитрий Иванович, Дьяконов Андрей Георгиевич
СЕРГЕЙ ЖАРОВ

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *А. С. Козаченко*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 24.04.2020. Подписано в печать 02.07.2020.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+0,84 вкл. Тираж 2000 экз.
Заказ № 2008780.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

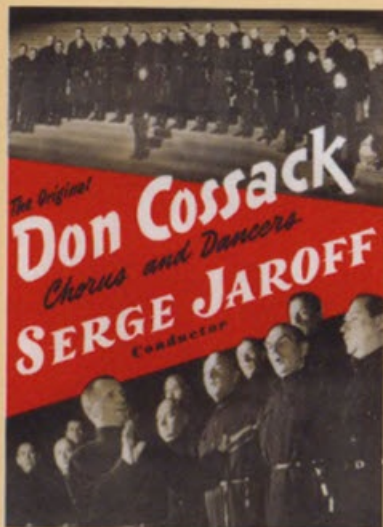
arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО
«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

Парадокс! Мировая знаменитость, абсолютно неизвестная у себя на родине!

Сергей Жаров был одним из самых известных в мире представителей русской культуры довоенного, военного и послевоенного периода. Созданный им в 1920 году Донской казачий хор стал уникальным явлением русской культуры. Его популярность в Европе, США, Японии была огромной, а количество пластинок с его записями превысило 12 миллионов экземпляров. И при этом имя Жарова и даже название самого коллектива, долгие десятилетия выступавшего только за границами России, до недавнего времени были неизвестны нашим соотечественникам. Книга А. Дьяконова и Д. Кузнецова закрывает этот досадный пробел, рассказывая историю создателя, регента и руководителя самого знаменитого в мире русского хора.

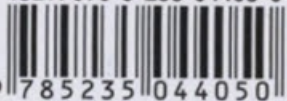
Дмитрий Кузнецов Андрей Дьяконов

Парадокс! Мировая знаменитость, абсолютно неизвестная у себя на родине!

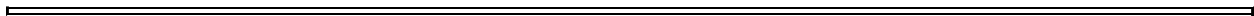
Сергей Жаров был одним из самых известных в мире представителей русской культуры довоенного, военного и послевоенного периода. Созданный им в 1920 году Донской казачий хор стал уникальным явлением русской культуры. Его популярность в Европе, США, Японии была огромной, а количество пластинок с его записями превысило 12 миллионов экземпляров. И при этом имя Жарова и даже название самого коллектива, долгие десятилетия выступавшего только за границами России, до недавнего времени были незнакомы нашим соотечественникам. Книга А. Дьяконова и Д. Кузнецова закрывает этот досадный пробел, рассказывая историю создателя, регента и руководителя самого знаменитого в мире русского хора.

ISBN 978-5-235-04405-0

9 785235 044050 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

notes

Примечания

1

Детская игра (нем.).

Начиная с 3-й главы все даты приводятся по новому стилю.

Так в оригинале. Часть фотографий размещена в тексте, остальные вынесены в отдельный блок. — *Прим. оцифровщика.*

В 1981 году он, как священномученик, был причислен к лику святых Русской православной зарубежной церковью, а в 2001 году и Русской православной церковью Московского патриархата.

5

Немецкое название чешского города Яблонец-над-Нисоу.